

Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (507)

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Михаил Бордуновский. Кольца Сатурна. <i>Стихи</i>	3
Вадим Ярмолинец. Столярный переулок, дом 13. <i>Повесть</i>	7
Олег Дозморov. «Над приемным покоем всходила звезда...» и др. <i>стихи</i>	63
Екатерина Симонова. Слово такое хрупкое. <i>Стихи</i>	71
Андрей Тавров. Гимназистка. <i>Афоризмы</i>	73
Даниил Бендицкий. Берег левый, берег правый. <i>Рассказ</i>	117
Алексей Колесниченко. «занятие для бессонницы...» и др. <i>стихи</i>	121
Иван Макаров. Татарин. <i>Рассказ потерявшегося человека</i>	129
Евгений Долматович. Рассказ о дружбе, любви и литературе.....	132
Саша Андер. Строгая длительность и... <i>Стихи</i>	139
Александр Макаров-Кротков. Заведомо ложная и другие. <i>Стихи</i>	144

ДРАМАТУРГИЯ

Софья Суркова. Вымышленная биография Маргерит Дюрас.....	148
---	-----

ПЕРЕВОД

Эсхил. Персы (стихи 176–531). Вступление, перевод, комментарий Григория Стариковского	155
--	-----

ИСТОРИЯ СТРАНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Йозеф Мнехура. Разведчики у Казани. Перевод с чешского и предисловие Сергея Солоуха	171
--	-----

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Лёва.....	252
------------------------------------	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков. Материя контрапункта О кн.: Алла Гутникова. <i>рыбка по имени ривка</i> ; Полина Барскова. <i>Соскреб</i> ; Елена Михайлик. <i>Не с той стороны земли</i>	258
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Кирилл Ямщиков. Поедание дикого кабана: наглядно О кн.: Антон Секисов. <i>Комната Вагинова</i>	266
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2023 ГОД.....	268
-------------------------------------	-----

© «Волга», 2023

КОЛЬЦА САТУРНА

Сложно вообразить прозрачные города
запертых тюрем, еле живых пассажей,
где пузырится угроза листвы и раскалены
животы игровых автоматов; тенистые пятна
прохожих; сложно вообразить вас
проходящих лентой увядших волос,
перочинным именем-междометием, сложно
вообразить: но складкой на месте удара,
минутным цветением горла... скорее
нельзя, чем невозможно, вокзал
застывший с открытым клювом; завтра
уйдут они бледным литъём, излучиной
барельефа, истина, Νέμεσις, располагается
между предметами, но ни в одном из них, так
написано, уйдёт красотой, небрежно
сминающей Форму, вялым словом...
Νέμεσις, Теплота, подруга,
остриженная, в чёрных ветвях,
что ест, когда голодна, спит, будучи изнурённой,
автопортрет на выдохе, полдень под головой,
тело дерева, пузырящееся, сказал бы я, листвою;
апрель, у тебя неправильный прикус,
война выкосила твои аттракционы,
и сирены, как электросварка, кипят по обочинам,
но ты, сказал бы я, дорог мне, сказал бы, залпом
глотаю ржавую воду, Νέμεσις, что значит Нежность,
лаковая подкова тянучки на языке и, признайся,
сказал бы я, в небе уже сквозило слёзное дно Бастиона,
жестяное исподнее, пневма крюков и веревок, Νέμεσις, –
сказал бы я, – но жду, не вспухнет ли
гроздь случайных приятелей у моей скамейки,
или, может, вскинув подбородок знакомая
девушка пронесёт горбинку своего носа,
или, может, рассечение, наконец, отдаление,
ударение, желание, петли Формы вокруг головы
как кольца Сатурна.

Михаил Бордуновский родился в Челябинске в 1998 году. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Главный редактор журнала поэзии «Флаги». Публиковался в журналах «Воздух», «Гвидеон» и др. Живёт в Москве. Предыдущая публикация в «Волге» – 2022, № 9-10.

Мнемозина называли её
Р. Д.

we are burning our fingers
Aurora

В.

Город: пустой бутон. Самолёты
текут по взлётной, с шипением выпрастывая
над комбинатами вялые занавески
майского дыма, ладони тюля –
мухи барахтаются в кружевах, обмирают
на каёмках палящих тарелок уличного
кафе, внутри соответствий. Здесь нас всё больше.
И эти перечни – будто номер мобильного
телефона, потерявший владельца,
но невольно оставшийся в памяти –
смущают ум белыми беспилотниками смысла.

Май, и всюду кровельщики, господа крови.

Взгляни на яблоню как на незнакомку –
прыснет прозрачными мотыльками,
зашевелится вся. Родина –
утопленник, тёплый день. Я прибыл
уцепиться за твои плечи, но матовых
недомогающих вороньих перьев твоих
нет в произвольных тенях, куда я вырастаю
каменным зубом, покуривая трофейную
папироску. Родина – белый
прожектор, идея разреженности. Крестница,
неучтённая корреспондентка, Родина,
рассыпана кровяными толчками в моей аорте,
слабой цепью стеклянных фабрик, арками
прежних мест, уходит, не уходя, к Дуге,
закусив посиневшие губы. Родина, знаешь.
Яблоня, где тебя нет. Сад как тело греха.
Яма, игла. Самосожжение. Кольца на фалангах твоих
как кольца Сатурна.

А.

...полиэтилен, накрывший пустые губы,
Теплота, смятая увяданьем сирень в земном и зелёном:

бестрепетные виденья; одно нулевое
движеньё зрачков – боль пройдёт
сквозь надпиленный позвоночник
и увяданье увидит себя своими глазами. Стружка.
Не взятая вовремя на проходе пешка секунды
утекает беглым белым огнём по вискам, дюнами сердца;
полиэтиленовый Ангел Паденья, брезгливого Полукруга,
тяжёл, словно обруч, сдавивший лоб; имена различные
и съеденной булавкой расстегивают мне горло. Разлука.
Июнь, ты безволен и прям, как стихотворение,
и пути дыхания скрыты проволокой Паденья:
«всего лишь *июнь*, отбрасываемый грехом и ошибкой»,
убийственных яблонь заёмный свет, шары цветенья
надулись в городе горла – плетью, бумажной пылью,
в центре мира, под пером смятого увяданья;
выйди понаблюдать перекрытые улицы, граждан,
способных вынести всё, даже это стечение долгих пауз,
дребезжанье ветвей, плоский *ь*, ожидающий в глотке,
траектории Сил, заедающих по ту сторону
железных путей, где сирены цветут, а пакеты
рассеяны чёрными тушами, как кровавые сгустки; вынести всё,
даже это визгливое эхо Сил, секущее восковую кожу
воздуха, уходящее прочь и по кругу,
по кольцам Сатурна.

С.

На побережье Всего, смяв жестяные банки,
чтоб оказаться на страницах Всего, не разговаривают,
не внимают листве, копошению пены,
избегают задумываться, смяв жестяные банки Всего,
без городов уже, без прудов и парков, таинственной
резьбы ветвей в конце тропинки, под фонарём,
без полуденной и полуночной звезды; избегая задумываться,
даже не чиркая спичками, только смяв жестяные банки,
набрасывают несколько фраз на сорванных этикетках:
«я лишь хотел написать свои *тени*», тени Всего,
толь фигур на асфальте, шерсть ржавых собак,
пошатнувшееся дыхание, кровотоков *работы*,
работы Всего в ладонях; не разговаривают,
ложной монеткой поблескивая на брусчатке,
без городов уже, но если бы с ними, то в городе Стрел,
в пыли типографских гигантов, за столиками кафе,
в улье, *июле* вестей, среди рытвин золота, листвы Владений,
наедине с сердцем, что *по форме напоминало слезу*,
вращением Теплоотдачи внутри ложного бога,
наблюдая, как в жарё колотится выдох

и хрустальный шар припоминает Хрусталь, откуда он прибыл:
в парке дождя Отблеск ждёт стаканчик кофе у автомата,
вытянув счастливый билет, залегает всюду, где тени,
и ложной монеткой блестит, словно неуголимая боль
между колец Сатурна.

отойти в сторону, уважая их общение наедине
С.В.

Ю.

Внутри Паденья, после реакции ртути,
минуя животных, проглотивших наживку Пневмы,
на терминальном складе августовской ночи,
мы растаскиваем красные, разбитые грузы,
и сердце, спешившийся всадник,
в полостях хирургий шелушится
сотней покровов, как броненосец.
Здесь по радио Несчастье передавали,
а жизнь язвила и жгла, как власяница.
Подруга Теплоотдача, мотылёк на офорте,
в глубине зала слезится иероглиф полиэтилена,
и между забытых распахнутых створок
болтается ветер: *Аргус*, пустой экран.
Кто-то взял меня за руку. Склон обнажил
тех, что *располагались друг над другом слоями*.
Зверь, как вертолёт, колотит по воздуху
всей своей ртутью. Теплоотдача, подруга,
голову мою подняла и несёт
сквозь кольца Сатурна.

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

СТОЛЯРНЫЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 13

Повесть

*Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов
и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам.*

Лука 10:19

1. Встреча на музыкальном вечере

У графа Льва У. был музыкальный вечер. Лучшие артисты стремились сюда, чтобы блеснуть талантом перед высшим светом столицы и найти новых поклонников. Среди гостей мелькали лица именитых литераторов и академиков, уже появились и дали неторопливо полюбоваться собою две или три модные красавицы. Барышни на выданье в сопровождении строгих мамаш и теток заняли стратегические углы залы, чтобы наблюдать за передвижением вышедших на охоту светских львов с завидными родословными и худым наследством.

Ближе к полуночи, когда недавно прибывшая из Вены певица направлялась к роялю, в аудитории поднялась и вышла в соседнюю комнату высокая молодая женщина. На ней было черное платье, на плече, приколотый к темно-красному банту, сверкнул бриллиантовый вензель «Д» – первая буква ее родовой фамилии. Черные волосы оттеняли ее смуглое, умное лицо. Это была графиня Вера Дерибас. Ее называли музой отечественной литературы – в своем салоне она собирала лучшие перья России. Пушкин и Гоголь, Жуковский и Лермонтов были ее близкими друзьями. Те, кто прагматизм ценил выше поэзии, смотрели на нее – наследницу завидных угодий в далекой Новороссии – с интересом другого рода. Но возраст и положение, в котором она оказалась после смерти родителей, оставляли за нею последнее слово в выборе супруга. Говорили, что единственной, кто мог повлиять на нее, была императрица, у которой до недавнего времени графиня была во фрейлинах.

Выйдя в соседнюю с залой комнату, графиня заметила сидевшего у камина молодого человека и направилась к нему.

– Здравствуйте, Витюша, – сказала она, усаживаясь в кресло напротив него. – Не видела вас целую неделю. Ну, рассказывайте, что интересного случилось с вами за это время? Не убили ли кого-то на дуэли, не завели ли наложницу-цыганку, не прокутили ли состояние?

Ее слова вывели молодого человека из глубокого раздумья.

– Нет, дорогая Вера Осиповна, – отвечал он, явно обрадовавшись ее появлению. – И эта неделя прошла в безуспешных поисках совершенства и борьбе с дурным настроением. Северный климат плохо влияет на меня.

– Только ли климат? Наверное, заскучали по своей маркизе? Представьте только: женщина бросает все и едет за ним из Генуи в Милан! Поразительная самоотверженность в наше циничное время!

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

– Цена этому успеху невысокая, – усмехнулся Лугин. – Лишний комплимент, удачная шутка, и вот ты уже раб чужого сердца. Но зная, насколько мои чувства неискренни, я так и не смог целиком отдаться им. Настоящая любовь должна быть как умопомрачение. В нее надо бы бросаться как в омут, да я не тот человек.

– Это мне знакомо, – вздохнула собеседница. – Рассудок – враг сердцу. Кто-то восхищается твоим умом, а ты сам был бы рад стать поглупее хоть на время.

Они замолчали и улыбаясь смотрели друг на друга как старые друзья, без слов знающие, как много общего в их мыслях. Графиня вполне признавалась себе, что не равнодушна к Лугину. Он был высок и широкоплеч, густые русые волосы его были немного длинней принятого, выдавая в нем натуру творческую, но прежде всего ее привлекали в нем улыбка и взгляд человека открытого и думающего. В тот вечер, как заметила графиня, он был бледен сверх той бледности, которая сопутствует северной осени. Другим человеком он появился в Петербурге несколько месяцев тому – бодрым и смуглым от южного загара.

Три года он провел в Италии, где его юношеское увлечение рисованием переросло в настоящую страсть. Он учился в мастерских Флоренции и Венеции, возвратясь на родину с уверенностью в том, что нашел свое призвание. О своих интересах он не распространялся, видимо опасаясь стать объектом насмешек тех, кто мог счесть его хобби недостойным положения. О его занятиях живописью знали лишь близкие друзья, а подаренный им графине чудесный венецианский вид по просьбе автора выдавался ее гостям за работу из мастерской Каналетто. При передаче подарка состоялся разговор, к которому стоит на минуту вернуться. Позже станет понятным почему.

– Впервые вижу художника, начисто лишенного тщеславия, – заметила графиня, принимая условие хранения картины.

– Напротив, начинающий богомаз нахально выдает свою поделку за произведение именитого мастера!

– Ну, если вы таким образом хотите проверить силу своей кисти на невинных зрителях, то какое же это тщеславие? Тут что-то другое.

– Ах, Вера Осиповна, ну что это за сила кисти в передаче всей этой геометрии – перспективы зданий и каналов, мачт, снастей, весел... Это – ремесло в чистом виде, экзерсисы для подмастерьев. Истинный художник тот, кто ловит жизнь в ее постоянной изменчивости. Что Каналетто! Бронзино, Сальвиати – вот кто смог поймать тот миг, когда раскрывается человеческий характер! За такое мастерство и душу не жалко отдать!

– Если вы хотите уподобиться бедному Фаусту, то предупреждаю, такие сделки заключаются только в сказках. Если бы такое было возможно в жизни, к Мефистофелю бы очередь стояла. В наши дни мало кто думает о загробной жизни, а тут – все самое желанное и главное – сразу, в обмен на душу, с которой еще непонятно что делать. Нет, это не для вас. Разве вы не согласны с тем, что счастье в поиске счастья, а не в самом счастье?

Лугин засмеялся негромко.

– Как с вами хорошо говорить, Вера Осиповна.

2. Ночью Лугин слышит странный голос

Возвращаясь в гостиную, сообщим, что в соседней зале раздались аплодисменты, и старичок в старомодном парике поднес певице букет белых роз. Графиня снова повернулась к собеседнику.

– Когда я вошла, вы были в задумчивости, друг мой, признайтесь, что вас беспокоит?

– Знаете, Вера Осиповна, – ответил Лугин, замаявшись на мгновение, словно не зная, продолжать ли. – Неловко даже говорить об этом, но мне кажется, что у меня... что-то с головой.

– Объясните! – брови ее удивленно поднялись.

– Не знаю с чего начать... Дело в том, что вот уже несколько дней, как мне кажется, что по вечерам, когда я остаюсь один, я на самом деле... не один. Кто-то еще есть рядом, и это не мой Никита. Краем глаза я постоянно улавливаю какое-то быстрое движение, как будто темная фи-

гура следует за мной, но когда я оборачиваюсь, успевает исчезнуть. Ночью, бывает, смотрю на портьеру у окна, и вдруг покажется, что она движется. Зажгу свечу, нет, все на местах. Видно, сквозняк пошевелил ее.

– Почему же не подойти и не посмотреть? Ведь и правда может быть злоумышленник.

– Злоумышленник? Но у такого было уже предостаточно возможностей прикончить меня, или хотя бы ограбить... Этот, если это не плод моей фантазии, только подсматривает за мной, но зачем? Представьте, раз я взял канделябр, подошел к портьеру, стою, даже сердце остановилось от волнения, а отодвинуть боюсь.

– Ну, а Никиту позвать?

– Слуге показывать свою слабость – не дело, – поморщился Лугин. – Но это не все. Когда я укладываюсь в постель, кто-то невидимый, судя по голосу молодая женщина, начинает нашепты-вать мне один и тот же адрес. И вот это уже совсем невыносимо.

– А что за адрес?

– Столярный переулок, что у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса, квартира 50. Просто не знаю, как быть. Ощущение довольно скверное.

– У Кокушкина моста? Не там ли это, где жил наш знаменитый малоросс?

– Именно там, но сейчас он радуется солнцу в Риме, а здесь, кажется, оставил какую-то не-чисть из своих повестей, вот она за мной и увязалась.

– Полно-те, Витюша, ну какая нечисть? Вы переутомились, и только. Я на вашем месте схо-дила бы по этому адресу и посмотрела, что там. Вот увидите – найдете там какого-нибудь сапо-жника или часовщика, которому до вас нет никакого дела. Или вот вам анекдот: выяснится, что этот часовщик стал вернуть хозяину оставленные ему в ремонт часы, а хозяин – ваш покойный дедушка. Часовщик хотел искать его по фамилии, а нашел вас! Жаль, что вы не литератор, иначе поблагодарили бы меня за сюжет. Сходите непременно, даже интересно, что вы там обнаружите.

– Да, анекдот занятный, но каким образом этот часовщик проникает в мою комнату по ночам?

– Ну а вот это как раз задача для литератора. Они – известные мастера сводить концы с кон-цами. Но, если серьезно, Виктор, то у меня есть прекрасный лекарь – месье Мортишон – специа-лист по нервным расстройствам. Только скажите, и я немедленно пошлю за ним.

– Нет-нет, с лекарем повременим, – отвечал Лугин, поднимаясь. – Но вы предложили отлич-ную идею: надо разыскать дом этого Штосса и убедиться, что меня там никто не ждет. Да и дома такого может не быть. А уж тогда – к вашему Мортишону.

Поцеловав графине руку, Лугин направился к выходу, а та с тревогой глядела ему вслед, пока он не скрылся за дверьми.

3. Лугин следует совету графини Веры и отправляется на поиски дома Штосса

Сырое осеннее утро встало над Петербургом. Моросил дождь, дома казались грязны и темны, как и лица редких прохожих. Извозчики, прикрыв ноги кожаными полостями, дремали в ожи-дании седоков. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши, да иногда смех и громкие голоса доносились из подвальных распивочных.

В то утро Кокушкин мост переходил статный, хорошо одетый молодой человек. Нимало не заботясь о том, что сапоги его замараны грязью, он шел, засунув руки в карманы и посматривая по сторонам. Это был Лугин.

– Где здесь Столярный переулок, любезный? – крикнул он проезжавшему мимо него порож-нему вознице. Тот неприветливо взглянул на него из-под нахлбученного по самые брови кар-туза, неторопливо хлестнул лошадь и продолжил свой путь. Какое-то время еще было слышно удаляющееся цоканье подков, а затем и сам кучер, и его дрожки растворились в тумане. Сойдя с моста, Лугин обратился с тем же вопросом к мальчишке, перебегавшему улицу с полуштофом.

– Столярный? – переспросил тот, останавливаясь и с любопытством осматривая опрятно оде-того и, главное, трезвого человека, каких в своей жизни встречал он не часто.

– А вот идите прямо по Малой Мещанской, первый переулок направо и будет Столярный.

Лугин последовал инструкции. Не сделал он и полусотни шагов, как в просвете туманных завес перед ним открылась вымощенная булыжником улочка. Он подошел к чуть приоткрытой двери угловой лавки и постучал. На стук из темноты показался приказчик и, вытирая руки полотенцем, поклонился визитеру.

– Чем могу-с?

– Где здесь дом Штосса, не подскажешь? – спросил Лугин.

– Штосса? – приказчик почесал затылок. – Не слышал-с.

Лугин двинулся дальше, не без труда разбирая старые надписи над входом в каждый следующий дом. Так он добрался до конца переулка, обнаружив над последними воротами светлый след от недавно снятой доски и нацарапанный на ее месте номер «13».

Ворота во двор были открыты, и Лугин увидел посреди него бородатого дворника в ладном кафтане с надетым поверх него фартуком. Дворник, исполинского роста мужчина, стоял посреди черного ручья, надвое рассекавшего двор и, ничуть не заботясь о сохранности сапог, направлял метлой воду в люк под стеной флигеля, который, видимо, был его жилищем.

– Любезный, – позвал Лугин. – Чей это дом?

– До сего дня – Кифейкина, купца, – важно отвечал великан. – А теперь – Штосса, титулярного советника.

Лугин ощутил, как ноги его ослабели, и он невольно взялся за стойку ворот.

– А что новый хозяин – дома? – спросил он.

– Нет-с.

– А когда будет?

– А черт его знает.

Лугин достал из кармана полтинник и протянул дворнику. Тот с достоинством принял монету, опустил в карман и стоял перед незнакомцем в ожидании новых вопросов.

– Скажи-ка, а кто сейчас квартирует в 50-м номере? – выдавил, наконец, Лугин.

– В 50-м никто не квартирует. Сдается нумер.

– А кто прежде жил?

– Много кто жил, сударь. Поживут и съезжают, а кто не съезжает, того бывает и свозят.

– А можно взглянуть на квартиру?

– Извольте.

Заметив, что молодой человек высматривает место, где легче переступить через ручей, дворник протянул ему руку, и Лугин, опершись на нее, широко шагнул на другую сторону потока. Рука у того была твердой, как железный поручень.

Пока бородач ходил за ключами, Лугин осмотрелся. Он стоял перед пятиэтажным особняком, окна которого, начиная с бельэтажа и выше, были высокими – от самого пола – с узкими балконами, на каких в Италии обычно выставляют цветы. У некоторых окон балконов не было, но о них напоминали черные от гнили остатки балок, торчавшие из стены, давно уже требовавшей свежей побелки.

Дворник скоро вернулся и жестом пригласил визитера следовать за собой. По устланной видавшим виды ковром лестнице они поднялись на последний этаж. Ключ со скрипом провернулся в замке, и дверь отворилась. В лицо пахнуло холодом и сыростью.

Квартира состояла из четырех следовавших одна за другой комнат и кухни. Лугин увидел запыленную мебель, выгоревшие обои, затертый паркет, зеркала в простенках. Но верхний этаж и высокие окна делали комнаты светлыми.

– Я возьму квартиру, – неожиданно для себя сказал он. – Вели вымыть все, проветрить и протопить.

– Будет исполнено.

– Как тебя величать, любезный?

– Ароном.

– Я посмотрю тут еще, – сказал Лугин. – Не возражаешь?

Тот лишь развел руки, мол, отчего же возражать?

В самой дальней комнате, которая служила спальней, Лугин обнаружил одиноко висевший на стене портрет. На нем был изображен старик с лицом бронзового цвета, скулистым и чахлым. Черты лица, казалось, были схвачены в минуту судорожного движения и отзывались не северною силою. Пламенный полдень был запечатлен в них. Как ни был запылен портрет, Лугин увидел в нем след работы большого художника. Портрет казался не оконченным, но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза в болезненно красном окаймлении век: казалось, в них употребил все старательное тщание свое художник. Они глядели из самого портрета со странною живостью. В руках старик держал колоду карт, будто приготовившись сдавать их. Костлявые пальцы были унизаны перстнями в таком обилии, словно проигравшие ему рассчитывались ими.

Отвернувшись наконец от картины, Лугин увидел Арона, о котором забыл уже.

– Нравится? – спросил тот, кивая на портрет, и в глазах его зажегся лукавый огонь.

– Хороший, – ответил Лугин. – От прежних жильцов остался?

– Висит давно, а чей – не скажу. Кифейкин, купец, хотел его продать, да не успел. А мне что, вещь – видная, пускай висит.

Вручив задаток, Лугин отправился в свою гостиницу. На другой день, устроившись на новом месте, он присел к столу и наскоро написал записку. Перед отъездом в родовое поместье под Пензой его слуга Никита должен был доставить письмо княгине Дерибас. Никита, вздохнув для приличия, стал собирать свой скарб, но в душе был рад. Городская жизнь нравилась ему своей неогременительностью, барин его был человеком неприятязательным, и отношения их были скорее товарищескими, но в селе оставались стареющие родители, и он часто думал о них, зная, как они нуждаются в помощи. Обнявшись, простились.

– Берегите себя, барин, – Никита вздохнул еще разок и, надев фуражку, бодро зашагал по переулку, а барин остался у ворот, вдруг ощутив возникшую вокруг него прохладную пустоту.

4. Лугин заводит новые знакомства

В первую же ночь на новом месте Лугин увидел удивительный сон: окно отворилась и сквозь него в спальню вошла молодая женщина, как если бы там, за окном, была другая комната. Белокурая гостья села на край его постели и взяла его руку в свои. Она долго сидела так, пристально рассматривая его, а затем наклонилась и коснулась устами его виска. Ощущение было таким реальным, что он раскрыл глаза.

Уже рассвело. Окно было отворено, и холодный осенний воздух входил в комнату. Подойдя к окну, он увидел перед собой мокрые от дождя кровли соседних домов да безлюдный переулок. Где-то недалеко быстро прозвучали каблучки, хлопнула дверь, и снова все погрузилось в предутреннюю тишину.

Позавтракав в ближайшем трактире, Лугин отправился гулять вдоль каналов, рассматривая дома, витрины модных магазинов и кондитерских с чудесными сладостями на прилавках, но главное – людей, отчасти надеясь узнать в одном из встреченных женских лиц явившуюся ему во сне незнакомку. Он пытался поточнее вспомнить ее черты, но его внутреннему взору являлись лишь чудесно сияющие глаза и удивительный изгиб верхней губы, открывавший ряд жемчужных зубов.

Купив вина, хлеба и сыра в лавке, где третьего дня он справлялся о доме Штосса, он вернулся к себе и, пока не стемнело, пытался воссоздать на бумаге захвативший все его мысли образ. Но сколько он ни старался, каждый раз выходила какая-то страшная маска. Наконец ощущение собственного бессилия и сгущающиеся сумерки заставили его бросить работу. Лугин наскоро поужинал и отправился в постель. Единственное желание наполняло его: он снова хотел увидеть незнакомку из своего сна. Но вышло иначе.

Лугин проснулся среди ночи от покашливания за дверью спальни. Он прислушался. Кто-то, сделав шаг-другой, останавливался, снова кашлянув, шел дальше, как будто боялся неосторожным движением толкнуть или разбить что-то в темноте. Лугин рывком поднялся и спустил ноги с постели. Из-под двери в спальню просачивался слабый свет.

Отворив двери, он ступил в гостиную.

Перед Лугиным стоял старик в домашнем халате. Голова его была непокрыта, и из остатков волос по ее бокам выглядывали непомерно большие и острые, как у зверя, уши. Внешность его показалась Лугину знакомой.

– Прошу прощения, – сказал он, не сдерживая удивления. – С кем имею честь?

– Штос-с, – ответил старик, немного наклонив голову.

Лугину показалось, что гость не расслышал его, и повторил вопрос.

– Титулярный советник Штосс, – уточнил гость. – Домовладелец, с вашего позволения-с.

– Ах, да, Штосс... Но почему же в такой час?

– Служба, заботы, милостивый государь, – отвечал тот. – Вот и работаешь днем и ночью. А тут заметил огонь в вашем окне и решил навеститься, спросить, нет ли какой нужды-с. Прошу, конечно, простить за своеволие.

– Благодарю, устроился хорошо.

– Партеечку в штосс? – неожиданно предложил визитер, доставая из кармана колоду карт и бросая быстрый взгляд на квартиранта.

И тут Лугина осенило – да это старый картежник с портрета!

– Отчего же... – отвечал он, с еще большим интересом разглядывая того. – Присаживайтесь.

Он кивнул на стул, и Штосс охотно занял его, не переставая при этом ловко перетасовывать колоду. Сходство старика с портретом было настолько разительно, что Лугин даже обернулся, чтобы проверить, не опустела ли рама, но свеча не разгоняла темноту за его спиной.

– Не разорительно ли будет по пятачку? – спросил гость.

– Давайте.

Лугин сразу же проиграл несколько партий, а гость, каждый раз сменяя монету со стола, приговаривал довольно: «Курочка по зернышку, курочка по зернышку...»

«Так вот зачем он пришел, – думал Лугин. – Служба, доходный дом, и еще картишками прирабатывает. Ну, хват!» Теперь ему даже весело было проигрывать, и когда домовладелец поднял ставку до гривенника, легко согласился.

– Так вы и сами недавно въехали? – поинтересовался Лугин.

– Въехали недавно-с, – кивнул Штосс, не отрывая взгляда от карт, – но бывали и раньше. Присматривались, как говорится.

Уже под утро в дверь кто-то легко постучал. Старик собрал карты и поднялся.

– Это дочь за мной пришла, – объяснил он.

– Входите, прошу вас, – громко позвал Лугин.

Дверь отворилась, и в комнату ступила – Лугин обомлел – красавица из его сна.

– Папенька, скоро на службу, – от ее серебристого голоса все тело его просто заныло от боли. – Завтрак готов.

Хотя она обращалась к папеньке, но смотрела все это время на Лугина с каким-то радостным изумлением, улыбаясь ему так открыто, что его тут же повлекло к ней.

– Дочь моя, Альбина-с, – представил ее Штосс. – Прошу любить. А это господин Лугин, живописец.

Они поклонились друг другу. В этот момент пламя огарка, встревоженное потянувшимся из открытых дверей воздухом, затрепетало как от испуга и угасло, оставив их в густых утренних сумерках. Лугин бросился в спальню за своим подсвечником, а когда вернулся, комната была пуста. В охватившем его волнении он еще походил по квартире и даже взялся было за карандаш, но рука не слушалась его. Нет, чтобы рисовать чудесную дочь Штосса, сперва нужно было присмотреться к ней, понять секрет ее очарования, поймать мгновение.

Небо за окном начало светлеть, когда измученный Лугин бросился на постель. Погружаясь в сон, он еще пытался восстановить в памяти так взволновавший его образ, но тщетно. «Неужели я влюбился?» – вдруг подумал он и, улыбнувшись этой мысли, уснул.

5. Лугин рвет связь с внешним миром

Письмо Лугина удивило графиню.

«Дорогая Вера Осиповна! По срочным делам я должен отлучиться. Когда увидимся – сказать затрудняюсь, но ручаюсь, что буду помнить вас как единственного человека во всем Петербурге, встречи с которым скрашивали мою жизнь. Наши загородные прогулки, наши разговоры я перебираю в памяти как любимые сувениры. Целую вашу руку с дружеской нежностью, ваш Виктор».

– Ничего не понимаю, – обратилась графиня к дворецкому. – А парень, который письмо доставил, где?

– Не могу знать, – отвечал дворецкий. – Вручил письмо и отбыл.

– Барыня, парень этот – Никита – человек Виктора Юрьевича, – сказала находившаяся в комнате девушка Настя. – Помните, мы с ними в Петергоф ездили? Он когда письмо принес, то и со мной зашел попрощаться. Барин его в родительское поместье отправил.

– А сам Виктор Юрьевич где?

– Он тут у Кокушкиного моста квартиру снял. Никита его перевозил перед отъездом.

– У Кокушкиного моста?!

– У Кокушкиного, Вера Осиповна. Дом Мопса какого-то.

– Мопса?! А не... Штосса ли?

– Не помню, барыня.

– Василий Николаевич, – обратилась графиня к дворецкому. – Разузнайте, все ли действительно так. Об одном прошу: я Виктора Юрьевича почитаю за друга и тревожусь за него. Недавно он жаловался мне на недомогание, но от помощи отказался. По этой причине излишнего беспокойства я ему доставлять не хотела бы, но и упускать из виду тоже. Знаете, как бывает – рад бы, чтобы помогли, да позвать некого.

– Все разузнаю, не извольте беспокоиться, – отвечал дворецкий.

6. Лугин начинает дневник

25 сентября (18... года)

Никогда не представлял, что чувство может овладеть мной с такой силой, совершенно лишить воли. Я решительно ничем не могу заниматься и, чтобы окончательно не растерять способность сосредоточиться хоть на чем-то, взялся писать этот дневник. Приглашать в душеприказчики моего единственного здешнего друга – графиню Веру – я не могу. Хотя мы и друзья, у каждого из нас, как мне кажется, кроется не столько даже надежда, сколько предположение, что при каких-то обстоятельствах наша дружба может переродиться во что-то иное. Но почему же это не случилось до сих пор? Такая супруга сделает честь любому. Умна, образованна, по-южному жива, о ее состоянии и говорить не приходится. Неужели именно сложность ее натуры не позволяет мне представить ее в своих объятиях, как я легко представляю мою соседку? Все в ней так и зовет – возьми меня, возьми! И даже анатомия моя реагирует на нее известным образом, благо видимся мы не при свете дня!

26 октября

Месяц, а то и больше, я еженочно играю в штосс с глуховатым стариком Штоссом, и его частое «штос-с?» добавляет изрядную долю неправдоподобия в наши поединки. Мы начали играть по пятачку, но скоро ставки пошли вверх, и сегодня под утро он унес домой империал, даже не

пытаясь скрыть свое счастье. Если я отказываюсь поднимать ставку, он тут же начинает зевать и собирается уходить. Хитрец прекрасно знает, что я играю с ним лишь для того, чтобы дожидаться появления Альбины. Она приходит, мы обмениваемся приветствиями, и через минуту-другую прощаемся. Но сколько всего в этих минутах! Сколько восторженного ожидания в ее взгляде! Она словно говорит: я твоя, твоя, только дождись меня. И я жду сам не знаю чего.

Пишу это, ощущая себя горьким пьяницей, который всеми силами уговаривает себя воздержаться от питья, а рука сама тянется к бутылке. Как хочется повернуть голову и увидеть ее рядом, улыбающейся мне. Мечты, мечты!

Я ложусь спать совершенно измученный, просыпаюсь к обеду, тащусь в трактир, потом слоняюсь по улицам, пока свежий воздух не приводит меня в чувство. Вернувшись домой, я принимаюсь за работу, но к тому времени, когда рука обретает уверенность, уже смеркается, и остаток вечера наполняется привычным ожиданием моего мучителя. Прохвост, кажется, не только мой домовладелец, но и владелец моей души. Но как хороша его дочь! Сегодня мне вдруг пришла в голову счастливая мысль, заставив меня потом весь день сокрушаться по поводу собственной недогадливости. Я должен просить старика разрешения писать портрет Альбины! Не сомневаюсь, что скряга согласится, если я предложу плату за позирование!

7. Лугин отправляется на поиски Штосса и что из этого выходит

Проснувшись, Лугин тщательно умылся, выбрился и, не став даже завтракать, поспешил к домовладельцу. Спускаясь по лестнице, он вдруг подумал, что даже не знает его имени.

Предполагая, что квартира того располагается в первом этаже, он свернул в единственный выходящий в сени коридор. Это был ничем не примечательный коридор, оклеенный зелеными в полоску обоями, с черными дверьми квартир и запыленным окошком в дальнем его конце, из которого сочился сероватый свет. Пройдя в глубь коридора, Лугин обнаружил поворот, и, миновав несколько дверей, еще один. Это чередование дверей и поворотов скоро навело его на мысль, что он попал в лабиринт, протяженность которого никак не соответствовала габаритам дома. Положение усугублялось тем, что на дверях квартир не было табличек с номерами или фамилиями жильцов. Да и самих жильцов как будто не было. Не слышно было ни голосов детей, ни звона посуды, ни кашля. Мертвая тишина царилла вокруг. Лугин однако успокоил себя мыслью, что новый владелец, вероятно, еще не успел найти квартирантов.

Мысль эта была скоро вытеснена другой: как вернуться в сени? Лугин просто не мог поверить собственной беспомощности. В конечном итоге он постучал в одну из дверей – она тут же распахнулась, и в коридор ступил дворник.

– Арон, ты?! – изумился Лугин.

– Чем могу-с? – отвечал тот невозмутимо.

– Я ищу квартиру господина Штосса. Не подскажешь ли, где она?

– Вот это и есть квартира господина Штосса, – отвечал Арон. – Да только барин на службе-с, а барышня почивает-с.

– А почему же таблички на двери нет?

– Как так нет?! – удивился бородач. – Ах ты ж, беда какая... Видать, запомнил я про нее, будь она неладна! Немедленно исправим, ваше благородие, немедленно!

С этими словами дворник достал из бокового кармана своего кафтана медную табличку, где было выгравировано «Титулярный советник А.Д. Штосс», из другого молоток и, зажав губами несколько гвоздиков, стал приколачивать ее к двери.

Лугин опешил от такой расторопности.

– Не мог ли бы ты заодно и вывести меня отсюда? – поинтересовался он, когда тот окончил работу.

– Извольте-с, – ответил дворник и, повернув за первый же угол, посторонился, пропуская Лугина в сени, откуда тот, не переставая удивляться случившемуся, вышел из дому и, постояв не-

которое время у ворот, словно собираясь с мыслями, отправился завтракать. Вернувшись в дом, он снова прошел к коридору, заглянул в него, увидел те же зеленые обои в полоску, двери, запыленное оконце, но входить не стал.

8. Дворецкий обнаруживает, что друг графини находится в затруднительном положении

Дом Штосса дворецкий графини Веры нашел без затруднений и, вручив гривенник уже известному нам бородатому великану с метлой, выяснил, что господин живописец проживает в квартире верхнего этажа.

– Попрошу о визите моем жильцу вашему не докладывать-с, – попросил Василий Николаевич перед тем, как уйти.

– Как пожелаете-с, – отвечал дворник, склонив голову набок и не без лукавства рассматривая посетителя.

Через несколько минут Василий Николаевич занял место у окна в том самом трактире, который располагался у входа в Столярный переулок, и заказал самовар. Не успел он наполнить первую чашку кипятком, вдохнуть аромат свежей заварки и пододвинуть к себе стеклянную корзинку, одна часть которой была наполнена чудными, просто игрушечными бараночками, а другая – вишневым вареньем, как увидел идущего по переулку Лугина. Чертыхнувшись с досады, он तो-ропливо сделал глоток чаю, сунул в рот ложку варенья, схватил горсть баранок и, бросив на стол заготовленную монету, выскочил на улицу.

Дворецкий проследовал за художником, державшим подмышкой свернутый в трубку холст, до картинной лавки на Шукином дворе и, подойдя вплотную к витрине, словно интересуясь выставленным товаром, стал наблюдать за происходящим в ней.

Владелец заведения – серенький человечек во фризовой шинели и с растрепанной бородой, только завидев посетителя, бросился ему навстречу, как к давнему знакомому. Он принял у Лугина принесенную работу, развернув, долго хваливал ее и, наконец, рассчитался. Наблюдая за Лугиным, Василий Николаевич отметил, что с тех пор как он видел того последний раз в доме на Литейном, друг его хозяйки исхудал, потемнел лицом, одежда его висела на нем мешком и молила о чистке, короче говоря, выглядел он хуже некуда. Получив деньги Лугин поторопился на свою новую квартиру, куда его и провел Василий Николаевич. Когда дверь за ним затворилась, дворецкий отправился домой.

– Ничего не понимаю, – сказала Вера Осиповна, выслушав отчет и не скрывая охватившего ее волнения. – Что-то у него, конечно, случилось, но как помочь ему, ума не приложу.

– Могу доставить лично записку от вашего имени, – предложил дворецкий. – И заодно взглянуть...

– Нет, Василий Николаевич, – отвечала графиня. – Пойди завтра прямо с утра в эту картинную лавку и все, что он туда принес, купи. Плати сколько просят и вели приказчику, чтобы о каждой новой картине сообщал. И поспрашивай у него о Викторе Юрьевиче, может быть он что-то знает.

На следующий день дворецкий отправился на Шукин двор и, выдав себя за искателя итальянских пейзажей, тут же был познакомлен радушным маршаном с творчеством только что обнаруженного им, подумайте только – в наших-то промозглых краях, гения с солнечного юга. Картин гения в лавке оказалось две – обе с чудесными видами приморского города. Также у маршана оказалось и несколько эскизов женской натуры, какие пользуются спросом у подростков и холостяков. Эти дворецкий, внимательно осмотрев, отверг. За живописные же произведения маршан заломил пятьдесят целковых, заставив дворецкого охнуть от неожиданности и почесать затылок. Невзирая на наставление хозяйки покупать все, не торгуясь, Василий Николаевич исключительно из соображений бережливости вступил в торг и сбил десятку. Это отняло у него столько времени и сил, что он забыл про другие поручения – разузнать что можно о Лугине и договориться, чтобы лавочник сообщал о его новых работах. Мысль об этом настигла

дворецкого уже на полдороге домой и он, проклиная свою забывчивость и неудобную ношу, пошел обратно на Щукин двор.

При виде недавнего покупателя физиономия у продавца неприятно вытянулась, поскольку он решил, что тот принес товар обратно. Но выслушивая объяснения последнего, он снова стал сладко улыбаться и улыбался все слаще и слаще, пока не спросил:

– Так, стало быть, это графинюшка ваша итальянской живописью интересуется, а не вы?

– Она, – признался Василий Николаевич, тут же начав недолюбливать проницательного собеседника.

– Никак у хозяйшки вашей, образно выражаясь, бубновый антерес наблюдается, – продолжал между тем маршан, – и, может быть, даже не столько к живописи, сколько к совершенно иному предмету. Что ж, дело житейское, а нам главное свой антерес соблюдать.

– Это какой такой антерес? – спросил дворецкий, теперь уже совершенно ненавидя вьедливого торгаша.

– А такой, милостивый государь, – отвечал маршан, глазки которого превратились в черные буравчики, – что ежели какой другой покупатель пощедрее вашей графинюшки будет, то какой мне, извиняюсь за выражение, резон ее в памяти своей держать?

От такого вопроса у Василия Николаевича даже скулы проступили из-под побагровевших щек.

– Ты это-о, э-э... балуешь, милый... – сказал он, все еще переваривая услышанное.

– Какое же тут баловство? – возразил маршан. – Торговля дело бойкое. Кто схватил, тот и проглотил.

– Что ж, – сказал дворецкий. – Ежели какой выгодный покупатель у тебя появится, так ты немедленно дай знать. Мы его цену перебьем.

– Тогда по рукам! – воскликнул плут, снова меняясь в лице к лучшему. – Одно только мале-ехонькое дополнение требуется к нашему соглашению сторон, так сказать.

– Чего же тебе еще?

– Почта нынче крайне ненадежна, – вздохнул маршан. – Так что придется нарочного слать, а нарочный за одно спасибо по конфиденциальному делу не побегит.

– Сколько же твой нарочный стоит?

– Червонец, подлец, берет и ни копейки меньше. Но уж доставит из рук в руки и в кратчайший срок.

– Твоя взяла, моисеево племя! – сказал дворецкий, доставая с таким трудом сэкономленные деньги.

– Ошибаетесь, милостивый государь. Происхождение мое из самых что ни на есть новгородских мещан, коим вы совершенно напрасно в сметливости отказываете. Еще чего-нибудь пожалеете?

– Нет уж, – сказал Василий Николаевич, подбирая свои свертки. – С меня и этого довольно. Хотя нет, погоди, что живописец-то этот, как живет-то, чем дышит, ведомо тебе?

– Чем он дышит, это одному Богу известно, так своей графинюшке и передай. Да только вид у него такой, словно дышит он уже на ладан.

– Ты это брось, какой ладан? Он месяц назад еще ой-ой-ой каким молодцом был.

– Ну, за месяц много чего случиться может, – отвечал новгородский сметливец. – А вот сказать – по твоей ли хозяйшке наш живописец сохнет или от хворобы какой, я не могу.

Прибыв домой, Василий Иванович доставил купленные работы графине, ответил на ее вопросы, явно опечалив ее, и скорее пошел на кухню, чтобы получить у поварихи Лизаветы ее знаменитого успокоительного средства – нервы его в результате проведенной торговой операции разошлись не на шутку. Владелица настойки, как несложно догадаться, также получила от разведчика подробный доклад о его походе, заключив:

– Сердце мне подсказывает, Василий Николаевич, что дело это темное. Уж как-то сильно быстро Виктор Юрьевич из порядочного человека в оборванца превратился. Поэтому я бы за ним не днем приглядела, а ночью.

- А кто же ночью-то за ним приглядывать станет?
- Ты и станешь.
- Я?! Ночью?!
- Ты-ты, Василий Николаевич, больше некому.

Тон поварихи, конечно же, указал внимательному читателю на некие особые отношения между нею и дворецким, и читатель этот не ошибся. Но об этом – рассказ впереди.

9. Графиня дает советы модному литератору

– Вера-душа, как вовремя! – старшая дочь Карамазовых, Соня, расцеловала подругу-фрейлину и, взяв за руку, повела в гостиную. – Мишель уже здесь и спрашивал о вас. Увы, сегодня ночью уезжает. Приказ самого Николая Павловича.

– *Je suis ravie de vous voir, Michelle!* – графиня так живо направилась к молодому гусару, упомянутому хозяйкой, словно собиралась броситься ему в объятия, но приблизившись, лишь протянула руку для поцелуя. Офицер, широкоплечий и коренастый, бережно взял ее и коснулся губами, потом отступил на шаг, чтобы разница в росте, графиня была на полголовы выше его, не так бросалась в глаза.

– *Monsieur Kiseleff*, и вы тут, конечно!

Эта реплика была уже адресована стоявшему рядом с Мишелем молодому человеку в темно-зеленом, французского покроя, мундире с золочеными гербовыми пуговицами. Тот тоже с поклоном коснулся ее руки. Это был сотрудник МИДа Николай Дмитриевич Киселев.

– Уезжаете сегодня? – обратилась она к офицеру.

– Да, должен ехать.

– А вы, Кисенька, задержитесь, или и вас труба зовет?

– Пока здесь, Вера Осиповна, и вплоть до отъезда планирую надоедать вам изо всех сил.

– Боже мой, как я рада! Только не забудьте, пожалуйста!

Приняв от слуги бокалы с шампанским, друзья сели. Графиня заняла диван, а мужчины – кресла напротив нее.

– Как хотелось бы видеть вас почаще, Мишель, но, говорят, вы снова в немилости?

– Мне не привыкать, Вера Осиповна, – отвечал офицер улыбаясь. – Я принимаю эту немилость как заслуженную награду.

– Неужели совсем не жалко оставлять все это? – графиня коротко повела рукой с бокалом, указывая на уютный дом Карамзиных и шумевших вокруг гостей.

– С моим характером полезно менять обстановку как можно чаще. Привычка рождает сплин, а сплин, говорят, делает меня совершенно несносным.

– Пишете ли что-то сейчас?

– Пишу, дорогая Вера Осиповна. То куплеты в альбом Авроре, то сонеты в альбом Эмили, и кажется, неплохие, но боюсь, наши кокетки их не оценят.

– Заверяю вас, они еще будут показывать их внукам и рассказывать о вашем романе.

– Если дело дойдет до романа!

– Если не дойдет, тоже будут рассказывать! Кто проверит?! Но мы с Николаем Дмитриевичем ждем от вас другого, я говорю о новых книгах.

– Вы должны пробудить в себе Эжена Сю, Мишель, – подхватил тему Киселев. – Мы хотим «*Les Mystères de Sanct-Petersburg*» с продолжениями: «Печорин в казематах Шлиссельбурга», «Печорин и привидение Петродворца», «Схватка Печорина с вампирами». Пишите по главе в неделю, и пусть мальчишки продают каждый свежий выпуск на Невском. Спрос я вам гарантирую. А главное, при таком подходе и службу можно оставить!

– Категорически против любых повторений! – возразила графиня. – Дайте своему Печорину заслуженный отдых и напишите какую-то страшилку. Ведь вы умеете!

– Я?!

– Именно вы! Помните, как у вас «Тамани» – путник ищет ночлег и оказывается в брошенной избе. Темнота кромешная, и вдруг в луче лунного света появляется слепой мальчик... – графиня повела плечами, как если бы ей вдруг стало холодно. – Когда я читала, мне было до того страшно, что я попросила свою девушку лечь рядом со мной.

– Ах, почему я не был на месте вашей девушки? – улыбнулся офицер. – Все-таки у меня есть и сабля, и пистолет.

– У моей девушки тоже есть сабля, – ответила графиня. – Она – настоящая казачка. Кстати, такая же страшная сцена есть у Гоголя. Помните, как в «Вие» старуха на хуторе ходит с раскрытыми руками по темному сараю, чтобы схватить Хому?

– О, да, это прекрасно написано!

– Причем, вы знаете, ни при появлении самого Вия в финале, ни в описании того, как мертвая панночка носилась на Хоме по ночным полям, не было так страшно, как именно в этой сцене со старухой.

– Это-то как раз и объяснимо, – сказал Киселев. – И Вий, и панночка – чудовища из сказки, а эта старуха – совершенно настоящая и тем ужасна.

– Это верно, – согласился Мишель. – Настоящее обычно страшнее придуманного. Но все равно, нужен сюжет.

– Сюжет? Извольте! – сказала графиня. – С одним моим приятелем приключилась престранная история и отчасти даже мистическая. Обещайте, что отнесетесь к ней серьезно и используете для своей будущей повести. А в знак благодарности можете упомянуть в ней и меня, хорошо?

– Слово корнета лейб-гвардии гусарского полка! – снова улыбнулся Мишель. – И пусть только смерть остановит меня от выполнения этого обязательства. Николай – ты свидетель моей клятве!

– Почту за честь!

– Ну, хорошо, тогда слушайте. Одному моему хорошему знакомому стало казаться, что кто-то нашептывает ему адрес какого-то дома в Столярном переулке, что у Кокушкиного моста. И даже называет дом. Говорит: Дом Штосса.

– А кто нашептывает-то? – спросил Киселев

– Непонятно. Говорит, слышит голос, когда ложится спать.

– А у него м-м... все дома? – Киселев постучал пальцем у виска.

– Абсолютно.

– Наши личные симпатии не всегда позволяют нам дать верную оценку человека. Впрочем, верю вашей проницательности, Вера Осиповна. В таком случае шептун мог спрятаться за портьерой или даже под кроватью.

– Представьте, мой друг подозревает, что именно это и происходит!

– Но и это еще не сюжет, – на лице офицера появилась снисходительная улыбка.

– Терпение, *mes amis*, это еще не конец. Далее мой знакомый, по моей, между прочим, рекомендации отправляется в Столярный переулок, и что вы думаете? Находит дом этого Штосса! Дальше – больше. Он переезжает в него! Проходит несколько недель, и он перестает есть, бриться, и носит одну за другой свои картины, а он, забыла сказать, художник, в лавку, где продает их.

– Карточный долг? – предложил Киселев решение.

– Да, но он из дому никуда не выходит.

– Ну-у, он может и в доме играть.

– С кем?

– Да хотя бы с этим самым Штоссом.

– Ну вот вам и сюжет! – согласилась графиня. – Пусть он играет, пока у него есть что продавать, а потом...

– А потом поставит на кон свою душу, поскольку этот Штосс – сам дьявол.

– Ну, пусть не самый главный, но кто-то из его подручных. Мелкий бес на гастролях в России. Что скажете, Мишель?

– Друзья, вы, конечно, сочинили прекрасную историю, но что за сюжет без любви? Такой никто и читать не станет. Вспомните «Пиковую даму». Там тоже игра, долги, страшная старуха, зна-

ющая тайну трех карт, но чего бы все это стоило без любовной интриги? И, кстати, тоже написано блестяще. Помните, когда Германн входит в дом Лизы, а там какие-то закутки, занавески, двери, и потом эта темная, заставленная мебелью комната, где обитает старая ведьма. Жуть!

– Ну, что ж, пусть у этого Штосса будет, например, молодая жена, в которую влюбится герой, – предложила графиня.

– И она будет подталкивать его к тому, чтобы он продолжал играть с ее мужем. Точно как в цыганском таборе. Пока какой-нибудь гуляка доберется до своей Зауры, ее братья снимут с него последние порты, – Киселев захохотал от собственных слов.

– Ах, друзья, хуже всех тот сюжет, финал которого предскажем: у дьявола выиграть невозможно, поэтому – душа на кон, а потом – головой в окно. Нет, это банально.

– Все банально, Мишель. Разве сюжет «Бэлы» не банален? Сокращение невинной туземки скучающим бездельником.

– Это, конечно, так, но знаете, литературное произведение отчасти напоминает швейцарские часы. Механизм, который вращает две стрелки, довольно прост, но самые большие мастера добавляют к нему *компликасьон*. На циферблате можно еще увидеть стрелку, которая считает секунды, а кто-то мне рассказывал, что видел брегет, который показывает то ли день недели, то ли число месяца, представляете?!

– Если я вас правильно поняла, то в «Бэле» *компликасьон* это – конь Казбича?

– Ах, Вера Осиповна, вам самой пора братья за перо!

– Я и возьмусь, всему свое время! Но прошу вас: не дайте пропасть моему сюжету. Вы мне дали слово, Мишель! – она шутиливо погрозила собеседнику пальцем. – Начните, а там дальше что-то придумаете. Только умоляю вас: никаких психологических проблем, хочу страшилку с *fin heureuse*!

– Мне легче было бы написать вам что-то в альбом, дорогая Вера Осиповна.

– Мой альбом всегда открыт для вас, *cher ami*, но помните, – она снова погрозила ему пальцем, – слово дворянина и свидетель в лице Николая Дмитриевича!

10. Пессимистический прогноз Киселева

Мишель решил ехать до ужина, и друзья вышли с ним из дому, чтобы проститься. Невзирая на недавние шутки и пожелания скорой встречи, на улице веселое настроение оставило их. Все трое понимали, что возвращение Мишеля в столицу целиком зависело от одного человека, и этот человек был разгневан не на шутку.

Когда повозка скрылась за поворотом улицы, графиня, взяв Киселева под руку, предложила прогуляться. Они обошли дом и углубились в парк. Туман клубился между черными стволами деревьев, собирался на ветвях тяжелыми каплями и громко падал на укрывшую землю листву.

– Занятно получается, Вера Осиповна, – нарушил молчание Киселев. – Мишель почти классик, вся Россия знает его «Бородино», нет порядочного человека, который бы не имел списка «Смерти поэта», судьбу его решает сам государь-император, а мы даем ему советы, как и что писать.

– Мы же друзья, – пожал плечами графиня. – Он прекрасно знает, что все это в шутку.

– А я думаю, он в вас влюблен, оттого и позволяет так шутить. Вы, конечно, видели его стихотворение с посвящением «ВД» в свежих «Отечественных записках»?

– Я, Кися, видела это стихотворение много раньше.

– В своем альбоме?

– Вы очень догадливы.

– Нет, – покачал головой Киселев. – Вы сами проговорились: *мой альбом всегда открыт для вас, cher ami*.

– Неужели ревнуете?!

– Ну, что вы, Вера Осиповна. Что-то мне подсказывает, что если вы и отдадите кому-то свое сердце, то не литератору. Поэту нужны поклонницы, а вы – строгий критик. Поэт не перенесет того, что женщина не глупее его и может его еще чему-то научить. Любовью к вам будут вдохновляться, но завоевать вас вряд ли решаться.

Как бы в подтверждение своих слов Киселев стал негромко читать:

*Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы смотрите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.*

– Завидная память у вас, Николай Дмитрич!

– Это профессиональное, Вера Осиповна. Посмотрел на документ и запомнил его во всех подробностях. Потому что второго случая может и не представиться. Хотел бы я хоть одним глазком посмотреть и в ваш альбом. Ведь это, должно быть, не альбом, а синодик всех наших именитых авторов с разбитыми сердцами...

– Печальную участь вы мне приготовили, Кися. Неужели так и останусь старой девой?

– Боже упаси! В очереди к вашему сердцу народ разный, но вот мой вам дружеский совет: найдите себе какого-нибудь веселого злослова из министерства иностранных дел и живите с ним поживайте и добра наживайте.

– Отчего же вы меня, например, за какого-нибудь brave генерала не выдаете?

– О, только не это! Генерала могут убить, а еще хуже покалечить. Потом всю жизнь придется с инвалидом мыкаться. А с дипломатами хорошо: европейские столицы, модные курорты и рауты, рауты, рауты. Все прекрасно одеты, воспитаны и в курсе всего самого важного. Вы замечательно вписываетесь в это общество.

– Ну, хорошо, Кися, мою жизнь вы устроили, премного вам благодарна за это, а что-то будет с нашим Мишелем?

– Все будет как обычно, Вера Осиповна. Он будет писать, вдохновляясь красотами Кавказа, участвовать в вылазках против горцев и ссориться с сослуживцами. Но вот вам мой прогноз: если он и возьмется писать что-то по мотивам дела вашего приятеля, то ничего у него из этой затеи не выйдет.

– Отчего же?

– Скажу вам как критик критику: эта история вполне себе волшебная сказка. Шепот из темноты, таинственный дом, старик-картежник и поставленная на карту душа. Теперь посмотрите на обычных героев Мишеля, если это не Печорин, то это Арбенин. Такие в жизни не рискнут своей душой, и знаете почему?

– Почему же?

– Потому что они не в состоянии лишить себя счастья бесконечного ковыряния в ней.

– Но вы, кажется, забыли, уважаемый коллега, об изумительном Максиме Максимовиче, о Казбиче, об Азамате...

– Нет, я отнюдь не забыл о них, но они – лица второстепенные. А его основной герой – он сам, со всеми, извините меня, своими тараканами. При этом дело не столько даже в том, что герой

сложный, сколько в том, что его сложность реальна и потому трудно совместима со сказкой. Тут бы пригодились гоголевская легкость, его ирония. Когда читатель смеется, он становится менее требовательным, но наш Мишель, чего греха таить, человек тяжелый, у него все серьезно.

– Ах, Кися, можно подумать, он прямо так вот возьмет и из нашей болтовни за шампанским создаст свою очередную повесть. Наверное, у него сейчас голова совсем другим занята.

– Он, между прочим, слово офицера дал. Я – свидетель. И поскольку речь идет о вас, он это слово сдержит. Он знает, что кто-кто, а вы будете ждать. Может быть, романом он и не разразится, но на рассказец рассчитывать можно.

– Вас не поймешь – то у него ничего не получится, то можно рассчитывать на рассказец. Вернемся, Кися, я что-то продрогла, да и к ужину опаздывать не хочется.

За столом Соня усадила графиню рядом с Киселевым, заговорщицки подмигнув подруге. Та едва заметным движением бровей ответила: ничего нет и быть не может! Подали на больших серебряных блюдах дымящихся омаров. Рядом поставили чашки с дольками лимона и растопленным маслом. Вино слуги разливали из белых покрытых изморозью кувшинов.

Гости, засучив рукава и прикрыв грудь и колени салфетками, с энтузиазмом принялись за еду. Красные панцири и клешни захрустели под щипцами.

– Ну, что, Кися, давайте-ка чокнемся за *notre pauvre ami*.

– *Dieu lui accorde bonne chance!* – отвечал тот, поднимая свой бокал.

11. Явь приобретает черты сна и наоборот

Расплатившись за завтрак, Лугин вышел из трактира и осмотрелся. В полусотне шагов мост уходил в густую пелену тумана и пропадал в ней, так что неясно было, достиг ли он другого берега или же оборвался на полпути к нему.

Сновавший по набережной народ появлялся и исчезал в тумане по мере приближения к наблюдателю и удаления от него. Мимо прошел молодой человек замечательно хороший собою, но худо одетый. Он шел словно в забытии, и даже непонятно было, как в состоянии такой глубокой задумчивости ему удастся продвигаться по улице, не наталкиваясь на встречных и не попав до сих пор под извозчика. «Эй ты, немецкий шляпник!» – вдруг заорал ему во все горло из проезжавшей мимо телеги пьяный. Молодой человек остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Она и правда была престранная – высокая, круглая, вся в дырах и пятнах. Словно испугавшись окрика, он сорвал шляпу с головы и, прижав к груди, пошел дальше.

И тут боковым зрением Лугин увидел повернувшую из-за угла женскую фигуру. Это была Альбина. Он бросился за ней, но она двигалась так необычайно быстро, что он едва поспевал. Когда он подошел к дому, дверь уже хлопнула за ней. Ступил в сени – край ее платья мелькнул за углом. Он повернул в коридор, прибавил шаг и обнаружил, что за поворотом открылся новый коридор. О-о, гос-споди, он снова был в том же лабиринте! Он стал искать медную табличку квартиры Штосса, но ее не было. Стал открывать двери одну за другой, обнаруживая за ними тот же клубящийся туман, что и на улице. Но вот в одной из комнат темная фигура ступила к нему так стремительно, что он отпрянул от неожиданности.

– Альбина?!

Она приложила палец к губам и прильнула к нему. Обняв ее, он заговорил, поражаясь неожиданной смелости своих слов:

– Альбина, жизнь моя стала без вас невыносимой. Уедем в Италию! Вы увидите, как восхитительна жизнь на юге, сколько там солнца, цветов, какие ароматы наполняют все вокруг. Уедем, Альбина!

Она остановила его речь поцелуем, и от ощущения прикосновения ее чудесных губ Лугин проснулся.

Он лежал в своей постели. За окном был сероватый петербургский денек, и трудно было сказать – утро ли уже на исходе, или скоро вечер. С трудом он поднялся. Хотелось пить, и он с тоской

подумал, как ему не хватает молчаливых забот Никиты. Одевшись и приведя себя в порядок, он отправился в трактир, где заказал чаю и чуть не залпом осушил одну за другой несколько чашек. Ему полегчало и даже дышать стало легче.

Выйдя на улицу, он постоял и посмотрел еще на знакомо уходящий в туман Кокушкин мост. Словно из недавнего сна возник потерянный молодой человек в своем невероятном головном уборе. Но тут же внимание Лугина было отвлечено повернувшей из-за угла женской фигурой. Альбина! Он поторопился за ней. Она двигалась так необычайно быстро, что он едва поспевал. Когда он подошел к дому, дверь уже хлопнула за ней. Вошел в коридор – край платья мелькнул в дальнем конце. Он прибавил шаг. На этот раз коридор упирался в дверь со знакомой медной табличкой. Значит, это уже не сон! Он отворил ее и обнаружил расходящийся к полу бархатный занавес с рюшами. Лугин развел его шире и ступил внутрь, оказавшись в переполненном публикой и оттого страшно душном театральном зале.

Зрители, многие с лорнетами, смотрели на небольшую сцену, где сидела, он не поверил своим глазам, Альбина в пестром цыганском наряде. На колене в шелковом чулке она устроила черную с золотым ободом гитару. Над нею возвышался Арон в красной косоворотке с пояском и в фуражке с лаковым козырьком. На груди его тоже была гитара размером с виолончель, вполне однако соразмерная его комплекции. Певица кивнула ему, и он тогда кашлянул в кулак, что стало сигналом для тут же стихшего зала. Зазвенели струны, дуэт с лихой виртуозностью исполнил несколько незнакомых, но ярких мелодий, после которых зазвучал твердый ритм, и Альбина запела каким-то детским и при этом несколько развратным голосом, не лишенным однако приятности:

*Только вечер затеплится синий,
Только звёзды зажгут небеса,
Я в Столярный войду как царица,
Распустив по плечам волоса.
В двери спальни своей ты позволь мне
Тихой тенью ночной проскользнуть,
Чтобы в жарких любовных объятьях
До утра не смогли мы уснуть.
Пропадай же, моя душа,
Я больна, я обескровлена!
Напои же меня допьяна,
Дай мне силы дожить до утра!*

Совершенно неожиданно для Лугина вся аудитория дружно поднялась и надрывным цыганским многоголосьем подхватила:

*Напои же ее допьяна! Дай ей силы дожить до утра!
Посмотри же, она так больна! Так трагически измощена!*

Через головы зрителей Лугин вдруг увидел господина Штосса в расстегнутой серой шинельке, который, стоя перед самой сценой и раскинув руки с растопыренными костлявыми пальцами, крикнул безо всякой полагавшейся его племени сдержанности:

– Жги, дочка! Жги, р-радная!

И артистка ответила ему с таким же надрывом:

– Любовь! Папинька!

И снова зазвучал ее серебристый голос:

*Утром встану я до рассвета,
Губы красные оботру,*

*От любимого тела остывшего
Черной молью в окно улечу!
Пропадай, больная душа,
Я так страшно обескровлена!
Напои же меня допьяна,
Дай мне силы дожить до утра!*

И снова залец взорвался общим припевом:

*Напои же ее допьяна! Дай ей силы дожить до утра!
Посмотри же, она так бледна! Так ужасно обескровлена!*

Пока аудитория буйствовала в исполнении любимой песни, хватаясь за голову и даже утирая слезы восторга, артистка раскланивалась и обеими руками слала почитателям воздушные поцелуи. Наконец, поклонившись в последний раз, она оставила сцену и дворник закрыл занавес. Правда, он тут же вынырнул в просвет, уже в своем обычном армяке и фартуке, чтобы объявить:

– Концерт окончен, прошу всех расходиться.

Аудитория повалила к выходу, и Лугин невольно отступил, пропуская ее. Странное дело – зрители, которых он видел впервые, кивали ему как старому знакомому, похлопывали по плечам, а один тип с совершенно котовой физиономией схватил за руку и, пожимая ее, все повторял: «О-очень рад за вас, о-о-очень рад!»

Наконец залец опустел, и Лугин прошел к сцене, где обнаружил оклеенную обоями и потому незаметную издали дверцу. Отворив ее, он шагнул в проем, снова оказавшись в коридоре с зелеными обоями. У дверей ближней квартиры стоял Арон, словно поджидая кого-то.

– Арон, как мне Альбину видеть?

– Без цветов-с? – дворник неодобрительно покачал головой. – Это где же такое заведено-с – к артистке и без цветов?

– Цветы потом, где же она?

– Что ж, она вот тут вот, – Арон отворил дверь и отступил, пропуская Лугина и все покачивая головой.

Виктор оказался в комнатке, которая была будуаром Альбины. Она сидела на постели, но при его появлении поднялась. В ее зоре и улыбке еще виднелись остатки того лукавого вызова, который он только что наблюдал на сцене. Он бросился к ней, и та приняла его в свои объятия, словно давно уже ждала этого мгновения. «Любимый, любимый!» – шептала она. Еще минута, когда ему показалось, что он вырывается из одежды, как из собственной кожи, и он ощутил жар приникшего к нему тела. О, вот оно, вот оно, вот оно – долгожданное блаженство!

И тут в дверь постучали.

– Это отец! – ужаснулась Альбина. – Накроемся одеялом! Скорее, скорее, и не шевелитесь!

Они замерли в темноте, ощущая дыхание друг друга. Скрипнули половицы, и шаркающие шаги направились к их постели.

– Альбина, дитя мое, а чьи это у вас панталоны на полу? – раздался голос Штосса. – И вот еще шюртук... Никак у вас гости. В таком случае, кхе-кхе, прошу представить нас, как это полагается в приличных домах-с.

Костлявые пальцы взяли одеяло за край и рванули так, что Лугина обдало холодной волной. Он открыл глаза и прямо над собой увидел бородатое лицо Арона.

– Барин так закричать изволили, что осмелился побеспокоить, – объяснил дворник и отступил на шаг. – Я тут печь как раз к зиме готовил, вот и услышал.

«Значит, и это был сон», – подумал Лугин и осмотрелся.

Одетый, он лежал на своей постели.

– Не подать ли чего его благородию? – поинтересовался Арон. – Может, рассолу-с?

– Нет, иди, – ответил Лугин, ощущая, что не в силах пошевелиться, но и не решаясь просить дворника помочь ему встать.

12. Продана последняя картина

Оставшись один, он долго еще с тоской глядел в закопченный и потрескавшийся потолок, давно забывший, при каком квартиранте его белили, и потерявший всякую надежду на заботы нового. Заставив себя встать, Лугин отправился в обход квартиры в поисках съестного, но не нашел и корки. Заглянул в кошелек – пусто.

– А ведь старик разоряет меня, – подумал он не без удивления.

Он принялся перебирать холсты, сложенные у одной из стен. Наконец нашел тот, который искал – вид южного города: спускающиеся к живописной бухте черепичные крыши и на горизонте едва намеченный в утренней дымке вулкан с курящейся вершиной. Это была последняя оставшаяся работа из привезенных из Италии. Он свернул ее и вышел на улицу.

Ветер, несущийся по ледяному коридору домов, выстроившихся вдоль черного Екатерининского канала, насквозь продувал пальто Лугина, грозясь вырвать из его рук драгоценный сверток. Крепко прижимая к груди свою ношу, он повернул на Садовую, по которой не без труда дошагал до Апраксина переулочка. Он так устал от борьбы с пронизывающим ветром, что был вынужден остановиться и прислониться к стене дома. Минута-другая, и, сжимая одной рукой ворот пальто, а другой холст, он пошел дальше. Вот и Щукин двор. Непогода разогнала обычно заполнявший рынок народ, двери большинства лавок были заперты, только в витрине картинной горел свет. Лугин вздохнул с облегчением.

– Господин живописец, наконец-то! Заждались! – приветствовал его маршан. – Ну, показывайте свою шедевр, показывайте! – засуетился он. – Спрос на вас просто невероятный!

Развернув холст, он отвел руки так, чтобы получше рассмотреть новую работу, и цокнул языком.

– Шарман, просто шарман! Не вода, а чистая глазури! Да-а, это тебе не наша Фонтанка, так бы и запрыгнул в раму. С натуры писано?

– С натуры.

Лугина раздражал этот нарочито жизнерадостный коммерсант, но что он признавал и ценил – что тот не принижал достоинств его работ, чтобы сбить цену, и настойчиво требовал новых. Ему и в голову не могло прийти, что Лугину давно уже не работалось. В последние недели тот обнаружил, что пальцы его потеряли былое ощущение бумаги, когда он всем существом чувствовал, как слой угля ложится на шероховатую поверхность чистого листа, заполняет его поры, а его рука, глаз и мозг действуют как одно целое.

– Это моя последняя такая работа, – сказал Лугин. – Нельзя ли добавить?

– Минуточку-с, – сладкую улыбку лавочника тут же сменило выражение самого искреннего недоумения и даже обиды. – Уговор, как говорится, дороже денег-с, господин живописец. Империял за картинку, сумма не малая-с.

Слово «картинка» больно ранило слух Лугина, но не пререкаться же ему было из-за такой мелочи. Когда художник покинул лавку, хозяин, чья физиономия тут же сделалась высокомерно насмешливой, заметил:

– Ишь, прохвост! Мало денег, работай больше! Другой бы уже озолотился на своих пейзажиках, а этот ходит тут как привидение нечесаное, тьфу!

Аккуратно уложив приобретение на полку, лавочник сел к столу, достал из ящика лист бумаги, разгладил его тыльной стороной ладони, потом взял перо и, обмакнув в чернильницу, вывел: «Сим извещаю...»

Завершив письмо, он аккуратно свернул его в конверт, воском из свечи скрепил сошедшиеся в центре углы бумаги и поставил печатку. В довершение сего почтового ритуала он подул на еще теплый воск и кликнул мальчишку, дремавшего у печи в дальнем конце лавки.

– К Дерибабушке? – спросил пострел, зевая и почесывая затылок.
– Не к Дерибабушке, а к графине Дерибас, олух! – сказала маршан и дал мальцу такой подзатыльник, что тот оказался у дверей вдвое скорее обычного.

13. Опасная операция на пятом этаже

*Дневник Лугина
27 октября, день.*

Ночью за картами Штосс вдруг спросил:

– Вы, кажется, равнодушны к моей дочери?

Не будучи готовым к такой прямоте, я растерялся, но потом, вспомнив о своем плане, ответил:

– Я бы хотел писать ее портрет, если вы не станете возражать.

– О-о, портрет?! – приятно изумился он. – Это было бы так любезно с вашей стороны, особенно с учетом несчастных обстоятельств, в которых она пребывает. А так отцу останется память, напоминание об увядшей жизни.

– Каких обстоятельств? – не понял я.

– Дело в том, что Альбина, э-э... – он замялся, – не жилец, с вашего позволения-с.

Я отложил карты.

– Нельзя ли подробнее?

Штосс тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой.

– У фройляйн – малокровие.

– Могу ли я помочь?

– Есть здесь у нас один медик, – отвечал старик после паузы и по-прежнему не отрывая своих мутных с красным ободом глаз от карт. – Некто господин Вольф Андрей Мартынович. Лондонской выучки лекарь. Так вот, он делает одну операцию – рискованную, но в высшей степени благотворно сказывающуюся на здоровье пациента.

– Какую же?

Штосс поднял на меня испытующий взгляд и сказал:

– Он переливает кровь от здорового человека к больному.

– Да разве такое возможно?!

– Да-с, возможно. Медик соединяет вены трубкой, вот, собственно, и все. Здоровой крови берется не очень много, но и ее достаточно, чтобы вдохнуть в больного жизнь. Как отец я, конечно же, предложил себя, но получил отказ – немолод и не вполне здоров сам. Да, так-то вот. А просить кого-то, подумают невесть что-с, сами понимаете...

Он замолчал.

– Вы можете всецело рассчитывать на меня, – твердо сказал я.

Под утро, когда Штосс сообщил новость явившейся за ним Альбине, та подошла ко мне, взяла за руки и обратила ко мне свое лицо. Казалось, у нее не было сил вымолвить и слова благодарности, все было сказано взглядом. Он сиял.

29 октября, вечер.

О том, что все это мне не приснилось, как приснился давеча потешный цыганский театр, говорит повязка на руке да страшная слабость в теле. Я предполагал, что операция пройдет в квартире Штоссов, но ее решили делать у меня. Арон установил рядом с моей кроватью низкий топчан – для Альбины. Такое положение должно было способствовать естественному течению крови – сверху вниз. Потом он принес несколько мисок, поднос с какими-то инструментами, смотреть на которые я избегал, взбил и устроил подушки. Действовал он при этом с неподдельным энтузиазмом, все приговаривая: «ну вот как-то так, как-то так», словно речь шла о его дочери, а не дочери его хозяина. Я думал, что все будет происходить при свете дня, но лекарь явился уже в сумерках, объяснив поздний визит сильной занятостью. За ним в освещенную свечами комнату

вошла Альбина. Укладываясь, она ободряюще улыбнулась мне. Устроив голову на подушке и закрыв глаза, она продолжала улыбаться. Операция, кажется, совершенно не страшила ее. В мыслях я представлял, что когда кровь моя полется в нее, мы возьмемся за руки. Какая близость может быть ближе кровной, но мне хотелось усилить ее физическим ощущением. Увы, меня усыпили с помощью хлороформа, безжалостно лишив чудесных переживаний.

Я очнулся в собственной постели, в комнате было как обычно. Видимо Арон прибрал все после операции. Вопрос, который теперь не оставляет меня: поможет ли это переливание Альбине?

30 октября, вечер.

Утром явился Арон с подносом, на котором стояла тарелка с бифштексом и бутылка порвейна.

– По распоряжению дохтура-с, – объяснил дворник.

Никогда не ел мясо с таким наслаждением, и когда оно кончилось, убрал хлебом со дна тарелки остатки розового от крови жира. Страшно клонит в сон. Все мысли об Альбине. Вино, конечно, придает им известную смелость!

14. Благодарность Альбины превзошла ожидания Лугина

Дневник Лугина

Ноябрь 3-е.

Вечером, только я зажег свечу, постучали. Я ожидал увидеть дворника, вдруг взявшегося ухаживать за мной, но обнаружил на пороге Альбину. Ступив в комнату, она бросилась мне на грудь: «Вы спасли меня... Благодарю вас, благодарю!»

«Это, конечно же, сон», – успокоил я себя. Но ее близость, о которой я так мечтал в ночных своих грезах, на этот раз была совершенно реальна. Ее стройный стан, ее грудь, руки... Она же вдруг повела себя со мною как домовитая жена с любимым супругом. Стала что-то расставлять, поправлять, уложив меня в постель и накрыв пледом, исчезла и тут же появилась с горячим шоколадом. Сев рядом со мной на постели, смотрела, как я пил его. Потом, взяв у меня чашку, сидела с ней, глядя на меня совершенно, да-да, ошибиться тут было невозможно, влюбленными глазами. В комнате было тихо, только потрескивали поленья в печи. Взяв ее руку, я сказал:

– Альбина, я совершенно не знаю ни вас, ни вашей жизни, расскажите что-нибудь о себе.

– О себе? – удивилась она. – Что же рассказывать?

– Может быть что-то о детстве, ведь в детстве происходит все самое главное, разве не так?

Она задумалась, потом поставила чашку на стол и прилегла рядом. Подперев одной рукой голову и глядя в пространство перед собой, будто пытаясь увидеть там собственное прошлое, она начала:

– В детстве папенька отдал меня родне в деревню. Он считал, что на свежем воздухе я стану здоровее. Там, в деревне, я любила осень. Позднюю осень, когда уже уберут хлеба, окончат все работы, когда уже в домах начнутся посиделки. Тогда всё становится мрачнее, небо хмурится облаками, желтые листья стелются тропами по краям обнаженного леса, а лес синее, чернеет, – особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения. Запоздаешь, бывало, на прогулке, отстаешь от других, идешь одна, спешишь, – жутко! Сама дрожишь как лист; вот, думаешь, того и гляди выглянет кто-нибудь страшный из-за этого дупла; между тем ветер пронесется по лесу, загудит, зашумит, завоюет так жалобно, сорвет тучу листьев с чохлых веток, закрутит ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей, с диким пронзительным криком, пронесутся птицы, так что небо чернеет и всё застилается ими. Страшно станет, а тут, – точно как будто слышишь кого-то, – чей-то голос, как будто кто-то шепчет: «Беги, беги, дитя, не опаздывай; страшно здесь будет тотчас, беги, дитя!» – ужас пройдет по сердцу, и бежишь-бежишь так, что дух занимается.

Она опустила голову на мою подушку – лицом к лицу, как бывает в момент откровенности у детей. Руки наши как-то незаметно от нас сошлись вместе, я ощутил ее дыхание. Она продолжала шепотом:

– Прибежишь, запыхавшись, домой; дома шумно, весело; раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак шелушить. Сырые дрова трещат в печи, старая няня рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмемся подружка к подружке и вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего такого нет, это гудит самопрялка у старой Фриды; сколько смеху бывало! А потом ночью не спим от страха; находят такие страшные сны. Проснешься, бывало, шевельнуться не смеешь и до рассвета дрогнешь под одеялом.

Она замолчала и смотрела широко раскрытыми глазами. Я поцеловал ее, и она ответила на мой поцелуй. Как сладостен он был!

Та ночь стала первой ночью нашей тайной любви. Незадолго до полуночи, когда я, опьянев от всего, что мне казалось доселе невозможным, в очередной раз приник к ее губам, за дверью спальни раздалось знакомое покашливание.

Упреждая мой испуг, Альбина коснулась пальцем моих губ и, выскользнув из постели, стала бесшумно одеваться. Уходя за ширму, она послала мне воздушный поцелуй и исчезла.

В ту ночь я проиграл старику полуимпериал и, сославшись на усталость после операции, простился с ним. Он без лишних слов ушел. Я вернулся в спальню, ожидая найти там Альбину, но ее не было. Как она проскользнула мимо нас, не представляю. Засыпая, я видел перед собой ее лицо. Какое неожиданное развитие событий! Что день грядущий нам готовит?

15. Василий Николаевич идет в ночное

Повариха Лизавета Гавриловна, или попросту Лизавета, была не только поварихой дома Де-рибасов, но и его истинным мажордомом. В свое время ее привезли в Санкт-Петербург из новороссийского поместья семьи нянчить маленькую Веру. Когда девочка выросла, у нее появилась гувернантка-француженка, но, видя, что Вера жить не может без своей няньки, ту оставили в доме.

Этому способствовало и то, что Лизавета как-то незаметно сделалась правой рукой распоряжавшегося на кухне лионского кулинера – месье Этьена Крузана. Вместо белого поварского колпака он носил красную турецкую феску и грандиозные усы, способные украсить физиономию любого боевого генерала. Секрет его кулинарного мастерства заключался в том, что как бы замечательно ни было приготовлено то или иное блюдо, ахи и охи гостей за столом вызывало другое: клубника, украсившая свиные ребра, утка в смородиновом соусе с лепестками орхидеи и, наконец, блины с расплавленным шоколятом под ванильной пудрой с малиной и листиками мяты.

– И больше либерте на тарелка! Больше простор! – наставлял ученицу изобретательный француз. – Полная тарелка – для грубый пейзаж, настоящий аристократ хочет натюрморт!

Чему он мог научить свою помощницу за пределами кухни – даже не спрашивайте. Для этого требуется отдельное повествование. Сейчас скажем только, что месье Крузана оторвала от Лизаветы безжалостная одесская чума. Она унесла и жизнь родителей Веры. Супруги покинули столицу, чтобы провести лето у моря, захватив с собой и повара-француза. Графиню спасло то, что она уже находилась при дворе в качестве фрейлины ее величества.

Первым из домовой прислуги под Лизаветин каблук попал влюбившийся в хозяйственную хохлушку Василий Николаевич. Оставшаяся не у дел после смерти хозяев, потерявшая милого друга и учителя, Лизавета ответила дворецкому взаимностью. И даже если изначально за ее поступком мог быть расчет, то потом, как говорится, все стерпелось и слюбилось наилучшим образом. Пусть Василий Николаевич не отличался широтой и игривостью мысли француза, но мужчина он был видный и при завидном, в глазах остальной прислуги, служебном положении. Ну, и как уже тут не добавить, что с иностранцем можно, конечно, получать самые острые удовольствия, а вот жить лучше с тем, с кем и говоришь и думаешь на одном языке.

В большом доме на Литейном у каждого из наших героев была своя комната, но в отсутствии какого-либо надзора Василий Николаевич поселился у Лизаветы Гавриловны в качестве мужа.

Именно по причине этих почти семейных отношений повара лично экипировала дворецкую для выполнения задания графини. Она сама проследила, чтобы тот надел теплое исподнее, толстые носки, и присовокупила к этому фляжку с хреновой настойкой собственного изготовления.

Уже стемнело, когда Василий Николаевич появился в Столярном переулке. Лишь в одном интересовавшем его окне дома № 13 горел свет. Осмотревшись – не видит ли его кто, наш разведчик устроился на другой стороне улицы в закутке между деревянным забором и глухой боковой стеной дома. Угол строения прикрывал его от ветра, но ледяная морось попадала за поднятый воротник, заставляя поеживаться от холода. Он наблюдал, но наблюдать особо было не за чем. Единственно видимый ему потолок одной из комнат квартиры в пятом этаже был освещен, но что происходило в самой комнате, было совершенно непонятно.

Через час переминовения с ноги на ногу Василий Николаевич ощутил, что силы начали покидать его. Он достал часы и, шурясь, стал всматриваться в циферблат. Фосфорные стрелки приближались к полуночи и, чтобы хозяин не усомнился в этом, часы мелодично тренькнули, отметив начало новых суток.

Разведчик спрятал хронометр, достал фляжку и сделал добрый глоток согревающего. Наливка побежала по организму жаркой волной, и для закрепления эффекта он сделал еще глоток. Пряча фляжку, Василий Николаевич услышал приближающийся стук каблучков по деревянному тротуару. Он замер. В обманчивом свете проглянувшей из-за облаков луны он увидел фигуру женщины. Судя по легкому шагу, она была молода. Подойдя к воротам дома Штосса, она привычным движением толкнула узкую дверь в воротах и исчезла за ними.

Неведомая сила, а может быть, это была настойка, подтолкнула Василия Николаевича покинуть свой пост. Неловко ступая на оочевенные ступни, он перебежал узкую мостовую и, осторожно толкнув дверцу в воротах, заглянул во двор. Никого. Вглядываясь во тьму, он скоро заметил полоску света, пробивавшуюся из-под неплотно прикрытой входной двери дома. Василий Николаевич бесшумно подобрался к ней и прильнул ухом – ни звука. Толкнул, и дверь бесшумно, как во сне, отворилась. Он ступил в освещенные огарком небольшие сени. Сдерживая дыхание, толкнул следующую дверь и увидел перед собой уходящую вниз лестницу. Затхлая подвальная сырость, смешанная с едва уловимым запахом осенних цветов, накатила на него. В этот момент огарок за его спиной погас. Сделай он в крошечном мраке неверный шаг – и шум выдаст его. Но тут ему показалось, что нижние ступени лестницы, перед которой он остановился, слабо освещены.

16. Василий Николаевич лишается своего любимого пальто

Дав глазам привыкнуть к слабому свечению, он стал спускаться и скоро оказался в подвале, посреди которого стоял на двух коротких скамьях гроб. С замершим сердцем он ступил к нему. Белое лицо молодой покойницы, освещенное стоявшей у изголовья свечой, еще не было тронут пятнами разложения, и казалось, что она спит. Рассматривая ее, он вдруг заметил, что остроносые сапожки покойницы мокры, как если бы она только что вернулась с улицы.

«Господи помилуй», – прошептал потрясенный Василий Николаевич, и только было поднял руку ко лбу, чтобы осенить себя крестным знамением, как почившая открыла глаза и скосила их на него. Он окаменел от ужаса, а та рывком села и, взявшись руками за края гроба, стала выбираться из него.

«Пресвятая Троица, помилуй мя», – горячо зашептал Василий Николаевич, крестясь и отступая отяжелевшими ногами от ожившей. Та же пошла на него, чуть согнув колени, раскинув руки и оскалив рот, вмиг ставший отвратительно широким, как черный ножовой разрез.

«Господи, очисти грехи наша, Владыка, прости беззакония наша... Господи помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй...» – молился дворецкий, пятясь от ведьмы, а та следовала за ним, наклоняя голову, словно выбирала место, в которое собиралась вцепиться зубами.

Видимо это горячая молитва удерживала ведьму на расстоянии от Василия Николаевича, и он шептал еще истовее: «Царю небесный, утешителю души истинный, прииди и вселися в ны...»

И вдруг его осенило, где он видел это жуткое лицо – среди рисунков Лугина в картинной лавке. Так вот какая натурщица была у того!

«Господи помилуй! Господи помилуй!» – повторял он лихорадочно.

Но не судьба была Василию Николаевичу уберечься в ту ночь от нечистой силы. Пятясь, он наступил на рукоять лежавшей на полу дворничьей метлы, потерял равновесие и навзничь грохнулся оземь, пребольно стукнувшись затылком о каменный пол. Секунды, когда он приходил в себя, ведьме хватило, чтобы вскочить на него. Огрев его по заду так, что у дворецкого звезды сверкнули в глазах, она с диким воплем вынеслась на нем из подвала.

Тут уже Василий Николаевич забыл всякие молитвы. Удары палки обжигали его зад и бедра, визг ведьмы оглушал, ветер свистал в ушах. Тело его, вдруг став сильным и гибким, огромными скачками несло его по воздуху. Едва опомнившись, он схватил обеими руками себя за колени, желая удержать ноги, но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского бегуна.

Только они вылетели из злосчастного переулка, как ведьма потянула его за правое ухо, и Василий Николаевич, заржав от боли, сам не зная как, свернул направо. Екатерининский канал стал черной лентой разматываться под ними, пока они не взмыли на такую высоту, что луна показалась совсем близкой, а город внизу исчез. Сделав гигантскую, верст в десять дугу, они стали опускаться, и вот уже верхушки деревьев замелькали перед глазами, потом они, вихляя из стороны в сторону, понеслись между стволов, и новоявленный Пегас даже зажмурился, чтобы уберечь глаза от ударов веток.

Наконец ведьма сбавила ход, и они оказались у большой поляны, где бурлил в свете факелов и костров праздник. Музыка, крики и смех раздавались отовсюду. Сделав лихой вираж над головами веселого сборища, ведьма в последний раз сжала коленями бока своего коня, хлопнула его ладонью по затылку, и тот побежал, побежал, побежал и не удержался-таки, повалился на землю прямо перед огромным треном.

Отдышавшись, он открыл глаза, и первое, что увидел перед собой, – копыта и поросшие черной шерстью ноги. Поднял голову и даже застонал от ужаса. Сам... с рогами на ослиной голове сидел перед ним.

– Альбина, ты?! – радостно изумился рогоносец.

– *Jawohl, mein Lieblingsführer!* – отвечала наездница, вдруг вытянувшись в струнку и громко ударяя каблук о каблук.

– А это кто? – кивнул тот на Василия Николаевича.

– *Wer? Es ist ein Pferd im Mantel, mein Führer!* – отвечала ведьма с задором, и тут же окружившее их шальное сообщество, оценив ее шутку, захохотало, завизжало, засвистело, выскочили вперед музыканты с гитарами, балалайками и скрипками и забренчали, заблеяли, заголосили:

*К нам приехал конь буланный в замечательном пальто,
Раскрывай же поскорее нам свое инкогнито!*

Василий Николаевич поднялся с колен, отряхнул панталоны и с достоинством, присущим всякому уважающему себя дворецкому, заявил:

– Я конечно, щедротами хозяйки своей не обижен, но конем, осмелюсь доложить, не являюсь. Сообщество замерло от такой вызывающей непочтительности.

– Ах, так ты не ко-онь? – удивилось рогатое чудище. Подавшись к неожиданному гостю, поставив локоть на колено и перебирая пальцами бороду, чудовище спросило мрачно:

– А кто же ты, если не конь?

– Я, осмелюсь доложить, графини Дерibas человек, – потя от ужаса, но и не без вызова заявив дворецкий, – Василием Николаевичем меня звать.

– Ах, ты графини Дериба-ас человек, – понимающе кивнул рогатый, и снова веселый хор с оркестром, предчувствуя потеху, завизжал и завыл от восторга:

*К нам приехал дядя Вася, дядя Вася дорогой,
он красавицы графини человек дворовой!*

Тут же подле Василия Николаевича образовался мужчина небольшого роста в зеленом мундирном сюртуке и с круглой головкой, поразительно напоминавшей кошачью. Вытаращив круглые глаза, мужчина замурлыкал в нос:

– Да-а уж, хозяйка у тебя не жа-адная, приятель. Шерсть-то – настоя-ящая, а-аглицкая. Не всякий титулярный сове-етник себе такую позво-олит.

– Да-а?! Аглицкая? Невероятно! – заволновалось собрание, и тут же сто рук устремились к дворецкому и вытряхнули его из пальто, за которое началась самая настоящая драка. Минуты не прошло, как произведение портновского искусства было с треском разорвано в клочья, и каждый клочок нашел себе нового владельца. Один поправлял на себе рукав, другой манжет от рукава, третий намотал на шею подкладку черного шелка, а какой-то кучерявый арапчонок урвал две пуговицы, которые с гордостью прижал к груди и осматривался с видом победителя, заполучившего важную награду.

– Так-то, Василий Николаевич, не все тебе в роскоши купаться, надо и простому человеку помочь, – прогудел главный бес и гулко засмеялся.

– Достаток не роскошь, – заметил дворецкий, поеживаясь от холода и ошалело поглядывая на компанию, так и эдак прилаживающую к себе обрывки его гардероба.

– Вам не прохла-адно, милейший вы на-аш? – поинтересовался котоподобный тип, снова подступая к дворецкому и даже выгибая от показного своего доброжелательства спинку. – Сейчас бы к Лизавете Гаври-иловне под перинку, не та-ак ли? Ах, как там тепло-о, как там мя-ягонько! – Он даже зажмурился от удовольствия, словно вспомнил, как и сам почивал на этой перине. – Но вы не волну-уйтесь, милейший, вы будете неме-едленно отправлены назад.

Кот, провернувшись на месте, махнул то ли рукой, то ли хвостом, и тут же перед престолом, просто из-под земли, выскочила со звоном конторка со стеклом и окошечком, за которым оказался упоминавшийся выше арапчонок. Наслюнив карандаш, он поводил им по картонке перед собой, сунул перо за ухо, потом поднялся и, выкатив грудь, звонко объявил:

– Один плацкартный билет первого класса Императорской железной дороги до Литейного проспекта. Дом графини Дерибас!

Собравшиеся отозвались аплодисментами, а арапчонок с выражением самой искренней признательности на лице раскланялся во все стороны. Дворецкий шагнул было к кассе, но кудрявый кассир ловко сунул билет в рот, выпучил глаза и развел руки, мол – был билет – и больше нету. А оркестр тут же рванул свой очередной номер:

*Кто не платит, тот не едет ни туда и ни сюда,
За плацкартный свой билетик заплатите два рубля!*

– Да как же я заплачу? – с отчаянием спросил дворецкий. – Был у меня кошелек с ассигнациями в пальто, да вы же, дьяволы, и сперли.

– Ни про какой такой кошелек ничего не знаем, – нагло заявил музыкант с черным каракулевым воротником на голых плечах.

– Нет-нет, ничего такого не слышали, – энергично закивали головами его товарищи.

– Ну, что ж, если вы не при наличных, – сказал мундирный кот, – то рекомендую уни-иженно молить начальство о посильном вспомоществовании.

Видя смятение в лице Василия Николаевича, кот подтолкнул его к трону со словами: «Да, идите, идите же».

– Куда? – не понял Василий Николаевич.

– Лобыза-айте, лобыза-айте и просите снизойти-и, – подзуживал тот.

Видя приближившегося к нему просителя, рогатый неторопливо поднялся с трона, ступил косолапо к дворецкому, повернулся задом и наклонился, чтобы тому было удобней.

– Изыди, сатана! – возопил дворецкий, да так истошно, что окружавшая его нечисть притихла.

– Геро-о-ой, – рогатый снова повернулся к несчастному своей страшной мордой. – Геро-ой. Ну, раз так, тогда и лети к своей графине безо всяких удобств.

Он обошел непочтительного гостя, отвел ногу и отпустил тому такой мощный пендель, что бедолага пробкой от шампанского взлетел под самые облака и, глазом не успев моргнуть, приземлился прямехонько во внутреннем дворе хозяйского дома на Литейном проспекте. Да-а, такой точности мог бы позавидовать даже всемирно известный бразильский бомбардир Эдсон Арантис ду Насименту по прозвищу Пеле, да только он к тому времени еще не родился!

Распластанный на холодной земле Василий Николаевич подождал, когда она уgomонится под ним, потом встал на колени, далее – в полный рост. Качало меньше, но качало. Расставив для равновесия руки, он подошел к окну во втором этаже и дрожащим голосом позвал:

– Лизавета!

Подождав с минуту, он позвал снова, погромче. На этот раз за стеклом появилось заспанное лицо его подруги.

– Хосподи! – только и сказала она, пропуская дворецкого в дом. – Где же это вы были, Василий Николаевич?!

– Ох, где я был, мать, – отвечал тот, усаживаясь на подвинутый ему табурет и утирая ледяной пот со лба. – Не поверишь.

– Ну?

– На шабаше.

– Та ты шо?! – кухарка перекрестилась. – И самого видел?

– Как тебя, мать. Налей-ка мне хреновой.

Осушив одну за другой три полные стопки и закусив их моченым яблоком, Василий Николаевич забрался под еще не остывшую перину своей подруги.

– Пахнешь ты как-то странно, Вася – сказала та, по-собачьи коротко втягивая носом воздух.

– С утра помоюсь первым делом, – хотел ответить он, но не успел, заснул.

17. Лугин осознает, что ему нужна помощь

Дневник Лугина

Ноябрь 10-е

Ее страстный шепот, ее стоны звучат у меня в ушах весь день с той же настойчивостью, с какой раньше звучал адрес дома, в котором я нашел свое счастье. Каким далеким кажется то время, когда я жаловался на терзающий меня голос! Теперь я слышу его постоянно. Сознание моё тускло, словно плохое стекло.

– Не ты ли тогда звала меня сюда? – спрашиваю я ее.

– Ну конечно я, – шепчет она и проводит пальцем по моим губам, словно хочет остановить мои вопросы.

– Но как ты знала, что я приду?

– Я знала, – отвечает она.

– Как же ты выбрала меня?

– О-о, это целая история. – Она откидывается на подушку и закидывает руку за голову. – Однажды я шла по улице и увидела, как у подъезда одного особняка остановилась карета. Дверцы ее открылись, и из нее вышел молодой человек. Он помог выйти из кареты прекрасно одетой молодой даме, и когда она ступила на тротуар, он поцеловал ее руку. Это было так романтично, что я

захотела стать этой дамой! Когда она скрылась за дверьми, а молодой человек отправился домой, я последовала за ним. Это был ты, мой дорогой!

Если то, что она рассказывает – правда, то в августе мы с Верой действительно вернулись с вечера у Карамзиных в ее карете. Мы простились у дверей ее дома. Наш разговор, как многие наши разговоры, так переполнял мои мысли, что я хотел еще побыть один, возвратиться к каким-то ее словам. Я отправился в гостиницу пешком. Да, помнится, мне показалось, что за мной кто-то следует. Я повернулся и увидел женщину в плаще с капюшоном. Мысли мои, однако, были заняты другим, и я тут же забыл о ней.

– Но была ночь, – сказал я. – Ты в это время была на улице?

– Да, отец просил меня выполнить одно срочное поручение. Да разве это важно? – и она снова прильнула к моим губам.

Я прошу Альбину о встрече днем, предлагаю выйти погулять моим излюбленным маршрутом вдоль каналов, полюбоваться тихим светом осеннего солнца на куполах храмов, но она всегда находит оправдание, чтобы уклониться. То ей нужно выполнить отцовское поручение, то просто нездоровится, но в сумерках она появляется снова и набрасывается на меня с энергией, которую не заподозришь в существе, о котором ее папаша недавно говорил как об обреченном. «Твоя любовь, – говорит она, – придает мне сил».

Ноябрь, 12-е

Утром я просыпаюсь обессиленный больше, чем после операции. Штосс со Штоссом и ночи с Альбиной вымотали меня. Сплю целыми днями. Дождь стучит в стекла, барабанит по карнизам, заставляя меня погружаться в гипнотический транс. Я пытаюсь вспомнить, как выглядит моя любовница, вижу изгиб ее губы, жемчужные зубки и засыпаю.

Сегодня обнаружил отсутствие нательного креста. Перерыл постель – нет. Как же я мог потерять его?

Ноябрь, 13-е

Вчера случилась престранная история. Уступив моим настойчивым просьбам выйти на свежий воздух, моя возлюбленная собиралась чуть не весь день и постучала ко мне уже в сумерках. Я едва сдерживал раздражение, но отказываться теперь выходить с ней на темнеющую улицу казалось так же глупо. Мы не дошли еще и до середины переулка, когда на другой его стороне образовалась свора собак. Откуда их столько взялось – не представляю. Они яростно лаяли на нас, некоторые просто истекали пеной от злобы. Хотя свора росла на глазах, что-то сдерживало ее от того, чтобы броситься на нас, как если бы какая-то незримая стена стояла между нами. Наконец Альбина остановилась и воскликнула: «Ах, пойдемте домой, неужели вы не видите, что они не пропустят нас?» Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Оглядываясь, я видел, как собаки шли за нами, воя и лая, но так и не осмеливаясь приблизиться. Не представляю, чем бы это окончилось, если бы они оказались решительней.

Дома Альбина сготовила глинтвейн, и, выпив по чашке, мы тут же забрались в постель, где она снова набросилась на меня, обнимая и покусывая, как она любит. Видимо, в этом порыве она и прокусила мне шею, что я заметил лишь утром, обнаружив кровь на подушке – совсем немного – каплю-другую, не более того. Я нашел ранку, когда брился. Мой ночной образ жизни поменял мое восприятие света. День мне теперь кажется нестерпимо ярким, даже когда небо скрыто облаками. В этом ярком свете я и рассмотрел на шее полоску запекшейся крови.

Вчера ночью она снова приникла к моему горлу, вызвав секундное головокружение. Я не поверил, что такое возможно, но когда она оторвалась от меня, я увидел, с каким отстраненным наслаждением она облизнулась. Меня это ужаснуло, но заметив выражение моего лица, она снова прильнула к моим губам, как обычно упреждая таким способом все вопросы. Ее губы были солеными.

Ноябрь 17-е

Меня стало угнетать не столько даже то механическое упорство, с которым Альбина отдает-ся наслаждению, сколько внезапное осознание того, что мои первые рисунки, когда я пытался воспроизвести ее лицо по памяти, имеют поразительное сходство с ней в минуты нашей близости. Ее лицо превращается в страшную маску. Стало быть, глаз мой был точен, да я ему не поверил.

Я говорю ей, что хотел бы повидаться на Рождество с родителями, но она, проводя пальцем по моим губам, это ее излюбленное движение, говорит как обиженный ребенок: «А как же я? Неужели ты бросишь меня?»

– Мы увидимся через две недели от силы, – пытаюсь я успокоить ее.

– Неужели ты не понимаешь, что это вечность, что без тебя сердце мое разорвется?!

– Без моей крови?

– Да-да, – шепчет она, принимая ко мне, и снова жаркая темнота накрывает меня. – Ты не понимаешь, я, бывает, хочу просто выпить тебя всего, просто вот взять и проглотить тебя, чтобы ты был весь внутри меня, чтобы ты там внутри стал мной.

– Так это ты мне горло прокусываешь?

Она смеется, жарко дышит на меня, говорит:

– Ты что, думаешь, я собачка какая-то? Не-ет, вот у меня тут специальный ножичек есть, ви-дишь?

Она тянет цепочку и показывает скрывавшийся между грудей крохотный нож белого металла, который я было принял за удлинённый католический крест.

При всей моей утомленности ею, я больше не могу без нее. Если она задерживается вечером хоть на полчаса, меня одолевает мучительный жар. След, оставленный ее ножичком, воспаляется и зудит так, что я готов разорвать себе горло, чтобы выпустить наружу хоть немного моей отравленной крови. Когда страдание мое становится несносным, я надеваю смоченный в ледяной воде шелковый шарф, подарок моей маркизы. Это приносит мне временное облегчение, но только ощущение губ Альбины на горячей коже прекращает эту пытку и дарит ни с чем не сравнимое блаженство.

Старик прекрасно знает о наших отношениях. Вчера, когда я вышел к нему из спальни, он уже сидел за столом и, привычно перетасовывая карты, спросил с толикой нетерпения: «Ну, что, вы уже освободились?» Как же нужно любить деньги!

Михайлов день

Просыпаюсь от колокольного звона. Выхожу на улицу. Снова из тумана выныривает тот же молодой человек в дырявой шляпе. Я ему: чего звонят? Он: Архистратига Михаила отмечаем, сударь. Праздник этот напоминает нам о грядущем Соборе всех Сил Небесных, который в День Страшного Суда Божьего собирается. Вот когда нам всем за свои деяния отвечать предстоит. Говорит и уходит своей дорогой. Неужели снова сон? Бреду назад. У дома останавливаюсь и долго рассматриваю его. Здание невелико – шесть окон по фасаду и шесть по боковой стене. Откуда же в нем такой лабиринт? В квартире уже мне приходит мысль составить карту, проверить каждую дверь и заодно найти квартиру, где живет моя ненасытная любовница. С картой, конечно, не заблудишься. Беру лист бумаги, карандаш и ныряю в коридор с зелеными в полоску обоями. Первая же дверь оказывается отпертой. Вхожу. В комнатке продавленный диван под рваным пледом, стол и стул. На столе огарок в блюдце и книга. Подхожу, это – Священное писание. Сев, открываю наугад и читаю:

«Мед источают уста чужой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней.

Держи дальше от нее путь твой и не подходи близко к дверям дома ее, чтобы здоровья твоего не отдать другим и лет твоих мучителю; чтобы не насыщались силою твоею чужие, и труды твои не были для чужого дома.

И ты будешь стонать после, когда плоть твоя и тело твое будут истощены, — и скажешь: “за-чем я ненавидел наставление, и сердце мое пренебрегало обличением, и я не слушал голоса учителей моих, не приклонял уха моего к наставникам моим: едва не впал я во всякое зло среди собрания и общества!”

Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя».

Слезы легко и обильно полились из меня. Вера-Вера, ты ли мой колодезь? Почему пренебрегаю я тобой?

Декабрь, не знаю числа.

Я болен. Бывает, я испытываю такую слабость, что не в состоянии пошевелить рукой, подняться с постели, выйти в трактир. Как мне не хватает Никиты! Голова в тумане, в теле жар. Открою глаза — день, закрою и открою — ночь, горит свеча, поверну голову, есть ли Альбина, но и ее нет. Кто же тогда зажег свечу? Я совершенно один, и если умру, то так ни с кем и не простившись. Вера-Вера, помнишь ли ты еще обо мне?

Декабрь, не знаю числа.

Снова проснулся от звона колоколов, едва добрался до окна, распахнул его, мороз обжег лицо, сковал дыхание. А все легче стало. Крыши подо мной сплошь укрыты снегом, от печных труб вьются к низкому серому небу белые косы дыма. Неужели уже Рождество? Нет, быть такого не может. На Рождество, куда ни пойдешь, где ни окажешься, воздух пахнет хвоей. Наверное, Введение во Храм Богородицы. Хорошо бы сходить к причастию, но как исповедоваться? Что расскажу о своей нынешней жизни? Да и кто поверит во все случившееся со мной? Скажут — безумец, еще и в желтый дом улекут. А может быть мне и правда место в нем? Так я стоял в оцепенении у окна, пока явственно не ощутил в холодном воздухе запах ладана. Как чудесен, как животворен он был! Я оделся и вышел.

18. Происшествие в Никольском Морском

Запаздывавшая к литургии Лизавета Гавриловна неслась со всех ног по Садовой, когда на ее пересечении с Большеподъяческой вынуждена была придержать свой бег. Прямо перед собой она увидела человека, который двигался по тротуару странно широким зигзагом, как если бы преодолевал некую невидимую преграду. Иногда он беспомощно оглядывался, и она видела, что на изможденном и небритом лице его было написано отчаянное страдание. При этом бедолага совсем не напоминал человека выпившего сверх меры. Скорее это был душевнобольной, терзаемый своим внутренним бесом. Оттолкнувшись всем телом от стены дома, он как по уходящей из-под ног палубе бежал к фонарному столбу у кромки тротуара, хватался за него, потом, отдышавшись и собравшись с силами, отправлялся к следующей опоре. Раз, потеряв равновесие, он упал в грязный снег на колени, но все же дополз до стоявшего рядом возка и, придерживаясь за его бок, поднялся. Когда он только осматривался, намечая свой дальнейший маршрут, извозчик так огрел его кнутом, что он снова упал. Кругом смеялись, ругались, но Лизавета Гавриловна, заметившая, что страдалец был в недешевом, хоть и крепко испачканном грязью платье, присмотрелась к нему и не без изумления признала одного из гостей своей хозяйки. Она последовала за ним и на углу Никольского поняла, что молодой человек направляется туда же, куда шла и она — в Никольский Морской.

Перед храмом народу стало больше, и это облегчило движение Лугина. Толпа внесла его внутрь. Служба еще не началась, и храм был наполнен негромким гулом, почти перекрывавшим голос чтеца на клиросе. Лугин, ни на кого не глядя, двинулся прямо к аналою, делая такие движения, словно отрывал от себя хватавшие его руки. Когда до аналая оставалось уже с десяток шагов, какой-то невидимый вихрь поднял его в воздух и бросил на пол. Гулко ударившись затылком о мрамор, он замер. И удар этот, и общий «ох!», и страшный крик, который он издал в своем ко-

ротком полете, заставил паству обернуться к нему и замереть. Со всех сторон послышалось: «Что это?», «Кто это?».

Вокруг Лугина образовался круг, но случившееся было настолько поразительно, что никто не решился прийти к нему на помощь. Этот круг минуту-другую оставался неподвижным, пока из него не выступила молодая женщина в черном шелковом салопе с роскошным песцовым воротником. Встав на колени перед лежащим и взяв его голову в свои руки, она стала всматриваться в него и, наконец, выкрикнула с испугом и болью:

– Виктор Юрьевич, вы ли это?!

И тут же подняла лицо к окружающим:

– Помогите вынести! Скорее!

Рядом с ней тут же оказалась девица в пестром платке с цветами, которая зычным голосом поинтересовалась, есть ли тут мужички, и если есть, чтобы подсобляли. Мужички тут же нашлись, к упавшему протянулись руки, толпа расступилась, и его мигом вынесли из храма. Все это время он оставался без чувств. Больного доставили в дом на Литейном, куда был срочно вызван медик.

Это был Иван Геласьевич Авраамцев, проживавший в Поварском переулке, минутах в десяти ходу от дома графини. Представительный мужчина с аккуратно подстриженной бородой и строгим взглядом, он выучился медицине за рубежом, но при этом не скрывал скептического отношения к новомодным методикам своих западных соучеников. Нет, Иван Геласьевич, конечно же, прекрасно сознавал, что состоятельный народ рад раскошелиться на все экзотическое, но сам следовал лишь правилам, многократно проверенным опытом предшественников. Он не остерегался растерять клиентуру, зная, что те, кто раз прибегал к его помощи, в конечном итоге возвращаются к нему.

Осмотрев пациента, коснувшись рукой его лба и измерив пульс, доктор попросил дам покинуть комнату, а дворецкого остаться для оказания деликатной помощи. Осматривая исхудавшее тело Лугина, о котором впору было сказать кожа да кости, медик особое внимание уделил ранам на шее больного. Достав из саквояжа увеличительное стекло, он попросил дворецкого держать свечу поближе и стал рассматривать их.

– Клопы? – поинтересовался дворецкий.

– Нет, брат, тут зверь пострашнее.

Снова одев больного, который так и не пришел в сознание, Иван Геласьевич велел позвать стоявших за дверью женщин.

– Ну, говорите скорее, милый доктор, что с ним? – потребовала графиня.

– Крайняя степень истощения, Вера Осиповна. Крайняя, – лекарь покачал головой сокрушенно. – Такое впечатление, что он долго голодал, но как такое возможно? Ведь он не беден, да и связи у него есть.

– Последние месяцы он отказался общаться со старыми знакомыми, в том числе и со мной.

– Вот как. Не сочтите за досужее любопытство, Вера Осиповна, но не скажете ли, при каких обстоятельствах он попал к вам?

Графиня подробно сообщила о случившемся в Никольском Морском. Внимательно выслушав ее, медик заключил:

– Он молод, Вера Осиповна, и вся надежда на это. В качестве лечения пока порекомендую обильное питание и покой. А всего лучше увезти его отсюда куда-то на юг, на укрепляющие воды. На Кавказ, а то и в Италию. Тэры там бесподобные. А пока я дам вашей Лизавете Гавриловне рекомендации для изготовления одной целебной настойки.

На кухне лекарь уселся за стол и, внимательно выслушав версию кухарки о тех же событиях с участием Лугина, уточнил:

– Точно он не сам подпрыгнул?

– Да так не подпрыгнешь.

– Значит, микстура простая, матушка. Сделаешь чесночную настойку и будешь ей протирать ранки на шее и везде, где заметишь такие же. Смотри особенно внимательно на запястья и сгибы

рук, где вены видны. Ноги тоже осматривай. Также положишь под перину несколько вязок чеснока, можно и на окна повесить, и возле дверей разместить, но так, чтобы в глаза не бросалось. Ну и молитесь за его здоровье, да поусерднее.

В ответ Лизавета Гавриловна, осмотревшись по сторонам, чтобы ее никто не слышал, наклонилась к медику и сказала:

– Я так и подозревала, Иван Геласьевич. И как вы человек глубоких знаний, сообщу вам совершенно невероятную историю, которая приключилась днями с моим Василием Николаевичем. А что до чесноковки, так она у меня уже готова, потому что я же сразу сообразила, с чем мы тут дело имеем. Не желаете ли стопку для инспекции качества, так сказать?

– Если с легкой закуской, то не откажусь, – отвечал эскулап, ослабляя указательным пальцем галстук. – И заодно Василия Николаевича позовите. Невероятные истории лучше слышать из первых уст.

19. Графиня берет на себя заботы о Лугине

Лугин пришел в себя в залитой светом комнате. Все в ней – постельное белье, стены, занавеси были пропитаны солнечным сиянием, радовались ему, купались в нем. Он ощущал блаженное бессилие и покой. Так могло быть в потустороннем мире, где у человека не было больше никаких печалей и желаний. «Неужели я умер?» – подумал он, но тут же другая мысль опечалила его: «Нет, не такой свет уготован мне».

Он лежал так, наслаждаясь своей неподвижностью, когда дверь отворилась и в комнату вошли две фигуры. Одна из них, присев на край постели, наклонилась к нему, и он узнал графиню Веру.

Легкая рука ее прильнула к его лбу, она улыбнулась ему, и в этих улыбке и взгляде было столько участия и заботы, что слезы обожгли его глаза и судорога сковала лицо.

– Ну, ну, *top ami*, все уже хорошо, вам не о чем переживать.

Графиня утерла его лицо платком, и от легких касаний ее руки слезы потекли еще обильней. Он взял ее руку и прижал к губам.

– Ничего не говорите сейчас, вам нельзя волноваться, все объяснения после. Позвольте мне побеспокоиться о вас, хорошо?

Когда графиня ушла, бывшая с ней девушка принесла на подносе обед и помогла ему сесть повыше на подушках. Руки у нее были крепкие, привычные к работе.

– Вам помочь, барин? – спросила она, с интересом разглядывая больного.

– Настя, ты ли это? Я ведь тебя помню. Зови меня Виктор Юрьевич, какой я тебе барин?

– Хорошо, Виктор Юрьевич. Так помочь или сами?

– Сам, Настя.

Он стал подниматься, но это стоило ему таких усилий, что девушка все же помогла ему сесть и поправила подушки за спиной. Лугин взял поданную ложку, но рука так задрожала от слабости, что пришлось опустить ее. Настя стала кормить его. Сделав несколько мучительных глотков Лугин показал, чтобы она остановилась.

– Как же это вас, барин, так угораздило?

Он обессиленно откинулся на подушки. Прошлое начало восстанавливаться в памяти, проступать в деталях: лязг серебряных мисок с кровавыми полумесяцами на дне, горячие и соленые на вкус губы, мерзкий старик, сгребавший костлявой рукой монеты со стола. Ужас накрыл его на минуту.

– Барин! Виктор Юрьевич! Что с вами?!

Он открыл глаза, чтобы вырваться из захватившего его видения, и тут же комната, накренившись, поплыла в сторону, и так резко, что он схватился за край постели.

– Да вы белей подушки, барин! – Лицо Насти снова возникло перед ним. – Не позвать ли лекаря?

– Нет, нет, уже прошло.

– Виктор Юрьевич, выпейте портвейну, – девушка наполнила рюмку и подала ему. – Прошу вас. Сейчас – самое то принять.

– Оставь на столе, Настя, как бы меня не стошнило. Я позже.

С наступлением темноты у больного началась горячка, он покрылся испариной, рубашка его сделалась мокрой. Он не отвечал на обращенные к нему вопросы, и тогда снова послали за Авраамцевым. Осмотрев пациента, лекарь снова велел обтирать его приготовленной Лизаветой настойкой и давать больше пить.

Настя осталась с больным и несколько раз ночью, когда он начинал метаться в жару, клала ему на лоб компресс. За полночь уже в комнату пришла графиня с книжечкой акафиста пресвятой Богородице. Они встали на колени перед образом и стали читать. Закончив, Вера поднялась с колен и подошла к больному. Глаза его были закрыты, он дышал глубоко и спокойно.

Утром, вернувшись к Лугину, она обнаружила его еще спящим. Рядом в кресле спала, свернувшись клубочком, Настя. Графиня тихононька присела на край постели и рассматривала Лугина. Он исхудал, постарел, скулы остро проступили под побелевшей кожей, глазницы углубились, в густых волосах появились серебряные нити. Но лицо его было спокойно. Вера наклонилась и коснулась губами его лба. Больной раскрыл глаза и стал всматриваться в графиню, словно не узнавая ее. Потом взял ее руку и положил себе на грудь.

Прав был врач – молодость взяла свое. Через неделю уже Лугин ходил без помощи Насти и обедал в столовой с графиней. В канун Рождества он впервые вышел из дому. Снег сиял на солнце, в морозном воздухе, наполненном безошибочным праздничным ароматом хвои, слышен был скрип полозьев, восклицания возниц, детские крики. Витрины украсились еловыми ветвями, красными, белыми и золотыми лентами. Они поехали по Дворцовой набережной вдоль скованной льдом Невы. Ощущение света и простора, рука графини в его руке наполняли Лугина счастьем, но оно было неполным. В памяти гнезилось воспоминание, как он умолял Альбину выйти из страшного дома и как их единственная попытка покинуть его окончилась встречей со сворой собак.

Прошлое, как сон, то отдалялось от него, то возвращалось в самые неожиданные моменты, как это случилось, когда графиня сказала, что перед Рождеством собирается к исповеди и спросила, не хотел бы он присоединиться к ней. Вопрос застал Лугина врасплох.

– Пока нет, – отвечал он, ощущая, как краска бросилась в лицо. – Я не готов, Вера.

– Я вижу, что тебя съедает какая-то большая забота, Витюша, – сказала она, садясь возле него и беря его руку в свои. – Кому как не мне ты можешь довериться? Увидишь, как тебе станет легче.

Он с благодарностью пожал ее руку и покачал головой. Он знал о ее готовности принять и разделить его боль, но как ей, именно ей, он мог рассказывать о ласках другой! В какую форму ни облекли он свой рассказ, он положит конец их отношениям. Он даже застонал от бессилия, слезы обожгли глаза и, целуя ее руку, прошептал: «Прости меня, Вера, прости... Не могу».

Графиня отправила письмо родителям Лугина с заверениями в том, что Виктор выздоравливает и под надзором врача. В ответном письме Надежда Ивановна Лугина благодарила за помощь и предлагала отправить сына домой, где его встретит любящая семья, либо же по крайней мере вернуть ему в помощь Никиту. Но Виктор, хоть и вспоминал отчий дом, готов был последовать совету лекаря и отправиться в совершенно другом направлении, лишь бы подальше от столицы.

– Хочешь, съездим в мое поместье под Одессой? – предложила Вера. – Море ничуть не хуже, чем в Италии, дом прекрасный, и даже есть настоящий бассейн! Виды для занятий живописью – чудесные: обрывистые берега, степь, дубравы, а характеры-характеры! Местные селянки так и просятся на холст! Да и меня ужасно тянет в родную Новороссию, ведь я там выросла! Одесса – совсем небольшая, но такая уютная! Новые дома, театр, кофейни, огромная лестница спускается прямо в порт, и цветы-цветы, повсюду цветы! Поедем?!

Видя, с каким волнением графиня ждет его ответа, он улыбнулся ей и совершенно неожиданно и для себя и для нее шагнул к ней и, взяв за плечи, привлек к себе.

– Поедем!

Она не стала отстраняться.

– Тогда в мае! Самое чудесное время. Все просыпается вокруг, как будто жизнь начинается заново. Пусть она начнется заново и у нас.

Лугин снова вернулся к любимым занятиям. Его комната наполнилась запахом скипидара, холстами, рулонами бумаги. Вера с удовольствием позировала ему, и он получил прекрасную возможность спокойно и вдумчиво изучать ее внешность, искать в ней то, что безошибочно передаст суть ее характера.

Поразительны, истинно поразительны были ее глаза, исчерна-серые, с зеленоватыми отливами, с поволокой, длинные, как у египетских божеств, с лучистыми ресницами и смелым взмахом бровей. Странное выражение было у этих глаз: они как будто глядели, внимательно и задумчиво, из какой-то потусторонней дали. Порой Виктору казалось, что обладательница такого взгляда не может не знать тайну его болезненной страсти, неумолимой тяге к другой. И от мыслей об Альбине низ живота сжимался от приливавшей горячей волны желания.

20. Новый распорядок жизни Лугина обрывают таинственные стуки

Всякий больной, научившись прислушиваться к своему организму, создает наиболее благоприятный для него режим. Так и Лугин, опасаясь ночи, которая, как ему казалось, таит опасность встречи со своими воспоминаниями, делал все, чтобы ложиться как можно позже. Они с графиней ездили в гости, уже не стесняясь слухов об их очевидной близости или дружелюбных и всегда поощрительных намеков друзей на скорый брак. Дома они подолгу засиживались за шахматами или же, взяв книги, устраивались друг напротив друга в креслах. Бывало, почувствовав на себе пристальный взгляд Лугина, графиня отрывалась от чтения и смотрела на него, улыбаясь и словно говоря: терпение мой друг, скоро-скоро мы будем вместе.

Однажды, вернувшись в свою комнату, Лугин сел на постель и стал раздеваться. Глаза слипались, и он знал, что стоит коснуться щекой подушки, как сон одолеет его. В этот момент он слышал звук, как если бы кто-то постукивал с другой стороны стены. Тук-тук, потом пауза и снова: тук-тук.

Лугин поднялся, подошел к стене, за которой стучали, и приложил к ней ухо. Ничего. Он вернулся к постели и, как только сел на нее, снова услышал: тук-тук, тук-тук.

Сон как рукой сняло. Он вышел в коридор. Из-за поворота его шел свет и страшная крючковатая тень, похожая на спрута, шевелилась на стенах и потолке. Он замер от неожиданности, потом, совладав с собой, прошел вперед. За поворотом дворецкий, поставив канделябр на пол, поправлял висевшую на стене картину. Отступив от нее на шаг, он посмотрел, ровно ли она висит, и снова чуть-чуть подправил. Наклоняясь за канделябром, он увидел Лугина.

– Виктор Юрьевич, вы?! – он явно испугался неожиданного появления гостя, потом с видимым облегчением отступил к стене, давая тому проход. – Прошу вас...

Но Лугин, приложив палец к губам, жестом пригласил дворецкого следовать за собой. В комнате Лугин показал, чтобы дворецкий сел рядом с ним на постель. Они просидели так несколько минут, в течение которых Василий Николаевич посматривал на гостя с удивлением, но тот только прикладывал палец к губам, а потом предостерегающе поднимал в воздухе.

«Тук-тук» – снова постукали, и Лугин показал на стену, а дворецкий с удивлением посмотрел на него. «Тук-тук».

Дворецкий со словами «Господи помилуй» перекрестился и еще не успел опустить руку, как из-за стены раздалось оглушительное «Бах!». И потом мелкое и постепенно затихающее «тук-тук-тук-тук-тук».

– Виктор Юрьевич, – сказал дворецкий с изменившимся лицом, – это демоны.

– Как вы знаете? – спросил Лугин.

– Там за стеной ничего нет. А до следующего дома не менее аршина.

– Но кто-то же мог и забраться.

– Это вряд ли, Виктор Юрьевич. Тот, кто забрался, уж слишком сильно жажнул по стене, когда я перекрестился. Простой человек через стену видеть этого не мог. Это – демоны.

– Ну-ка, давайте вместе попробуем, – сказал Лугин, и только было поднял руку ко лбу, как за стеной застучало так сильно и громко, что даже приставленный к ней столик задрожал на своих тонких ножках и отодвинулся от нее.

Оба замерли и тут же подскочили от стука в дверь.

– Я открою, – Лугин поднялся, осмотрелся и взял с полочки под мольбертом нож. Дворецкий взял со стола канделябр, держа его обеими руками, как воины держат меч. Ступив к двери, Лугин распахнул ее.

На пороге стояла Настя.

– Барин, это вы стучите? – шепотом спросила она.

– Да-да, Настя, это я, ты не волнуйся, – отвечал Лугин, пряча за спиной нож.

– Ступай к себе, видишь, я тут тоже укладываюсь.

Когда девушка ушла, Лугин хотел было спуститься на улицу, чтобы найти шутника, но дворецкий решительно остановил его.

– Нет, нет, нет, Виктор Юрьевич, вы ложитесь спать, а я все сам осмотрю и утром доложу, да и стихло все уже. Ложитесь. Я бы даже для успокоения глоток другой вина рекомендовал. Не изволите-с?

– Давайте, – согласился Лугин. – И себе налейте.

– С удовольствием-с, – ответил дворецкий и наполнил бокалы.

Дождавшись, когда Лугин ляжет, Василий Николаевич помчался на половину прислуги. У дверей комнаты своей подруги он сбросил сапоги и на цыпочках вошел. Лизавета Никитична негромко похрапывала на своей постели, и это именно то, что нужно было дворецкому. Пройдя на цыпочках к ее заветному шкафику, он раскрыл дверцы и достал оттуда штоф с чесноковкой. Зубами он вытащил пробку и, приложившись к горлышку, сделал три большие глотка. Зажмурившись, он выпустил рванувшие было наружу пахучие испарения в манжет и им же утер губы, а заодно и пробившую его слезу. Пахло так, что Лизавета Никитична перестала похрапывать и несколько раз громко втянула носом воздух, словно и во сне не теряла своей природной бдительности. Дворецкий поторопился закрыть штоф и поставить его на место. Лизавета Никитична снова захрапела, и дворецкий, переведя дух, так же бесшумно ретировался в коридор.

Еще через минуту он отворил засов на входной двери и вышел. Залитая лунным светом улица была пуста. Преодолевая страх и оглядываясь по сторонам, дворецкий прошел к углу, чтобы посмотреть на боковую стену дома. В проходе между нею и соседней стеной было, как он и предполагал, с аршин зазору – вполне достаточно, чтобы какой-нибудь ловкий шалопай забрался на высоту второго этажа, где была комната Лугина. Но в зазоре между двумя домами царил такой густой мрак, что оставалось только гадать, что там могло происходить с четверть часу назад. Дворецкий повернулся, чтобы идти в дом, и совершенно неожиданно уперся в фигуру настолько высокую, что ему пришлось запрокинуть голову, чтобы рассмотреть ее лицо. Он увидел устремленные на него глаза, от которых спускалась к нему огромная черная борода.

– Это вы стучать изволили-с? – спросил дворецкий, пытаясь придать тону полагающуюся ситуации строгость.

– Ну, может и я, – ответил бородач и наклонился к дворецкому, словно хотел получше рассмотреть его.

– А как же это у вас получилось, позвольте поинтересоваться? Вы тут, а стучали там.

– Как? – удивился было бородач, но неожиданно удивление на его лице сменилось совершенной очевидной растерянностью. Он потянул носом пахучий эфир, окружавший его собеседника, и когда тот наполнил его легкие, великана сильно передернуло, потом он весь как-то сжался, зажмурился и, выкрикнув неожиданно тонким и отчасти даже задуманным голосом: «А вот так!», чихнул. Пространство вокруг Василия Николаевича содрогнулось, как если бы рядом разорва-

лась бомба. Раскаленная волна сбила его с ног. Сидя на тротуаре, он увидел, что воздух вокруг него задрожал, а бородач, как изображение на воде, стал распространяться во все стороны легкой волной, дробиться и, наконец, исчез совсем. Слегка оглушенный дворецкий потряс головой, осмотрелся, но никого не было вокруг, только долетел до него звук чего-то тяжелого, покотившегося по тротуару, – «тук-тук-тук», и затих в отдалении.

На нетвердых ногах Василий Николаевич вернулся в дом, тщательно запер дверь и потряс ее за ручку для верности. После пережитого он решил принять еще немного успокоительного и, доставая штоф, разбудил сожительницу.

– Что это ты среди ночи пьешь, Вася? – она села на постели и ладонями потерла лицо, открывая заспанные глаза. – Или опять на шабаш летал?

– Я не пью, Лизавета, я от бесов предохраняюсь.

– И что, помогает?

– Ты даже не представляешь себе как. Сейчас я тебе все расскажу. Только дай секунду.

Дворецкий опрокинул в себя стопку, после чего поведал Лизавете Гавриловне о своих последних приключениях, завершив их так:

– И вот что я еще тебе доложу, дорогая моя. Мужик этот с бородой и есть тот самый дворник из Столярного переулка. Это я ему гривенник вручил, чтобы он мне сказал, кто в доме живет. Огромный и с бородой вот до сих пор. – Василий Николаевич показал рукой, до каких пор. – Он мне еще тогда не понравился.

– Ну, что ж, Вася, – заключила Лизавета Гавриловна. – Если они уже у нас под домом появились, жди их теперь в доме.

– Не бойся, мать, у нас теперь средство есть, – отвечал дворецкий. – Был бы у меня на том шабаше твой штоф, я бы им такое Бородино устроил, мне бы сам фельдмаршал Кутузов медаль вручил.

21. Альбина находит новую жертву

Проводив Веру Осиповну с Виктором Юрьевичем в гости, Настя села читать, но глаза скоро устали, и она, чтобы убить время, пошла в людскую. Здесь с полдюжины домовых людей собрались вокруг самовара. Чай, как это обычно случается, был лишь поводом посудачить о жизни за общим столом. Лампа освещала лица участников посиделок уютным золотистым светом, остальная же кухня была погружена в темноту. Последняя в полной мере содействовала рассказчику – истопнику Ванюшке, в растрепанной голове которого умещалось бесчисленное множество страшных быличек, слышанных им от его деревенской бабки.

– Вот вам святой и истинный крест, – так он обычно начинал свой очередной рассказ. – А вы уже хотите верить, а хотите – как хотите. Вчера, значит, собрался я часу в десятом в уборную. А там, слышу, Василий Николаевич кричат. Ну, думаю, это надолго, а сам говорю: «Василий Николаевич, пусти Христа ради, немоготу мне». А он: «Терпи, Ванька, ты молодой». Ну, думаю, все, до беды – рукой подать, была не была, сгоняю в барскую, хозяйка с гостем вроде бы в театр ушли.

– Хорошо тебя Гавриловна не слышит, – сказала прачка Дуня, сверстница Ванюшки, не пропускавшая случая поддеть парня. – Она б тебе дала барскую.

– Я ж тебе говорю, приперло, а так бы я ни-ни. Или я порядка не знаю? Влетаю, значит, я в ихний калидор, лечу, пола не касаясь, и тут мне навстречу фигура. Вся в черном. Мантилька до пола и на голове капюшон. Причем я-то со свечей, а она – нет! В темноте-то! И мантилька вся мокрая, как с улицы. Я ей: Настя, ты, что ли? А она только шмыг – как ветер мимо меня пронесся. Только каблуками – тра-та-та, и нет ее. Ну, я грешным делом и спрашиваю сам себя: а может, это наша графинюшка домой вернулась? Может, у них театра сгорела и представление отменили? А может, у нее с милым другом что-то не так пошло?

– Больно ты догадливый, – сказала Настя.

– Так я про то и говорю: не она это! Она когда мимо меня прошмыгнула, то я самым краем глаза увидел, что волос у нее из-под капюшона светлый выглядывает, а наша-то – воронье крыло! И ростом повыше. И походка у нашей степенная, а эта каблуками: тра-та-та, тра-та-та!

– А лица не увидал? – спросила Дуня.

– Лица не увидал. Но как пришел в себя, так и думаю: что же это за нечистая сила по дому шастает? Ну, ладно, сгорел забор, гори и хата, посмотрю по следам, куда это она проскакала, может тогда и выясню, кто это.

– Тебя ж приперло! – сказала Дуня. – А ты на охоту собрался. Точно брешь!

– Вот тебе святой истинный крест, – Ванюшка снова перекрестился. – Так перепугался, что про все забыл. Свечу держу над головой, иду по следам. И доводят меня эти следы до дверей комнаты гостя нашего дорогого, так-то вот.

Ванюшка замолчал и многозначительно обвел взглядом собравшихся.

– Это что же получается, что гость графинюшки нашей своих подружек здесь принимает? – спросила Дуня.

– Погоди с подружками, – остановил ее Ванюшка. – Откуда бы им тут взяться, если гостя дома нет? Стало быть, злоумышленница какая-то. Ну, я подхожу к двери, стучу на всякий случай, никто не отвечает. Я тогда, была не была, отворяю дверь, а там...

Все замерли.

– Ну же! – вскрикнула Дуня.

– А там... – Ванюшка снова обвел всех взглядом, подготавливая эффектный финал, и заключил: – ...ничего. В смысле никого. Только занавес у окна качнулся, и все. Такие вот пирожки с капустой!

– Мели Емеля, твоя неделя, – сказала Дуняша разочаровано.

Судя по последовавшим событиям, Дуняша ошиблась. Ванюшка если и приукрашивал свои рассказы, то лишь самую малость, чтобы произвести лучшее впечатление на аудиторию.

Когда по прошествии нескольких дней Ванюшку привели с разодранной в кровь шеей к Лизавете, та прежде всего самолично проверила, не завелись ли в его каморке клопы, но не обнаружив оных, отправилась с помрачневшим лицом за чесноковкой. Каким же было ее удивление, а затем самое настоящее волнение, когда выяснилось, что штоф ее проверенного средства исчез. Дворецкий поклялся, что не прикасался к нему, после чего ей только оставалось обработать раны пострадавшего обычным самогоном – краеугольным камнем Лизаветиной фармакопеи. Ванька громко стонал, но, кажется, был доволен тем, что привлек внимание сразу трех человек – поварихи, дворецкого и горничной, которые присутствовали при лечении, отчасти напоминаям экзекуцию.

После ужина, проследив за тем, как вымыта и прибрана посуда, Лизавета отправила челядь с кухни, попросив остаться за столом племянницу и сожителя. Налив им чаю, она села к столу и объявила:

– Значит так, дорогие мои, нечистая уже в доме.

– Как, тетя? – спросила испуганно Настя. – Откуда ей тут взяться?

– Откуда, говоришь? Тут у нас много чего произошло, Настя, только я все думала, что как-то оно мимо нас пролетит. Оттого тебе ничего и не говорили. А оно вон не пролетело.

Она повернулась к сожителю.

– Расскажи-ка, для начала, Василий Николаевич, на каком концерте ты побывал.

Василий Николаевич прочистил горло и начал:

– Что ж, я могу. Хотя, по совести сказать, я, бывает, сам себя спрашиваю – не померещилось ли после лишней рюмки?

– Померещилось, говоришь? – спросила Лизавета Гавриловна. – А пальто где тогда? Или в кабаке оставил?

– Окстись, мать, как бы я мог? Мне это пальто дороже собственной кожи было.

– Ну, тогда, значит, не померещилось. Он, Настя, на шабаше побывал. Одна местная чертяка на нем туда верхом летала. Там он с ней незнамо что делал, а главное – потерял пальто, после чего его в одном исподнем назад отправили.

Настя изумленно смотрела то на тетку, то на дворецкого, а тот, схватив в кулак свой чуб, так застонал от жуткого воспоминания, что все ее сомнения в достоверности происшествия отпали.

– И это не все, – продолжила Лизавета. – Вчера, говорит, в стену стучали. Потом один черт с бородой ему таки явился, и тут же в воздухе прямо как был так и лопнул.

– Тетя, так и я тоже слышала, как стучали! Я еще Виктора Юрьевича спросила, кто стучит, а он мне: не волнуйся, Настя, все в порядке.

– Ну вот, я же вам и говорю – бесы эти теперь сюда заявились, – Лизавета Гавриловна перекрестилась, оглянулась, нет ли у нее кого за спиной, потом добавила многозначительно: – Кто-то им тут сильно приглянулся.

– Ясно кто, – вздохнул дворецкий. – Ведь я как на шабаш попал? Из того самого дома в Столярном переулке, где Виктор Юрьевич жил. Там эта bestия меня и оседлала!

– Какая bestия, дядя Вася? – спросила Настя шепотом.

– Да обыкновенная, – отвечал дворецкий. – И вполне даже из себя ничего: локоны, губки, глаза только больно веселые.

– Господи помилуй, – Настя перекрестилась. – А Ванюшка давеча рассказывал, что в доме какую-то женщину видел, не из домашних. Я думала, брешет...

Наступившее молчание было нарушено звоном разбитого стекла, потом послышался громкий топот и в кухню влетел тот самый Ванюшка в одной ночной рубаше, растрепанный и с выпученными от ужаса глазами. Шея и руки его снова были в крови.

– Спасайте, люди добрые! – выкрикнул он довольно слабым голосом, и с грохотом повалился на пол.

Парня усадили, прислонив спиной к стене, обтерли кровь. Он приоткрыл глаза, но взгляд их был мутен, как будто он не мог припомнить, кто он сам и где находится. Повязывая ему на шею чистую ветошку, Лизавета Гавриловна заметила:

– Вишь как, простой самогон ее не отпугивает.

– Да кого ж он отпугивает? – пожал плечами дворецкий. – Ты ему нюхнуть его дай, может, он скорей сообразать начнет.

Елизавета Гавриловна налила в чашку самогона, новый дежурный штоф еще не успел покинуть стола, и поднесла его к носу бедолаги. Тот зашморгал, отвернулся, но взгляд его стал осмысленней. Он взял слабыми руками чашку, глотнул, задохнулся, закашлялся, потом, обведя мутным взглядом окруживших его, едва слышно выдохнул:

– Тетя Лиза...

– Ну, чего?

– Тетя...

– Ну, же!

– Огурчика дайте.

Дали огурчик.

Когда румянец проступил на скулах парня, Лизавета Гавриловна снова потребовала объяснений. Заплетающимся языком Ванюшка поведал, что когда он улегся в постель, к нему, откуда ни возмись, забралась некая девица. В темноте он было подумал, что это Дуняша, но вместо того, чтобы приласкать его, та вцепилась ему в горло.

– А что, девица-то белобрысенькая такая? – поинтересовался Василий Николаевич.

Истопник кивнул.

– Это она к тебе первый раз приходила? – строго спросила Лизавета Гавриловна.

Ванька закрыл глаза, причем неясно было, от бессилия или просто чтобы не видеть гневного взора кухарки, потом помотал головой и уронил ее, мол, теперь хоть убивайте.

– Да как же она к тебе проходила, что мы не слышали? – удивилась Настя.

– В окно, – прошептал Ванька.

– Как это в окно?! – не поняла Настя. – Как же она туда взобралась?

– Э-э, Настя, эта bestия куда хочешь заберется, – пришел на помощь истопнику Василий Николаевич. – Где не пройдет, там пролетит.

– Дурак похотливый, – подытожила Лизавета Гавриловна. – Она ему титьку показала, он и забыл все на свете.

Потом скомандовала:

– Так, надо пойти проверить, что они там накуролесили. Готовы?

– Секундочку, – сказал дворецкий и взял стоявший у печи ухват. Настя, последовав его примеру, вооружилась кочергой, но Лизавета Гавриловна их остановила:

– Погодите, тут другое снаряжение нужно.

Она принесла из кладовки полотняный мешок и, достав из него несколько вязок чеснока, одну протянула Василию Николаевичу.

– Надевай на шею, – скомандовала она. – Бесы боятся чеснока, креста и молитвы.

За дворецким такую же вязку надела на себя Настя, за ней Лизавета. Затем она сняла из красного угла икону Богородицы и встала во главе экспедиции, которая повидавшему мир наблюдателю, если бы таковой вдруг оказался на месте событий, могла бы напомнить крестный ход жителей африканской деревни.

– А с этим что делать? – кивнула Настя на сидящего у стены Ванюшку, который не в силах был присоединиться к их отряду.

– С этим? – Елизавета, не выпуская из одной руки образа, свободной взяла мешок с чесноком и, поставив его между ног пострадавшего, велела тому крепко держать его и не отпускать ни при каких обстоятельствах.

Тот кивнул и прижал к себе мешок, как малое дитя обнимает мать перед грозящей им разлукой.

Только они отворили дверь в каморку истопника, как сквозняк выбросил в окно темный занавес, и холодный воздух наполнил комнату. Лампадка под образом в углу не горела.

Лизавета Гавриловна закрыла окно, одну вязку чеснока повесила на ручку на оконной раме, другую – в изголовье кровати и велела всем возвращаться в кухню. В кухне, сев перед пострадавшим на табурет, она принялась воспитывать его:

– Чудовище! Как ты только мог развести свои мерзкие шашни в доме Веры Осиповны, этого святого существа?!

Чудовище в ответ заплакало и, размазывая слезы по лицу, сделало страшное признание:

– Тетя Лиза, я жениться хочу-у-у-у.

От такой искренности всем стало неловко, но ненадолго.

– Антихрист! – крикнула Лизавета Гавриловна. – Ты должен каждый день на коленях молить Господа Бога нашего Иисуса Христа, чтобы барыня тебе Дуньку в жены отдала, а ты немчуру в дом притащил! Ирод!

Тут Василий Николаевич счел своим долгом придержать подругу.

– Лизавета Гавриловна, окстись! Это не он ее привел, это она его нашла, чтобы к Виктору Юрьевичу подобраться.

Лизавета Гавриловна еще что-то хотела сказать, но Ванюшка снова лишился чувств, голова его бессильно упала на грудь, тело съехало набок, и он повалился на пол. Его снова попытались привести в себя самогоном и хлопаньем по щекам, но поскольку ничего не помогало, послали за Иваном Геласьевичем.

Кухарка встретила лекаря, и пока вела его к больному, сообщила о случившемся. Осмотрев пострадавшего, тот сокрушенно вздохнул и со значением посмотрел на кухарку.

– Микстура и остальные предписания те же самые, Лизавета Гавриловна. Но это не все. Мне потребуется дополнительная помощь, но на этот раз – не ваша.

22. Иван Геласьевич пишет докладную записку, которая приводит в действие невидимый доселе механизм

Вернувшись домой, Иван Геласьевич, не раздеваясь, сел к столу и написал короткую депешу, которая состояла из имени больного, его местонахождения (в доме графини Дерибас) и времени

визита. Все уместилось в три строчки, под которыми был поставлен некий странный знак, похожий отчасти на китайский иероглиф, хотя может быть и на японский, но кто теперь скажет?

Запечатав письмо сургучной печатью со своими инициалами, Иван Геласьевич вызвал слугу и велел немедленно доставить депешу по адресу, который тот, видимо, уже знал.

Письмо привело в действие невидимый доселе механизм, о существовании которого могли догадываться лишь самые проницательные из жителей столицы с дипломами заморских университетов.

Пользуясь пустотой ночных улиц, слуга понесся из Поварского до Колокольной, по ней свернул на Владимирский проспект, а где-то напротив темной громады храма Владимирской иконы шмыгнул в парадное и, перепрыгивая через ступеньку, взлетел на верхний этаж. На площадку выходила лишь одна дверь, в которую он и постучал явно условным (три коротких, три длинных и снова три коротких удара) стуком. Дверь тут же приотворилась, будто гонца ждали. В проеме показалась рука в кожаной перчатке, принявшая у посыльного письмо. Посыльный же, дав себе отдышаться, отправился домой.

Между тем за таинственной дверью послышался глухой разговор. Даже если бы кто-то и зашел подслушать его, то вряд ли различил что-либо вразумительное, разве что понял по интонации, что один его участник отдал распоряжение, а второй ответил: «Слушаюсь». Затем дверь снова отворилась, и из нее показалась фигура в длинном темном пальто и котелке. Фигура подвернула полу, с совершенно цирковой ловкостью уселась на перила и винтом слетела по ним к входной двери, бесшумно открыла ее, выглянула наружу, осмотрелась и, шагнув на улицу, растворилась во мраке. Проживавший при упомянутом выше храме кот Мафусаил был единственным, кто видел, как длинное пальто выпрыгнуло из дома напротив и тут же исчезло в черном провале Графского переулка. Там пальто юркнуло под арку подъезда второго от угла дома, пересекло двор, в конце которого постучало (опять же специальным стуком) в дверь одноэтажного флигелька. Окна его были закрыты ставнями, но за ними был виден свет.

Дверь отворилась, и пальто пропустили в помещение, посреди которого помещался внушительных размеров стол, занимаемый упитанным мужчиной с бритой головой и грозными усами. Вдоль стен выстроились стулья, на которых восседали, сунув руки в карманы и надвинув на глаза котелки, типажи с такими невыразительными физиономиями, что каждого из них можно было назвать копией соседа. Прибывший передал столоначальнику карточку с адресом и отступил в сторонку. Принявший же карточку внес адрес с нее в раскрытую перед ним книгу, после чего сжег бумажку на свече.

– Пятый, – произнес он негромко, и тут же один из сидевших у стены котелков поднялся и подошел к нему, а прибывший занял его место. Далее последовал интересный ритуал, во время которого начальник достал из стола и передал Пятому предмет, напоминавший своим видом изрядных размеров серебряный крест. Крест, однако, был особой формы пистолетом. Это обнаружилось, когда начальник самолично зарядил его и вручил Пятому. Тот принял оружие, поцеловал его, потом приложил ко лбу и сунул за пазуху. Не прошло и четверти часа, как он занял пост в глубокой тени здания напротив особняка графини Дерибас.

Дальнейшие события с участием Пятого, мы так и станем называть его впредь, развивались следующим образом. Не успел Пятый осмотреться, как к нему подошли двое – белокурая девочка лет двенадцати, которая держала за руку мальчишку лет пяти. Поразительным было не появление этой пары на улице в столь поздний час, а то, что у мальчонки была густая черная борода.

«Не карлик ли?» – мелькнула мысль у Пятого.

– Он сто, потелялся? – спросил малец у девочки, кивая на Пятого.

– Наве-рное, – девочка с деланным безразличием пожала плечами. – Чего бы ему тут делать, когда все нормальные люди спят давно?

– А вы что тут делаете в такой час? – негромко, но строго спросил мнимый потерявшийся у детей. – Вы что из цирка, что ли?

– Да, мы из цылка. Ходим по голоду и фокусы показываем.

– Какие такие фокусы?!

– А мы лазные знаем, – игрушечный бородач обернулся к девице и предложил:

– Давай ему пло лосадку покажем.

– Ну, дава-ай, – как бы нехотя согласилась та и достала из кармана настоящий хлыст. Она взмахнула им, раздался совершенно оглушительный хлопок, от которого пространство как бы раздвинулось во все стороны сразу, отчего дети вытянулись, поползли, повзрослели и превратились в дюжего мужика с бородой и девицу, принявшую вид настолько вызывающий, что все тело Пятого охватила неуместная для данных обстоятельств слабость.

– Седлать? – спросил бородач басом.

– Валяй! – кивнула девица.

Бородач взял Пятого за ворот его шинели и безо всяких усилий поставил на колени, при этом руки того сами уперлись в тротуар. Потом положил ему на спину непонятно откуда взявшееся седло и показал своей спутнице, чтобы та садилась. Та села, снова взмахнула хлыстом, и от ожегшей его боли Пятый заржал и рванул вперед так, как не всякий беговой конь рвет с места на призовых скачках.

Бородач же похлопал ладонью о ладонь и с гордо поднятой головой пошел восвояси.

Под утро Пятого в одном исподнем нашли у дверей флигеля в доме на Графской, откуда его увезли в больницу. Он был совершенно изможден и обескровлен донельзя, но перед тем как упокоиться, невнятно рассказывал про какой-то потешный оркестр, который якобы посвятил ему лично несколько веселых песен, и еще про озорную девицу, с которой непременно хотел повидеться еще хоть разок. По понятным причинам встреча эта не состоялась.

23. Графиня получает два письма, одно из которых отправляет ее в дорогу. Лугин поручен заботам Лизаветы

В первых числах февраля графиня получила письмо от императрицы. Та хотела видеть свою бывшую фрейлину на торжествах в Петергофе по случаю прибытия в столицу новой дипломатической миссии из Парижа. Это был прекрасный предлог для встречи. Графиня нуждалась в доверительном разговоре с Марией Федоровной, всегда относившейся к ней с особой симпатией и участием.

Второе письмо было из Владикавказа.

«Милая Вера Осиповна, надеюсь, что мое письмо застанет вас в добром здравии. Причиной его служат не какие-то важные события моей жизни, таковых нет, но данное вам слово относительно подаренного мне сюжета. Повесть почти окончена, но, как уже было сказано, финал с загубленной душой слишком банален, чтобы согласиться на него. Незавершенная работа и заставила меня обратиться к вам с вопросом: чем кончилось приключение вашего друга? Вы говорили, что-де мы, литераторы, мастера сводить концы с концами. Открою вам секрет: жизнь куда изобретательней нашего брата.

С надеждой на скорую встречу и долгий разговор,

Ваш М.Л.»

Графиня тут же села писать ответ:

«*Cher ami* Мишель, действительно жизнь полна событий, превосходящих выдумку. Мой приитель сейчас находится в моем доме на Литейном. Перенесенное им, видимо, ужасно. Он был тяжело болен, но сейчас поправляется. После Пасхи я надеюсь увести его в Новороссию, где он сможет окончательно вернуться к нормальной жизни. Он не рассказывает о случившемся с ним, и я предполагаю, что его реальная история, когда (и если) он решится рассказать ее, поможет вам закончить вашу. А пока наберитесь терпения и до встречи!

Ваша,

В.Д.»

Следующим утром графиня отбыла в Петергоф. Лугин был поручен заботам домашних. Он, казалось, оправился от потрясения, но на сердце у Веры было тяжело. Женская интуиция не обманывала ее. Заверяя, что у нее нет никаких поводов беспокоиться о нем, Виктор в действительности испытывал нарастающую тревогу.

В день отъезда графини Лугин, будучи не в состоянии сосредоточиться на работе, вышел на прогулку. Он покинул дом не один. Минуты не прошло, как за ним последовал Василий Николаевич. На нем была справленная после потери пальто чуйка на меху и картуз с лаковым козырьком.

Перед выходом на задание он получил от своей начальницы листок бумаги, настоящий штайновский карандаш, позаимствованный из мастерской Лугина, и инструкцию, как быстро документировать передвижения поднадзорного.

«Прошел по Садовой до Кокушкиного м.», – сделал дворецкий первую запись. Дальше следовало: «Остановился и стоял 3 мин. решая куда идти дальше. Прошел до Юсуп. сада. Ходил по аллеям полчаса. Сидел на скам. у Больш. пруда, охватив голову руками 1 час 10 мин. Перешел по мостику на ост-в, вернулся с ост-ва, прошел на Сад. По Сад. снова дошел до Кокушкиного м. Взошел на м. и стоял на нем 10 мин. Вернулся на Сад. и пошел к дому».

Василий Николаевич только не успел записать, что когда он остановился на углу Малой Мещанской и Столярного, чтобы рассмотреть вывеску заведения, предлагавшую посетителям самых свежих в Санкт-Петербурге финдеклеров с первого по пятый номер и крэвэ гри в сопровождении ледяного мюскаде, перед ним прямо из воздуха соткался очень смуглый и кудрявый юноша. Точным движением он отобрал у дворецкого его драгоценный карандаш, шумно понюхал его, потом с хрустом откусил острый конец, пожевал, закатил глаза как бы в восхищении от его вкусовых достоинств, а потом, очень быстро откусывая по кусочку и энергично двигая челюстями, сжевал весь. Потрясенный Василий Николаевич наблюдал за кудрявым, не в силах вымолвить и слова, не то что остановить его. Тут его вдруг как оглушило от осознания того, что это был тот самый кассир-арапчонок, который выдал ему билет для отправки домой с дьявольского шабаша.

– Э-э-э... – заблеял Василий Николаевич, толком еще даже не зная, что намерен сказать, как арапчонок, прижав палец к губам, зашипел:

– Тссс! Услышат же!

После чего с легким хлопком растаял в воздухе. Из ступора Василий Николаевича вывела острая боль – в руке догорела его докладная.

Дуя на обожженные пальцы, Василий Иванович спустился в трактир.

– *Monsieur veut des huitres?* – такими словами встретил его худой официант с выскобленной до пугающей белизны физиономией и явно подведенными сажей глазами.

– Водки мне, анафема! – отвечал злой как черт посетитель, отстраняя полового и направляясь к первому свободному столу.

Через час, в ответ на требование Лизаветы Гавриловны предъявить отчет о маршруте, Василий Николаевич только махнул рукой, и вызванное этим жестом движение воздуха немедленно донесло до чуткого носа кухарки запах спиртного.

– Опять? – спросила она.

– Опять, – подтвердил дворецкий, снимая картуз и утирая мокрый лоб. – Идем сядем, буду рассказывать. Только чесноку на меня надень и зелья твоего грамм сто налей.

– А то тебе еще не налили!

– То для успокоения чувств, – объяснил дворецкий. – А теперь для защиты.

– У тебя вон на шее чеснок для защиты.

– Гавриловна, не спорь, – отвечал дворецкий. – Враг серьезный. Защита должна быть круговая – как снаружи, так и изнутри.

С недовольным видом Лизавета выполнила требование своего друга, прибавив:

– Больше не дам, рассказывай.

Опустошив стопку, дворецкий стукнул ею о стол и сказал:

– В общем и целом, матушка моя, доклад мой будет коротким: как встал наш Виктор Юрьевич на Кокушкином мосту, как взял свою буйную голову в свои руки, так я и понял, куда его тянет.

– Ну, бисова дытына, – сокрушенно вздохнула Лизавета. – Как же она его заворожила-то.

Помолчали.

– Что ж с ней делать? – спросила наконец Лизавета Гавриловна.

– А пришибить стерву. Другого выхода не вижу.

– Как бы нас ее родня не пришибла.

– Ну, знаешь, Гавриловна, – заметил дворецкий. – А ля гер ком а ля гер. Мы ихних бьем, они – наших. Налей-ка мне еще одну.

Лизавета с недовольным видом выполнила просьбу. Подняв рюмку, дворецкий перекрестился и произнес:

– Наше дело правое, мать, победа будет за нами!

24. Графиня Дерibas открывает сердце императрице Александре Федоровне.

У входа в Большой дворец графиня, только выйдя из саней, оказалась в объятиях своей недавней начальницы.

– Юлечка Федоровна!

– Веронька, дорогая!

Юлия Федоровна Баранова, занимавшая пост статс-дамы и носившая соответствующее положение платье синего бархата с золотым шитьем по борту, провела гостью в ее старую квартиру во Фрейлинском коридоре. Сказав, что известит императрицу о ее прибытии, она исчезла.

В квартире все оставалось прежним: обои, приобретенные еще отцом мебель и картины. В спальне она отворила шкаф – красное бархатное платье с белой с золотым шитьем юбкой словно ожидало ее. Сердце дрогнуло, так захотелось надеть его, но к этой странице ее жизни, она чувствовала, возврата уже не было.

Высокая, худощавая императрица поднялась навстречу своей любимице, обняла и привлекла к себе.

– Как ты повзрослела за этот год, *mein herz*, настоящая дама! – начала она, с пристальным интересом рассматривая гостью. – Тебе замуж давно пора, а ты небось по-прежнему распугиваешь женихов своим язычком?

– Ах, ваше величество, ну кому нужны пугливые женихи? – отвечала графиня.

Императрица засмеялась, указала на ждавший их стол и пошла к нему первой. Сервированный на двоих, он явно был подготовлен для приватного разговора. Из окна, у которого они устроились, открывался вид на Каскады с сияющими на солнце золотыми скульптурами и Самсоном у их подножия. Лакей налил госте душистого чаю, серебряными щипцами достал из вазы миниатюрную ватрушку, увенчанную свежей малиной из дворцовой теплицы, положив на блюдце, подвинул ей.

– Отпустила я тебя, признаюсь, с тяжелым сердцем, – продолжала императрица. – И жалею об этом часто. Траур трауром, а все же дело отвлекает от горьких мыслей, разве не так? Скучаешь хоть за нами?

– Скучаю, Александра Федоровна.

– Ну, так и возвращайся! Я тебя за тем и вызвала. Ведь здесь столько твоих друзей! И каждый день одно и то же: где наша Вера Осиповна? Ты только вспомни свой салон в четвертом этаже, кого там не было – весь цвет нашей литературы!

– Александра Федоровна, я, конечно, скучаю по двору и тронута тем, что вы переживаете обо мне, но после Пасхи я собиралась ехать в Одессу. Хочу посмотреть на наше поместье, пожить в нем хоть немного.

– Одна?!

Графиня вспыхнула и, опустив голову, качнула ею отрицательно.

- Кто же этот счастливцев?
 - Виктор Юрьевич Лугин, из пензенских дворян.
 - Чем же занимается твой Виктор Юрьевич? Служит?
 - Он недавно вернулся из Италии, ваше величество. Он провел там несколько лет. Учился живописи у известных мастеров.
 - И преуспел?
 - Весьма.
 - Да, но твоему одесскому имению хозяин нужен, а не живописец.
 - Там отцовы люди за всем смотрят, ваше величество. Он им вполне доверял.
 - Хорошо если так, только бы эти доверенные люди сами себя хозяевами не возомнили.
 - Если я буду рядом, не возомнят.
 - Ну и ну, Вера! – покачала головой императрица. – Не ожидала, никак не ожидала. Что ж, попробуй. Одесса это, конечно, не Санкт-Петербург, но и там люди живут... Да и ты на их фоне только ярче сиять будешь. Но так ли ты уверена в своем Лугине?
 - Хочу быть уверенной, ваше величество.
 - Сомневаешься, стало быть. Но с твоим-то умом иначе и быть не может.
- Императрица вздохнула.
- Ты не думай, *mein herz*, я тебя не останавливаю, только тревожусь о тебе. Но неволить не стану, несвободный человек – несчастливый человек. А надумашь вернуться – встречу с радостью. Сегодня только побудь со мной, хорошо? Дай еще полюбоваться тобой, поговорить по душам, как мы, бывало, говорили. Да и ты простись с теми, кто тебе здесь дорог – когда теперь увидитесь? Ночуй в своей квартире, а после завтрака поедешь.

25. Встреча у фонтана

На завтраке в честь нового французского посольства Нессельроде сказал небольшую речь, которую завершил хлопок открытого шампанского. Обилие последнего отразилось на праздничности атмосферы, и графиня Вера вдруг поймала себя на том, как ей привычно хорошо за этим столом, с людьми, многих из которых она знала лично. Но тут же всплыла и другая, омрачившая ее радостный подъем мысль – на Литейном ее ждал остро нуждавшийся в ней человек. Ей бы сейчас сидеть на краю его постели, держать его руку в своей, смотреть в его глаза. Сколько печальной усталости скопилось в них...

После десерта разгоряченные гости вышли на террасу перед дворцом, чтобы полюбоваться видом на залив, а графиня, воспользовавшись суетой и шумом, попросила лакея подать ей шубу и вышла в наружный двор. Она направилась к укрытому снегом Снопу, умолкнувшему на зиму с другими фонтанами Петергофа. Зола поскрипывала под каблуками, едва слышно долетали с другой стороны здания голоса гостей.

– Вера Осиповна! – вдруг окликнул ее молодой, звонкий голос. Она повернулась и увидела направлявшегося к ней Киселева.

– Вера Осиповна, наконец-то! – приблизившись, он поцеловал ей руку. – Французы меня просто замучили. Слава Богу, выпито столько, что теперь им уже не до меня. Как вы? Впрочем, что я спрашиваю, все только и говорят о ваших новых планах. Стало быть, покидаете нас?

Она кивнула в ответ.

– Я, конечно же, желаю вам счастья, Вера Осиповна, но если честно, то сердце мое разбито.

– Сколько лет мы с вами знакомы, Дмитрий Николаевич? Лет сто, наверное. – Она взяла его под руку. – И вот 99 лет все было прекрасно, а на сотом году ваше сердце вдруг берет и разбивается! Не верю!

– Ну и напрасно, что не верите, дорогая Вера Осиповна. Как сказал один ваш друг: «Черноокая южанка в самовластной красоте все сердца пленила эти, те, те, те и те, те, те». Так что мое сердце и есть одно из тех.

Графиня засмеялась.

– Боже мой, Кисенька, сколько мусора в вашей голове!

– Это не мусор, Вера Осиповна. Это – творческое наследие гения. Что до того, почему я эти 99 лет хранил гордое молчание, то все претензии к моему папеньке – сперва карьера, потом все остальное. Так я и жил последние годы: приехал из Рима, уехал в Вену, вернулся из Вены, уехал в Париж. И вот... опоздал.

– Кисенька, как говорят у меня на родине: от работы кони дохнут, – графиня засмеялась. – Передайте это своему папеньке. Но, между прочим, совсем недавно вы обещали мне надоедать из всех сил. И что же – одни обещания! Нет, мужчинам верить нельзя!

– Служба, все служба, будь она неладна! – отвечал Киселев, тяжело вздыхая и хлопая себя руками по бедрам. – Подняли среди ночи, пакет в зубы и в дорогу. Третьего дня только вернулся с французами этими.

– Ну, что же поделаешь, такая у вас, значит, судьба. Но кто помешает нам дружить как и раньше, обсуждать творчество наших знакомых и немножечко злословить, не так ли?

– Не знаю, Вера Осиповна. Все же дружить можно, когда живешь с человеком рядом, а у нас что – я в Париж, вы вот – в Одессу. Из всех мест! Уму непостижимо!

– Да что же тут непостижимо?! И чем вам Одесса не нравится? Чудесный город! Светлый, радостный, живой!

– Даже не начинайте! Был я в вашей Одессе, ничего особенного! Не представляю, какому тамошнему наглецу пришла мысль сравнить ее с Парижем! Ах, Одесса это наш маленький Париж! Нет, не маленький, а масюпусенький!

Молодой человек так смешно вытянул губы, произнося «масюпусенький», что Вера расхохоталась, и он следом за ней. И снова она поймала себя на том, как вдруг испытала миг совершенно безоблачного счастья. Но миг прошел, уступив место ее привычной заботе.

– Что занятно, что все эти патриоты Одессы в конечном итоге перебираются из своего маленького Парижа в большой, или на самый худой конец в Москву, – продолжал между тем Киселев. – И знаете, кто положил начало этой традиции? Ваш знаменитый родственник – Арман-Эммануэль дю Плесси Ришельё! Действительно, ну что делать герцогу в Одессе? При их самомнении им нужен король! Попомните мои слова, Вера Осиповна, чем скорее вы уедете в свою Одессу, тем скорее мы с вами встретимся в Париже!

– Уверена, что вас это не огорчит!

– Ничутьточки!

Графиня остановилась и повернулась к собеседнику.

– Кися, вы – чудесный! Я люблю вас, честно, просто немножко не так, как вы хотели бы, но разве этого мало? А сейчас мне надо ехать, меня ждут.

Киселев наклонился к ее руке в тугой черной перчатке, но она взяла его за плечи и, привстав на носки, поцеловала в щеку.

– *Au revoir, mon ami!*

26. Лугин слышит знакомый голос

Прогулка утомила Лугина, но не избавила от тревоги, которая к ночи усугубилась. Он хорошо понимал, что именно служит ее причиной, хотя всеми силами избегал называть опасность ее именем.

Ужин – холодную телятину с белым хлебом и вином – Настя принесла Лугину в его комнату. Тот попросил ее остаться и предложил налить вина себе. Девушка принесла еще один бокал, наполнила его и устроилась в кресле напротив Лугина. Она видела, что тот тоскует и не хочет оставаться один. Пригубивая вино, она отвечала на его вопросы о жизни в Новороссии, а потом сама стала спрашивать об Италии, потом о Никите, приезда которого они ждали со дня на день.

– Уж не присматриваешь ли ты себе жениха, Настя? – улыбнулся ей Лугин.

– А что толку присматривать? – пожала плечами девушка. – В деревне-то легче себе пару найти, там и родители помогут, а тут как барыня скажет.

– Ну, Вера Осиповна тебя за плохого не отдаст.

– Это-то верно, но выбор ее будет, а не мой.

Лугин помрачнел. Разве сам он, свободный человек, волен был делать свой выбор? Память об Альбине как тяжелое покрывало навалилось на грудь, ему показалось, что он сейчас задохнется. Он отодвинул тарелку и поднялся.

– Иди, Настя, пора спать, – сказал он. – Спасибо, что побыла со мной. Покойной ночи.

Лугин приотворил окно, впустив в комнату холодного ночного воздуха, и лег. Но нервное напряжение, вызванное ожиданием неизбежной, теперь он был уверен в этом, встречи, не давало заснуть. Он раскрыл оставленный ему графиней томик Лермонтова, но смысл написанного ускользал от него. Он закрыл книгу, погасил свечу и продолжал лежать без сна, пока ему вдруг не почудилось, что он слышит тот самый едва различимый шопот, с которого началось его безумие. Лугин открыл глаза, приподнялся и стал напряженно вслушиваться. Голос стал слабее, но продолжал свою жалобную, поспешную, по-прежнему невнятную речь.

– Альбина, ты? – тоже шепотом спросил Лугин.

Весь обратился в слух, он прождал с минуту, потом уронил голову на подушку.

«Галлюцинация, – подумал он. – Ну, а если... если она точно здесь? Если бы я ее увидел – испугался бы я? Или обрадовался? Ведь я хочу ее, хочу ее ласки, хочу прижать к себе».

Лугин даже застонал от бессилия перед ее чарами. Он сел на постели, снова зажег свечу и быстрым взглядом обжег всю комнату. Ничего необыкновенного в ней он не увидел, и его сердце, сжавшееся от ужасного предчувствия, снова застучало. Он погасил свечу и лег.

Прошло несколько минут, и теперь ему показалось, что кто-то стоит посреди его комнаты. Он даже услышал – или нет? – легкий вздох, словно кто-то пожалел о его неспособности узнать присутствующего, увидеть его. Точнее – ее.

Он стал пристально всматриваться во тьму, но что же можно было увидеть в ней? Вдруг ему почудилось, что какой-то мягкий, бесшумный вихрь пронесся через всю комнату и легкий серебристый смех, ее неповторимый смех, прозвучал в его ушах.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он дрожащими руками снова зажег свечку. В комнате опять никого не было, и он уже не слышал ничего, кроме громких и тяжелых ударов своего разошедшегося сердца. Он встал с постели, налил полный бокал портвейна и выпил его весь, не отрывая губ от стекла.

Поставив бокал, он подумал с абсолютной ясностью: «Все, не могу больше. Пускай берет».

Но никто не ответил ему. Лугин походил еще по комнате, постоял у окна, вдыхая ледяной воздух. Улица под ним была темна и пустынна. Свеча нагорела, и в комнате стало опять темно, глаза его стали слипаться.

Он лег, торопясь удержать мгновение сонливости и уснуть, но теперь белое пятно двери приковало его взор. Он уставился на него, и вот это пятно шевельнулось, двинулось, исчезло... и на его месте показалась женская фигура. Лугин стал всматриваться... Альбина! Она прямо и строго смотрела на него. Потом шагнула к нему, сделала еще шаг, наклонилась так, что он услышал ее дыхание, ощутил, как ее волосы опустились на его лицо, и прикосновение ее губ. Они были ледяными. Ужас окатил его, он закричал... и проснулся.

Комната была залита утренним светом, за окном слышался проснувшийся город. Он был мокр от пота.

Дверь отворилась, и в проеме появилось испуганное лицо Насти.

– Виктор Юрьевич, что с вами? Это вы так закричали?

Лугин не нашел сил, чтобы ответить девушке. Только поднял руку и слабо махнул, отпуская ее. Та затворила дверь.

27. Лизавета открывает графине тайну недуга Лугина

В одиннадцатом часу утра Настя сообщила Лизавете Гавриловне, что больной необычно долго не выходит из своей комнаты, и тогда кухарка направила к Лугину дворецкого. Тот обнаружил гостя беспробудно спящим. Выслушав отчет дворецкого, Лизавета Гавриловна уже сама на цыпочках вошла в гостевую. Она тихонько покашляла в кулак, потом погромче, никакого результата. Она даже коснулась лежавшей на одеяле руки Лугина, потрясла его за плечо, но и это не подействовало. Она послала за доктором.

Приход Ивана Геласьевича совпал с возвращением домой из Петергофа графини Веры. Их сани подъехали к особняку одновременно. В одной руке у лекаря был его обычный саквояж, в другой футляр наподобие инженерного, лицо его выражало крайнюю озабоченность. Графиня тут же узнала о причине визита медика, и они, поднявшись во второй этаж, вместе вошли в комнату Лугина. Он был мертвенно бледен, и дыхание его было так малозаметно, что его можно было принять за почившего. На графине лица не стало.

Пока лекарь осматривал больного, появившаяся в комнате кухарка поманила графиню за собой и привела в библиотеку.

– Матушка-благотельница, мы тут все грешны перед вами и скрывали от вас всю правду о том, в какой катавасии оказались.

– Не пойму, о чем ты, Гавриловна? – удивилась графиня. – Сядь в кресло и успокойся.

Но Лизавета повалилась на колени и, обхватив графиню за ноги, залилась слезами.

– Прости, прости нас, но страшились даже заикаться о случившемся.

– Да что стряслось, говори же! Это касается Виктора Юрьевича?

– С него все и началось, барыня, а теперь и всех нас касается.

– Не тяни, Лизавета, говори все как на духу. И отпусти ты меня, я тоже сесть хочу.

– Когда вы, барыня, Василия Николаевича проследить за Виктором Юрьевичем послали, его бесы украл.

– Что ты такое говоришь, Лизавета? Какие бесы?

– Самые что ни на есть обыкновенные, матушка-благотельница, но самое страшное не это, а то, что одна из их роду, штоссова дочка, у нашего Виктора Юрьевича кровь стала пить. От того он и сделался таким немощным. Она его приворожила к себе, он и мается. И вот теперь она здесь.

– Где здесь?

– В дом наш приходит, на Ванюшку-истопника напала, его кровь пила, но ей Ванюшка не нужен, она к Виктору Юрьевичу подбирается.

– Лизавета, это просто в голове не укладывается.

– Барыня, мы оттого вам и не говорили, что оно в голове не укладывается, но вы нашего Ивана Геласьевича спросите, он вам все подтвердит.

– Зови его.

Но ни звать, ни ждать его не пришлось. Дверь отворилась, и он вошел в комнату.

28. Медик дает научное обоснование происходящему и инструктирует своих слушателей.

Поклонившись графине доктор Авраамцев начал:

– Вера Осиповна, все, что вы слышали сейчас, при всей своей кажущейся невероятности чистая правда, и я заверяю вас в этом как человек науки. Над Виктором Юрьевичем нависла смертельная опасность.

Графиня смотрела на медика широко раскрытыми от изумления глазами. Наконец спросила:

– Но почему вдруг он?

– Он – не случайная жертва. Его мучительница видимо... влюблена в него и так просто не отдаст. Поэтому вы должны дать себе ответ на очень важный вопрос: готовы ли вы вступить в схватку за него?

– В схватку? Но как?

– Способы есть, – отвечал лекарь. – Но тут важна ваша готовность – на карте жизнь человека вам дорогого.

– Говорите, Иван Геласьевич, как мы можем защитить Виктора Юрьевича?

– Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь? – ответил лекарь со вздохом. Потом обвел всех изучающим взором, словно прикидывая, осознают ли они степень свалившейся на них ответственности, и начал:

– Как вы, может быть, знаете, друзья мои, я получил образование в Дублине. Помимо обычного курса медицины я прошел еще один, о котором не распространяюсь, но... к которому время от времени мне доводится обращаться. В одно из ночных дежурств в городском морге я познакомился со старым его служителем, который и стал моим наставником. Это произошло, когда в морг был доставлен совершенно обескровленный молодой человек. Студент. Красивый мальчик, лицо которого даже в смерти было прекрасно. Смотритель, молчаливый и вечно угрюмый старик-ирландец, сразу же разрезал ворот сорочки покойника, тщательно обтер мокрой салфеткой его шею и, взяв лупу, стал изучать ее. Видя, какой интерес я проявляю к его действиям, он показал мне на шее трупа несколько небольших ран. Это были проколы, будто кожу сжали, а потом пробили чем-то острым. Я сказал старику, что не могу даже представить каким инструментом они были нанесены, на что он ответил, что инструментом были зубы. «Собака?» – спросил я. Он покачал головой и произнес слово, которое я тогда услышал впервые: «Носферату». И наш пациент, – он кивнул на Лугина, – и ваш истопник стали жертвами носферату, или как их еще называют – *немертвых*. Эти существа были хорошо описаны древними народами, первыми столкнувшимися с их властью. Носферату бессмертны и свое бессмертие подпитывают человеческой кровью.

– А по-нашему, Иван Геласьевич, это – упырь, – вставила Лизавета Гавриловна.

– Верно, это он и есть, – согласился лекарь. – Упырь, он же вампир. Но, как и обычные люди, вампиры не лишены чувств и эмоций. Бывает, что носферату влюбляется в свою жертву совершенно роковой любовью. Возможно, мы имеем дело именно с таким случаем, и это объясняет то, что Виктор Юрьевич еще не мертв сам. Дочь Штосса или кто бы она ни была, оставляет своему возлюбленному ровно столько крови, чтобы он мог жить. Но силы его не бесконечны, и мы должны действовать.

– Как же, Иван Геласьевич? Научите нас.

– Дорогая Вера Осиповна, мой ответ может ужаснуть вас. Хватит ли у вас мужества выслушать всю правду?

– Да, – твердо ответила она.

– Дочь Штосса можно остановить только одним способом. Уверен, Лизавета Гавриловна слышала о нем у себя на родине.

– Осиновый кол, – со знанием дела сказала кухарка, – других средств не ведаем.

– Именно он, Елизавета Гавриловна. Современная наука еще не установила, почему именно осина смертельно опасна для немертвых, но установила, что опасна. Это знают и в далекой Ирландии и в наших краях. Апокриф сообщает, что Богородица укрылась в листе осины от тех, кто искал Дитя, чтобы выполнить страшный приказ Ирода. С тех пор это растение считается лучшей защитой от всякой нечисти. Так это или нет – пускай выясняют другие, а наше дело – точно следовать инструкции. Но осинового кола мало, мне нужен помощник, с которым я завершу эту операцию.

– Есть такой помощник, – твердо заявил дворецкий.

– Дорогой Василий Николаевич, когда я вгнью кол в грудь фройляйн Штосс, вы должны будете отрубить ей голову. Сможете?

– Голову?! – поразился дворецкий, чья готовность помогать медику имела все же свои пределы.

– Голову сможет, – деловито ответила за сожителя кухарка.

– Гавриловна, что ты такое говоришь? Да я никогда... человеку...

– Она тебе не человек, – отрезала кухарка. – Она – упырь! Сделаешь как велено, и точка!

Иван Геласьевич попросил подать ему его футляр и, отвинтив крышку, достал оттуда узкий деревянный брус футов двух в длину с заостренным концом.

– Вот он – мой инструмент. Она сейчас спит в своем гробу и будет спать до захода солнца. Как следует из рассказа Василия Николаевича, ее логово находится в подвале дома в Столярном переулоч. Там мы ее и прикончим.

– А с дворником как быть? – спросил дворецкий. – Он там дежурит денно и ночью. Может не пропустить.

– Дворника я возьму на себя, – решительно сказала Лизавета Гавриловна.

– Помилуйте, матушка, как же это вы его возьмете на себя?

– А очень просто – вы же меня сами и научили. Приму рюмку чесноковки и устрою скандал. Нехай лопнет еще раз.

– Рюмки мало, – со знанием дела заявил дворецкий. – Три минимум.

– Хм, – сказал Иван Геласьевич. – Это неплохой план, но вы должны знать, что в охоте на носферату у нас есть союзники и, поверьте мне, опытные. Им только надо дать знать о предстоящем деле. И вот поэтому, дорогая Настя, у меня к вам будет поручение. Прямо сейчас отнесите мою записку в один дом на Владимирском. Вручив письмо, вы немедленно вернетесь сюда, чтобы быть возле Веры Осиповны. Вы меня поняли?

– Поняла, Иван Геласьевич.

– Тогда – за дело.

Лекарь написал записку, и Настя понеслась с ней по указанному адресу. Василий Николаевич тем временем принес из сарая средних размеров топор, который был одобрен лекарем.

– А теперь прошу вас оставить меня наедине с Верой Осиповной.

Когда они остались вдвоем возле спящего, лекарь достал из саквояжа небольшой предмет, обернутый в черную бархатную тряпицу, и развернул ее. Это был миниатюрный пистолет с восьмиугольным бронзовым стволом.

– Настоящий американский деррингер, – сказал медик и со значением посмотрел на графиню. – Сможете ли вы воспользоваться им в случае необходимости?

– Я стреляла раньше, – отвечала графиня. – Покойный батюшка учил меня в имении.

– Прекрасно! О лучшем и мечтать нельзя.

После этих слов лекарь достал из саквояжа заготовленный бумажный патрон с порохом и зажал его шомполом в ствол. Затем он отодвинул украшение на торце рукоятки пистолета и из открывшегося отверстия выкатил на ладонь пулю. Взяв двумя пальцами светлого металла шарик, он объявил:

– Чистое серебро. Благословлена самим... – и он назвал имя, видимо знакомое графине, ибо та понимающе кивнула.

Загнав на место и пулю, Иван Геласьевич взвел курок и из миниатюрной пороховницы отсыпал немного пороха на планку.

– Дорогая Вера Осиповна, прошу все время держать это оружие при себе. Вещица миниатюрная и, думаю, вас не обременит. Ну, а буде надобность, бейте бестию прямо в сердце. Но уверен, что мы эту надобность упредим.

– Иван Геласьевич.

– Да?

– Ответьте откровенно.

– Слушаю вас.

– Вы сказали, что эта... упырь любит Виктора Юрьевича. А Виктор Юрьевич... отвечает ей взаимностью? И если это так, то насколько уместно мое вмешательство?

– Пусть погибнет? – спросил лекарь пристально глядя на графиню. – Ведь это единственное, что вы тогда оставляете ему – смерть и муки ада.

– Что может быть слаще смерти в объятиях любимой?

– Вера Осиповна, это не любовь, поверьте мне. Это – наваждение, он не в себе, его кровь и его сознание отравлены. Наш христианский долг – спасти его.

– Любовь и должна быть как наваждение, разве не так?

Лекарь задумался на несколько секунд и ответил:

– Вероятно, ваше сиятельство, вероятно. И ваш вопрос, простите мне мою смелость, предполагает, что вам это чувство знакомо. В таком случае, Вера Осиповна, тут только остается выяснить, чье наваждение сильнее. Понятно, что вы не можете сравнивать свои чувства с чьими-то, но вы наверняка знаете, насколько сильны ваши. Кроме вас ответа никто не знает.

– Благодарю вас, Иван Геласьевич, – сказала графиня. – Делайте все что полагается, а я выполняю свою роль.

– Мужайтесь, ваше сиятельство, и поверьте – Виктор Юрьевич будет вам благодарен.

29. Дьявольская карусель в Столярном переулке

Когда переехали Кокушкин, мост Иван Геласьевич выбрался из дрожек первым, за ним сошел Василий Николаевич, который помог выбраться Лизавете Гавриловне. По плану, еще раз четко проговоренному по дороге, она должна была войти в переулок первой, что она и сделала, предварительно перекрестив возлюбленного и дав ему перекрестить себя.

– Лизавета, – сказал ей дворецкий, и глаза его от волнения увлажнились, а голос дрогнул. – Без вас, матушка, я ништо, так что берегите себя пуще жизни!

– И ты, старый, береги себя.

Углубившись в переулок, Лизавета Гавриловна обнаружила, что в конце его имеет место совершенно отчаянная потасовка, в которой принимало участие не менее дюжины драчунов. При этом ворота во двор дома №13 были настежь распахнуты, и живой клубок то вкатывался в них, то вновь выкатывался наружу. Неистово молотящие бородатого мужика с обрывками дворничьего фартука на шее очень походили на тех невзрачных нищих, которые просят милостыню на паперти и которых невозможно отличить друг от друга ни при каких обстоятельствах. В этой же битве участвовало не менее двух городских, которые отчаянно пытались развести дерущихся, но лишь усугубляли положение.

Ах, добрая Лизавета Гавриловна! Если бы волею судьбы это ты, а не дочь титулярного советника Штосса, стала бессмертным упырем, то через каких-то лет сто пятьдесят, сидя с очередной жертвой в каком-нибудь бродвейском синема, ты бы с изумлением обнаружила, что разворачивающийся на экране сюжет «Тихой улицы» с уморительным усатым типчиком в цилиндре поразительно напоминает сцену, которую ты теперь наблюдала в Столярном переулке. Честно тебе говорю!

Иногда великану, отбросив вцепившихся в него как собак нищих, удавалось ретироваться во двор, но те не отставали. Иногда он даже забегал в дом и захлопывал за собой дверь, но осаждавшая его орава лезла в окна, и он снова выбегал наружу, чтобы тут же попасть в руки преследователей. Один раз ему даже удалось всех их запереть в доме, но стоило ему только прислониться к стене, чтобы отереть пот и перевести дух, как неугомонные паразиты сбросили ему из окна на голову чугунную печку. Дворник, шатаясь, отошел на середину двора, но устоял. Нападавшие же снова вырвались наружу и понеслись смерчем из дому во двор, оттуда на улицу, оттуда во двор и снова в дом. Это была та самая подмога, о которой говорил Иван Геласьевич, но Лизавета лишилась всякой способности ясно соображать и от одолевшего ее страха заголосила на языке родной Новороссии:

– Рятуите люди добренькие, ой, рятуите меня скоріше!

Краем глаза она, однако, успела заметить, как бурный людской поток внес в дом ее благоверного и медика с его саквояжем.

30. Медик и дворецкий проникают в дом Штосса

Василий Николаевич помнил, что попав в прошлый раз в дом, он оказался в предбаннике, из которого лестница привела его в подвал с гробом, где лежала немертвая красотка. Но на этот раз они оказались в слабо освещенном коридоре, обитом зелеными обоями в полоску. Поскольку идти больше было некуда, Иван Геласьевич махнул Василию Николаевичу, чтобы тот следовал за ним. Оглядываясь – не следует ли за ними кто-то – они углубились в коридор в надежде найти в нем вход в подвал.

Они дошли до первого поворота, за которым обнаружили, что коридор под острым углом раздвоился. Спутники выбрали левый рукав, но перед тем как шагнуть в него, лекарь посмотрел на номер на двери и сказал:

– Номер шесть, прошу запомнить.

Поплутав по ломаным переходам, они снова вышли к тому месту, где коридор раздвоился.

– Василий Николаевич, сделайте одолжение, посмотрите, какой номер на двери напротив.

– Шесть, – доложил тот.

– Две шестерки одна напротив другой, вместе 66. Вы понимаете? – многозначительно спросил лекарь.

В ответ Василий Николаевич тоже многозначительно поднял брови, что, впрочем, не означало, что он что-либо понял.

– Может, постучать? – спросил он.

– Другого выхода не вижу, – ответил лекарь и постучал в дверь, у которой стоял. В ту же секунду она распахнулась, и в коридор вихрем ворвалась вся та же компания драчунов во главе с яростно отбивавшимся от них дворником. Когда они скрылись за углом, из двери вышел последний нищий и, поправляя изодранный армяк, обратился к лекарю тоном, в котором не обнаружилось ни заискивания, ни грубости, какие можно было ожидать от человека его социального статуса:

– В конце комнаты шкаф, ваше превосходительство, торопитесь.

И побежал за остальными.

– Скорее, – бросил лекарь спутнику и решительно направился к шкафу.

Отворив дверь, он увидел лестницу. Только ступив на нее, Василий Николаевич шепнул идущему впереди спутнику:

– Это оно самое место и есть.

– Тсс! – отвечал тот.

Открытый гроб, как и раньше, стоял на двух скамьях, свеча горела в его изголовье, освещая лежавшую в нем женщину с покрытым черной вуалью лицом.

Достали орудия страшного ритуала. Василий Иванович, попробовав, с какой стороны ему лучше будет действовать топором, в конечном итоге последовал указанию лекаря и занял место напротив него.

– Успеваем? – шепотом спросил он, но лекарь снова показал ему, чтобы он молчал. Сам же, положив на угол гроба извлеченные из саквояжа кол и молоток, развернул бумажку, водрузил на нос пенсе и стал с чувством читать:

«О преподобне и богоносне отче наш Илие, града Мурома и всея земли Русския украшение, храбрый во бранех, врагов прогонителю и обидимых заступниче! Молим тя, умоли Милосердного Бога, да милостив но услышит нас и дарует победу на сопротивных; и паки, припадающе, молим тя: укрепи данную тебе благодатию во бранех воинство православное, разруши силы возстающих на ны врагов, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да уведят и уразумеют, яко Господь есть Защитник наш, по нам поборствуяй. О скорый наш помощниче и заступниче, укрепи молитвами твоими немощную волю нашу, во еже обрести нам мужество духовное и сокрушение о гресех наших. Ей, отче святыи, не забуди нас, молящихся тебе о помощи, и сподоби нас, грешных, получитьи от Бога неизреченная благая, яже уготова любящим Его, яко да с тобою и со всеми святыми прославим Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

– Аминь, – негромко повторил дворецкий, уже не чаявший дослушать молитву до конца, главным образом потому, что мертвая при словах молитвы начала стонать и шевелиться, словно ей вдруг стало тесно в ее одеждах. Он занес топор, а лекарь, приставил острие заготовленного колка к груди мертвой. В тот же миг фройляйн открыла глаза. Страшен был их взгляд, и под ним рука лекаря ослабела. Он замешкался не более чем на секунду, но в это самое мгновение черное платье покойной вдруг съезжилось, пошло трещинами, зашевелилось и рванулось вон визжащей стаей летучих мышей. Лекарь невольно отшатнулся, а удар топора, нанесенный стойким дворецким разнес дно опустевшего гроба. Черный же рой вихрем вынесся из подземелья наружу, и Ивану Геласевичу осталось лишь воскликнуть в сердцах:

– Эх, опоздали! Опоздали! Ну, теперь, брат, бегом домой! Туда бы успеть!

Они задыхаясь поднялись по лестнице, выбрались из шкафа и, выйдя из комнаты, оказались в знакомом коридоре. Иван Геласевич даже застонал от досады.

31. Возвращение мертвой

Выполнив поручение доктора Авраамцева, Настя вернулась домой. Графиня была в комнате Лугина. Она сидела у окна, на коленях ее лежало Священное писание, но страшная тревога не давала ей читать. Иногда она подходила к Лугину и смачивала салфеткой его губы. Они были сухи, как во время жара, но лоб холоден. Когда появилась Настя, она усадила ее в кресло рядом, передала ей книгу и просила читать вслух пророка Иова. Но все ее внимание было сосредоточено не на истории ветхозаветного страдальца, а на том, как на глазах темнеет небо.

– Барыня, зажечь свечи?

– Да, Настя, зажги.

– Что-то наши задерживаются.

– Да, Настя, боюсь, придется нам с тобой вдвоем справляться.

– Огради мя, Господи силою Честного и Животворящего Твоего Креста, и сохрани мя от всякого зла, – произнесла девушка, наложив на себя быстрый крест.

На улице стало совсем темно, засветились окна в домах напротив. Графиня поднялась, чтобы выглянуть на улицу, когда в стекло что-то ударилось, и от неожиданности она отшатнулась. Снова ударилось черным комом и упало на карниз – это была летучая мышь. Она падала, взлетала и снова падала. Затем черное существо отлетело, затрепетало в воздухе и ринулось в окно соседней комнаты, где располагалась библиотека покойного графа. Девушки услышали звон разбитого стекла.

Обе, не сговариваясь, ринулись в библиотеку. Распахнув двери, они ощутили, как холодный вечерний воздух пронесся мимо, и оглушительно хлопнула оставленная открытой дверь.

– Неужели это мышь разбила? – сказала Настя, отодвигая ногой осколки стекла.

– Мышь ли это, Настя? – спросила графиня Вера. – У нас тут отродясь летучих мышей не было. Пойдем назад скорее.

Графиня потянула за ручку, но дверь была заперта. Она повернулась к Насте. Та с испугом смотрела на нее.

Лугин спал, не ведая ни о течении времени, ни о том, в какие напряженные события оказались вовлеченными любящие его люди. Когда часы пробили полночь, ему стал видится необычный, угрожающий сон.

Вот он входит в богатый дом, где его ждет долгожданная встреча. Ступив в гостиную он понимает, что бывал здесь и раньше, но теперь тут все богато прибрано, на стенах новые обои, на окнах богатые гардины, повсюду дорогая мебель. «Ах, неужели это тот дом в Столярном переулке, где я жил?» – думает он и идет дальше. Он добирается до своей бывшей спальни, где видит знакомый портрет, но вычищенный и с новой богатой рамой. Старик на нем приветливо улыбается ему и кивает, мол, рад вашему возвращению, а руки его уже привычно тасуют карты, словно готовясь сдать их старому товарищу по любимой ими игре. Нет-нет, не сейчас, позже.

Лугин выходит из квартиры и оказывается во дворе, где стоит роскошная карета. Карета черная, а украшения сплошь золотые. На козлах сидит бородатый дворник, но не в своем обычном армяке с фартуком, а в роскошной ливрее и новом, какие носят английские кучера, цилиндре с красным перышком сбоку. Он улыбается ему и кивает, мол, присаживайтесь, вас ждут. Тут же к двери кареты подходит непонятно даже откуда взявшийся кудрявый арапчонок, чтобы открыть ему дверцу. За занавеской, ему кажется, кто-то сидит, и сердце его сладко замирает от предчувствия встречи, но он еще хочет взглянуть на прекрасных вороных коней. Ах, какие кони, и как ухожены! Он хочет коснуться их и даже поднимает руку, но в этот момент пристяжной поворачивается и пристально смотрит на него, словно хочет что-то сказать. Ужас отражен в его глазах. И вдруг голова пристяжного начинает преобразаться, преобразаться и внезапно становится головой дворецкого, который то ли ржет, то ли кричит ему страшным голосом: «Беги, родной! Беги!» Но раздается оглушительный хлопок хлыста, и Лугин слышит тяжелый смех возницы и его голос: «А-а, ты думал, тут тебя веселая прогулка ждет? Не-ет, барин, тут трагедия разворачивается! Трагедия!»

Лугин проснулся, как вынырнул из черного омута. Горела свеча.

– Альбина, ты здесь? – позвал он.

– Да, моя любовь, – прозвучало негромко из темноты.

– Почему же я не вижу тебя? – он встал с постели.

Несколько мгновений простоял он на одном месте. Взор его блуждал. «Где же? Где?» – шептал он. Ощущение присутствия Альбины было в нем сильнее, чем когда-либо.

– Альбина, – снова позвал он. – Что же ты все терзаешь меня? Жизни без тебя мне больше нет, приди ко мне.

Лугин еще не успел произнести последнее слово, как вдруг почувствовал, что кто-то быстро подошел к нему сзади и коснулся плеча. Он обернулся, тень скользнула вправо от него, еще обернулся, и снова тень опередила его. Голова его пошла кругом, он остановился и в кресле у постели вдруг разглядел женщину. Она сидела, устроив руки на подлокотниках, и смотрела на него. Глаза ее сияли. Радость и робость, страх возможной потери и готовность торжествовать победу – все слилось в их свете, и в этом было то сиюминутное совершенство жизни, которое он так и не смог воплотить на холсте. От внезапного осознания того, что искусство не в состоянии превзойти жизнь и, стало быть, старания его были изначально тщетны, он засмеялся. Волна облегчения окатила его. Годы трудов и поисков не стоили ждущего его счастья. Альбина медленно поднялась из кресла, и он ринулся ей навстречу, обхватил ее стан, изо всей силы прижал к себе и стал целовать ее смеющиеся губы.

32. Деррингер не подводит графиню. Что с Лугиным? Непонятно

– Тетя! Тетя! – закричала что было сил Настя, увидев из окна подходящую к дому Лизавету Гавриловну. – Тетечка Лиза, нас тут с Верой Осиповной заперли! Только осторожней, она уже в доме!

– Бегу, дети, бегу! – крикнула в ответ Лизавета Гавриловна.

Едва попав ключом в замочную скважину, она распахнула дверь и вошла в дом. Осмотрелась. Темно и тихо было в нем. Еще через несколько минут, показавшихся двум узникам совершенно бесконечными, она отворила дверь библиотеки. Графиня с пистолетом в руке решительно направилась в комнату Лугина и вошла в нее.

У окна она увидела две слившиеся в объятии фигуры. Потом одна из них отделилась от другой и повернулась к ней. Перед Верой Осиповной стояла молодая белокурая женщина и, как показалось ей, немного растерянн и радостно улыбалась ей. Преодолев секундное колебание, графиня подняла пистолет и нажала на курок. Грохнул выстрел. Женщина с той же растерянной улыбкой коснулась рукой чернеющего пятна на груди и, пошатнувшись, упала. И следом рухнул стоявший за ней Лугин.

– Виктор! Ты жив?

Графиня, отбросив пистолет, устремилась к Лугину. Он был без чувств.

Реплика автора

Знаю, знаю, каждый читатель хочет счастливого конца, а то что Михаил Юрьевич планировал завершить свою историю трагически, так это, как говорится, его проблема. Чтобы избежать конфликта интересов читателя легкомысленного и читателя, верящего в неприкосновенность классического наследия, позвольте предложить два финала. Пусть каждый выберет себе тот, который ему по душе.

Вариант №1 с Fin heureuse

Звук выстрела заглушает грохот входной двери. Ворвавшийся в комнату Иван Геласьевич бросается к распростертому на полу телу Лугина, у которого стоит на коленях графиня Вера.

– Доктор, дорогой, прошу вас, помогите ему!

Медик берет руку Виктора, но через несколько секунд опускает ее.

– Нет, надо отдышаться. Ничего не слышу. Дайте минуту. И света, больше света!

Василий Николаевич, Лизавета Гавриловна и Настя, все с канделябрами в руках окружают группу на полу.

– Сердце бьется, – наконец докладывает лекарь, и собравшиеся издают вздох облегчения.

Наклонившись к телу, медик двумя пальцами достает из складок рубахи на груди раненого серебряный шарик. Это – пуля. Насквозь пробив тело ведьмы, она ударилась в нательный крест Лугина. Он прогнулся от удара, но спас владельца. Вот и шутите теперь по поводу животворящей силы креста!

(Погодите, но ведь он же потерял крест, когда еще жил в доме Штосса. Верно-верно, но потом он нашел его, я просто забыл сообщить об этом. Теперь вы довольны? Да. Продолжайте.)

– Настя, приготовьте воды и свежее белье, – распоряжается лекарь. – А вас, Василий Николаевич, я попрошу остаться

– Он будет жить? – спрашивает графиня.

– Думаю да, дорогая Вера Осиповна, – отвечает лекарь. – Он просто в глубоком обмороке. Ему предстоит долгое выздоровление, но сейчас, когда эта нечисть оставила его, он пойдет на поправку. Особенно если рядом будете вы. Вы станете его лучшим лекарством.

– О, я конечно же буду рядом!

Вера Осиповна уходит следом за Настей. Оставшимся в комнате дворецкому и кухарке лекарь говорит:

– Друзья мои, прежде всего нам надо избавиться от этого, – он кивает на немертвую на полу, – и как можно быстрее. Работа не окончена. Серебряная пуля – прекрасное средство, но в нашем деле лишних предосторожностей не бывает. Топор с вами, Василий Николаевич?

– Так точно!

– Тогда давайте спустим ее вниз и там где-то найдем место для декапитации.

– Не понял? – не понимает Василий Николаевич.

– В чулан тащи там, поймешь, – говорит Лизавета Гавриловна, по уверенному виду которой можно сказать, что она-то все поняла.

– Тогда за дело.

Василий Николаевич, взяв немертвую за руки, вытаскивает ее из комнаты. Лизавета Гавриловна идет за ними с канделябром. Голова ведьмы громко бьется о ступени лестницы, оставляя за собой темный след.

– Погоди, Вася, дай я хоть разгляжу ее толком, – говорит кухарка.

Дворецкий останавливается и утирает пот со лба. Денек у него выдался нелегкий, что и говорить! Его подруга стоит рядом и с интересом рассматривает лежащую у ее ног женщину.

– Морделя ничего, – отмечает она. – Похотливая только. Вам, мужикам, только такое и по-давай.

– Гавриловна, ты только посмотри на нее, кажется улыбается, нет? – говорит дворецкий. – Или свет так падает? Давай, мать, бери ее за ноги, я – за руки и пойдем, а то как бы она снова глаза не открыла.

– Я ей дам, курве немецкой, глаза открывать!

В чулане все происходит быстро. Разложив тело на подготовленной для операции клеенке, доктор уверенными движениями вкладывает в рот вурдалачке несколько головок чеснока, потом, подобрав и отведя на сторону волосы, у нее, надо признать, прекрасные густые волосы, которые бы сделали честь любой знатной даме, несколькими точными ударами отрубает ей голову и, ловко повернув топор, обухом забивает в сердце кол. Труп никак не реагирует на все эти манипуляции. Это хороший знак. Голову лекарь кладет в полотняный мешок, а тело в мокрой клеенке упаковывает в мешок побольше и туго перевязывает его шпагатом.

С этим покончено. Гавриловна уходит в дом. Дворецкий, утерев лоб, садится на край ящика с картошкой и безостановочно повторяет «Отче наш», пока за страшным грузом не приезжает экипаж со специальной похоронной командой.

Пока дворецкий под надзором кухарки выполнял указания доктора, Виктора Юрьевича помыли и переодели. Он пришел в себя, лицо его отражает страшную муку. Графиня присела на край постели и держит его руку в своей.

– Простишь ли ты меня когда-нибудь? – это его первые, едва слышные слова.

– Только живи, мой любимый, только живи! Мы забудем про это несчастье, как про страшный сон, и мы будем вместе – это главное.

Они плачут и стоящие в дверях Настя, дворецкий и кухарка, тоже утирают слезы умиления.

Занавес. Зал стоя аплодирует. Слышны крики: «Автора!»

Вариант №2, в котором перед читателем приоткрывается завеса над будущим графини.

Полная опустошенность – точнее не назовешь то состояние, которое испытывала графиня Вера после роковых событий. После трагической ночи Лугин более не поднимался с постели. Изредка он произносил совершенно бессвязные звуки, не узнавал окружающих. Прибывшие в Петербург родители Лугина увезли его в свое имение, но поскольку тамошние медики не смогли помочь ему, было решено отправить больного в Швейцарию.

Доктор Авраамцев заметил в откровенном разговоре с графиней, что за отправкой Лугина за границу может стоять не столько вера его провинциальных коллег в силы западной медицины, сколько стремление снять с себя ответственность за исход лечения дома.

– Мой вам совет, дорогая графиня, вернитесь к своим обязанностям при дворе. За делом многое забывается. А главное – никто вам не скажет – Господь ли это не уберет Виктора Юрьевича, или же это Он *вас* уберет от большой беды. Вы молоды, вы красивы, вы умны, ваша жизнь еще только начинается.

Болезнь даже близкого человека может стать страшным испытанием твоих истинных чувств к нему. Не каждая женщина может найти счастье у постели умирающего возлюбленного. Ну, да, Наташа Ростова, но только про нее еще не написали, так что она и вдохновить пока никого не может. Мучительные сомнения не обошли и душу графини Веры Дерибас, но ее твердое решение перелистнуть эту страницу своей жизни было принято после находки, сделанной ею в комнате Лугина.

Через несколько дней после того, как больного увезли из ее дома, она решила войти в опустевшую гостевую. Она долго перебирала оставленные наброски к своему портрету, с болью вспоминая, как позировала Лугину, с каким пристальным вниманием он смотрел на нее во время

работы, как сама она любовалась его сосредоточенным, одухотворенным лицом. Отложив наброски, она выдвинула ящик стола и обнаружила в нем тетрадь. Это был дневник Лугина. Она стала читать его, погружаясь, как в черный омут, в страшную жизнь своего несчастного возлюбленного. Но одна запись, сделанная в первые недели его пребывания в ее доме, произвела на нее куда более сильное впечатление, чем описание кровавых утех или жуткой операции по переливанию крови. Вот она:

Январь 12-е.

Какая головокружительная перемена жизни! Я просыпаюсь в свежей, благоухающей ландышем постели. Комната залита светом. Я выхожу в коридор и брожу по дому. Подобранные со вкусом картины, мебель, ковры, прекрасной библиотеке отведена целая комната. В ней еще ощутим запах сигар. Здесь проводил время отец Веры. Я слышу голоса и смех, которые доносятся из кухни на первом этаже. Спускаюсь туда. Приближаясь к кухне, слышу такой букет ароматов, что голова кругом: горячее тесто, ваниль, кофе, табак. Вхожу. Вера с Настей сидят на подоконнике в ночных сорочках, пьют из больших голландских чашек кофе, курят тоненькие пахитоски и болтают о чем-то своем, как подружки. Что графиня, что прислуга – никакой разницы!

Вера напевает:

– Грамаклея-грамаклея!

Потом спрашивает Настю:

– Помнишь нашу Грамаклею? Как я любила ее! В жару спустишься к воде, она бежит по камням, прозрачная как стекло. Ступишь в поток – от холода кости заболят. Умоешь лицо и на берег, дышишь так хорошо, легко! Хочешь вернуться?

– Нет, барыня, я в Париж хочу! Там, что ли, речек нет?

– Поедем и в Париж, Настюша. Но только родина всегда к себе тянет. Вон сколько наших всю жизнь за границей провели, а помирать домой едут.

Вера отпивает, затягивается пахитоской, выпускает струйку дыма.

– А я знаешь что еще вдруг представила?

– Что?

– Я – старуха.

– Вы – старуха?!

– А что такого? Всем можно, а мне нельзя? Не перебивай. И вот я помираю, там в Париже у них. И все повторяю: «Грамаклея, Грамаклея», и никто не может понять, что я такое болтаю, какая такая Грамаклея? Не бредит ли бабка?

Они обе хохотали так отчаянно, даже прижали руки к животам, что и я ощутил, как их веселье вошло в меня, и тоже засмеялся. Вера обернулась ко мне, смутилась на секунду, махнула головой, отбросила волосы за спину, смотрит на меня с веселым вызовом. Настя соскочила на пол и говорит: «Виктор Юрьевич, присаживайтесь, я вам сейчас сырников нажарю». Гремит сковородой, льет масло, синий дым к потолку, руки мелькают в тесте и муке, раз-два, все шипит и скворчит, и вот один сырник готов, другой! Невероятно ловкая. Наливает мне кофе, предлагает пахитоску, я принимаю. Вера объясняет, что ее отец высаживал в имени настоящий кубинский табак, там же его сушат, рубят и заворачивают в кукурузный лист. Закуриваю, аромат бесподобный. Смотрю, как мелькают босые ножки Насти, какой изысканной формы они, подъем, стрелки сухожилий, пальчики. Графиня тоже спускается с подоконника, и вот еще две пары чудных ножек на деревянном полу. Настя подает мне блюдо с сырниками. Вера садится напротив меня, берет рукой свой, макает его в ковшик со сметаной, откусывает, смотрит на меня и улыбается. Как я люблю ее в этот момент, за ее улыбку, за ее отношения с Настей, за ее уютный дом, за это чудесное утро, за эти сырники с кофе! И тут же это ощущение полноты жизни отравляет память об Альбине, о ее ласках. Невольно я касаюсь рукой своего горла. Под пальцами – едва ощутимый шрамик, тут же отзывающийся сладкой болью. С тем, что я не в состоянии забыть ее, я уже смирился, но самое ужасное, что я, да-да-да, снова готов искать ее.

Графиня закрыла дневник. В тот же день она написала письмо императрице и через неделю заняла свою старую квартиру во дворце, готовясь погрузиться в знакомую рутину службы. Увы, новое печальное событие постигло ее. Находясь в гостях у Карамзиных, она узнала, что в Пятигорске убит на дуэли Мишель. Известие потрясло ее особенно сильно из-за того, что оно последовало так скоро за ее последней потерей. Исчезая из ее жизни, близкие люди оставляли после себя зияющие пустоты, болезненные, как открытые раны. Знакомый мир вокруг нее начал сужаться, грозя оставить ее одну. Чтобы не впасть в черную меланхолию, она стала записывать свои мысли и переживания, чтобы самой лучше разобраться в них.

«Бедный Лерма! – писала графиня. – Я точно предчувствовала, что он окончит à la Печорин. Я помню, он мне читал “Княжну Мери”, и он умер как раз в так хорошо описанном им Баден-Бадене Кавказа. Он читал мне “Бэлу”, “Тамань”, мне удалось его приручить и даже подбросить ему сюжет из своей жизни, хотя он и счел его слишком банальным. Кися оказался прав – из этой затеи ничего не вышло, повесть осталась недописанной. Читавшие ее набросок говорят, что я выведена под именем Минской. Правильнее было бы Одесской, но намек был бы тогда слишком явным. И снова Кися оказался прав – Мишель сдержал данное мне слово.

Вернувшись к своим обязанностям при дворе, я чувствую, что совершенно не хочу возвращаться домой. В каждом его темном углу, за каждой портьерой и закрытой дверью меня может поджидать тень моей соперницы. Не возвращается ли она и сейчас туда в поисках любимого или своей убийцы? Страшно даже думать об этом.

Люди под началом Лизаветы Гавриловны вернулись в поместье. Приятным удивлением для меня стала просьба дать вольную ей и Василию Николаевичу. Они собрали достаточно средств, чтобы купить свой хутор, и готовы к самостоятельной жизни. Я с удовольствием подписала все документы, обнявшись на прощание со своей доброй нянюшкой. Бог не дал им своих детей, но, как я слышала, Лизавета взяла на воспитание каких-то сирот. Бог в помощь.

Опустевший дом, как и город, в котором я столько пережила, тяготят меня. Холод, ветер, сырость, черная река и серое небо – невыносимы. Хочется тепла и солнца, о которых мы мечтали с бедным Лугиным. Я решилась наконец спросить себя: любила ли я его или это самая обычная жалость подтолкнула меня к нему? Не знаю, но сердце мое ранено и боль не проходит, постоянно напоминая о нем.

Мой милый воздыхатель Кися зовет меня в Париж, и если ее величество не станет возражать, я возьму отпуск. Хочется перемен, новых впечатлений, новых пейзажей, новых лиц. Кися постоянно напоминает о себе – то пришлет с оказией коробку бесподобных *macaron parisien*, то букет роскошных голландских тюльпанов. Не представляю, как он устраивает их доставку, но хоть в этом можно видеть добрые плоды дипломатии. Бывает, неделю не шлет ничего, и я уже тревожусь – не разлюбил ли? Думаю, он не даст мне скучать, когда мы окажемся рядом, да и Настя будет рада пожить в городе своей мечты. Как просто бывает осчастливить сразу двоих людей, рядом с которыми есть надежда отвлечься от тягостных воспоминаний».

Да-а, такая вот история, но она будет неполной если мы не выясним, что случилось со стариком Штоссом. Вселился ли он снова в собственное изображение на стене и там поджидает нового квартиранта? Нет. Спешу доложить, что того самого портрета больше нет. И дома № 13 в Столярном переулке тоже нет. Он сгорел вместе с портретом, мебелью, зеркалами в простенках и зелеными обоями в полосочку.

Возможно, пожар можно было остановить, но в тот день на столицу опустился небывалой густоты туман, из-за которого жильцы Столярного не сразу заметили дым, поваливший из дома № 13. А когда заметили, полыхало уже вовсю.

Что стало причиной несчастья, теперь не выяснить – на месте дома зияет дымящаяся яма, которую человек с фантазией мог бы сравнить с преддверием преисподней. Яма глубока, и на дне ее что-то еще догорает и клокочет, выпуская зловонные испарения.

Как обычно, стали выяснять, что да почему. В участке предпочли самое простое объяснение – причиной возгорания могла стать недосмотренная лампа или печь. Мы, при нашей неумной фантазии, можем предположить, что это Лизавета с дворецким решили раз и навсегда покончить со змеиным гнездом, запустив в открытую форточку проклятого дома коктейль Молотова. Хотя откуда коктейли Молотова в те времена? Тогда-то ни самого Молотова не было, ни тем более коктейлей. Пили просто: шампанское, самогон, плодово-ягодные настойки. С другой стороны, много ли нужно ума, чтобы примотать тряпку к горлышку штофа со знаменитой Лизаветиной чесноковой, поджечь ее и метнуть во врага? Эдакий греческий огонь в простом русском исполнении. Нет, ну действительно, почему нет?

Идем дальше. Нам безусловно интересны показания мальчонки из трактира, которого Виктор Юрьевич Лугин встретил еще в начале этого повествования.

Малолетний свидетель высочил на улицу по какому-то хозяйскому поручению и увидел, как из туманно-дымовой пелены, заполнившей Столярный переулок, вышли двое. Один был высок ростом и широк в плечах, другой, сухой и сутулый, походил на немощного старца. Оба они были черны от копоти, что твои трубочисты. Старик все разводил руки и причитал: «Как же теперь-то, Арон, а?» Тот же, который был Ароном, отвечал вздыхая: «Да вот как-то так, герр Штосс, как-то так...» – и тоже разводил руки.

Но самым поразительным, что заставило пацаненка выпучить глаза и разинуть от изумления рот, было то, что оба погорельца продолжали гореть прямо на ходу, ничуть не заботясь о том, чтобы сбить пламя. У старика горели, искрясь и потрескивая, брови и оторачивавшие лысину седины, а его почерневшие от копоти уши вспыхивали на острых концах красным, просто как уголья в костре. Голубая волна пламени то и дело пробегала по его халату, а домашние туфли, в которых его захватило бедствие, оставляли за собой выющиеся ленты черного дыма. У его спутника с тем же характерным потрескиванием и искрой горела частично съеденная пламенем борода, кафтан и валенки. Парочка эта миновала потрясенного наблюдателя и растаяла в тумане, из которого какое-то время еще долетали причитания, вздохи и потрескивание.

Больше мы о них ничего не слышали, и, наверное, это только к лучшему.

Послесловие

Автор вот просто совершенно уверен, что неизбежно найдется какой-нибудь эрудит, который воскликнет (и не раз): «Э-э, да он же стибрил этот абзац, или строку у классика!» – и, конечно же, будет прав. Неужели же автор не мог написать сам? Автор он, в конечном итоге, или не автор? Мог, конечно, написать и сам и, ручаюсь, вышло бы ничуть не хуже, а главное, простите за высокопарный слог, более стилистически органично. Но автор придумал себе игру, а то, что ее правила могут у кого-то вызвать вопросы, так это неизбежно. Всем не угодишь. Но тут не только игра. Посредством цитирования автор выразил любовь и признательность своим учителям.

Еще ряд вопросов может вызвать персона графини Дерибас. Расшифровать, кто был ее прототипом, несложно. Это – удивительная женщина, которая заслуживает своего романа, и то внимание, которое уделено ей в повести, указывает именно на это. Признаюсь, я немного влюблен в нее. Причин предостаточно. Ну, во-первых, она красавица и умница. Во-вторых, она – моя землячка. В-третьих, мы – рыбы по зодиаку, что гарантировало бы нашу дружбу, не родись она на полтора года раньше меня. Она умерла в Париже 73-летней, но похоронили ее в Москве. Этот факт не идет у меня из головы. Недалеко от ее могилы в Даниловом монастыре лежит и ее Кися.

И последнее – пытаться сопоставлять факты и хронологию биографий реальных исторических лиц и персонажей повести – пустое дело. Даже не начинайте!

В. Я.

Олег ДОЗМОРОВ

Над приемным покоем всходила звезда,
над приемным покоем.
Обещала звезда: ничего, ерунда,
все пройдет, мы прикроем.

Разливала звезда изумительный спирт,
широко разливала.
Бинтовала звезда, притворялась, что спит,
и опять бинтовала.

Это странное дело я видел в окно,
из автобуса видел
и надежду, что взбита лучами легко,
я немедленно выпил.

Развернулся автобус, поехал назад
(так легко развернулся),
и в окне снова Тутинг и Клэпем летят.
И я снова очнулся.

И табличка светила «Emergency ward»,
белым с красным табличка,
и душа навсегда встрепенулась и вот
трепыхалась, как птичка.

В Москве, передают, забиты рестораны
и в филармонии искусства сладок дым –
и на вопрос, другим поэтом данный,
ответчу я: да, весело всем им.

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского государственного университета и факультет журналистики МГУ. Работал грузчиком, сторожем, библиотекарем, преподавателем, журналистом, редактором. В 1999-2000 годах входил в редакционный совет журнала «Урал». Публиковался со стихами и эссе в журналах «Урал», «Звезда», «Арион», «Воздух», «Знамя», «Новая Юность», «Стороны света», «Уральская новь», «Новый мир», альманахах «Urbi», «Алконост» и др. Выпустил шесть сборников стихов. Лауреат «Русской премии», 2012, спецприз премии «Московский счёт», 2012 (за книгу «Смотреть на бегемота»). Живет и работает в Лондоне. Предыдущая публикация в «Волге» – 2022, № 7-8.

Ох, нет, не весело. Ведь «цены», «за границу
не едем отдыхать и не купить айфон».
О, современники. О, каменные лица.
Какой тяжелый сон.

Все начиналось с мультиков. Зима.
Свердловск напоминает остров Врангеля,
но в два часа показывают «Врунгеля»
и «Маугли», чтоб я сходил с ума.

Зачем все так? Зачем по телевизору
в саму себя влюбляется страна,
переодетому внимая Визбору,
и муха превращается в слона?

Зачем они – четыре плюс собака –
смеются в танке, милый Де Тревиль,
который Лев, поет из телемрака
и пьянствует фальшивый Баскервиль?

Зачем лежала в глубине веков
страна, труп подгнивал на площади,
провинциальный мачо Михалков
скакал на лошади?

Вечер преобладает, медяшку драит –
закат по Тернеру, всё по ГОСТу.
Традиционная лирика умирает –
я прочел когда-то в журнале «Воздух».

Только этим-то параллельно,
фиолетово, зеленовато,
что стишочки наши больны смертельно
(облака пролезли сюда по блату).

Мир подобен милости чудотворца
посреди печалей земных и бедствий,
и чем больше количество диспропорций,
тем ценнее качество соответствий.

Вот и в небе пара химтрейл-царапин,
словно знак «равно», и, учитывая безветрие,
я еще постою на улице Веденяпина,
в абсолютном торжестве геометрии.

Не пой, красавица, при мне
ни «Джетто Талл», ни Билли Айлиш.
Я от всего устал вполне,
ты пополам меня развалишь.

Увы! Любая песенка
и даже лучшая пластинка –
для миокарда чудака
давно уже не витаминка.

А если сам я запою
и воспроизведу цитату,
замьюти песенку мою,
не потакая психопату.

Человеку нужен бутерброд,
человеку нужен чебурек,
человеку нужен анекдот,
человеку нужен человек.

Чтобы человек хотя бы мог
вечер провести без влажных глаз –
полусонный слушатель под бок,
ничего не значащий рассказ.

Чтобы самому существовать,
словно бы всегда существовал, –
с сонным человеком засыпать
под неинтересный сериал.

Простые стихи

Давай мы станем новыми людьми,
какими-нибудь, ну, американцами,
античной хрестоматией семьи,
и по субботам заниматься танцами

начнем, возьмем кредит и купим дом,
как в том кино, с машиной и собаками,
и постареем до предела в нем,
и кучу фильмов со стрельбой и драками

посмотрим вместе, прежде чем умрем.
А если не умрем, то в ресторанчике

заметим парочку – он ей такой: начнем
другую жизнь на чердаке, в подвальчике?

Она в ответ смешно пожмет плечом,
колечко повернет на милом пальчике.
Давай-ка мы отсюда не уйдем,
а станем ими, в этом темном зальчике.

Ба-бах! Упали первые каштаны,
полдневный жар уже почти не жар,
по вечерам видать до Дагестана –
с винцом в груди и пр. репертуар.

Когда весь мир вам наступил на гордость,
ответка обязательна почти, –
так что к звезде лирическую кротость
и полулицемерное «прости».

Плюс слово исключительное, злое
вплети, поэт, в веселый разговор,
а эта гибель – дело молодое,
как серебро, слепящее со шпор.

Война идет, а я гоню такое?
Но ты мне ни о чем не говори –
а то уйди, оставь меня в покое.
Я знаю всё. И сопли подбери.

Всю ночь гремели выстрелы каштанов
и содрогалась чуждая земля,
где Лермонтов выходит из шалманов,
в пустом кармане мелочью звеня.

Хреново без Вити Смирнова.
Не то чтоб совсем хреново –
не подбираю слово.
Осознаю это снова.

Витя не был тефлоновым,
стать не мечтал чемпионом,
он не того уклона.
Не был ничьим клоном.

Не стеснялся рифмы,
кое-что приоткрыл мне.

Вяземского и Решетова
зеленого подарил мне.

Жил давно в доме у бани
на улице Первомайской,
умер во сне на диване
уральской ночью ноябрьской.

Было и так все хило,
и вообще, и конкретно,
а стало совсем тоскливо
без Вити Смирнова поэта.

Витя был самый скромный,
самый из нас одинокий,
двигался в свою сторону,
писал изящные строки.

Мы редко потом встречались,
пили уже не водку,
хоть он-то по этой части
мог опрокинуть не стопку.

Он говорил: курилка,
жизнь не Моника Вити,
а человек не копирка.
Прости нас, Витя.

Мы живем кучеряво
и сочиняем вздор мы,
а надо уйти от нормы,
на все положить пора бы.

Викто́ра мы не забудем –
пишу я июльским днем
себе и еще трем людям,
может быть, четверем.

Вандл-Ривер, приток Темзы

Они заводят шашлыки,
и машут весело рукой,
пляж засоряют у реки.
Ну почему я не такой?

А хорошо бы так орать,
настроив фокус на простом,
по воскресеньям завтракать
с того же вида существом.

Не обязательны слова,
слюной лекарственный обмен,
и даже не нужны права,
помимо права «глух и нем».

Проковыляв земную жизнь,
иди теперь путем червя,
то преимущественно вниз,
то вбок туннельчик свой чертя.

А наверху горит роса
и бесят живостью своей
сестра поэта стрекоза
и друг поэта муравей.

Кофе за столиком,
дождик прошел.
Все плохо настолько,
что хорошо.

Нет, не тревожно.
Все произошло.
Так безнадежно,
так хорошо.

Без философий
и без надежд.
Выпей-ка кофе,
что-нибудь съешь.

Долгой ясной осенью
парк наш подраздет,
ну а то и вовсе ню,
если сзади свет.

Здравствуй, умирание,
типа суть вещей,
голое собрание
каштанов, тополей.

Все, природе задница,
гнусно на душе,
и куда все катится,
ясно уже.

В целом направление
именно туда,
где за потеплением
только холода.

И от этой ясности,
этой простоты
стало легче – в частности,
хоть всему – кранты.

Как пахло из сада листвою и травой,
как пахло из сада
природой и частью ее неживой,
началом распада.

Поэт бы нормальный заметил: ну вот,
душа умирает,
погладил бы в майке округлый живот
(тут кто-то икает).

Я только отмечу: осенней порой
(аллюзии – мимо)
лирический ловит пичальку герой,
что, в общем-то, мило.

Стоит посреди облетевшей листвы,
красиво и глупо.
Теперь вот в пакеты, а раньше – в костры.
По сути ведь трупы.

Вдыхай впалой грудью белки, сахара,
баланс этилена.
Чего же ты, мальчик, стоишь у костра
в листве по колено?

Как-то раз я был в Гааге,
посмотрел там две картины –
облака как на бумаге
над старинными домами

и жемчужную серёжку
удивительных размеров.
Изумлялся понемножку
и разглядывал витрины,

но успел на скорый поезд
и очнулся в Амстердаме.
А теперь иная повесть –
принесло дурные вести,

мы давно без них ни шагу.
Маурицхёйс! Мир святою
не спасла ты красотою.
Снова вести номер двести.

Снова выплеск мертвечины.
Бесполезные картины.
Я ещё тогда подумал:
две картины в тесном зале,

две картины в тёмном зале –
лучшее, что есть на свете.
Я был безнадежно молод
и банален на две трети.

Но в прекрасную Гаагу
я бы съездил. Будет повод.

Проснулась муха,
я протянул руку.
Ну здравствуй, мука,
что скажешь другу?

Что-то ты рано, сука,
ещё февраль ведь.
Хотя ведь сухо,
лишь утром наледь.

Чеши пузо,
звени в ухо.
Не скажу муза,
скажу старуха.

Воспомню Блейка,
опять же – Джозеф.
Обезголосев,
моя копейка.

Мертва поэзия.
Зато есть муха.
Жужжи же, бестия,
касайся слуха.

Екатерина СИМОНОВА

СЛОВО ТАКОЕ ХРУПКОЕ

Стихотворение всегда последнее – никогда не крайнее.
Крайний – каждый из нас, поскольку стоит на краю.
Где-то внизу идет снег, скрипят по нему валенки.
Ну а я что-то бессмысленное говорю.

Жизнь – не удивляйся – будет всегда похожа на Брейгеля:
Белое, черное, лай собак, птица в правом верхнем углу.
Пар изо рта поднимается вверх и, к черным крыльям приклеенный,
Повторяет за птицей: «Я снова солгу».

Вот, дрогнула веточка на фоне времени:
Капля воды упала, а птица взлетела.
Через секунду случится ветра порыв, повторение:
Капля нахохлится и упадет, будто крылатое тело.

Я говорила и говорила, но был слышен только шум времени –
И ни одного моего слова, ни даже эха,
Взъерошенного, как птичка, не отличимого от расстояния
Между тем, кто остался, и тем, кто уехал.

Каждое слово стало такое хрупкое.
Каждое слово стало похоже на раковину.
Можно порезаться даже буквою –
Перламутровой, легонькою, заплаканною.

Поэтому сразу скажу все, что думаю:
Лучше тебе умереть, чем жить оставаться.
Перламутровая взвесь в воде крутится.
Те, кого мы любили, нам больше не снятся.

Екатерина Симонова родилась в 1977 году в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Автор шести книг стихов и книги переводов. Предыдущая публикация в «Волге» – перевод стихов Анны Арно (2022, № 3-4).

Толстый мальчик, зефирчик сдобный,
Надувает щеки, тянет спинку, встаёт на цыпочки,
Выдувает через соломинку пузырчик мыльный,
Золотое времечко, судьбы рыб-улыбочку.

Улыбнись же и мне улыбкой сладкою –
С дыркой от зубика, с морщинками от прищура –
Будущее моё, какое ты краснорубое:
То ли свежая кровь, то ли старые розы амура.

Это было уже не раз, это случится снова:
Сядешь у воды, посмотришь на воду:
Утка плывет, облако вглубь лапкой толкает,
Облако какие-то воспоминания вызывает.
Воспоминания о том, что когда-то случится,
Когда снова придешь в воде отразиться:
Оттолкнет утка облако, потом и твое лицо,
Лицо задрожит, покажется утке птенцом,
Ларцом, яйцом, растерянным близнецом,
Выпустившим в бегущей толпе руку своего второго:
Стать наконец единственным для себя – это горе.

Андрей ТАВРОВ

От редакции: Настоящий текст был получен от автора 26 августа, а 21 сентября Андрей Михайлович Тавров умер. Публикуется в авторской редакции, внесены лишь немногие поправки, необходимость которых выглядела очевидной.

ГИМНАЗИСТКА

афоризмы

Моей бабушке

*Здесь много лоз, и лавров, и маслин.
И соловьев пернатый хор в ветвях
Так сладостно поет.*

Софокл. Эдип в Колоне

1

...когда пароход разворачивается, чтобы подойти к пристани, над ним летят вороны и ангелы. Это потому что он разворачивается по обе стороны стекла, которое может быть разным зрением у каждого, кто смотрит, и если одни видят верхний пароход, то есть еще и нижний, который видят далеко не все. Нижний отражается под водой или в зеркале, и заметив его, мы видим не только его, а мы видим свое нижнее лицо с воронами, а не с пароходом и ангелами.

И те, кто встречают пассажиров парохода на пристани с цветами, даже видят, что это не простые вороны, а с клювами, похожими на человеческий рот и даже говорящими. Верхних ворон тоже можно научить разговаривать или хотя бы произносить два-три слова, но эти могут говорить все и даже петь песни, которые Гомер приписывал сиренам, а я думаю, что сирены вовсе не пели, а собирали чувства женщины к мужчине по всему свету, снимая их с цветов, змей и волн, а потом, когда этот собранный шар из солнца и васильков и верблюжьей шерсти начинал кричать, они вставляли его себе в живот и превращались в те прельстительные женские тела, которые мужчины придумали как свою вечную смерть и желание.

Эти вороны еще и не такое могли.

Я тоже стою на причале вместе с папой и жду брата.

Из дворов наверху долетает запах сирени, и от этого я почему-то чувствую, как туго заплетены мои косы. Пароход описывает плавную дугу, я слышу, как он шлепает плицами, взбивая пену, и, что твой рысак, весь в пене резво подбегает к причалу.

2

Причалы спутники силы и слабости, их расцвета и спада, но сами они всегда – щель между судном и длинным своим краем, увешанным старыми крышками, и в ней плещется зеленая

Андрей Тавров (1948, Ростов-на Дону – 2023, Москва) окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии в 1971 году. Главный редактор поэтической серии издательского проекта «Русский Гулливер» и журнала «Гвидеон». Автор 30 книг стихов и прозы, публикаций в журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Воздух», «Урал», «Арион», «Новая Юность» и др.), участвовал в ряде поэтических антологий. Лауреат большой премии «Московский наблюдатель» (2017), премии Андрея Белого (2019). В «Волге» публиковался с 2015 года.

вода и пахнет арбузной коркой. В этом просвете все дело – есть у него силы расшириться – пойдет первая миля из многих сотен и тысяч миль плавания, а хватит силы сжаться из конца этих миль до тонкой щели между обшарпанным бортом и бетоном с покрывками – значит, ты дома.

И когда начинается она сжиматься из конца бесконечных миль назад, хоть этого пока еще никто и не заметил, да и трудно такое заметить, но лежит уже дозорный на крыше и от нечего делать смотрит на звезды, на все эти фигуры, знаки и огни, и говорит сам себе, что восходя и заходя приводят они с собой холод зимы и тепло лета, добрых людей и злых, жизнь дереву и пчеле и смерть дереву и пчеле. Но сжатие уже началось – это как пошел из другого города путник навстречу старому фотоаппарату, гофрированному чуткому монстру на треноге, – и многим тут кажется, что эти двое не имеют отношения друг к другу – у каждого своя жизнь и разные у них интересы и цели, не говоря о дорогах, но это не так. И пускай в объектив залетают веющие световые пчелы, внося на пленку нужное количество фотонов и световых зерен, пускай вылетают, жужжа, в поисках нового солнца, а фотограф усаживает перед аппаратом средних лет пару – он с усами, она с высокой прической, а странник в это время, например, сидит себе в каком-то номере гостиницы в Конотопе и ждет девчонку, даже не одеваясь как следует и зубы не особо почистив, а она все никак не идет, лишь муха жужжит по мутноватому оконному стеклу, что смотрит на булыжником мощеную улицу с брошенной кем-то мандаринной шкуркой, – но пройдет время, и будет он стоять в строгом костюме с галстуком прямо напротив этого вот фотографического аппарата, а если точнее, то так уже и внутри него, и никто такой встречи избежать не может. Потому что тут замешаны пчелы, солнце и разошедшаяся щель, что пошла сокращаться обратно и втягивает тебя сильным ветром в себя, ибо пришло время ей сократиться и именно тебя она для этого выбрала.

Но и это еще не все, нет, не все. Такое пространство, между бортом и причалом, сужаясь, может внезапно наткнуться на неожиданную преграду в виде незримого снегирия или смутно видимой мойры, и тогда корабль судьбы застывает, а обозначенное им пространство между бортом и причалом обретает непомерную силу. Теперь уж ничто не может остановить развитие событий, и хотя кажется, что ничего не происходит, но происходит ой как много всего. Щель раскаляется словно добела, и тогда в ней появляются новые фигуры, люди и животные. Мы уже говорили о дозорном, что ждал сигнала на крыше, – и это лишь только одна из фигур, вышедших из этого клуба и густка всепреломляющей мощи.

Если внимательно глядеть дальше, то мы увидим не только звезды над плоской крышей и зажженный сигнальный огонь, но и поющих старцев, и Клитемнестру-царицу и ее мужа Агамемнона в маске, что вернулся из Трои с победой и прекрасной пленницей по имени Кассандра, да, кто ж еще тут может и быть, как не она, Кассандра – пророчица смерти и пламени...

И события эти, и старцы, и муж Агамемнон как рисунок на веере ширятся в пространстве, которое я бы не рискнул назвать сценой, ни даже оркестрой, ибо сцена с охестрой не могут выдерживать такой вот огненной мощи, какая здесь собралась, а участники могут. И, расширяясь вовнутрь, в души свои отделенные и в чувства внезапные, двигаясь таким образом взамен все еще стоящего на одном месте, как столб, корабля, вбирают они в себя много чего.

Они, события эти, например, могут втянуть в себя, как это свойственно смерчу (вы видели смерч, вы знаете смерч – синий, будто подтек, и будто в лиловых лианах ветров), втянуть в себя разные вещи и разных существ – девочку Аду, ждущую на причале брата, и самого брата Гену, и собаку с прокушенным ухом, здесь, на причале, ловящую блох, и галку, и многих других лиц, а также пестрых событий, протекающих тут, в небольшом этом приокском городке, обычном таком, почти что и без названия все.

И, как водится, одно пространство, накладываясь на другое, не оставляет его без изменений. Иногда они вовсе непонятны, как непонятна бывает в силу такого наложения даже обычная речь самих участников... самих, то есть, людей – так будет вернее сказать, потому что тут люди, если вдуматься, больше присутствуют, чем кем-то выдуманные участники. Нет, позвольте, тут уж пусть не участники – люди, как это и было когда-то на самом деле, а то, что начали мы про наложение и непонятность... то объясняется просто. Вот, например, непонятно движение по столу какой-нибудь пепельницы, все замирают, следят неотступно, все думают, фокус или телекинез, но

это только если не знать, что под столом расположена обыкновенная скрытая сила, елозит там круглый магнит, в незаметной руке, вот все и становится ясно... но тут – вот что еще есть.

Когда одно пространство судеб входит в другое, то происходит борьба не на жизнь, а на смерть одной правой правды с другой правдой неправой: так что даже порой у той же собаки на пристани бывает две правды в борьбе, хоть ей их и не помыслить – да ей того и не надо – но чувствует их она ясно и даже визжит с непривычки и даже скулит иногда, особенно в полнолуние, когда сирень набухает на заднем дворе, тяжкая и в серебре. И от этого глаза Ады становятся чуть больше и даже синей, а румянец на щеках прозрачней, ноги делаются неутомимыми, а голос глубоким. Вот что может произойти.

3

Бабочка по-гречески значит Психея, а значит, душа. Гена стал изучать бабочек, еще ничего не зная про греков и их собственных бабочек, которые сильно отличаются от наших, примерно так же, как греки отличаются от нас, а насекомые от птиц. У бабочки Психеи на лбу две большие дыры, на первый взгляд страшные, но Гена говорит, что многое что нам страшно, на самом деле это вход в радостную судьбу, которая в отличие от горестной всегда правдива.

В одну из этих дыр смотрит море, из которого все родились, а во второе уходят те, кто перешел свой земной срок или только еще пытается радости любви и счастья в семье.

И если посмотреть в первое отверстие, говорит Гена, то становится понятно, почему у греков море винного цвета, потому что сквозь психею видно, что оно и винного, и лазурного и что это одно и то же, а не как видим мы – отдельно лазурное и отдельно цвета вина, скажем, пятном на скатерти.

В другое отверстие тоже смотреть радостно, потому что наши родные, которые туда уходят, видно, что вовсе никуда не ушли, что это мы ушли, а вернее все никак не придем туда, где хотели бы жить, неважно, ушли мы с прежнего места или продолжаем оставаться в своем городе или в гимназии. Но Гена сказал, что мне туда смотреть еще рано, а когда будет впору, он мне даст взглянуть. Он очень умный и хорошо рисует. Лучше него никто не сделал иллюстраций к «Евгению Онегину» – а ведь у него были только перо и черные чернила.

А если заглянуть сразу в два отверстия, говорит он, то сам станешь Психеей и будешь гореть, не сгорая, и возрождать людей к жизни, как и сама Психея возродила к жизни свою любовь и стала ей самой после всех своих мучений. Но у бабочки не бывает мучений, она уже отмучилась, и поэтому те мучения, которые бывают у нее, они ей в радость и поднимают над землей, как нос лодки под большим парусом приподнимается при сильном ветре.

Греки мыслят от груди вперед, а русские назад от спины. Поэтому перед греками вырастают Ифигения и Орфей, и Эдип, их райские песни и их большие сады, которые никто не видит, кроме тех, кто поет грудью вперед, оттолкнувшись от нее, как от дерева с листьями. А русские зато знают то, что греки не знали. Но это другой разговор, – сказал Гена. – Обещал как-нибудь продолжить, но, наверное, забыл. Вообще-то он ничего не забывает. Странно только, что на корабле этом он не приехал, и мама очень волновалась, пока мы не пришли домой, и нас там ждала телеграмма, в которой было сказано, что он на несколько дней задерживается.

(3)

ХОР

в белых садах Агамемнон ест гранатовые яблоки.

он срывает их с живых деревьев и внутри они похожи на греческую фалангу –

один к одному как солдаты зёрна

и на просвет в них белеют зернышки как позвоночник.

А если сильно сжать гранат, то течет красный сок и все трещит.

Но Агамемнон любит лошадей и ходит он между жизнью и смертью и белым паровозом
и черной сойкой, а вслед ему смотрит пророчица.

Она тоже зерно, розовое и с позвоночником, хоть и дева.

в груди ее пусто так, что если вложить ладонь,
то будешь неподвластен огню, стреле и ране. И если
забраться туда головой, то никогда она не умрет, как это было с Орфеем.

И Агамемнон ходит садами, меж м-ской пристанью и антоновскими яблоками,

никто не знает его в лицо

но все думают, что видели что-то родное

пока он ходит между депо и москательной лавкой, ангелами и телеграфистами
переваливаясь, как матрос, считая дома как строки гекзаметра,
дыша лошадям в ноздри, и те бегут за ним, а русалки поют
у причала песню, когда он ждет парохода или играет веткой тополя.

Второй речитатив сообщает, что была революция и Гена остался в Москве, рисовал и пел и
что прошел первый год революции и что однажды

4

...я сидела у себя и читала Генино письмо из Москвы, я потом его перескажу, а у меня в гостях была моя подруга Зоя Пухова, дочь купца миллионщика, мы очень дружили. Она стройная, худенькая, с черной до полу косой и полной грудью. Родители нашли ей жениха, но я знала, что ей нравился Гена. Однажды она взяла бритву и провела вдоль по вене, и кровь залила все платье, брызнув наверх, но она не испугалась, а так и сидела. Ее нашли и успели на отцовском автомобиле отвезти в больницу, и там ей все сделали. Я знаю, что это было из-за Гены, но Гена об этом даже не догадывался. Верней, не из-за Гены, они и встречались-то всего пару раз в нижнем саду со скульптурой Нептуна, густом как лес. Мне кажется, они даже не целовались. Не из-за Гены, а потому что родители хотели ее выдать замуж, а она написала ему письмо, а потом взялась за бритву.

Так вот, мы сидели у меня, когда снизу кто-то стал звонить в дверь. И я слышала, как Маша открыла и услышала знакомый мужской голос. Кто-то разговаривал с отцом, я слышала, а потом отец поднялся ко мне в комнату. Он был словно не в себе – словно чем-то напуганный, но старался виду не подавать. Он только говорил более отчетливо, чем обычно и у него немного дрожали подбородок, когда он зачем-то снял пенсне и стал протирать его голубым носовым платком, смотря сквозь меня беззащитными серыми глазами. «Николай Иванович пришел, – говорит отец глядя на пенсне, – по-моему, он хочет сделать тебе предложение. Я не вправе решать такие вещи без твоего согласия, да и возраст твой еще слишком юный. Я все это ему сказал, но он настаивает и горячится». Я не очень понимаю то, что мне говорит отец, потому что мне жалко его и я волнуясь, как бы с ним чего не произошло.

Потом я вспоминаю, что Николай Иванович это умелец, который изобрел катер с вечным мотором. Он приходил год назад в нашу гимназию и рассказывал про устройство этого аппарата, движущегося при помощи силы магнитного поля Земли, и еще о науке, которая вскоре, по его словам, преодолеет все человеческие трудности. Сейчас он... все время забываю, как это называется, а! вспомнила – член реввоенсовета, один из главнейших людей в городе.

5

СТИХИ ГЕНЫ А. БАБОЧКА

ах чем ты не подкова
летящая по воздуху и говорящая слова,
тяжесть коня страхнув, силу его переправив,

а сам он (конь) еще в цветах бессмертниках
 в иван-да-марье сам пока цветет,
 и поле он теперь и полустанок –
 их силой в бабочку соединен,
 мятущуюся чтобы быть ему как быть не может
 а сила что пришла из космоса
 и собрала коня и бабочку
 теперь сгустилась в робость, в невесомость
 протиснувшись внутрь лопастей тончайших.
 у бабочки ведь нет ни летчика и ни пилота
 она сама – лицо, которого нет в этом мире
 как будто спрятано оно меж складками
 и времени и воздуха в пространстве
 и связано с крылами и пыльной
 как будто ими мыслит и лопочет
 и снова быть конем бегущим хочет
 и гнется в воздухе подковой.

6

...считается что Агамемнон не может говорить садами и чайками, а ведь это не так, потому что случаются такие повороты мирового пространства, когда много делается возможным – и сад этот с тополями и с их густыми листьями, колышущимися от ветра с реки, и статуя Нептуна и военный духовой оркестр в большой беседке над водой.

Агамемнон не только может говорить дорожками и скульптурой Нептуна, но и воспринимается иногда совсем не так, как вы к тому привыкли. Вот, например, кентавр Хирон может выглядеть как средних лет офицер в военной рубашке хаки с прорезью для погонов на плечах, а рябой грузин в шинели как царь огромной страны, стоящий на трибуне мавзолея и смотрящий на парад из женских тел, образующих его имя. Агамемнон же воспринимается иногда как учитель гимназии, где он преподаёт греческий язык и время от времени смотрит остановившимися глазами на доску со словом Ифигения, но слова этого он совсем не видит, а говорит другу, что видит синее небо и холм, а еще двух орлов – белого и черного, которые летят рядом в правую от него сторону. То есть Агамемнон не только может говорить музыкантами и откосом, но и людьми и волнами. Мы тоже все это умеем и иногда используем эту возможность, впрочем, не замечая, что именно ее мы используем, а делая это интуитивно, но Агамемнон как испытывавший соитие с Кассандрой-пророчицей мог говорить не только людьми и событиями, но еще и самим собой как например учителем гимназии и левым эсером, о чем мало кто догадывался. Иногда он задумывался, и тогда в приречный плес плескали другие по ритму волны и словно бы в мираже, впрочем, все более уплотняющемся, появлялись солдаты, одетые так, как описано у Гомера. Они шли через сад, потом по мосту к пристани, потом выходили на дорогу и исчезали из виду. Иногда их можно было принять за подвыпивших мастеровых, но чаще всего они шли стройным отрядом, вглядываясь в даль и о чем-то шутя. У кого-то это происходило во сне, у кого-то в воображении, а у кого-то вовсе не случалось.

У самого Агамемнона это происходило в реальности.

Кто сказал, что нельзя жить в двух реальностях сразу, ибо они противоречат одна другой пространством, временем и событиями? Но это по видимости они противоречат друг другу, а на деле ничего подобного. Неужели же жена директора гимназии не противоречит его любовнице или пароходу, идущему из Калязина? Конечно же противоречат, на первый взгляд, ибо что между ними общего. Однако, все как-то устраивается в их жизни и никто из них не останавливает ее по

причине противоречивости. А как вы думаете, в скольких реальностях живет бабочка? Или кузнечик? Не говоря уже об обитателях океанских глубин. А я так знаю, что не меньше, чем в паре сотен сразу. И ничего. Только прибавляется жизни в их легко ныряющих в суммарном мире телах, упругих и сильных.

7

Тебе надо сойти вниз, – говорит отец. – А Зоя пусть пока посидит здесь.

И я иду вниз. Там стоит Николай Иванович, высокий, с лицом словно бы немного отечным, но это у него такая форма, оно доброе и глаза у него хорошие. Когда он был у нас в гимназии, то был в пиджаке и в белой рубашке, а сейчас он в кожаной куртке, в сапогах, и на боку у него висит кобура с пистолетом.

– Ада Дмитриевна, – говорит он, – у меня к вам важный разговор, который может привести к одному из двух результатов – либо я буду самым счастливым человеком на свете, либо совсем исчезну из вашей жизни, и из жизни вообще.

Я вижу, как он волнуется, на лбу его выступили капли пота, а большие красные руки крутят плоский плотницкий карандаш, который он зачем-то достал из кармана.

– Одним словом, я давно вас знаю, все эти месяцы, годы и дни, с тех пор как мы с вами познакомились в гимназии, я думал о вас. Я не понимаю, что со мной происходит, я этого никогда не испытывал и не верил, когда мне про такое говорили или я о таком читал, думал, что это со временем пройдет, тем более что это не могло быть серьезным, учитывая ваш возраст, совсем еще юный, но это не проходило, а, напротив того, усиливалось с каждым днем. Я вот что скажу, обходя детали – нет мне без вас жизни на земле, умру я без вас, Ада Дмитриевна.

Я смотрю на него, и мне становится за него отчего-то обидно, но я не знаю, что ему сказать, потому что так и не поняла, как следует, как себя вести и что говорить, если тебе делают предложение. Глаза у него синие, как и у меня, но только он совсем уже взрослый и большой человек, он мог бы быть директором у нас в гимназии, и он иногда встречается с отцом по каким-то своим делам, а кто я? У меня ведь своя, совсем далекая от его занятий жизнь. И он стоит передо мной, такой большой и неуклюжий, и чего-то от меня ждет, а я совсем не знаю, что ему сказать.

– Я, Ада Дмитриевна... – начинает он говорить снова, но внезапно закашливается, и кашель у него глубокий и плохой, так что он даже вынужден присесть, нашарив стул рукой. Он достает платок и зажимает себе рот, а тело его продолжает сотрясаться словно в судорогах. – Воды, воды... пожалуйста, – хрипло говорит он и смотрит на меня синими умоляющими глазами. Я бегу на кухню, наливаю воды в чашку и возвращаюсь к нему. – Одним словом, – хрипло говорит он, держа в руках чашку с водой, к которой не притронулся, будьте моей женой, или... или...

Он отпивает глоток воды. – Я вас не тороплю с ответом, – продолжает Николай Иванович, – зная, что вам надо все обдумать, и, возможно, мое предложение явилось для вас (а это скорее всего так) полной неожиданностью и что вам надо посоветоваться с родителями. Я зайду к вам с вашего разрешения через три дня. Вы согласны?

Я киваю головой. Николай Иванович, наклоняется, целует мне руку и идет к двери. Слышно, как она хлопает, звякнув колокольчиком. За все это время я, кажется, так и не произнесла ни слова.

– А ведь он непременно застрелится, если ты ему откажешь, – говорит Зоя.

Оказывается, она была тут все время, подслушивала из прихожей.

– Почему это застрелится? – говорю я. – Ничего не застрелится.

– Застрелится, как пить дать. Такой это человек, ты что, не видишь? – говорит Зоя. – Отчаянный он человек.

– Разве?

– Не сомневайся.

А еще зачем, скажем, приходил Приам к Ахиллу? И кто его туда вел, потому что бывают такие случаи, когда идти никак не возможно, а человек этот, этот старик все равно идет. А кто его туда вел, кто нес – какая ускользающая сила, какой неучтенный фактор, которого не должно быть в жизни, где часто летают ангелы и квакают лягушки, особенно весной, вместе с соловьями, не должно быть в жизни, где все неучтенное нам известно, а он вот все равно есть. И он такой неучтенный, который в принципе учесть невозможно, это как соловей поет и ты местами превращаешься в чистый лед, и он, стиснув руку или заморозив глаза, начинает с тебя отваливаться вместе с руками и памятью, и с глазами.

И когда Приам шел к Ахиллу, тоже пели соловьи, и он тоже становился льдом, и у него тоже отваливались части тела и памяти, но они потом возвращались, как возвращается все, если тебя несет неучтенный фактор, который знает, что надо делать и телу, и соловью, и всему, что происходит вокруг – шуму ветвей или плеску морских волн издалека, или крику чайки над головой.

Но тут еще вот в чем дело. Старик пришел просить тело сына, которого Ахилл убил и, прицепив к колеснице, протащил вокруг стен Трои, волоча его по земле, а сверху на них смотрел отец и жена и другие женщины и мужчины, как оно волочится и бьется, только что могучее, а теперь совсем беспомощное, ставшее вещью, но еще хранящее очертания живого Гектора. И вот поэтому поют и рыдают плакальщицы и соловьи, и жены, и вообще – любой человек, если только вникнет в смысл произошедшего – потому, что только что живой человек превращается в вещь – вот что трудно, вот что невозможно пережить даже камню, который дает трещину, потому что он тоже хочет перестать быть вещью и знает, что он уже не вещь, что он уже событие жизни и смысла, и держится за это, вставая внутри себя с колен, но каждая такая смерть или жизнь человека, уничтожаемого Силой, способны превратить его в неживой предмет, не сумев изменить его узнаваемое тело до безразличности, не сумев дотла стереть лицо, – отбрасывает и его, камень, назад, в трещину, в ничтожность его смысла на земле.

И когда шестистопники гекзаметра молят Ахилла о выкупе тела, то молят об этом его не Гомер, а мы с вами вместе с Приамом, хоть мы и не умеем говорить шестистопниками, но разве это важно? Мы иногда совсем не умеем говорить и больше молчим, но все равно из нас при этом течет и музыка, и песня, которым мы не учились, и они всегда все делают правильно, когда идут от сердца, зачастую разрывая его тоской и состраданием и тем, что мир жесток и несправедлив.

А потом Приам перестает молить, когда Ахилл ему отказывает, и становится вещью вослед за сыном, и это делает Сила, которая сейчас воплощена в Ахилле, – именно она превращает отца в вещь, как это впервые заметила несравненная Симона Вейль, но вещь эта, чего она не заметила, потому нестерпима, потому вызывает в нас ужас и стоит в глазах мертвой слезой, что она не теряет живых очертаний убитого горем отца, которого когда-то носила на руках мама, любили боги и уважали люди.

Вот это и есть то самое страшное, что делает с людьми сила. Страшное это не тогда, когда тебя убивают, страшное – это когда тело, что помнит себя и тебя живыми, утратило эту жизнь и стало вещью под взглядом Силы – вот что невозможно выдержать человеку. И все же он это выдерживает.

Ахилл вернул тело, ощутив в конце концов сострадание, вот в чем величие Гомера – он увидел, что такое бывает возможным. Но величие земной Силы как раз говорит о том, что возможность эта должна быть закрыта. А внутри черт живого человека должна присутствовать вещь, в которую он превратился и которая стала его сутью.

Подвластна ли бабочка силе? И да, и нет. Она подвластна силе, но постоянно от нее ускользает, может быть, потому и зовут бабочку психеей, а душу-Психею – бабочкой. Траектория движения

рыбы предсказуема, мой дорогой, предсказуемы чередования земных и лунных фаз, предсказуемы миграции форели, а также можно создать алгоритм движения медведя или рыси по лесу и даже птиц по небу, но траекторию бабочки не вычислит никакой сверхмощный компьютер – она непредсказуема. Причем непредсказуемость эта не приближительная, а явленная в чистом виде, непредсказуемость так как она есть. А что это значит? Это значит, что в полете бабочки все время осуществляет себя иное измерение, о котором мы ничего не знаем. Это значит, что в теории фатализма и судьбы есть огромные трещины, доходящие до самих понятий предопределенности и богини ее Ананке. А поскольку фатум и рок могут потерять силу только там, где кончается их среда обитания – Время, то приходится признать, что непредопределяемая в своем полете бабочка содержит в себе некоторый недетерминированный, не расположенный во времени фактор, не могущий быть целью нашего внимания, ибо оно тут не властно, а значит все эти капустаицы, горгоны, лимонницы и галатеи связаны с тем элементом мироздания, который не от сего мира, а от другого. И хотя мы не знаем доподлинно из какого именно, но о том осведомлена наша душа. Ибо она также из того мира, которому нет названия, и она также может уходить в сферу вне времени, где мойры не живут, а эринии бесполезны. Вот почему человек – существо, о котором что-то можно сказать на нашем земном языке, но о большей и главнейшей его части сказать на этом языке невозможно, и саму эту часть как-то зафиксировать определением никому не удавалось. И, скорее всего, там, где бабочка и душа встречаются, выпархивая из своей частичности к своему основному месту обитания, там расположено и наше место обитания, где все силы мира не больше, чем наши сестры и братья, всегда готовые сделать то, о чем их мы попросим, играя в нехватку и недостаточность, чтоб было веселей кочующей пока что по земле, бедной и согбенной части души нашей, чующей другие свои внутренние страны.

10

...так и стояли мы среди частокола корабельных мачт месяц за месяцем, ожидая попутного ветра, и продукты на кораблях портились и гнили, а войско было готово разбежаться.

Корабль – это вещь, собранная ветром и рукой – вынута из луны, солнца и земли, как люди и бабочки. Но у людей и бабочек нет того, что есть у корабля – воды, что течет из пригоршни по лицу, и невидимого человека, пребывающего среди видимых. Видимые в корабле всегда создают невидимого человека, вот только трудно понять, с крыльями или нет. Но он влечет корабль к дальним берегам из мела, стекла и золота, реже из льна. Он дует в длинную трубу, стоя на корме, опустив ее в воду, играя для морских львов, камбал, лобанов, толстолобиков, крабов и ракушек. Играя так, он сзывает водоросли расцвести, а наяд, прислужниц среброрукой Фетиды биться и взлетать под звуки музыки, сотрясающей их тела тайным аккордом и желанием. Есть такая мелодия у невидимого человека, хоть и запретная, которая, пробегая по земле как почти незаметный ветер, лишь изредка вызывающий на басовых, рождает в любой деве неодолимое желание принадлежать, и тогда они начинают танцевать по вибрирующей под их ступнями, ставшими легкими как земляника земле, и желание полнит их до тех пор, пока даже самая неприступная из них не отдается ему и не разражается неистовым криком и белым столбом света, достигающим до неба, в котором может родиться то, о чем она думала в этот миг – кентавр, камень, Дионис, или даже она сама, летучая как облако Иксиона и столь же прекрасная.

Корабль – собирается из всего на свете, и в нем есть возвратный поток, внутренний и бесцветный. Мало кто может почувствовать его и отследить. Ибо чем больше проходит такой корабль к своей дальней цели, стесывая и рассекая морские виноцветные волны, тем сильнее в нем начинает жить и бежать этот невидимый поток, состоящий из крови героев и слов. Только кровь героев, которая следует в них самих по замкнутому внутреннему кругу, в корабле разомкнута и видна чайкам и рыбам, но не людям, а слова, пронизанные ей, как будто они и есть герои, полнятся неизвестными им прежде свойствами и силой. Такими словами можно заговаривать

чуму, возродить убитого человека или спалить город, но мало кто отваживается их заметить и еще меньше кто – произнести. Страшно быть сожженным городом, умершим от чумы человеком или умереть, чтобы воскреснуть. Нужна та отвага к любви и муке, большая чем бесстрашие бога или героя. Мало кто погружается во внутренний поток корабля из слов и крови.

Ифигения, козочка, голубка. Несет тебя на сильных руках отец, отдает жрецам. Белый нож рассекает белое горло, белый как тело плач стоит над землей меж морем, богом и человеком. Вот из чего состоит корабль.

11

Зоинова отца вчера арестовали, а это значит, что пришли два человека с примкнутыми штыками и еще один в кожанке и отвели его в тюрьму из кирпичей красного цвета, а вокруг растет крапива – яростное растение, часть силы красной планеты Марс. Это, конечно, могло значить еще и что-то совсем другое и непохожее, например, плач матери Зои или рисунок на ее платье, с цветами и листьями, или то, как ива скрипит и шуршит в ветре на речном берегу, или даже, что человеку сделали больно и страшно, – ведь боль и страх могут быть и без человека, как одежда в шкафу может быть сама по себе, пока он ее не наденет, без хозяина, но потом они встречаются – человек и боль со страхом, и от этого такое ощущение, что словно кто-то неразличимый сорвался ночью с откоса и рухнул в воду, и ничего не видно.

И еще это может значить, что сегодня Зоя стоит у тюрьмы, чтобы оказаться поближе к отцу, и тихо зовет папа-папа, думая, что отец услышит и выглянет в зарешеченное окошко, и тогда они поведуются, но никто не выглядывает, а только в гроздьях сирени шевелются майские жуки, колышется в ветре рябинник, а из-за его куста выходит Агамемнон, и лицо у него медное, а глаза узкие и голубые, и он хочет схватить Зою и повалить в траву, но Зоя не дается и отталкивает его от себя, с трудом удерживаясь на ногах.

Она не понимает, зачем тут у тюрьмы быть Агамемнону, потому что она ищет отца, но он яростно улыбается, и голова его в пернатом шлеме с застывшей медной улыбкой на лице плавает и колышется в синем воздухе, точно так же, как колышется в ветре ветка рябинника. Зоя изо всех сил бьет его кулачком в нос, Агамемнон отшатывается, и губы его заливают кровь. А Зоя вырывается и бежит от тюрьмы мимо крапивы и сирени к улицам города, к его окнам с азиями в окошках.

Но нет-нет, не могут быть боль и страх сами по себе, как одежда в шкафу, потому что не бьют они без человека, а если бы были, то куда бы он девал свое голое тело, с какого бы утеса его бросал ночью в черную воду, нет-нет, поверьте мне, так не бывает, чтобы боль и страх вели свое отдельное существование, и были бы недостижимы для людей – наоборот, где человек, там нет-нет, возьми да и выстрели боль, возьми да и выкрикни страх. Какими словами? Да вовсе и не словами, а самим человеком. А что человек при этом скажет, не так уж и важно, хотя, может быть, и важно, и, может быть, даже и важнее всего на свете, но обычно люди не запоминают, что они тут говорят, потому что все просто происходит, а не делается.

Греческая трагедия, например, с ее сверхлюдьми, такими как учитель греческого языка Агамемнон, происходит, а не делается или случается, как происходят листья дерева, или всплеск рыбы на поверхности воды перед дождем, или Наполеон.

И поэтому Агамемнон стоит у тюрьмы, где воздух полнится отсутствием девушки, больше, чем прежде ее настоящим телом, слизывает кровь с губ и неподвижно смеется, потому что он тот, кто преодолел в себе человека, и все, что в человеке есть слабого и боящегося своей и чужой смерти. Нет, не возьмут его слабость и низкое существование, и когда, например, он зашнуровывает ботинки, перед тем как идти в гимназию, ему улыбаются, подрагивая из-за невыносимых расстояний и смыслов, далекие звезды, а в окно над водокачкой поет его бессмертный двойник – соловей. Знаете, что такое сверхчеловек? Это ночное солнце, раскаленное до черного огня, светлейшее дневного.

И когда на пристани высаживаются пассажиры со своими баулами, коробами, собачками и канарейками, оно восходит из-за невидимого плеча, грозное, как полки со знаменами, неоодолимое, как дева-Юдифь, для того чтобы во всей этой суете, мелочи и тявканье земная история зачиналась бы заново и происходила бы отныне совсем не так, как до этого, – хоть мировой перемены никто и не замечает, а только надрыдается и исходит светлой песней, цокая и грохоча на весь мир, невидимый соловей на зыбкой и дымчатой ветке ивы.

12

Невидимый человек пробежал по улицам, а в небе иногда летели гуси.

Гуси летают в небе и тянутся вперед клювом, как будто это не клюв, а наконечник копья или рука с красным пальцем. Но если взглядеться и постараться услышать сокровенное имя гуся и увидеть его так, как он есть на самом деле, надо выйти и встать на крыльцо и прислушаться, глядя на его полет. Имя гуся и больше, чем сам гусь, и намного меньше его, потому что проявляется в нем и как причина отличия его от, скажем, лягушки или швейной машинки, и как то, что схоже с гусем как он есть. И тогда то, что меньше – это его внутренняя форма, про которую можно сказать, что она пение, скажем, образующее матроса на берегу или лягушку на листе кувшинки, а что больше, это расходящаяся аура матроса или лягушки, но, поскольку тут речь о гусе, то мы тут скажем о расходящейся ауре гуся.

Он на ней как ветер с Фудзи на большом веере.

Я чуть позже договорю про гуся и Фудзи, потому что здесь располагается пауза июньского ветра.

На этот раз Николай Иванович пришел с букетом цветов – громадными фиолетовыми гроздьями сирени, которые мама поставила в хрустальной вазе на пианино, и даже в черном его лаке они все равно, отражаясь, оставались фиолетовыми. Ада потом не могла вспомнить, о чем шел разговор – кажется, Николай Иванович рассказывал про Гомера и то, как вышла младая из моря с перстами пурпурными Эос, эту-то строчку я почему-то запомнила, и даже иногда повторяю и к месту, и не к месту, что Эос с перстами пурпурными вышла из моря, и тронула ими лоб чайки, и камни на берегу, и еще парус на море и гниющую лодку на окской отмели. Ада однажды проснулась очень рано, выглянула на улицу, стоя у окна в одной ночной рубашке, и увидела, как крадет-ся красное от нестерпимой холодной и неподвижной уличной рани солнце, как оно не двигаясь движется рядом с куполом церкви и уличным фонарем и заливает всю улицу тонким, робким и всевластным малиновым светом, и как все застыло словно в обмороке, – и булыжники улицы, и фасад с надписью «Мастерская В. Ничипоренко», и колокольня, сквозь которую тоже проходит свет, и как еще ни одна птица не пела, а только где-то далеко прокричал петух и сразу же умолк.

А потом она опять легла и сладко заснула.

Николай Иванович, когда говорил, морщил лоб и синел, голубел глазами. Потом они ушли к папе в кабинет и о чем-то там долго говорили. Помню, что у папы, когда они оттуда вышли, был взгляд беззащитный и виноватый.

Ада, вот, Ада... Словом, вот летом... Так сказать... Быть, следовательно, свадьбе, если ты не против.

Не помню, что я ответила, я ответила как ответила, потому что все, что ни делалось – вовсе и не делалось, а происходило, как многое в моей жизни происходило именно что без моего участия – тень ветки на подоконнике, платье, которое кольшет ветер, почтальон на велосипеде. А что значит участвовать? Если ты есть, то ты просто есть, а совсем и не участвуешь, а есть. Птица летает, фонарь стоит, колодец направлен вниз, а я есть. Это, можно сказать, картина ежедневного мира, а никакой не фатализм, как говорит про меня Зоя.

А Зоя пришла вечером, сказала, что отца арестовали, и плакала.

А вот что про Фудзи и гусей.

Они, когда летят, вовсе не хотят и не стремятся отражаться в озере, они просто отражаются. А потом отражение исчезает, не оставив ни одной линии на поверхности, вовсе не изменив ни-

чего в озере, а как сдули пыль и ее больше нет и не будет. А еще розы. Никогда они не стремятся цвести, а просто цветут. Да.

И если бы вы вдохнули полной грудью не слова, а это вот мое сообщение с той стороны слов, то мы бы с вами больше не расставались в Благой вести на все синее небо с его необозримыми и нескончаемыми просторами, уходящими за края краев объемов, расстояний, ума и сознания.

Вот, например, идет по улице и живет совсем неприметный маленький человек, а значение его выше луны и солнца, и оно нигде не кончается, а вот – важный комдив рабоче-крестьянской красной армии, а попробуй найди его всамделишного, он окажется меньше улитки.

А вы слышали, как хрустит под ногой раздавленная улитка?

Это такая боль! Такая боль!

13

ИЗ СТИХОВ ГЕНЫ А

Человек начинается там, где он кончился,
а с ним руки, вечера, жизнь, сирень.
Впрочем, сирень пусть не кончается.
В аквариуме, когда рыбка дышит, над ней с той стороны витает ее двойник.
И кто кого породил мы не знаем, но человек летит на огонь,
касаясь себя губами, как еще Гете заприметил.
И рыбка-конь порождает своего двойника, сгорающего вверх ногами
в очистительном огне,
и рыбка-извозчик,
и над любым городом поет Хор его жителей,
а над любым человеком, парикмахером Изотовым или
посыльным Изюмовым также поет хор, стоит
ему замолчать, и они исчезнут – и лошадь, и парикмахер, и посыльный.

Спиртовый огонь моего сердца, голубое пламя,
в котором я сгораю, и когда меня не будет – я буду.
Зоя, бабочка, полонянка, жук-олень, держащий на рогах Оку
с перевернутым небом – я буду вы, а вы – я.
Слово сказанное – слово напрасное,
если оно не орфей, или не имя бога, но и
бог – напрасен там, где пуля машет руками и вынимает из груди сердце
потому что боги – это наше вслушивание в тишь,
а Христос это то, что мы отдали.

Пой рыбка, пой.

Человек начинается там, где он кончился.

14

Гроза приходит на город с востока и катит перед собой по мостовой две пожарных бочки. Они громяхают, гудят и подсакивают. Бух-бу-бах! Сизые пласты небес змеятся, и оторопью падают первые капли в пыль, а в каждой отражается все, что тут есть вокруг – городок с его крышами, столбы и фонари, клены и цапли, азалии в окнах, почтальон на велосипеде и собачья конура. Речка тоже отражается, и тоже отражается небо, откуда они пришли, чтобы, летя к земле, вбирать в себя город, его тупики и переулочки, коленца и пожарные щиты и небо с его необоримыми да-

лями, пронизанными огненными змеями. Погромыхивают все громче бочки и нарастают звуки и краски. Вот уж дребезг ударов в окна и по забытой в палисаднике жестянке разбивает все, что только что несли в себе, беременные всей картиной городского мира, уложенной в их каплевидные сферы, дождевые капли-глаза – а многое, многое может одна единственная капля принять, отразить, расположить внутри и собрать! Больше того, что может, больше того, что ей предназначено! Не так ли и мы? Пока все сильнее вертится кем-то забытая тряпка на заборе в неравных порывах налетающего ветра, не так ли и мы силимся быть больше, чем мы есть, даже когда этого не замечаем?

Разве человек – не гроза? Разве не накатывается он огнем и пламенем, наступающими с востока, разве не несет в себе он свет капель, тысячи крыш, галок, деревьев, палисадников. Разве не сеет он в себе всю жизнь вешнее слово? Только что – слово!? Разве не несет он в себе имена всех вещей мира, которые нераздельно и неслиянно живут в гулкой и безмерной его тишине, что селится у человека между бровей, там, куда ударил его однажды пробуждающий тело удар пальца жизни, сказав: зри и внемли!

Зри эти заборы, улицы, мосты деревянные и каменные, зри лицо матери и руки отца, и птиц в небе и радость людей, и их печаль, и как восходит утром солнце, и как исчезает оно на закате, и как выходит из-под пера слово, и как, дрожа, рождается оно на губах. Зри роды утром и похороны на исходе, кошек на солнце и галок на заборе. Внемли гулу рынка и гармонии частушки, запаху дров и скерцо Шопена, грохоту пожарного экипажа о четырех битюгах, тихому запаху жасмина на углу избы, мосткам, на которых бабы полощут белье, и прерывистому движению звезд, и слову ангела, и содроганию небес в близости Бога.

Разве человек не гроза с Ильей-пророком, катящим свои бочки по мощеным улицам, поло-сующим небо коленчатыми трубами молний, разговаривающим с кузнечиком, глядя в его тихие глаза, поджигающим факелами дерева, замирающим в оглушительной тишине, рассыпающим мир на части и вновь собирающим его в мосты, коньки крыш, пугало на огороде, телегу на косо-горе, – разве человек не гроза с Ильей-пророком между бровей.

Велик человек, звучит он гордо, властно и хрипло, и чем больше тщишься ты его назвать и окружить предметами, световыми кольцами и звездными сферами, тем меньше у тебя это выхо-дит.

Но говори, говори! Не лишь словами, но всем собой! Сожми себя, словно бы в пригоршню, словно бы в смертельный оборот, словно бы крепкие руки сильной мещанки выжимают отсти-ранное добела белье, простыни, наволочки, рубашку – до снежной чистоты – и скажи, не говоря! Скажи, человек, о себе великом, о плаче своем и своей радости, о смерти Героя и скорби девы, о горящих дворцах, отплывающих кораблях и жажде дома. Об огнях и пепле, о победах и крови в пыли, о песнях мудрых и хоре финикиянок.

Ибо плачут и поют они в каждом дворике, возле каждого священного дерева и дубовой рощи, раскинувшейся сразу за губернаторским домом, теперь горсоветом, под мостом, где витийствуют лягушки и отражаются балки в зеленой воде, у колокольни, у прорытого канала, в котором стоят купола, у тихой лодки с капающей с весел водой, везде.

Скажи, не говоря, и тогда придет Правда на землю. В каждый дом и в каждое сердце придет живая, жаркоблая, виноградная Правда о смуглых ногах и с глубокими, как голубые колодцы, глазами. Придет и утешит, и прикоснется вещими перстами к Зое и к ее отцу, сидящему в тюрьме, к Николаю Ивановичу и Агамемнону, трудящемуся над человеком в сердце своем и печени, над всем городом выпадет Правда, как роса, все покроет, всего достигнет. Никого не минует. Говори без слов. И засветится кузнечик в траве, как серебряная ложка, и заговорит на языке предвещем и людском корова в стойле, и выбьет конь копытом в камне слово «Всевышний» и запоят, обняв-шись, Бах и серая овсянка.

Две стороны у паруса в необъятном море. Одна – Одиссеева, вторая – сирен.

Сторона Одиссеева – выгнута, полна крови и ветра, полна рассказа и ведения, сторона же си-рен – вогнута, словно пригоршни с водой, исходит соблазном, мчится мотоциклом по вертикаль-

ной стене и поет звездными звуками. Не думайте, что неистово их пение – тихо оно, запредельно, стоит дальними звездами в небе, совпадая с безмолвными нитями Одиссеева мозга с той стороны паруса, и в том-то и дело, что мозг Одиссеев и звезды, пока поется и движется – одно и то же.

Неподвижен мозг, хоть и бегут по нему магнитные поля и электричество, и небосвод со звездами неподвижен.

Все же вместе – заодиссеева речь, сказать которую тщился Гомер, но получилось лишь эхом, получилось отчасти. Потому вот Адин городок договаривает и допевает Гомера, что с поры возвращения к Итаке в каждого, кто чует жизнь и ее необозримость, вселен, колеблется и распевает вогнуто-выпуклый парус грозного корабля, и никого не минует он своими мелодиями, ни пьяного извозчика, задремавшего на козлах, ни молодого двухметрового детину грузчика, ни барышню-гимназистку, ни птичку малую, потому что и птичка бывает человеком и поет человеческими голосами, говоря о будущем и отменяя прошлое.

Гена хотел когда-нибудь написать Рай. Но написать его нельзя, а провести в свою грудь можно.

И разве вы не знали, что грудь коня, кузнечика, ворона и волка – одна грудь с человеком.

Вот и быть Раю, и стоять домам и жалиться крапиве. А пожарным тушить пожары, а матери растить детей, и ручью – течь и поблескивать.

Сидят, обнявшись, Ада и Зоя, блестят волосы их под электрической лампой, и утешает Ада Зою.

«Но ведь должен же быть какой-то разумный выход. Погоди, я Николаю Ивановичу скажу. Я уверена, что он сможет помочь, он же главный человек в городском совете».

В окнах стоит правда и сумерки, а червь в земле, роя все глубже, поет Одиссееву песню, и вся земля подрагивает в ответ.

15

А утром гудит ветер, и приходит ветер с востока вместе с почтальоном Авдеенко. Почтальон Авдеенко едет на велосипеде и гудит в унисон ветру свою песню, где понятные поются только ему и перелетным птицам слова, а первое колесо у велосипеда – Луна, а второе – Солнце, вот так поет он перелетным птицам свою песню, а выходит у него: У-у-у-у-ум! У-у-у-у-ум! И крутит Авдеенко педали сильными ногами в брюках, пришипленных зажимами, чтобы не лезли в велосипедную цепь, рассекает окрестности летучим снарядом и крылаткой на бронзовой блестящей застёжке-цепочке.

Велосипед его, как многое в нашем городе, сделан из лучей Луны и лучей Солнца, добротно собран неизвестным мастером, думает и мыслит, – а вот, например, зеркало, сделанное из лучей Луны и лучей Солнца и стоящее в спальне какой-нибудь еще не проснувшейся в этот ранний час барышни, тоже думает и мыслит, но глубже, чем велосипед, хотя никуда и не едет. Впрочем, едет, конечно же, едет оно – едет вовнутрь и в глубину самого себя, вместе с коробчатым и серебристым отражением окна с цветами на подоконнике, утренней улицы с погасшим фонарем и собакой и самим почтальоном Авдеенко.

А почтальон Авдеенко, проезжая по двум окрестностям сразу, и я бы сказал, сразу по двум сферам, думает и в этом, и в другом пространстве разные мысли и поет две разные песни – в одном веселую, во втором – грустную.

Хотя почему же именно по двум проезжая пространствам? Совсе и не про двум проезжает объемам и далям – зеркальному и всамделишному – почтальон Авдеенко, георгиевский кавалер, а по многим. И что из того, что этого никак не увидеть. Ведь нельзя же уставить всю улицу зеркала-ми, чтобы это понять, да и никак невозможно.

Но вообразите, что они там стоят.

Тогда уже сами можете видеть, что чем больше стоит их на улице, тем в большем количестве далей и просторов и сфер движется велосипед почтальона, а раз зеркал может быть бесконечное количество, то из этого проистекает простая и наглядная вещь – в бесконечности едет почтальон.

Едет в бескрайности. Гм, гм, да что там почтальон – просто с почтальоном при известном умственным усилием это делается абсолютно ясным, а вот со всем остальным не очень.

И тем не менее, любая вещь этим утром, попавшаяся вам на глаза, также едет и путешествует в бесконечности и в бескрайности, а как же иначе?

И блохастая собака? – спросите вы? И блохастая собака. И купец, открывающий свою лавку? Да. И лужа посреди улицы? И она. И каждый на свете человек, малый и большой? И всякая ветошка или соринка? И сама улица с собаками, колокольнями, березками, голубями и лужами? Так!

И всякий на ней дом с вывеской и без оной, и сам город. И флаг на башне и балкон на стене. И буква, и цифра и книга. И даже вы, читающий эти вот рассуждения и находящий их легковесными, детскими и лишенными однородного литературного стиля, объективного, конкретного, обладающего властью точного именования – даже вы. Путешествуете в бесконечности. И происходит это и каждое утро, и каждый день, и в любой миг вашей жизни.

Авдеенко помнит, как однажды почувствовал, что путешествует в бесконечности – тащил тогда раненого товарища в окоп, а рядом рванул снаряд, вынувший из-под Авдеенко землю, и он полетел уже без земли – сам по себе, по воздуху вместе с товарищем, но словно бы потеряв руки и ноги. И тогда его стало так много, что казалось вся земля и даже все, что ее окружает, – теперь один Авдеенко.

Один-единственный.

Даже небо стало Авдеенко, даже белые облака в небе.

А разве могло быть иначе, догадался он. Разве все вокруг – не Авдеенко. И лежа рядом с товарищем и сочась теперь уже вместе с ним кровью, он смотрел в небо и понимал его бесконечность, как часть собственного мозга, ставшего больше земли и неба, как слово Бога в первый день творения, а потом он стал падать в небо себя все быстрее и быстрее, и видел, что это неподвижное небо себя это все, что ему нужно и достижимо как самое желанное в мире, что много можно говорить разных слов, чувствовать разных мыслей и петь разных песен, но уже ничего ему не хочется, кроме неба себя, и ничего по сути другого-то и нет, один только морок и призрак.

За спасение раненого дали ему Георгиевский крест второй степени, и генерал вложил ему в руку золотые часы за храбрость.

Еще скажу.

Писать о чем-то определенно, со знающим видом, писать конкретно, демонстрируя терминологические хищные имена событий, мест и вещей, как З. или Т., восхищая эрудицией читателей – значит врать. Потому что ничего конкретного и однозначного в мире нет.

Потому и великая книга Дао дэ цзин написана так, что число комментариев к ней и ее переводов растет и множится. Ибо каждый иероглиф этой книги многозначен и мягок для того, чтобы не мешать смыслу *плавать* и подстраиваться под читателя. И если читатель глуп, то прочитает книжку из особенностей своего развития – и это свобода. А если читатель мудр, то это будет совсем, в силу уступчивости, не фиксированности иероглифа, другое чтение и другая книга. Это как зеркало – отражает того, кто в него смотрит, оставаясь при этом самим собой и ничуть не меняясь.

А сам отец мудрецов, Большое Дитя, Ли Эр не глядит в него, но напишет на заставе в горах книгу в несколько тысяч знаков (не надо знать, сколько именно), да и то по просьбе здешнего чиновника, а потом сядет верхом на буйвола и растворится в тумане.

Конкретное точное и фиксированное слово или речь из таких слов – властолюбивы. Они хотят документа, они хотят точности, владения и удержания. Но все течет, трепещет, проливается сквозь мысли, слова, сквозь пальцы. Мысль частична. Правда – всеобъемлюща и выходит за пределы и возможности человеческого сознания.

Пролепечем же это, пробормочем, да и промолчим.

Все взаимосвязано и все – Одно, и все только так и надо попытаться постичь, если вы живы и говорите, и видите, и если вы все еще (непонятно-непонятно порой, зачем) хотите прикоснуться к истине.

Здесь иероглиф Син-сердце, а цвет серебро.

Вот почему нам нужна поэзия с ее сравнениями и внесловесными мелодиями или соловей с его разбойной невыговариваемостью, в свисте и косноязычии, или гроза с ветром на весь мир. Есть весть вне слов.

А сколько ж живых голосов – мужских, женских, девичьих, гимназических, старческих вложено в почтовую сумку Авдеенко, сколько жалоб, восторгов, надежд, поручений, наказов, сколько любовных стихов, сколько судеб и признаний звучит в ней даже в наше голодное и холодное время!

И, ах! каким византийским перебором, мещанским многоголосием, обывательской скороговоркой, какой виноградной евхаристической прививкой к славянской речи поет этот Хор!

Разве не так?

Я часто думаю об этом.

16

ХОР

Тот, кто сидит в тюрьме, он в красной сидит тюрьме,
думает, что он один, а река обтекает тюрьму и весь город, и поэтому
город с тюрьмой плывут, оставаясь на одном месте,
каждая вещь произносит свое слово, и Зоин отец, Петр Никанорович,
тоже произносит слово. И когда он произносит слово роза,
он превращается на миг в розу, а когда говорит стена, становится стеной.
Мы еще мало вспомнили, что такое слова.
А они нас помнят.

Поэтому, когда люди говорят плач, они становятся слезами, а когда кровь – кровью.
А когда Антигона говорит смерть и засыпает тело брата землей,
смерть и земля становятся Антигоной.
Горожане гуляют по улицам, ни во что другое не воплощаясь.
Они просто горожане и гуляют между фонарями
в длинных платьях жены и в пиджаках мужа,
никто не способен на Слово,
а в воздухе летают жуки и лица тех, кто
когда-то жил в этом городе а сейчас стали словами с другой стороны.

Людям часто бывает больно,
И тогда они плачут, как Зоя Пухова.
Им часто бывает невыносимо, и тогда они быстро повторяют имена вещей,
вспыхивая и погасая при этом,
превращаясь на миг и вне времени поочередно в эти вещи –
в правду, речного рака, скат крыши под дождем –
выросшие из сострадания, справедливости, любви и милосердия формы,
потому что все остальные производные от Блага,
пусть ты сидишь в тюрьме и не читал Платона.
Все происходит и обретает форму от любви и милосердия,
даже велосипед почтальона Авдеенко, даже письмо Гены А., которое лежит
у него в сумке, как какая-то заваливающая бумажка,
а там цветок и рассуждения об Орфее и ветре на Кузнецком мосту,
где он гуляет.

Дорогая моя Зоинька, так может быть начиналось письмо и дальше могло звучать примерно следующим образом: я гулял в ветре по Кузнецкому, оглядываясь на людей, чего тут только не увидишь, каких только людей и характеров! Я думал и видел, что все они мыслят себя чужими друг другу, забыв о том, что все они в родстве, и красноармеец с винтовкой, и лавочник, и торговец, и дама с корзинкой, в которой, наверное, несла платье от модистки, и мальчишка-газетчик – все они цветы одного ветра. А дальше оно могло звучать так: иногда мне кажется, что передо мной раскрывается суть жизни и стихов. Например, об Орфее. Просто не надо куда-то торопиться, а у меня это стало получаться. Я купил у девочки-цветочницы фиалки и принес к себе домой.

Несколько часов я провел, рассматривая эти цветы. Вещи, еще не ставшие разумными, хотят, чтобы их рассматривали, потому что им недостает человеческого бытия, которое берется людьми от Высшего, от бытия с Большой буквы, от Творца.

У всех вещей и животных, а порой и у людей страшная нехватка Бытия, которая их мучает, вот почему иногда так невыносимо глядеть в глаза лошади, понимая их печальную глубину, и так прекрасно одаривать дополнительным своим Бытием фиалки.

Это только говорится, что вещи молчат.

Каждая вещь спрашивает тебя по велению Творца: кто я? Другой человек, дерево, лошадь, улитка, собака, куст. Это вопрос всего на свете, тебе предназначенный: скажи, кто я? Назови снова мое имя!

Мы не для себя живем, а для дополнения. Фиалок, собак, прохожего-горожанина и даже неба, в котором есть второе небо

Несколько часов я молчал вместе с ними, пока они не начали тихо петь, а я слушал, любуясь каждой впадиной их лепестков, каждым оттенком синего и фиолетового, каждой капелькой влаги, блестящей на стебле – видимо, их сбрызнули перед тем, как нести на продажу.

Они смотрят на меня, делая меня человеком большим, чем я только что был, как и я делал их цветами, большими, чем они были немного времени назад. Мы восполняли друг друга.

Только в этом и есть смысл стихов. И вообще, всего, что есть хорошего в мире.

Стихи – это работа Бога, выполненная через человека, и все мироздание, и вся его живущая в нем Премудрость радуется этой работе без слов.

И я думаю, что разглядывание фиалок это тоже стихотворение, оно может предшествовать стихотворению, написанному словами, а может остаться таким как есть – так и не произнесенным общим для меня и цветов именем. Общее имя есть, и мы в нем и одно и отдельно. То, что в богословии церкви называют нераздельно и неслиянно. Это имя может распасться на слова, а может вновь собраться в свою тишину и наше общее пение.

Орфей восполнял вещи собой, а они давали ему за это силу, предшествующую силе грубой и обычной в мире – тихую силу быть-вместе. Он был собой, потому что в пении был Евридикой, которая жила, превосходя распад, слушая птиц и кузнечиков. Ее смерть сделала его вдвойне живым, когда он запел о ней.

И пусть никто никогда не узнает слов и мелодии его пения. Потому что эта песня всегда звучит в нас, всегда выводит нас на Орфееву божественную ладонь, к текущей сквозь нас жизни-смерти. Она делает нас живыми.

А потом письмо могло закончиться вложенным лепестком фиалки и, например, следующими словами.

Не обязательно писать стихотворение или его произносить, чтобы оно было. Достаточно глядеть на цветы. Или купить их у девушки, *чувствуя неведомым образом ее жизнь и восполняя ее своей.*

Пора спать, завтра с утра у нас экзамен по истории литературы.

Это было письмо Гены, Гены А., студента и идиота, то есть человека частного, не участвующего в политической жизни социума.

Все цветы – идиоты.

Так вот примерно оно могло закончиться и еще словами, Зоинька, родная, скоро вернусь, кланяйся от меня Аде.

18

Возле пожарной каланчи собака в свалывшейся шерсти, в пыли и репейниках, язык наружу. Но пес этот мог сидеть и в другом месте. Каком? Да в каком угодно, потому что пес – картинка, как и все остальное. Пес – это картинка в картинке. Поэтому пес в пыли и репейниках мог бы располагаться на вершине каланчи и смотреть на город оттуда, или, скажем, можно поднять его еще выше, и тогда он будет сидеть на облаке, но давайте, пусть он сидит на каланче и будет чуть больше в размерах, чем того требует городская линейная перспектива. И пусть он будет, словно одна картинка наклеена на другую картинку, а фоном проплывают белые кучевые облака на синем небе. И оттуда пес видит город М. как совокупность следующих вещей и предметов: запруд, ручьев, зацветших пожарных прудов, дворики, палисадники, тупиков улочек и закоулков. Он видит оттуда кирпичную школу, сады, железнодорожный вокзал в готическом стиле, чахлую растительность пристанционного парка, пыль, пересохший фонтан на площади перед станцией, дальше – набережную с садами над ней, пароход, что разворачивается на реке, причал, а выше – парк с беседкой, в которой играет духовой оркестр и развевается флаг, потрескивая в ветерке с Оки.

– А почему именно к Калинину? – это Ада.

– Потому что мне про него вчера говорили... Надо ехать в Москву. Его даже зовут – всероссийский староста, он помогал многим и многим помогать... мне говорили, да... словом, другого выхода я пока не вижу. Сегодня соберусь, а завтра еду.

Тень липы гуляет по белой скатерти на столе, словно хочет ее свернуть и расположить по-другому, словно хочет скатать ее и раскатать заново, словно чего-то ищет на ней. Вот замрет на миг, и снова – ну, искать, ну, раскатываться, ну, расшатываться и разгуливать по крахмалу.

– Николай Иванович, – это Ада, – сказал, что сделать ничего не может, что было о твоём отце распоряжение из Москвы.

– Я поеду, Адочка, поеду...

– Ну, тогда и я с тобой.

Сады шумят, и звук этот ложится на все остальные звуки и шорохи. Набежит ветер, качнется липа, раздастся шум. Свежеют ветерки с реки, а пароход медленно приближается к берегу среди рваных волночек и брызг, и речных запахов.

На берегу же цветет липа и сидит собака.

Если вы думаете, что вам ясно, для чего это все – то мне вас жаль, господа обыватели и горожане. Вот написал Пушкин: жизнь, зачем ты мне дана? – а кто ему ответил? Филарет? Но позвольте, это несерьезно, это ответ не из глубины. А вот посмотрите на свечу в подсвечнике – зачем она здесь? Или, к примеру, на книгу на полке. Почему она отличается от других книг и зачем это происходит – то, что она отличается от других книг? – это Гена А. – придя к себе домой после другой прогулки по Кузнецкому, по Ордынке, пешком к Патриаршим прудам с их легким запахом гнили, подскакивая через трамвайные пути, мимо извозчиков, в столбах лучей и световых людей, закутанных в шевеление лучей, по улицам Москвы с ее лучевыми невидимыми людям обитателями, под чирикание воробьев и утробное воркование сизых голубей, метущих пыль поджатыми, как у раков, хвостами. Окно открыто, и в него врываются ветры-ветерки, а Гена – это Гена – вглядывается в подсвечник со свечой, словно хочет проникнуть в его тайну, недавно решил он, что у подсвечника есть тайна, а разве это не так. Любое имя – тайна, а мы окружены именами, сплошь нас окружают имена, а раз каждое – тайна, то мы и живем в одной большой тайне.

Зачем мне дана жизнь, зачем я сижу и смотрю на подсвечник и знаю ли я наше общее с ним имя? – думает Гена. Как фразеологический оборот сдвигает все смыслы входящих в него слов, так сегодня сдвинуты смыслы всех вещей и имен в городе.

Даже вот что скажу еще, вот что. Как будто если кто взял переводную картинку, размочил ее как следует в блюдецке с голубым орнаментом, положил на белый сухой лист и начал скатывать в шарики и неряшливые катышки бумагу, а потом потихонечку потянул. И тогда из-под серой измурзанной бумаженции, плавно стягиваемой с испода, покажется краешек блестящего и яркого, цветастого и словно бы лакированного рисунка, как будто обещание Рая. А потянуть еще – то и увидишь влажную яркую бабочку с мокро голубыми крыльями, или парусник в волне на море, или Медного Всадника. А может, еще рошу и мостик с белой статуей.

Это Гена: вот если бы взять и потянуть за дряблый краешек нашу картинку дней, скатывая с нее размокшую серость и косность, чтоб из-под нее стало исподволь появляться расширяющееся сияние всего. Ведь тогда засияют неуклюжие и строгие разлапистые вещи, которые мы видим каждый день, как этот подсвечник с белой непонятной свечой, и не слышим их имен и не понимаем, зачем нам самим дан дар случайный и для чего, а тут они вдруг станут родниться с тобой, радоваться тебе, обретать все сплошь свое новое, доселе спрятанное от тебя лицо и посылать тебе лучики и лучи света, и говорить, что ты им понятный и близкий, и называть тебе тихо на ухо твое настоящее, глубокое, как омут с искрой, Имя.

Засветятся мосты, парки, фонтаны на площадях, пруды, беседки, особняки, переулки, доходные дома, памятники, а главное засветится и засияет жизнь в груди, потому что наружный свет всегда продолжение твоего сокровенного имени, которое вдруг возьмет и обрадуется твоей жизни.

– Вот что было бы хорошо, – говорит Гена вслух. – Вот что свершиться однажды должно в наших глухонемых судьбах и историях.

Ада с Зоей сидят на лавке у окна, смотрят на проносящиеся за окном вагона полустанки, дома, поля и леса, в вагоне много народу, виснет брань и плачут дети, а за окном просторы, дымки, озера, дали и реки – такая красота, что и глаз отвести невозможно, Зоя плачет, и Ада шепчет ей: Зоинька, Зоинька, не плачь. Мелькают с размаха вверх-вниз провода телеграфных столбов за окном вагона. Вверх-вниз, да-дах, да-дах, вверх-вниз, искры летят из трубы, ребенок орет на руках крестьянки в поневе, вверх – вниз! сопливый, рот до ушей, вверх-вниз, да-дах, да-дах!

19

А вслед им слышится на Ордынке – Глянь, хор-рошенькие идут, ах ты! Хор-рошенькие какие! Должно гимназистки!

Ах, гимназистки, гим-на-зисточки!

У-че-ни-цы! Эх, эх!

Гимназии теперь – тью-тью. Почти все позакрывали. Теперь школы!

Эх, хороши!

Что есть нагота?

Кто бы взял ответил и мне, и другим, что это? Конечно, мог бы и Гена, а что Гена, а он и ответит. Наг ли цветок, думает он, нет, не наг. А дерево? Нет, не наго. А змея или курица? – нет же, конечно!

Нагим может быть лишь человек. Лишь человек наг в неприкрытости своей и в сраме своем.

Так ли это? Так, так!

Либо аура, либо нагота. Много позже некто Энтони Гормли построит тридцатиметровую скульптуру, которую назовет «Квантовое облако», и собрана она будет из четырехгранных сегментов, так что со стороны выглядит облаком, в центре которого находится сквозная фигура самого Гормли. «Облако» вокруг нее, созданное из стальных модулей, упорядочено при помощи компьютерной модели, созданной по алгоритму случайного блуждания.

Для достижения совершенства эти модули должны были бы, конечно, повторять собой каждый – всю скульптуру всего растворяемого пространством человека вместе с этим конкретным модулем в его составе.

Тогда бы они приблизились к буддийскому Поясу Индры – пустотной модели мира в ее голографическом исполнении.

Эта скульптура говорит о том, как не оставаться голым. Но для того, чтобы быть более реалистичной, облако вокруг Гормли, или кого другого, должно не ограничиваться некоторым радиусом, а все более истончаясь, расходиться в бескрайние дали. Человек таков – что расходится в бескрайние дали, а не ограничивает себя поверхностью кожи (или *кожаными одеждами*, как написано в Книге Бытия). Никто не думает о себе, что он расходится, причем одновременно внутрь и снаружи – до бесконечности, а на самом деле каждый из нас расходится, но тут вот в чем дело, дело в том, с чем мы себя отождествляем.

Если человек отождествляет себя и других с поверхностью кожи, то он так и будет себя видеть, и поверхность кожи будет его интересовать, как будто это и есть граница его самого. А если не с поверхностью одежды, что пришла на смену ауре первых людей, то с поверхностью платья, которое с помощью складок играет в переключку продолжения со всей Вселенной. А если с аурой, то он увидит, что благодаря ей он нигде не кончается – ни внутри, ни снаружи. Потому что внутри он так же бесконечен и длится до *Перводвигателя* и дальше, как это описано в путешествии Данте по Раю, до тех пор, пока не изнеможет высокий взлет духа и он не сольется с Любовью, что движет Солнце и светила.

Я вот только думаю, говорит Гена А., если бы он взял с собой, скажем, воробья или собачонку, смог бы он ее поднять вместе с собой до этих высот, думаю, что смог бы. Одним словом, могла бы собачонка оказаться там, где сияет Любовь, движущая солнце и светила, а не только быть помещенной на колокольню города М.?

А если так, то, значит, и собаки, и ослики, и медведи с петухами будут населять со временем высоты Рая, а пока не населяют, потому и сказано у апостола Павла, что «вся тварь стенает и мучается, ожидая откровения сынов человеческих», но не вечно же она будет мучиться, потому что Откровение уже идет.

Оно приходит к нам каждый день и ширится бесконечно снаружи и бесконечно вовнутрь, и тогда голых людей не бывает.

Если кто любит или кого любят – они не могут быть голыми. Даже сняв с себя все, они будут больше всей вселенной, думает Гена и хочет написать об этом Зое и Аде тоже, потому что Ада – единственный человек, который понимает его до конца.

Ада – гимназистка, так и осталась, хотя почти все гимназии позакрывали.

Он писал ей, что не знает, зачем дана жизнь, а она ему ответила, чтобы чувствовать запах цветов, вкус дождя и ветер с речки.

Да, это так. И еще чтобы восполнять друг друга до Перводвигателя и того, что назвать не выходит – это когда оба отдают себя друг другу: дерево и человек, человек и простор, человек и бабочка, человек и человек. Даже тогда, когда чувствуешь себя голым и одиноким, делай это.

20

А вот лев с правой лапой на шаре. Эта часть рассказа посвящена Аде. Я бы даже условно назвал его «Любимая Ада», понятно, что с нехитрым расчетом на двойное прочтение, хотя непонятно до сих пор, можно ли представителя новой власти назвать в честь геенны огненной. Мне кажется, что не следует. Мне кажется, что чем больше в этих строках элементов иносказания, тем лучше, и поэтому, рассказывая об Аде, а вернее просто говоря об Аде, я буду говорить о шаре под правой лапой льва.

Как же он завершен! Такая завершенность мне кажется даже агрессивной. Вернее, так – именно такая завершенность мне и кажется особенно опасной и агрессивной. Посмотрите, например,

на древние китайские картины, вы нигде там не найдете шара, а на европейских пейзажах и натюрмортах сколько угодно. Колбы, вогнутые зеркала, украшения в парке или в интерьере, ядра, шары под лапами львов... Шар словно говорит, я все сделал, больше ко мне нечего прибавить, с меня нечего взять, я не могу быть на сантиметр менее симметричным или на сантиметр более симметричным, я уже все сказал, и теперь я все время говорю с самим собой, что я уже все сказал.

Мне кажется, шар может быть намного кровожадней льва, и укусы его могут быть куда более глубокими и болезненными. Когда мы смотрим на шар, проливается кровь. Когда лев кладет лапу на шар, он словно бы лишается веса. Он словно бы начинает парить над шаром и постаментом, превращаясь в перенесенную угрозу. Казалось бы, шар добавляет ему гармонии, а нет. Гармонии он конечно добавляет, но это снаружи, а по смыслу он прибавляет льву невыносимости. Ибо шар невыносим. И лев с правой лапой на шаре словно бы парит и кружит на расходящейся сфере этой нестерпимой невыносимости. Потому что утверждение шара как затвердевшего совершенства, напротив того, запускает невидимое шарообразное расширение и сужение – два одновременных процесса, как сердце бьется одновременно.

А может ли, скажете вы, сердце биться одновременно. Может. Так оно бьется, когда человек сильно поражен чем-то, или озарен внезапным чувством, в самый первый его миг, когда его пронзает стрела бога любви, или когда ему очень страшно. Страх ведь способен перерасти во вдохновение, есть упоение в бою и мрачной бездны на краю, но раз речь, идя о льве и шаре, все же идет об Аде, то пусть будет другое стихотворение, не Пушкина, а то, которое Аде прочитала Зоя Пухова, а Ада послала его Гене с просьбой ответить в письме на то, как он его понимает. Ада сказала, что там много Луны (шара кстати) и Артемиды, и исцеляющей, и губительной.

Ада, Ада, бегущая охотой тихая и смертельно желанная. Есть в складках скатерти скрытая трагедия. В шаре и Артемиде тоже есть трагедия. Трагедия есть даже в отвлеченной прямой линии. Она есть в богомоле, деревянном угле дома под дождем, в том, как собрана в пучок прическа. Трагедия есть во всем, кроме восточной поэзии, которая растворяется сначала сама в себе, а потом в Космосе, как его гармоничная и сверхчувственная часть. И то и другое – невыносимо.

Но стихотворение, переписанное для Ады Зоей Пуховой не было восточным.

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора...

...

Поцелуй – это шаг к охлаждению...

Так ли это? – думала Ада. – Так-так, – говорил ей внутренний голос. Так!.. Поцелуй шарообразен и трагичен. Он теряет свежее морозное сияние первого чувства и как каравелла, плывущая на юг, встречается по берегам со все более темными аборигенами, а смола течет от жары, и продукты начинают портиться, так и поцелуй. Конечно, бывают исключения, как это описано у Данте в повести о Паоло и Франческе. Но они поплатились жизнью за это, поэтоому, когда Николай Иванович сказал, что застрелится, если она ему откажет, и она поверила, что он так и сделает, и испугалась, и дала свое согласие, то на весах была жизнь. Непосильный груз, равный сырой земле. Речь тут шла, конечно же, о жертве, причем жертве всей жизнью Николая Ивановича, а такая жертва способна все очистить, все освятить, сделать отношения между двумя людьми целительными. Святость жертвы творит многое. Да-да!

И все же есть во всем этом что-то недоговоренное, как бы ангел пролетел и не вернулся, нестерпимое. Мелькнуло что-то, обдало волной морозной чистоты, горячего зренья, и исчезло.

В самой жизни есть что-то никак не доходящее до Аристотелевского катарсиса, про который им объясняли в гимназии. Что-то незавершенное. И даже шар никак не совпадает сам с собой. И мы все не совпадаем и не можем совпасть, как, скажем, не может никак совпасть сам с собой циферблат часов с движущейся стрелкой.

Об этом следует думать, почему в цветах лилии, воплощении божественной даже и полной чистоты, есть что-то нестерпимое.

21

Аде кажется, что она стоит на площади и в руках у нее две параболические створки устрицы, вложенные в ладони. Они поблескивают перламутром внутри. Она их медленно разводит в стороны, а между ними проявляется человеческая фигурка.

Нельзя говорить, надеясь на слова. Потому что очень редко слова выражают свою и твою глубинную суть, для этого им надо неслышно петь и делать то, что в этом мире пожалуй что и невозможно, наверное, когда Толстой это понял, он и назвал свой огромный роман *оргией*.

Я вам так скажу, никто из великих писателей по-настоящему не велик. Даже Флобер. Вот разве что косноязычный и мучительный Достоевский. И, конечно, Орфей. Потому что их слова – есть, то есть *суть*. Обычно, слово *не есть*. Мы потеряли слово. То, что писалось последние века – лишь воспоминания. А особенно нестерпимые воспоминания о том, когда слово было словом Бытия, может быть, даже вот это вот самое, уже умершее слово, а особенно тоскливые и ностальгические воспоминания были способны в силу своей боли и тяги к утраченному языку пробудить в нас хоть смутное, но живое переживание его.

Можно говорить, что роза есть роза есть роза, а можно просто, заболев сердцем об обыкновенном человеке, заглянув ему в глаза, сказать здравствуй, или даже не сказать ничего – слово бытия все равно прозвучит, в том-то и дело, что даже несказанное, оно все равно скажется и прозвучит, ему не обязательно для этого сотрясти воздух или процарапать бумагу, выбить клавишу, это для него остаточная и лишняя деталь периферийного существования.

Просто посмотри в глаза человеку или коту с любовью, как будто видишь невиданное, а не то, на что смотришь по сто раз на дню, и, возможно, войдешь в слово Бытия, то, из чего состоишь изначально сам еще до рождения.

Адам жил до рождения, он не рождался. Он вышел из уст Бога в подручную глину, ожившую от пронизывающего дыхания этого слова.

Вот почему мы живем, как будто что-то утратили.

Вот почему, думает Ада, люди миллионами убивают друг друга на Германской войне, вот почему. Дело в словах. Слова умерли, а потому вослед им умирают люди, от отчаяния делая убийства и уничтожая друг друга собственными руками. Смерть приходит от недостатка жизни в словах.

Лев Толстой всю жизнь пытался произнести слово Бытия, но умер он все же с этим словом на устах, возможно все его тело сгустилось в последнем выдохе в это слово и преобразилось для всех незаметно. Да, так оно и есть.

Мне кажется, я стою и расширяю руки с перламутровыми створками в ладонях, и между ними все более отчетливо видна человеческая фигура. И в такой проекции трудно понять, велика она или мала. И чем больше я развожу руки, тем больше в них растет невидимое напряжение.

Особенно мне далеки и непонятны писатели, которые про себя убеждены, что добились в своем деле определенного совершенства. Полумерками я зову их, полумерками. Полупопутчиками, что замкнулись на себе, а не отдали свое дело Пути к Бытию-в-слове. Они чаще всего не любят этику, как, например, Сирина, но этот Путь, к которому нас призывают и Христос, и Лао-цзы, уже совсем не этика, он выше ее, а не ниже, как у всех эстетов. Ибо мы в этом случае имеем дело с бесконечностью.

Вот, говорит себе без слов Ада, – например, Адам. Когда Бог проводил перед ним зверей и ему надо было услышать и произнести их имена, то это выглядело, как будто у барашка, например, из спины росла органная труба, и надо было найти на его теле точку-клавишу и нажать, чтобы она зазвучала. И Адам нажимает такую точку между его, ягненка, глазами, заглядывая при этом в них, и органная труба начинает петь истинное имя агнца. А другая такая же труба, которая растет из темечка Адама вверх и внизу доходит до его сердца, начинает ей вторить и подпевать, и тогда возникает Имя Бытия, – сам этот барашек словно бы сияет и становится бездонным как пропасть или колодец, в котором не видно дна, и, можно сказать, что вот только теперь, когда они с Адамом вместе спели это слово и это имя, он и появился на свет, они оба и появились.

Поэтому если орган перестает звучать, то и сам мир, и барашек умирают. И что-то огромное и бессмертное умирает и в Адаме, и он не понимает, почему он так горько иногда плачет, сотрясаясь плечами, и отчего так часто боится жить.

Поэтому, когда нам в кои-то веки удается произнести слово Бытия, например – я тебя люблю, – то все нескончаемые животные, жирафы, ежики, зимородки, синички, собаки, колибри и белуги, а также слоны и бабочки..., в этот миг они пробегают по нашим глазам, а вся органная музыка в исполнении ангелов, отвечающих за этих животных и за нас с вами, звучит в нас и вокруг нас в своей форме, нашедшей себя еще до нашего рождения. Она почти никому не слышна, но, когда она звучит, мир становится нам ближе и ярче, и всем тем, кто оказался как-то нечаянно рядом, отчего-то в этот миг хочется петь или, например, сказать какую-то радостную и косноязычную невнятицу, или подпрыгнуть, или обнять другого человека, или целомудренно прижать его к сердцу.

Главное – это найти себя до рождения. Потому что тогда и *там* ты жив сполна. Но это надо увидеть и понять.

Такое вот свое лицо ищут Гена и Ада, она понимает Гену.

Гена читает рассказ Андрея Белого «Йог», он ощущает поддержку единомышленника, он радуется.

22

В Москве пыльно и жарко. Они остановились в недорогих номерах, на Арбате. С улицы был слышен цокот копыт, иногда ныла шарманка, а если выглянуть в окно, то цветочница, баба в платке, там торговала фиалками. Чувствовалось, что совсем недавно еще была война. И что Революция с ее железными манифестами, расклеенными по стенам домов, продолжает происходить. Проходил патруль с одетым в кожу комиссаром и красноармейцами в шинелях, с примкнутыми штыками. Ада думала, а вдруг она увидит Блока, ведь он часто бывает в Москве, читает стихи. Пахнет розами.

Ночью по-волчьи светит Марс. Пахнет розами, застоявшейся водой и дымом.

Ада медленно раздвигает перламутровые створки, и все пространство раздвигается вместе с ними, только намного быстрее, чем они сами. Похоже на вязальные спицы – их длинные концы движутся с куда большей амплитудой и скоростью, чем вяжущие кончики. Или когда едешь на автомобиле с большой скоростью – легкий поворот руля, и машина летит по окружности большого поворота, так, что за окном все мелькает и сливается в одну скоростную полосу.

Нет, не так.

Потому что там все наружу, а Ада стоит и медленно раздвигает створки устриц внутри себя, и пространство разрастается и убегает тоже внутри себя. Чем больше отодвигаются друг от друга перламутровые створки, тем сильнее растет легкое между ними напряжение, и проявляется чело-веческая фигура между ними.

Ада понимает, что не она одна раздвигает перламутровые створки, она еще не знает, для чего она это делает, но видит, что если все, кто сейчас вместе с ней раздвигает их вогнутые плоскости, начнут однажды двигаться обратно, то соединятся в фигуру, похожую на розу с ее плотно прилегающими друг к дружке лепестками, и что это тоже когда-то должно случиться, но сначала

они должны разойтись во всю длину Вселенной, во всю широту бесконечности, вобрав в себя все мировые пространства, как слово заключается иногда в скобки.

Поздравь меня, А дочка, поздравь! Калинин меня завтра примет! Я так и знала, так и знала, что получится! В десять утра у него в приемной!

Ада чувствует движение сложной фигуры, сейчас в него включена и Зоя, и комната, и она понимает, что время стало спиралью, завитой фигурой улитки или раковины, с улицы летит сквозняк, слышно, как курлычут голуби и кричат в небе стрижи, а раковина также расширяется и начинается в груди каждого человека и цветка, и даже на каждой лестнице дома и в каждой бабочке.

Вот одна залетела в открытое на улицу окно и теперь порхает по гостиничной комнате вверх и вниз, как обрывок шелка в ветре.

Что такое вещь?

Мы видим только небольшой спектр ее существования. Мы, вообще, бегаем, как рысак с шорами на глазах, чтобы ни на что, кроме привычного, не отвлекаться, а для рысака это беговая дорожка, потому что, если смотреть по сторонам, можно испугаться, ведь и люди, и кони очень хрупкие, нервные создания, а в испуге можно зайти совсем не в размеренный и знакомый мир, а туда, где еще не был, и сбиться, сойти с дистанции, выпасть из бегов.

Если же начать догадываться про вещь и про ее жизнь и начать, догадываясь, описывать, скажем, извозчичью лошадь или зонтик, или дерево – пускай для начала это будет лошадь, то увидишь, как она станет ярче, весомей, отдаленней и ближе одновременно, и еще увидишь, что она на тебя смотрит всей собой.

Я не подбираю слов, потому что я не писательница, какое ляжет, путь и остается на том месте, где легло. Я больше люблю черновики, а к чистовику всегда испытываю подозрение – зачем сказано так гладко и не исказило ли стремление к гладкости само содержание того, что ты хотел сказать, а вещь или обстоятельство – через тебя высказать или осуществить.

Вот интересно, падающий лепесток, все же весит что-нибудь, или, пока падает, он невесом, я не про физику говорю, конечно?

Мне кажется, вещь это такое в нас, что можно все больше открывать, узнавать, во что можно все глубже и глубже заглядывать.

Гена пишет мне про Вечное возвращение Ницше. Вдумайся, если любая вещь или событие, или паук в лунном свете, как это у самого Ницше, *был бесконечное количество раз*, то он был всегда. И если этот паук, а я скажу – извозчий конь с дремлющим извозчиком в цилиндре на козлах были всегда, то с каким же благоговением я должна на них смотреть и их присутствие в мире переживать! Ведь если они заряжены бесконечными вечными самими собой, то насколько их переполняет избыточность Бытия – оно у них бесконечно. Как у греков, о которых Ницше пишет в «Происхождении трагедии из духа музыки», эту книгу я у Ницше читала, остальные знаю только по пересказам Гены.

Какая все-таки Зоя красавица! Я понимаю, отчего на нее оглядываются мужчины, такая красота не может не привлекать внимание, хотя подозреваю, что далеко не все смотрят на нее чистыми глазами. Почему-то красивое многим хочется подчинить и присвоить. Цветок сорвать, а девушку обольстить. Вот почему? Провожу ее завтра до приемной. И пусть у нее все получится. Бедный отец!

Если око твоё чисто...

Про паука не знаю, но могу сказать, что столько раз его в моей жизни и моем внутреннем видении окутывал Зильс-Марианский мягкий лунный свет, что он действительно перешел в категорию *всегда* и с тех пор тревожит, миротворит и вдохновляет мою душу. Снова и снова я вижу этот еле уловимый поток света, льющийся на стену, мерцающую паутину и бегущую восьмиугольную тварь, вводящую меня в пороговое состояние, стимулирующее прорыв за пределы наглядного. И если это паук, то пусть это будет паук в приглушенных серебряных бликах, а если конь с извозчиком, то пусть будет конь с извозчиком, что стоит сейчас напротив двухэтажного особняка. Существа эти прекрасны и нестерпимы при наличии такого вот взгляда на них – перед ними еще

нужно устоять, суметь выдержать их сущность, как иногда мы выдерживаем величие чужой души или распятие Бога.

Что нас заставляет снова и снова возвращаться к ним?

Ада тихо раздвигает перламутровые створки, теперь видно, что имя смутно различного человека внутри – Лазарь.

23

СТИХИ ГЕНЫ А ФЛОТ

Вот ходит волк под парусами –
на морде маятник с часами
и ходит рыжая лиса,
расправив в небо паруса
на циферблате полчаса.

И если символ века есть,
что каждому из нас отмерен,
то он – они, умен, размерен,
металла звон, стальная шерсть!

Вот червь ползет, на нем надуты
шесть парусов и ветер свищет
и нос червя по ветру рыщет
сияют тросы, свищут путы!

Ах ветер с моря и из сердца,
ты вместе с пулями приходишь,
и сосны падают раскинув руки,
часы их больше не идут.

И звери стали умными людьми
и руки в белых подняли рубашках,
и падают себе между колен
как будто бы себя рожают снова.

Вот ходит в оводах корова
без жизни, клевера и крова
и трепетным альтом поет
и скоро в землю упадет

часы висят перед ее глазами
она идет под парусами
и ветер человеческой мощи
ее сминает и полощет.

Лети железный век вперед
и падай яблоко живое
над Вражком ангел пропоет

и штык времен нес кровь руками
и небо было золотое.

24

Беспризорники на улицах висят тряпичными куклами, не касаясь асфальта, в монастырях и звонницах все еще гудят колокола: Би-м-м-м! Бом-м-м-м! Бу-м-м-м!!!

Улица в торговцах, бабах, мужиках, детях с матерями. Кое-где мелькнет пальто до пола, пенсне.

И эти девицы, ярко одетые, эти, ну, эти!

Гудят колокола – ...-м-м-м-м!!!!

Отсюда совсем недалеко, Зочка, угол Воздвиженки и Моховой, гостиница «Петергоф». Я с тобой. Подожду тебя где-нибудь там, а хочешь, поднимусь с тобой?

Отряд пионеров дурунит под флагом и с тугим барабаном. На медном горне пучок солнечного сияния: Там-та-там, та-там! Железное время, медные песни!

Голодно-голодно, ух!

А работают кое-где и лавочки, и рестораны. Ходит по улицам столб пыли, как ходил давным-давно, в Египте и Вавилоне, крутит вокруг себя мусор, прижимает к груди, а часы тумкают в коридоре номеров, ласточки летают над крышами, и пахнет махоркой и липой.

Эх! Эх! Строится новое общество, бесклассовое, справедливое! Ветер с реки, развевает красные флаги, полощет красные плакаты

Протарахтит автомобиль с открытым верхом, бахнув, выбросив сизое бензиновое облако, пронесет на заднем сиденье в Кремль комиссара с суровым лицом, в кожаной куртке, с маузером на боку, блеснет пенсне на носу. Ветерок с реки раскачивает тополиные кроны, вздымает и разрыхляет серебристые купы, по реке баржа тянется, и ялик идет под парусом. Шелестят клены, колдует сквозняк в шелесте лип, красота!..

Аэроплан прочертит небо.

Гуляет столб пыли сам по себе, напоминая лето в Вавилоне.

Впрочем, вот.

Только вот...

Вот только слишком много здесь частных – обрезают частности настоящее, как бритва, крошат действительность ножницами, на клочки. И тогда все становится не тем, другим, иным, перелицованным и иносказанным, миражом становится, дымом, тенью от тени – дунь-плюнь, все ускользает.

Приехал японец в гости к русскому профессору. Пришел домой, смотрит – картины на стенах, фотографии, цветы в горшках, лица на портретах, пейзажи в рамках. Молчит. Профессор спрашивает, как вам у нас? Японец отвечает, превосходно! Но... зачем так много всего?

Главное, чтобы небо было на земле, можно даже без наименования созвездий, просто чтобы светили звезды сквозь землю, как они светят сквозь человека, и потому человек и земля – одна звездная персть.

Май, что ли, Июнь и Июль... по подъездам стреляют и грабят по улицам, но точны на небе Весы, плывут Рыбы, рычит Лев, старушка торгует сигаретами, а нищий считает звезды и становится расстоянием между ними. Никогда ничего не надо уточнять и называть без особой нужды. Ничего не надо конкретизировать или хуже того – заключать в рамки или подписывать. По городу ходят невидимые люди, человек растет, зачерпывая рукой звезды, белозубо смеясь, опираясь ногой на берег, вдоль которого плывет ахейский флот, и рапсод поет ветвистую песню. Троя и Москва – ближе, чем правая и левая ноги. Чайку швыряет ветер, она держит поперек клюва серебряную рыбу, летит как камень к волне, снова ввысь... говорит слово. Не сама, через Гомера, а и сама тоже.

ХОР НЕВИДИМЫХ ЛЮДЕЙ

Не все знания стоит открывать. Но некоторым приходит пора, и они говорят сквозь стиснутые губы, потому пришла их пора.

Все – иносказует.

Все есть иносказание, инопроявление, зря хлопотали акмеисты, что вещь многозначна.

Больше, чем многозначна. В «Агамемноне» происходит не то, о чем говорят слова. И в каждой жизни происходит не то, о чем она, казалось бы, говорит.

Гортензия есть гортензия не есть гортензия есть гортензия не есть гортензия.

Лошадь есть лошадь не есть лошадь есть лошадь не есть лошадь есть лошадь.

Только так оживают лошадь и цветок, только так.

Ковер Агамемнона¹ – след *Всего* сразу, как след змеи по песку. –

След далеких звезд, утомительных разговоров, дымка над трубой, политических надувательств, ручья с бобром, сплетен, плеска волн на песчаных пляжах, утренних невыносимых или назойливых мыслей, запаха пота...

Всего.

Это как гадальная карта.

Не картинка тебе интересна, не сам *исходник*. Интересно, что она скажет о твоей судьбе, сама же она – иносказание – одна и та же, совпадающая с собой, не совпадает с собой – различна для миллиона судеб – все варианты онтографического описания в его приложении к тебе и другим.

Нет ситуации и вещи *на самом деле*. Есть Правда. 眞. Все иносказует.

Я – преследователь правды. Ее манифестация, ее лицо, любой цветок.

Не заключена ни в жест, ни в слово, ни в книгу. Ни в чем.

В самой, что ни на есть глубине сердца она располагается, ты здесь, возможно, для этого Гена А.

25

Нам ведь неважно, что там было в приемной, правда? А если и важно, то потом, потом! Была там, впрочем, распаренная толстая баба на стуле, фикус еще, со стертой пылью, а Зоя вышла из кабинета через полчаса, вся румяная и быстро прошла на выход, взяв Аду под руку.

Вот чудеса, обещал ей Москву показать, провести экскурсию самолично, вот Адочка, в пять часов у колонн Большого театра.

А отец, про отца что сказал?

Сказал, что делу можно помочь, если он невиновен, а я говорю, да, невиновен. А он головой качает, глаза у него добрые, да!

Ой, Зочка, ой! Я сидела молилась.

А Гена? Зайти к Гене!

Конечно же к Гене!

Адрес я помню.

Пойдем!

Застанем ли дома, не успела его предупредить, что приедем.

А мы все про велосипед – вот сняет он деталями в московском зеленом двореке, стоит на седле, брызгается лучами со спиц, а над ним хозяин, истопник или слесарь, неважно – крутится

¹Красным ковром, как пишет Эсхил, идет Агамемнон к себе домой по возвращении, идет к смерти.

медленно колесо на пустой втулке, а лучи со спиц летят веером да солнышком, а хозяин присмотрится к управлению, к звонку да к искривленному ободу, позвенит ключами, тут подтянет, там постучит, вот и готова машина к поездкам. Стоит брызгается лучами света, разговаривает. С тополем, скажем, говорит про лето да про поход князя Игоря на половцев, а Москва и слушает. У Москвы много ушей, тополей и велосипедов. Только ей ведомо, кого выберет слушать. А не выберет, значит, ты еще ей не близкий ей, Москве.

А мужик расширяется в значении света и в живописном пространстве – вот-вот ласточку схватит одной рукой, а другой на фабричную трубу обопрется. Вот-вот проговорится на весь мир – такое скажет, что сразу и не поймут, а только заиграют на речке зайчики, махнет девушка-комсомолка красной косынкой, да пойдут разговоры-разговорчики тополей, переулочков и тупичков.

А потом еще все расширится.

А потом сузится и соберется снова, блеснув по спицам, в велосипедную втулку. Расширяется и сужается Москва с мужиком, со шлюпкой на речке, с военным оркестром в беседке.

А вот другое. Спит на кровати пролетарский рабочий, и собирается и развирается у него в груди воздух, а велосипедное колесо крутится, а на трудной груди пролетарского рабочего рубашка поднимается и опускается, это потому, что мир пронизывают вселенские ритмы, и убери с металлической койки дышащего во сне человека, то и Бога с неба придется убрать, как сказал об этом один немецкий поэт по имени Силезиус. А поскольку ни того ни другого сделать нам не удастся, потому что все есть как оно есть, то пусть мировые ритмы так и дальше все соединяют, а мы будем к этому иногда прислушиваться, чтобы не потерять себя в огромных мировых пространствах, для которых даже Москва, даже липы и даже рабочий – просто сплошная выдумка. Рабочий, если глядеть, как он дышит, глядеть нестерпимым взглядом правды и сострадания, может быть вовсе и не рабочий, а вернее, уже не рабочий, а скажем, ножка кузнечика или свая пристани в М.

Послушайте, если жизнь есть сон, как утверждают умные люди и мудрые книги, то она нам показывает не сама себя, а предметы для расшифровки, и поэтому заторможенное, например, желание может обратить один предмет в другой, и если во сне вы не смущаетесь, когда вместо любовной сцены вы видите коромысло, а вполне даже без лишних разговоров соглашаетесь, то во втором сне – в жизни, устроенной точно так же, (давайте поверим мудрым книгам и людям), мы почему-то считаем, что расшифровка нам не нужна, и что коромысло это не обнаженная девушка, потому что обнаженная девушка не может быть коромыслом, а девушка есть девушка, а коромысло это коромысло, и путать их большая глупость. Но любовь и правда открывают наши глаза, и рабочий может обозначать пристань, если мы посмотрим глубже, а как же тогда жить, подумаете вы, если такое возможно? Ведь тогда вся жизнь превращается в дебри и хаос, в сплошное непрожеванное мясо, а вот как надо жить, когда мы это поймем, я скажу вам сейчас, скажу.

Надо слышать имена вещей и понимать, что коромысло останется коромыслом, даже когда станет девушкой, или, как сказал один мечтатель – кончик моей ресницы то, на чем стоит гора Фудзияма. Все есть все. Важно, что для вас явится более главным, что, так сказать, на этот миг больше согрето теплом вашего сердца, хотя это одно и то же – «более главным» и «теплом». Но то, что согрето теплом вашего сердца, что, так сказать, стоит и любит в вашем внимательно взгляде, то, на что вы смотрите сердцем, его изнутри – и есть реальность. Ее вы и будете видеть. Вообще, вся реальность и земная жизнь – это то, что согрето теплом вашего сердца, видно изнутри его, все же остальное – тени ваших воспоминаний из прошедшего времени, среди которых многие и предпочитают жить.

Согревайте мир, и вы пойдете туда, куда прошел Данте, на самую вершину жизни, или увидите, поймете, как спящий рабочий может понимать язык птиц, а комсомольская девушка язык ангельских жителей. И как, скажем, Гете мог видеть дно океана, а Зоя с Адой знать, что Зоиного отца обязательно освободят, и это потому, что они расшифровывают сон жизни жаром сердца, а не злобой или ненавистью.

Так что вот. Вот.

Вот почему.

Не ждите, что вас согреют. Этого и не надо, хотя иногда очень хочется. Будьте жарки сами, и тогда Фудзияма будет легче ресницы, а вы ни за что не запутаетесь, кто есть кто, потому что, как вы увидите, это не имеет большого значения, кто есть кто, когда видно главное в каждом.

Имеет значение, что вы им дадите, даже молча.

Я говорила тебе, что можем его не застать, сказала Зоя. Надо было послать телеграмму.

Почта уже была закрыта. Ну, утром. Утром все было как-то быстро. Собраться надо было. Я очень волновалась. Пойдем на улицу. Хотя бы посмотрим немного Москву.

Точильщик на улице. Лепешки навоза. Ажурные балкончики Арбата.

Идет мужик в пропотевшей на спине серой рубаше, вот и колыхнется под ритм его походки темная рубаша, идет себе мужик без лица, потому что, возможно, в лицо ему так никто и не заглянет, и не увидит, что такое за лицо у этого мужика. То есть может же такое случиться, что, во-первых, и в прямом смысле слова не заглянет, а во-вторых, если и заглянет, то не увидит, и не потому что лицо это его мимолетному взгляду неинтересно или безразлично, а потому еще, что лица у мужика и вправду не обнаруживается. Теряются лица у людей, вы разве не замечали? А поскольку такая вещь как лицо совсем потеряться не может, то, значит, есть же где-то место, где они все, эти потерявшиеся лица, выныривают и живут своей особой, я бы сказал, метафизической жизнью. Есть такое место, и оно называется парадиз, то есть рай. Но тогда выходит, что рай и мужик без лица разъединены пока что или даже навсегда. А то и выходит, что разъединены, а плывет перед Адой и Зоей мокрая и темная от пота серая рубаша, да играют на тротуаре в расшибалочку беспризорники.

А о серой рубашке с пятном пота мог бы сказать Гельдерлин, поэт, потому что везде боги или их отсутствие.

26

В своем знаменитом трактате VI века «Категории стихов» («Ши пинь чжу») китайский критик Чжун Жун в частности пишет: «написанным не исчерпывается смысл».

Нам кажется, в эти слова древнего исследователя стоит вдуматься, пытаюсь постигнуть их глубинное значение, для того хотя бы, чтобы понять другое глубокомысленное изречение, посвященное поэзии, автора которого я, к сожалению, не помню. Вот оно: «Совершенное стихотворение не нуждается в словах».

И то и другое высказывание ставят под сомнение возможности языка в поэзии, вернее, его абсолютное значение, на которое он претендует, когда речь идет о генезисе стихотворения и его бытовании в человеческой культуре. То есть речь, кажется, идет о том, что язык вовсе не определяет собой сути поэтического произведения, и если и играет какую-то роль в стихосложении, то, скорее, служебную, нежели доминирующую. Более того, второе высказывание прямо говорит о том, что стихотворение, принадлежащее к высшему уровню поэзии, в словах вовсе не нуждается. Более того, чтобы такому стихотворению полностью осуществиться, ему надо освободиться от слов.

Но что тогда останется от стихотворения, если слов в нем не будет?

А в нем, наконец-то, останется оно само, а не только слова, к нему подводящие. И еще, смею утверждать, что только в этом случае оно будет обладать свободой и глубиной, живущими, как редчайшее и уникальное состояние (чаще всего потенциальное) в человеке, из тех даров, что как великая редкость были вложены в него на самой ранней, туманной еще заре его существования.

Только в таком стихотворении такие дары проявляются и восходят в те области, в которых могут быть восприняты как драгоценные гости, пришедшие из всечеловеческих глубин.

Читатели, в основном, обманывают себя, восхищаясь японскими миниатюрами хайку или танка. Считывая с пятистрочных или трехстрочных этих стихотворений их поверхностный смысл, напоминающий при таком прочтении либо умилительную картинку природы, либо ли-

рическое отступление (его фрагмент) взятое из среднего уровня европейской поэзии, – такой читатель скорее демонстрирует свой невзыскательный поэтический вкус, нежели действительное прочтение великолепных образов дальневосточной поэзии.

Для того чтобы прочтение соответствовало тому, которое предполагается в практике японского классического стихотворения, я смею предложить простой и ясный подход, впрочем, требующий от читателя редких в наше время вещей – внимания и состояния покоя.

Дело в том, скажу я здесь, опережая события, что японские стихи, о которых идет речь, это на деле закодированная в словах и поэтических строках весть о *пробуждении*, сатори. Вернее, даже не весть о нем, а само оно, вложенное в эти строки и удерживаемое там ими неким непостижимым образом.

Скажем немного по-другому: вам вручен проблеск той Реальности, из которой все мы вышли и про которую забыть до конца не можем: и, как сказано об одной человеческой душе великим русским поэтом, «и песен небес заменить не могли ей скучные песни земли», где песни небес другое название этой невероятной Действительности.

Итак, вернемся к тому способу чтения, который я беру на себя смелость вам предложить. Вот стихотворение Басё:

*Подушка из травы.
Мокнет какая-то собака за окном.
Ночные голоса.*

Можно заварить чай, но это не обязательно. Можно прибегнуть к медитативной музыке, но и это не является необходимым условием. Главное сосредоточить простое внимание на этих строках. Постарайтесь прочитать первую строку из трех слов так, чтобы присутствовать в том, о чем в ней идет речь. Читайте и перечитывайте про себя эту строчку до тех пор, пока три слова не сольются в один внесловесный смысл. Он есть. Точно так же читайте вторую и третью строку. Время чтения пусть будет протяженным, хотя бы полчаса.

Когда все три строки будут выражены внесловесными смыслами, соедините их в четвертый и общий несловесный смысл. Слова уйдут, аннигилируются, схлопнутся. Но смысл, вобравший в себя их все, – останется. Как материя и анти-материя при встрече оставляют чистый свет, так стихотворение превратится в чистый смысл, осененный все тем же чистым светом.

Послевкусие постижения.

Это захватывающее, хоть и тихое и очень хрупкое переживание! К вам постучится Единое с его Космосом, собакой, необозримыми далями, ночными человеческими голосами и живыми звездами. Вот теперь-то вы, действительно, прочитали стихотворение, вернее, вошли в его духовный космос, *причастились* его, стали с ним едино, а через него – со всей Вселенной, как в ее многочисленных *вещах*, так и в одном ее безбрежном пространстве.

Вот почему Чжун Жун напутствует любителей Поэзии и самих поэтов своим знаменитым высказыванием – «словами не исчерпывается смысл». Не пропустим же это пожелание мимо ушей.

Онтография – описание вещи или ситуации. Но, что важно, вещь или ситуация сами по себе не словесны, т.е. классические примеры онтографии – это описание, например, карточного расклада как чего-то подлинного, не имеющего возможности тебя обмануть – вот лежат вещные картинки на столе – «Император» справа, «Звезда» слева, семерки и тройки там, где легли, и есть в этом пребывании и положении некоторая несомненность, наличность данности, которой лишены ускользающие и играющие догадками и предположения слова.

В мир слов с их бессмыслицей и произвольностью, даже когда они стремятся выстроиться как логосы, как логика, как след истины, всегда встроена условность, субъективность, ускользающая

от жизни космоса – ситуация, про которую поэт сказал, «зачем же в общем хоре душа поет не то, что море, и ропщет мыслящий тростник». Человек часто не видит себя в духовно-космическом потоке, которому он противится в силу того, что душа его все время поет иное, отчасти вымышленное, выдуманное и даже вымученное. Карты же, их расклад и дальнейшее толкование этого расклада – соотносятся с положением и волей Космоса, которые поясняют возможности и ситуацию самой души в мировой позиции множества сил.

Например, 64 гексаграммы китайской Книги И-цзин, исчерпывающие все ситуационные и энергетические варианты космических метаморфоз, распространяемых и на кузнечика, и на пылинку, и на звезду, дают возможность вопрошающему о себе человеку отождествить свою ситуацию и свое положение дел с той гексаграммой, к которой приведет его бросание монетки или перебирание палочек тысячелистника, словом, воля Космоса, в которую вплетено твое житие-творчество. Далее идет считывание этой конкретной гексаграммы и ее интерпретация, и тут многое зависит от искусства и проницательности гадала. Напомню, что гексаграмма – это чередование опять-таки несловесных символов, слабых и сильных линий, которые укладываются в шесть этажей, одна над другой.

Благодаря такому гаданию человеку вопрошающему дается возможность узнать, исходя из объективного и несомненного, незамутненного человеческими страстями и страхами несловесного подлинника, свою ситуацию в мировом Процессе, путем расшифровки той гексаграммы, которая ему выпала.

Итак, множество сил, которые в этой временной ситуации влияют на человека, могут быть опознаны с помощью игральных карт, гадания по книге И-цзин, рассмотрены с точки зрения астрологических позиций и так далее.

Цель их рассказать тебе про тебя.

Но, как мне кажется, тут возможна и еще одна система расшифровки вопрошающего и его ситуации (даже в том случае, если сознательного вопрошения и не следует). Я бы назвал ее Игрой в стекла, а не путать с Игрой в бисер.

В основе Игры в стекла лежит культурный универсум с его основными мифологическими архетипами. Например, в какое-то время жизни человек может почувствовать себя Гамлетом с его безвыходными блужданиями мысли и духа, взятыми в их противоречии. Или, в другой жизненной ситуации, Агамемноном, преследуемым роком, или несчастным Эдипом, которому надо ослепнуть и уйти из дома, чтобы иметь возможность жить дальше. Или, скажем, оловянным солдатиком, или Иваном-дураком, Фаустом, Дон Жуаном – перечень таких образов поистине необозрим. Это, так сказать, исчерпывающий каталог всего культурного мирового Единства.

Итак, вот что я предлагаю, пусть даже в несовершенном варианте.

Представим себе тысячу стеклышек (на деле, не обязательно стеклышек, возможны тонкие прозрачные пластины), на которых нанесены видимые насквозь изображения культурных героев, угаданных человечеством за весь долгий срок его существования (впрочем, не будем забывать, что реальное число образов-архетипов может быть сведено к совсем небольшой сумме, в силу их ограниченности и тождественности многих вариантов).

В сложенном по примеру карточной колоды виде, все эти картинки суммарно, то есть накладываясь друг на друга, абсолютно непрозрачны. Их слишком много, чтобы пропустить свет. И эта зависимость потока света от множества смыслов и линий естественна, как, например, освещенность кадра от положения лепестков диафрагмы.

Причем, не будем забывать, что главная картинка для гадания, это, конечно, изображение тебя самого. Пусть у каждой картинки будет свой номер, и тогда при помощи несложных манипуляций все с теми же монетками или гадательными палочками гадала может вычленивать две или три картинки, которые в наложенном друг на друга виде дают чаще всего изображение монстра: тебя, соотавшегося визуально, например, с изображением Елены Прекрасной или Квизимодо, или Лернейской Гидры.

Вот этот-то зрительный объект, этот монстр и есть тема для медитации гадания. И если с помощью кофейной гущи удастся добиваться поразительных результатов предсказания и выстраивания реальной картины наличествующей ситуации, то вопрошая графическое чудовище, в котором соединены твои черты и черты культурного героя, великого или ужасного, умного или глупого, принадлежащего к роду людскому или царству животных, вы включаете собственное филологическое сознание, которое даст вам поразительно точный ответ по поводу того, где вы, кто рядом с вами и кто вы есть в настоящий момент времени, которого, впрочем, не существует для большой истины.

В Игре в стекла преуспевают многие вопрошающие или просто сталкивающиеся с неоднозначностью собственной личности (например, в результате травмы или кризиса, а иногда и непонятно почему).

Возникает вопрос, влияют ли культурные герои в их потоке, движении и мировом претворении в ноосфере и дальнем Космосе на человека, как, например, влияет на него расположение планет, имя или широта и долгота, под которыми он появился на свет?

Как влияет на него покровительство того или иного святого, наличие сильного ангела-хранителя, генотипы родителей, их карма и т.д.

Да. И влияет, и дает возможность ощутить другие влияния.

Любое совершенное стихотворение, любой талантливый рассказ раскатываются неслышно, но судьбоносно и неотменно по всей Вселенной, по всему заселенному космосу, чтобы сказаться на судьбе каждого. И если это «Гамлет» или «Симплиссимус», то влияние это огромно. Мы просто не все знаем о культурных героях, об этих загадочных созданиях. Мы не знаем, например, откуда они пришли, какие силы стоят за ними и какова их загадочная природа – перекрестие субстанций и энергий, кодов и смыслов-источников, о которых мы даже не подозреваем. А между тем каждый из них – это реальная попытка соединить небо и землю, стать *великим священником*, в пределе – богом, в пределе – Христом. Добавлю, что попытка эта – время от времени удающаяся.

Карта образов почти всеильна и одновременно слаба, как Бог на кресте.

Дело в том, что все, что здесь на этих страничках написано, как это ни удивительно, – расширяется живыми лучами до бесконечности, дрожит смыслами, переливается неотменяемыми отсылками, являет неслышно и на первый взгляд незаметно тончайшую дактилоскопию духа, огромную светящуюся паутину, туманные взаимосвязанные и светоносные архипелаги, пронизанные мировыми силами неимоверной и не представляемой интеллектом сложности, и я сам никогда не стал бы говорить и свидетельствовать об этом, и даже сейчас, когда на первый взгляд говорю именно я, выраженное и произнесенное – это не мои слова. Ибо здесь говорю не я, а, если можно так выразиться, Игра в стекла, пользуясь случаем, свидетельствует о себе самой.

Если же наложить, как это происходит сейчас, в Москве 1921-го, года картинку Михаила Ивановича Калинина с выпавшей ему в стеклянной Игре на сегодня второй картинкой, то мы увидим историю Навуходоносора.

28

Михаил Иванович массирует свой череп. Ему нужно освободиться от досадных картин и желаний. В черепе проходит много картин, и все они имеют на него влияние – некоторые приходят издалека, а некоторые непонятно откуда, мелькают и вибрируют на внутренней стороне века, радужно расширяясь и уходя в глубины внутреннего зрения. То проплывает розовый осьминог, то вспыхнет фонтан, то загорится дальняя звезда. Последнее время в ногах у него поселилось существо, напоминающее улитку своей закругленностью и клейкостью – как бы человек и в то же самое время животное, с которым ему то хочется, то не хочется слиться. Какое блаженство слиться с ним, но тогда уходит его дневной острый ум, смекалка и ясность мысли, а остается героический гул в голове, перемежаемый мычанием, и ногти вырастают, как у птиц, а волосы становятся как у льва, и набив рот жвачкой, движется существо, опираясь на локти и колени, которые превратились в каменные мозоли.

А в груди – величие и сокрушение. Разве он не помнит, как хвалился, что создал великий город, висячие сады, башни, стены и бассейны и самого города и города его, Михаила Калинина, жизни, путешествуя из ссылки в ссылку, из города в город, с одной партийной работы на другую. Он возвел стропила, сады и каналы своей судьбы, для чего?

Неужели только для того, чтобы стать бессловесным животным, пасущимся в космических вихрях неопознанных светящихся частиц.

И кажется ему, он видит на тыльной стороне лба, как где-то в Мытищах, в слесарных мастерских с пучком травы во рту он ползет по проходу под пение напильников и пил по металлу, задев головой и ее нечесаной гривой ноги и халаты мастеров, дыша железными опилками и медной пылью, а потом он снова у себя дома, пьет чай, но как же ему хочется встать на колени и слиться с предначертанностью своей судьбы, образовавшей водоворот, как хочется встать на локти и колени и мычать, проваливаясь и соскальзывая все глубже в Животное, в мула или быка, чтобы звезды проникали в его шерсть, а птица, сидящая на загравке, распевала свою незатейливую и не отменяемую никакими мировыми силами песенку.

И, выслав домашних из комнаты, он опускается на колени и локти, на них подбирается к зеркалу и смотрит в него. Он видит там величие того, что свершается с ним, видит свое мужество, перемешанное с бесконечными пространствами, свой новый фаллос, жезл, окруженный царственным сиянием, и плывет внутрь великих пространств Зазеркалья, попеременно испытывая тоску и нежность, головокружение и звериную ясность, отвращение и блаженство. А на дальнем клочке материи, дальней простынке, повешенной в ванной комнате, ему видно слово «смирение», которое сияет и манит его, как знак сгустившейся судьбы.

Он идет на четырех новых конечностях в спальню, взяв из буфета бутылку коньяка, и там пьет целый стакан, залезает под одеяло и постепенно успокаивается.

Женские, нежные девичьи лица окружают его, держа как будто в гамаке на весу.

Его жезл сияет и твердеет, он царь.

За панелями спальни возятся мыши.

29

Ада, Адочка!

Успокойся, Зоинька, что с тобой? Почему так поздно?

Звук трамвая из окна, пробивающий жаркий воздух ночной Москвы.

Белая бабочка влетает в окно, путается в занавесках, хочет сказать заветное слово. Бабочка никогда не совпадает со своим словом, поэтому кажется, что она не разговаривает. А она не только разговаривает, но и поет, но и произносит слова из хора Плакальщиц или Просительниц. Но слова эти не совпадают с ее жизнью, вернее, они как стихотворение с долгой цезурой так отстают от первой половины строки, что вторая кажется принадлежащей другому стихотворению, так сказал бы Гена А. Слова бабочки – это словно ее вторая невидимая часть, которая может метаться по комнате, когда видимая бабочка уже улетела. И тогда комната гостиницы наполняется отголосками греческого хора, кровь капает с острия обнаженного оружия, Эдип в Колоне слушает соловьев, роняющих помет на его голову. И постояльцы номера удивляются – откуда приходят вещи, до слез знакомые звуки, для чего слабо вспыхивает воздух, а пол, дрожа, уходит из-под ног.

Осторожнее с бабочками.

Осторожнее с возлюбленной твоей, когда она словно бы крылата и легка как бабочка – придет вослед вещее слово, зашелестит грозная музыка Рока, надорвется в груди медный плач!

Адочка, Адочка!...

Он приехал в открытом автомобиле. Машина, фиат, сияла в солнце, блестя никелем и стеклами, он усадил меня на заднее сиденье рядом с собой. Представляешь, Адочка! Кто я, и кто он! Мы ездили.

Куда?

Это была экскурсия по Москве, он сказал: Кремль, Чистые пруды, Воробьевы горы, Царь-пушка, Иван Великий, проспекты, особняки, дворцы, мосты, Москва-река в солнечных блестях, лодках.

На крыльях своих несет бабочка и плач и смех. На крыло ее восходят ветры дальних стран, и нисходит с них, забегая за деревья, желтая луна.

Мы поехали к нему на дачу.

Я была как пьяная, ах, совсем никакая, ну да, такая опрокинутая. Я и помнила о папе, и забывала.

А здесь – шампанское, конфеты, икра – это сейчас-то.

Я выпила три бокала, он настоял, и теперь я помнила о папе. И знала, что мне нужно делать то, что мне скажут, чтобы ему помочь.

Поиграем в лошадки!

Он говорит, поиграем в лошадки.

А как? Как?

Я буду лошадкой, а ты наездницей.

Мне стало не по себе, но все еще было весело.

Он встал на колени и локти, я села верхом.

Ада, Ада, Адочка!

Говори, Зоинька, говори!

Он покраснел, стал совсем багровым и побежал вокруг обеденного стола. Жилет у него расстегнулся, мне было неудобно и нехорошо, а потом он остановился и опрокинул меня на ковер – ты будешь хорошей девочкой, и я тебе помогу.

Из всех существ – легчайшая.

Кто он, и кто я.

Лег на меня сверху, запахло лавандой и коньяком, и тут зазвонил телефон.

Он вскрикнул, как чайка у пристани. Вскочил и снял трубку, да, товарищ Сталин, да есть, да еду. Через полчаса буду.

Легчайшая, что тебе делать между нами, какие песни петь, каких щек и пространств касаться, между Югом и Севером? к каким островам дрейфовать, между Западом и Востоком? каким проходам нашептывать Божий глас? Зачем кружить вокруг фабричных труб на Москве-реке, зачем пролетать по Бульварному кольцу, каналам, трамвайным путям с громяющим красным чудовищем на рельсах?

Мне бы сидеть на плече Антигоны, мне бы мелькать среди зайчиков в садах Вавилона, одним крылом заходя за Историю, другим за Лицо. Мне бы совпасть с буквой, жестом, собой! Подняться высоко над городом и посвятить себя за людскую душу, образ мой и подобие, мне бы уйти от сачка Амура, стать бы двумя возлюбленными в одном существе.

Ах, как он кричал, обожженный маслом из светильника, ах, как внезапно – а я знала! Знала! – стал невидимкой!

Не та это бабочка, что вы думаете. А та это бабочка, которая мыслит. Не собой мыслит, а нами. И, чем возвышеннее наши мысли, тем юнее и мудрее, тем прекраснее и живее – она.

И если бы не было ее, то не создал бы Творец мира в шесть дней и не отдыхал бы на седьмой.

Бабочка!

Адочка, Адочка!

Довез меня до гостиницы. Сказал, что все помнит.

Домой завтра с утра. На вокзал.

А Гена.

А Гене оставим записку. Или застанем.

Отчего же меня так трясет, Ада?

А-да. А-да... Да, да... да. Вра-та. Во-да.

Вот, выпей.

Набери воду из Стикса, Психея, зачерпни крылом, бабочка.

И замрут фонари, останятся мысли, оттрепещет и застынет листва.

Окаменеет позвоночник и просияет нездешним светом лицо домохозяйки. И замолкнет кузнечик и распаяется цепь у колодца, и заржавеет винтовка на плече красноармейца.

И родишься из непроницаемой кляксы смертельного мрака заново.

На следующее утро, предъявив бумагу с печатью М-ского Реввоенсовета, выданную им Николаем Ивановичем, они купили билеты и сели в поезд, идущий в М.

30

Николай Иванович сидит на лавочке в парке над Окой, курит папиросу, смотрит на дым, на реку, на тот берег, далекий, размышляет.

О времени и как оно кружится вокруг неподвижной оси.

Бесконечное в бесконечном.

Впереди должен быть коммунизм по учению Маркса, но Николай Иванович сегодня сомневается в том, что время похоже на стрелу, что оно линейно и может достигать поставленных перед ним человеком задач.

Время то, что представить себе трудно. Напрямую его не представишь. Можно видеть, как стареет лицо, как осенью осыпаются листья, как стучат часы, как разлагается животное. Но прямых проявлений самого времени, а не того, что *оно* якобы делает с людьми и деревьями, нет. Да и время ли это делает, а не какая-нибудь другая сила. Ведь метаморфозы – это просто сумма вневременных разнокачественных позиций. Огонь не переходит в головешку, а потом в золу, как это принято думать, просто они соседствуют, существуя каждое само по себе.

В момент выстрела времени нет. Вот в его револьвере барабан на семь патронов, а чайки крутятся над пристанью, кричат, и ветерок с речки освежает лицо Николая Ивановича, и при выстреле существует выстрел и разбегающаяся в стволе пуля, а времени не существует.

А значит на место пули может быть вложен в гильзу патрона любой другой предмет, например, невеста. Разве не с помощью пистолета и своего отчаяния, когда он готов был застрелиться, он убедил Аду выйти за него замуж, разве на кону не стояла его жизнь вне времени, а в патроне не находилась вневременная невеста?

Там же в барабане вместо пуль часто находятся такие вещи, как Зверь, Луна, Солнце, Смирение, Революция, Смерть, Корабль. Он чувствует, когда они там вместо пороха и свинца, а вернее под видом пороха и свинца. Он знает, что когда пистолет стреляет Смертью, обязательно кто-то умрет, а если Смирением, то оно войдет в какого-нибудь человека и сделает его терпеливей и краше, потому что смирение – не постыдная слабость, а великая сила.

Корабль тоже великая сила, как и солнце, как и луна.

Пистолет беззвучно стреляет солнцем, соединяясь со светилом, и от этого Николай Иванович приходит в согласие с лучами, с утром, полднем и вечером. А также со светом и теплом, без которых ни одна тварь на земле выжить не может, даже белые медведи и пингвины.

Солнце ходит не только на небе, но и в голове Николая Ивановича, про которую он догадывается, что она бесконечна и неисчерпаема, что в ней находится столько же звезд, сколько их на небе. А значит, если, как ему рассказывали, от положения планет и звезд по отношению к человеку выстраивается и прядется его жизнь, то подобные зависимости должны существовать между внутренним небом и судьбой человека, и два неба освещают и выстраивают всю его сознательную жизнь, а деревья над откосом, ивы и липы, все сильнее раскачивает прохладный ветерок, но если небом физическим нельзя управлять с помощью мысли, то небом внутренним можно.

Револьвер это связь, как и он сам, неба нефизического с небом физическим, Николай Иванович морщится, не понимая, как он угодил в такие размышления, так далеко он в них еще не забирался.

Он любит Аду и переживает, как она там в Москве, куда поехала со своей подругой.

Он слышал, что в Праге есть часы, в которых каждый час под звук курантов сдвигается барабанное устройство, и на помост выходит одна из двенадцати фигур, примерно как патроны в его револьвере, а в середине этого нехитрого Театра Времени расположена неподвижная ось, на котором крепится все устройство. Бим-бом. Бум. Смерть с косой. Бим-бом. Бум-бум! Шут в колпаке. Бим-бом. Бум-бум-бум! Справедливость с весами в правой руке и с повязкой на глазах.

Внутреннее небо неподвластно времени, а про Калинина он слышал что-то совсем неприятное, то, что и вспоминать неохота, но он, как революционный человек, верящий в объективное светлое будущее, вспомнить и учесть обязан, хорошо, что они там вдвоем, может что-то и получится, может отца подруги и выпустят. У него вот не получилось.

Он смотрит на речку и, словно в зеркале, видит себя, как из него уходит жизнь, потом сворачивается и тает кожа на его лице и теле, потом мясо растаскивают черви и скелет все более и более обнажается до тех пор, пока не остаются лишь кости, волосы и ногти, но через несколько сотен или тысяч лет и от костей ничего не останется, но все смешается с речным песком, с другими атомами, которые войдут в состав деревьев и звезд, туманностей и созвездий, и это будет большой Николай Иванович, расширенный причудливо, словно бы протуберанцами во все стороны, а раз времени нет, то вечный двигатель, который он изобретает, обязательно будет двигаться сам по себе, а то, что в нем есть как основная часть, как ось всего организма сверх его мыслящих атомов продолжит существование таким образом, про который он почти что наверняка знает.

Однажды ему приснился сон, в него стреляли, и все решили, что он умер, и он действительно умер, но при этом чувствовал себя живым и понял, что ни смерти, ни времени нет, а есть огромное, огромное, ну это, огромное, неизъяснимое, родное и страшное.

Время от времени он вспоминает об этом.

Он смотрит на свою руку с плохо вычищенными ногтями, которая станет звездной туманностью, летучей мышью или лапкой кузнечика, и смеется.

СТИХИ ГЕНЫ А.

Встреча с лошастью это почти что встреча с жизнью.

Обливаясь слезами защищаешь собой морду от ударов кнута.

Ты всю жизнь ее предчувствовал, Фридрих в синих очках.

Моржи и лошади должны защищать друг друга.

В Турине утро и какой-то мальчишка мочится в углу,

а разносчица молока спешит по своему маршруту.

Я стою внутри лошади на карачках, как Вавилонский царь, мы вместе роняем слезы.

Разве непонятно ангелам, что мы одно существо,

что нет ни объекта, ни субъекта,

но плач одного грека, единого с Хором,

рождающегося со всеми и умирающего со всеми.

Одна пробирка героической крови перетянет на весах все звезды Вселенной,

что-то там было, не просто лошадь – Плач.

Бим-бом, жонглер, бим-бом, несказанное.

Герои это десант несказанного, жизнь-Зоэ грека сильнее обычной жизни,

так же обстоят дела со смертью. И если говорить на языке несказанного

о лошади и Фридрихе, о его слезах и хрустале плача, вошедшего в небо

со dna этой улочки, то стоит заглянуть в глаза лошади,

либо увидеть детский мяч, пробитый пулей,

зависший в воздухе. Навозная лепешка и боги – едино.

Отца Зои выпустили из тюрьмы по сигналу из Москвы, Николай Иванович сказал, что такое бывает, но очень редко. Когда отец узнал, что дочь ездила хлопотать в Москву, то обнял ее и заплакал, а Зоя чуть не задохнулась от запаха тюрьмы, который въелся в его кожу и пропитал одежду.

Агамемнон сидит между кустов гортензий, в белых цветах, напротив калины в красных ягодах и, закрыв глаза, прислушивается. Он слышит, как снимается с места греческое войско, лягание оружия, а потом топот ног, и, наконец, размеренный шаг. Еще он слышит затихающий шум голосов, это соединения ушли к кораблям, и еще шум волн – задул ветер, которого они, томясь и бездействуя, уже на грани бунта, ждали здесь, в пункте отплытия – Авлиде. Гортензия окружает его по плечи, как будто он вошел в воду, и волны, взбивая пену, окружили его.

Где-то кричит петух петел алектор. В небе мечутся ласточки, забираясь на самые верхние этажи синего небосвода, но увидав там, высоко, плачущего Петра-апостола, делают крутой вираж и спускаются ниже.

У причала острова с бывшим монастырем, а теперь тюрьмой для пожизненных с колючей проволокой по периметру, мы долго сидели, ожидая пропуска. Тишина была такая, что вокруг озера и неба расходились ее охапки, объемы, пространства и неизмеримые короба, а все вместе не имело формы, и все же имело. Светило солнце в чистом, немного серебряном, воздухе Севера

Причалил паром с ассенизаторским автомобилем, грузовиком, с цистерной для фекалий вместо кузова и резиновыми трубами для забора нечистот. Через какое-то время, зафыркав мотором, он скрылся внутри ограды, проехав мимо часового с автоматом.

В тюрьму я приехал по заданию своей редакции радио, взять интервью у заключенных. Я заготовил вопросы и главным среди них был – «В чем смысл жизни?». Мне казалось, что люди, обреченные на пожизненное заключение и смерть в стенах тюрьмы, не могут его себе не задать.

Вместе с моим знакомым пастором мы шли в сопровождении охранника вдоль камер. Я приготовил к записи портативный магнитофон. Мы остановились напротив тюремной двери, и охранник открыл окошечко. В камере работал телевизор. Филиппченко! – позвал охранник. Подойди-ка. Заключенный подошел, от него шел все тот же запах, который я ощутил сразу же, как мы оказались на территории тюрьмы. Я много раз потом пытался определить его особенности, но так и не смог – могу только сказать, что как составляющие в него входил запах пота, лекарств, мочи и еще чего-то, неуловимого. Я вспомнил, что в детстве ощущал его несколько раз. Так пахли родные моих друзей, вернувшиеся из тюрьмы, – въевшись в кожу с наколками, он не выветривался месяцами, так что казался природной принадлежностью этих пришедших издалека людей.

Я задал свой вопрос Филиппченко. Он диковато поглядел на меня, что-то промычал и ушел вглубь камеры. Охранник позвал еще одного. Это был молодой круглолицый парень, у которого я, все еще с надеждой на обстоятельный ответ, спросил: «В чем смысл жизни?» Но он ничего не смог ответить. Было видно, что вопрос взбудоражил его. Он несколько раз убежал куда-то в глубь камеры, где работал телевизор, и возвращался, пытаясь что-то сказать, но у него не получалось. Было видно, что он в отчаянии. Я не ждал такой реакции на свой простой вопрос.

Мы заглянули еще в несколько камер. Мое удивление все росло. Оказывается, в этом месте, в котором времени для раздумий и размышлений по поводу своей судьбы и жизни хоть отбавляй, его вообще никто никогда себе не задавал. И только в последней камере молодой сравнительно заключенный, парень, который выписывал себе книги из города, ответил мне так. Смысл жизни в том, чтобы видеть, как растет трава.

Я не сразу понял ответ, но почувствовал за ним правду. Потом я вспомнил фразу героя Достоевского о том, что нельзя видеть дерево и не испытывать счастья, и соединил эти два высказывания.

Потом я стал задавать другие вопросы, поговорил с начальником тюрьмы, мы подошли к камере, где сидели верующие, с ними говорил пастор, словом, кое-какой материал мне удалось записать и в Москву я вернулся не с пустыми руками.

Тот, кто сказал мне про траву, был убийцей шоферов. Он убил четверых. Такая информация висела у дверей всех камер. Я почему-то вспомнил зоопарк.

Флот снимался и уходил в сторону Трои. Щиты солдат ярко блестели на солнце, а за кормой каждого корабля тянулся пенный клубящийся, как белые цветы, след. Ветер все свежел.

Ифигения погибла под ножом не напрасно.

33

Ласточка резко кричит на вираже, как будто резко встряхнули кошелек с серебряной мелочью, ведь вода, например, может проявлять себя в нашем сознании по-разному, как будто это не одна, а разные вещи. Она может явить себя глубиной Марианской впадины или росинкой на золотарнике, в которой отражен весь сад с калиткой и солнцем в небе, или бежать по телу с кровью, пульсируя в горле и на запястье. Но она же может быть куском льда, облаком в небе и даже, если вы зайдете к началу дождя в сарай под жестяной крышей, как неритмичные звонкие удары капель. Простые вещи, сколько в них неожиданного, какая глубина и какие непредсказуемые возможности в них таятся. Если вода может принимать столь многочисленные и разноречивые образы, то не более ли того человек?

Может быть, мы просто не обращаем внимания и не сводим в одно проявления человека – а допустим, сама вода с белыми лилиями – это человек, и белый аист в небе, летящий с вытянутыми назад лапами – это человек, и удар волны, и тишь, внезапно наступившая после дождя. И слово – это человек, и то, что если мы посмотрим на Аду, сидящую у окна с книжкой в руках и вдруг узрим чистейшую красоту и жуть от существования в мире такой красоты, а потом всю жизнь будем помнить, возможно, со временем забывая, что мы увидели то, что увидеть нельзя, то это тоже неожиданные и непривычные проявления человеческих свойств и качеств. И если вода являет себя как звук, то почему человек не может открыть себя, в качестве одного из своих свойств, как бессмертие, или, например, пирамида, или нестерпимый шар или звезда на огромной недостижимости, которая вся умещается у него в груди.

Ада. Волосы ее это леса по всему свету, а голова – бездонное синее небо, в котором плавают, как лодки, облака, а грудь и кости это горы и породы, залегающие в них, а глаза – моря и океаны, а дыхание – ветер по всей длине земли: они тоже тихая, непостижимая Ада, и не они стали ей, а она ими, хотя, впрочем, кто тут что-то может утверждать наверняка.

Вихри, вихри окружают почтальона, едущего по улице М, в вихрях едет он со своей почтовой сумкой между двухэтажных домов, крутя педали своего верхового снаряда с колесами – Луной и Солнцем. Северный вихрь вьется около него с памятью о торосах, с собаками в ветках дремучих елей, с фонтанами китов и горами айсбергов. И Южный ветер преследует почтальона Авдеенко, вьется и окружая его, неся с собой шорох пальм, острова, звуки мамбы, крики исполинских слонов и пересохшие пустыни с редкими оазисами и неведомыми зверями. И западный ветер мечется вокруг почтальона, с его запахами дождей, кокса и тумана, с его панорамой уютных городов с фонтанами и древними арочными водопроводами, магистратами и ратушами, осененными шпильями, с его соборами с миллионом статуй страшилищ и ангелов, университетами, историей и библиотеками. А ветер Восточный хлещет в плечи и чело почтальона, неся с собой иероглифы, разливы великих рек, потоки и горы, запахи Эдема и таблицы мудрецов и пророков.

Мчит Авдеенко в рваных лоскутах пространства и вихрей вдоль заборов и ворот, особняков и сараев, по деревянному мосту через ручей, мчит как шаровая молния во вспышках и мерцаниях раскаленного электричества, неся письмо от Гены к его сестре. Мускулистый, великий, непроницаемый, как египетский сфинкс, мятется душа его в вихрях и днях, в городах и весях, все может

человек, если он осенен вдохновением и вихрями и крутит педали в сторону ему одному известной цели.

Ада же сидит с книжкой в руках, сидит как идет и держит на весу, как будто коромысло с ведерками, свою загадку красоты и девичества, сбалансированный вес космических епифаний и софийных сполохов, не проливая ни капли на землю, но переполняясь, покачиваясь, светлея, как русалка под луной своей стеклянной рубашкой.

Но холодна русалка, а Ада горяча.

Редкий прохожий, увидев бы ее в этот момент с улицы, не потерял бы дара речи от изумления, что и таким может быть человек, таким может являть себя, не сказав при этом никому ни единого слова, а просто пребывая посреди самых обычных своих земных дел и занятий.

Если бы мы только могли видеть хотя бы верстовой столб в его сущности, как бы мы были бы тогда блаженны и счастливы! Разве не среди бездн мы живем, разве не среди необозримых глубин, разве сами мы не загадка бытия, раскрытая, как белая рубашка?

Приходит Николай Иванович, гладит Аду по голове, от него пахнет водкой, сейчас он откроет буфет и, немного стыдясь, нальет себе еще стакан, и тогда оживет.

Не так я все это представлял, Адочка, скажет про свою партийную работу, прости меня, Адочка.

Из окна видно, как отсвечивает червонным золотом отражение вечернего солнца в Оке. Что-то заставляет людей пробуждаться.

Я часто думаю об этом.

34

Тот же год, Крым, Судак. Аделаида Герцык, муза, поэт, прозаик, переводчица, друг Волошина и Бердяева вспоминает о своем соседе, графе Ростиславе Ростиславовиче Капнисте, расстрелянном по оговору случайных свидетелей на мысе Алчак через несколько дней после описанного разговора. До этой их встречи граф не отличался ни набожностью, ни мистическими склонностями. Он занимался земледелием, разбивал сады и виноградники, делал вино, был тем, что сейчас можно назвать солью земли русской. Во время содержания под стражей и расстрела был исполнен самообладания и глубокого внутреннего покоя.

«Граф не говорил почти ни с кем, часами сидел он, или полулежал на своем месте. И только по вечерам подсаживался к лампочке с Евангелием в руках. Я уже не удивлялась этому. Я забыла, потеряла прежний облик его, с которым так не вязалось то, что он делал теперь. Не видя его в течение двух дней, я пробралась вечером к его углу и застала его лежащим под пледом; у него был озноб.

“Думаю, что это лихорадочное состояние от ноги, – сказал он. – У меня образовалось нагноение”.

– Уйти?

“Нет, посидите. Мне хочется говорить, я ждал вас”.

Он подвинулся, и я присела рядом.

– Теперь вы мне скажете? – спросила я.

Он приподнялся на локте и приблизил лицо ко мне. “Вы понимаете, что это очень трудно сказать? Боюсь, вы не поймете. Вы что хотите знать?”

– Все, что можно. Каким вам представляется загробный мир во сне? Какое открытие вы сделали?

“Да, открытие... Знаете, я вчера прочел в Евангелии – мне здесь один знакомый дал. Прежде я никогда его в руки не брал. Так мне попало у Иоанна: “Познаете истину и истина сделает вас свободными”. И вот, мне кажется иногда, что я познал истину”. Он говорил как бы шутя и усмехнулся на этом слове. Но я знала, как важно для него то, что он собирался сказать. Голос его изменился и перешел в нервный и взволнованный шепот.

“Раз во сне я ощутил, что от меня отпало время, или я сам выпал из него. Ну, и это было такое блаженное состояние, что проснувшись, я попробовал опять его вызвать. И мне удалось. И теперь иногда я часами забываю решительно все”.

Граф переменял положение и опять зашептал оживленно: “Я, как беглый, не помнящий родства... От всего свободен! Ведь все страдания и желания наши и унижения, какие мы здесь терпим – все в рамках времени. Откиньте его – и все отпадет. И видишь другое, то, что время заслоняло собой...” Голос его пресекался:

– Бога? – шепнула я.

“Да... Мне кажутся дикими разговоры о Боге среди обыденной жизни. Там Его нет. И Евангелие непонятно и бессмысленно, если его читать и стараться понять среди нашей жизни. Это сумасшедшая книга. И потому так трудно ее понять. Христос дает ответы вне времени, а спрашивают Его люди, которые не могут перейти эту черту. И потому кажется, что они говорят о разных вещах и не понимают друг друга”.

Все больше волновался он, повторяя часто уже сказанное, силясь уяснить свое чувство для него самого чудесное. Не ново было то, что он говорил, важно, что он сам в себе открыл это, и что это было спасительным окном, открывшимся на волю. И мысли, неопытные в этой области, медлили и колебались перед каждым шагом вперед, как бы ощупывая друг друга во тьме. И именно в нем, так уверенно судившем раньше о своих земных делах, эта робость и изумление были трогательны и мучительны до слез.

“Я верю, что это и есть то, что люди называют раем, – сказал он, – если этот выход длителен, без возвратов к жизни...”

Почему мне вспомнилось прочтенное где-то слово *todesreif* – для смерти созревший? Почему так откровенно стало в душе, так скорбно и строго, как перед открытой могилой?..

И свершилось».

35

После того, как я попал на Фестиваль современных европейских радиопостановок в конце девяностых, я понял, что обрел то, к чему интуитивно стремился все эти годы своей работы в качестве сценариста на Центральном радио в редакции для детей и юношества, расположенной на улице Качалова, недалеко от музея Чехова и особняка Берии, в котором теперь располагалось посольство какой-то африканской республики.

Слушая постановки длительностью от двух минут до получаса, я был в радостном шоке. В представленных работах слова были отодвинуты с первого плана, который они занимали в нашей рубрике «Театр у микрофона», и на смену им пришли живые шумы, – вещь стала проявлять себя не благодаря ее словесным описаниям, а *напрямую*, и это было то, о чем я на своей работе подсознательно грезил. Звук монеты, брошенной на стекло и долго дребезжащей, прежде, чем затихнуть, считывался мной как доказательство самой Жизни, чего уже не в состоянии были осуществить слова, шум дыхания быстро идущего человека и стук его подошв об асфальт переносили в непосредственную реальность действия, предьявляли, как мне тогда казалось, саму вещь, а не отдаленное свидетельство ее призрачного существования.

Живая шумовая онтография демонстрировала объект при помощи его проявления себя кратчайшим убедительнейшим путем и во множестве вариантов, как вода, в виде дождя дробно стучащая по жестяной крыше сарая, льющаяся в бочку или набираемая в ведро.

Я понял, что открыл новое пространство для своих радиоработ. Оставалось найти единомышленников. Я их нашел, но я не нашел на нашей студии исполнителей – ни режиссера, ни актеров, которые бы готовы к такому подходу – не играть роли, а являть вещи и людей, не было также композиторов, которые сводили бы музыку к уровню одного из шумов или делали бы, например, чтение телефонной книги шумовым событием, как это, или что-то подобное, например, в некоторых оперных работах делал Филипп Гласс.

Мало кому было известно движение Art Acustica, далеко не все хотели переходить на новые рельсы, пойти туда, куда еще не ходил. То, что я все-таки смог тогда сделать, было скорее полу-фабрикатом, а тут требовалось и проходило лишь совершенное акустическое, вокальное и ритмическое качество.

Далеко не все слышали проявление самих вещей через живые шумы, мало кто понимал, что именно меня так потрясло, какие возможности мне открылись после Фестиваля.

И тут меня пригласили на частную студию, которая сотрудничала с Гостелерадио, но никак от них не зависела.

Я пришел туда в надежде воплотить свои сокровенные сокровища.

Про море можно рассказывать, говорил я, а можно услышать его шум в раковине или на берегу. Второе и есть радиоискусство.

Впоследствии я узнал, что Андрей Тарковский при создании своей радиопостановки использовал чуть ли не семь планов звучания – работа ювелирная.

Мне предоставили широкие возможности, сказав: действуй. Из Англии прибыл на нескольких дисках список живых шумов, созданных на ВВС. Лучшие артисты, порой с мировыми именами, приходили теперь на студию, расположенную рядом с массажным салоном, где расслаблялись от своих забот бандиты и предприниматели и куда приглашенные актеры по ошибке иногда заглядывали, не сразу понимая, где они оказывались.

Композитора мы выписали из Санкт-Петербурга.

Мы тогда сделали серию, действительно, первоклассных постановок. Некоторые из них получили призы и дипломы на Фестивале частных радиостудий в Италии.

Уже тогда я считал радио аристократическим искусством в отличие от телевидения с его агрессивным и плебейским видеорядом. Радиоспектакль, как я его понимал и осуществлял, теперь больше напоминал партитуру, чем словесный текст.

Он включал воображение и творчество слушателя. Он предлагал создать внутри своего акустического пространства – художественную вещь. Рильке говорил о потребителях музыки, существах для него мерзейших – мы предполагали в слушателях соучастников, потенциальных единомышленников, со-творцов.

Понятно, кто победил со временем в диалоге между потребителем и творцом и на самом радио, и по части его диалога с телевидением.

Один из исследователей театра Шекспира, разглядывая современную драматургу гравюру театра *Globus*, обратил внимание на непонятное на первый взгляд наличие зрительских мест, расположенных над сценой. Оттуда никоим образом нельзя было увидеть, что творится на сцене. Их наличие стало для ученого интригующей загадкой, над которой он бился несколько месяцев, пока не пришел к любопытной версии такой театральной архитектоники. А именно. Тем, кто там сидел, этим элитарным театрам, не нужна была картинка. О происходящем свидетельствовало исполнительское мастерство, интонация, тембр, ритм, паузы, а также музыка оркестра, расположенная рядом. Знатоки приходили не потреблять спектакль, а соучаствовать в нем. Не брать готовое, а создавать его заново. Видеоряд делал зрелище недостаточно платоническим, недостаточно небесным, рабски подчиненным низкой данности.

Идеальное стремление к идеальному радио-театру, как я его тогда понимал.

Больше *являть* вещь вне времени, чем описывать ее в реактивном процессе актерской игры. Живым шумом, источником онтографии (карточным раскладом, гексаграммой), иносказанием. Таким образом Ада являет Радио, Радио являет Аду. Слова становятся указателями.

По двору ходит красный петух, меняясь в размерах, плоский, как наклеенный на иконе. То он меньше двора, а то больше города М. Крикнет петух, и наступает тишина, такая, что город

начинает выдавливаться потусторонней ее силой нам навстречу, словно с той стороны давит на него пресс и дома вот-вот отслоятся от панорамы и сорвутся куда-нибудь вниз. А потом петух поднимется на забор, а потом в небо. Потрясет там своими красными крыльями, раскроет их на весь свет, и опять закроет, а между головой и хвостом ходят у него Луна и Солнце, глаза у него как бусинки, но ими он видит каждого человека в городе, будь то точильщик ножей или мальчишка с удочкой на берегу.

Куры от него несутся солнечными зайчиками, световыми эллипсами и лучевыми сполохами, которые разбредаются по всему М., играют в окнах, резвятся в лужах и падают на головы прохожих.

Это важно, чтобы в городе был свет.

Тогда прохожим веселее идти на службу или в лавку, тогда и на сердце делается легче и поиграть хочется, как в детстве в прятки или в салочки.

А на коньке синего дома крутится, тихо поскрипывая, флюгер. Куда он покажет, там делается светлее, там и вещь, на которую он указал, начинает зажигаться новой необыкновенной жизнью. Как это происходит, никто не знает, кроме тех, на кого он указал. Все эти вещи и существа становятся словно светлее, словно бы их протерли чистой тряпкой и теперь они стали как новые – звезда горит ярче, куст смородины становится зеленее, а ягоды его горят как бы наново, жук блестит – как будто его начистили щеткой, а человек – словно бы заново нарождается еще раз, как Луна – весь новенький, чистенький, в одежде не ношенной, и в голове у него ни одной темной мысли в такие минуты не бывает, а только самые чистые и благостные.

Куда флюгер покажет, там слез не бывает, а одна только мудрая речь или премудрая, как золото, тишина.

Показывает флюгер – туда-сюда поверх пыльных улиц, переулочков с «золотыми шарами» и уютных дворишков с гроздьями вязкой калины, благословляет улицы и прохожих, как старый добрый монах из тех, которых так мало осталось – ряса почти что на голое тело и коврижка хлеба с чашкой воды за день, а глаза такие добрые, что увидел их – и как в живой воде выкупался.

Прав Гельдерлин – нет для людей меры на земле, но под звук флюгера и тихих порывов ветерка нисходит эта мера с неба в сердца и души людей, и там, где встретит землю и область богов, там прорастает, а где камни, бурелом и колючки, тех минует, оставляя несчастными, и идет дальше.

Мера похожа на стрекозу с фасеточными глазами, выпученными на весь мир, она его видит, а мир не всегда. А она то взлетит, то сверкнет и пропадет в небе, то, затрещав, опустится рядом с тобой в камыши и шлет оттуда солнечные послания, от которых ты распрямляешься, скидывая с плеч груз земных тягот.

Много чего видит она своей мириадой глаз, и в каждом из них бог с Олимпа.

Поэтому там, где мера-стрекоза, там и священная гора, там и обитель богов.

Меру для человека не найти. Это все равно что попытаться увидеть что-либо затылком. И люди не понимают, что жить без меры это как остаться голым и глупым на перекрестье всех событий и всех ветров. Мера – это даже не стрекоза, это великий Архангел посреди людей, которого посылает Творец во множество наших подлых и мелочных дел, значит видит в нас то, чего не видим мы, да и не испытываем особенного желания.

Ванька, пошли в кабак.

Мне вот эту кастрюлю.

Эх-эх, кастрюля-то есть, да что в ней варить?

Ничего, как-нибудь перебьемся.

А Петровым дров привезли.

Что ты, Адочка?

Отчего, отец, вы сегодня такой грустный?

Да вот.

Говорят, вторая волна арестов идет. Боюсь, что заберут меня в этот раз, дочка.

Бог милостив, обойдется. Им нужны ветеринары.

Николай Иванович каждый день пьяный, ругается на все вокруг, уйду я от него, к вам вернусь. Ада, А дочка!

На улицах города видимый народ и невидимый. Невидимые люди – разные. Это и усопшие, и тот, кем ты был вчера и секунду назад, и ты, каким станешь завтра или послезавтра – все они тут, все соединены как бы сверкающим ожерельем, в котором все, камни и изображение мира в них, отражены в каждом камне, отражая в каждом из них картинку всех мировых событий всего города и его окрестностей, а те отразятся в каком-нибудь бродяге, бредущем от села к селу по пыльной русской дорожке – все сразу, весь миллиард цветов, красок, мыслей и картинок, а он бредет себе, зачерпывая лаптями или продранными сапогами пыль, и знать ничего не знает про то, что он дорожке Творцу самих ангелов, самого остального всеединого и удлинённого во все стороны без краев мира, где все отражено во всем и все было бы пусто, ежели бы постоянно не рождалось в вечности Имя того, кто есть Сын.

Крутится флюгер, встает пыль, идут на Олимпе разговоры блаженных, путешествует бродяга.

А дочка умеет слышать голоса, чувствует прикосновение солнца, ей ведомы шепотки блаженных, их ласковое бессловесное прикосновение, родное дыхание, бессмертное слово.

Кроме Гены об этом никто не знал, а Гена сам умел это ощутить.

Ада падала лицом в поле, полное солнца, ромашек и васильков. Это было счастье.

ХОР

Приезжай Гена А.,
тебя ждут дома, и время
прядет ковер, как Пенелопа, пока оно
при помощи людской
делает вид, что оно есть
скрипят колёса телеги
гогочут гуси, крутится флюгер на крыше,
приходит и уходит ветер, движутся материки
и глохнет грузовик у здания лабаза.
Золотые шары качаются в ветре,
Странник прошел по улице, пряча лицо.
Твой корабль да будет цел
среди островов и мелей.
Открытое окно с тобой говорит в тишине.

38

Один большой европейский поэт сказал: прекрасное есть та часть ужасного, которую мы можем вместить. Эта фраза никогда не давала мне покоя. Является ли таким образом его последнее стихотворение (или, во всяком случае, то, которое было выбрано им как надпись на собственном надгробии) частью ужасного, которую ему удалось вместить? Ужасно ли Дао? Ужасен ли Абсолют? А те его вещи, которые Безмерное нам посылает, прекрасны лишь потому, что мы, преодолевая ужас, адаптируем их под свои возможности? Прекрасно ли *все*, что от Него приходит, если мы в состоянии это вместить? И как же тогда быть с землетрясениями, войнами, пожарами?

От Него пришли заповеди, и мы знаем, что добрый поступок глубже звездного неба.

Правда ли, что ужас стоит за предельной красотой вещей и стихов?

Да, правда.

Когда думаешь, что проживаешь последний день жизни, как это сказано в духовном упражнении «Приуготовление ко смерти», все вещи, которые ты в этот день встречаешь, пронзает непреодолимая красота, это так, и Достоевский не зря устами князя Мышкина описывал сладостный блеск шпиль на солнце перед расстрелом. Или, когда пребываешь вне времени, умирая для мыслей и всего остального (ведь если ты все отдал мигу *сейчас*, то умер для завтра и вчера, для завтрашних и вчерашних мыслей и впечатлений), разглядывая, например, цветущую ветку персика, и тут тебе следует дожидаться состояния, когда не ты смотришь на цветы и бутоны, а они смотрят на тебя.

В этот миг ты видишь ауру – преддверие ужасного, смягченное до предельной нежности и красоты.

Красота опасна, потому что она проявление Жуткого, огня, в котором ты можешь сгореть, и именно близость этого огня делает прекрасные вещи по-настоящему прекрасными. В истинной красоте нет мер. Вернее, существует пространство, где они отменяются. «И когда я наполнился морем, мором стала мне мера моя».

Я часто думал, есть ли у цветка, раскрывшегося на заре, дно. Есть ли у него предел, в который соцветие упирается и дальше которого не идет. Я пришел к выводу, что его нет. Дно цветка, его законченность как будто постоянно убегает от самой себя, и являя конец формы, и отрицая его, и метафизическое чувство здесь преодолевает то, что принято называть физическим зрением. Цветок раскрыт как наружу, так и внутрь. И чем прекрасней он снаружи, тем разверстее он внутри, тем более он грозен. Вспомним «Сирень» Врубеля или бесконечность взгляда Рублевского Спаса.

Глубина цветка головокружительно. Это надо увидеть.

Мне нужно хотя бы начерно набросать эти мысли. Мне также кажется уместным, хотя и не очень последовательным, вспомнить здесь еще раз тех знатоков, которые слушают Шекспировскую пьесу, сидя над сценой «Глобуса», откуда не видно происходящего на ней, может быть, даже прикрыв глаза, чтобы не видеть ограниченных вещей и фигур, а впустить в себя то бесконечное пространство, из которого все вытекает и все втекает обратно. То, откуда приходят слова и музыка, неся с собой ужас бесконечного, а также и великие пространства скорби и радости, присущие Шекспировским работам, или даже их потрясающее сердце пред-бытие, пред-появление, пред-наличие.

Мы живем в мире, в котором все перила сломаны, во всяком случае в самые прекрасные моменты этой нашей жизни, они же – самые грозные.

Бывает ли грозная нежность? Да бывает! Посмотрите в глаза «Спасу». Бывает ли красота в ограниченном, т.е. бывает ли ограниченная красота? Да, но это не истинная красота.

Вот почему граница жизни – начало красоты, а угроза жизни говорит о спрятанном прекрасном.

За высшую красоту, правда, надо заплатить всей жизнью, как на Голгофе. Но и каждый день мы умираем и светимся красотой взамен.

Все же приведем текст автоэпитафии Рильке, с которой я начал этот разговор.

РОЗА

О невозможность, о чистое противоречие –
быть ничейным сном под тяжестью
стольких век.

Странники идут по дорогам, а я был влюблен в девочку, которая впервые показала мне эти строки на странице журнала «Смена». Я помню, что на окне не было занавесок, или, во всяком случае, они были распахнуты – так на страницы падал свет.

Мне пять лет, и мы с бабушкой идем собирать сосновые шишки для растопки. Мы складываем их в цинковый таз серого цвета с прожилками и с двумя ручками. Сосны растут на крутом спуске к мощеной дороге за деревянным зданием одноэтажной школы, в которой мы живем. Мы поднимаем шишки, сухие, темно-коричневые с оттопыренными смолистыми чешуями с земли, усыпанной сосновыми иглами. Иглы скользкие. Иногда мы с мальчишками катаемся на них, приспособив для этого гнутые доски от бочек. Снег здесь падает редко, юг.

Когда таз наполняется, мы несем его домой, к печке. Треща, шишки разгораются и превращаются в огненно-красную, шевелящуюся и пористую массу, в которой гуляют непредсказуемые синеватые сквознячки пламени. Сквозь нее просвечивают почерневшие остовы сгоревших шишек. Потом кладем поленья или уголь.

Я мог подолгу сидеть рядом с открытой дверцей и любоваться каплей смолы, выступившей на спиле полена. Шишки прогорели, и пламя становилось дружным, спокойным и светлым.

В том же, кажется, году, летом, мы сидели с бабушкой и соседкой за столом, когда в притворенную створку окна влетела ночная бабочка. Огромная, я таких еще не видел, она ворвалась подобно буре и все перевернула. Она металась по крошечной комнате, натыкаясь на стены, углы шкафа, стекла рамы, опрокидывала чашки и вазочку с вареньем, путалась в занавесках.

Как молния темного цвета, но казалось, что с золотой искрой, она хозяйничала в комнате, принесла в нее совсем другое дыхание, ритм и геометрию.

В то же лето, неделей раньше, в комнату из той же приоткрытой форточки влетела шаровая молния размером с яблоко. Все замерли, потому что дом был деревянный и прикосновение к стене могло привести к электрическому разряду и воспламенению. Это была необычайно опасная гостья. Двери в коридор были открыты. Сквозняком светящийся шар вытянуло из комнаты, он медленно пролетел через длинный школьный коридор, вылетел на крыльцо и медленно прокочевал по воздуху в глубину темного оврага, в котором растворился.

Эта бабочка была еще опасней. Она грозила перевернуть сам уклад вещей – верх и низ, праздник и будни, смех и ужас, красоту и опасность. Какое-то время она металась по нашей школьной квартирке, потом ее изловили с помощью, кажется, шали или платка.

На следующий день она висела приколотая к стенке шифоньера большой английской булавкой.

В комнате никого не было, и я подошел к ней совсем близко. Это была она и не она. Огромные два глаза смотрели на меня с ее крыльев. Она застыла в несвойственном для нее положении и манила дотронуться да себя. Я долго стоял, разглядывая ее крылья, рисунок на них, ножки и усы, и хоботок, пытаюсь проникнуть в загадку формы и сочетания цветов, в ее почти что лицо, в ее превращение. Еще я подумал, что ее убили. Но настоящие глаза ее, две темных бусинки, смотрели на меня как живые. Потом я протянул руку и прикоснулся к коричневым и фиолетовым крыльям, которые упруго прогнулись под моей рукой. Пыльца осталась на моих пальцах. Мне кажется, она до сих пор там.

11 авг. 2023 г.

Даниил БЕНДИЦКИЙ

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Рассказ

1.

Утром было много лишних слов, точнее – каждое слово было лишнее. Разговор о серьёзном заведомо глож, мысль уводила не туда. Исчерпались возможности речи.

В последнее время мать была особо груба: подозрительно-презрительный тон стал естественным, игра в одни ворота навязанной. Никак не сопротивляясь, отец осознал своё проигрышное положение.

– Возьми список со стола, – сказала она.

Правой рукой он подобрал бумажку, левой стянул рыжую бороду в пучок, пальцы обвели окружность: разошлись у губного желобка и соединились у подбородка. Отец пытался вспомнить, как называется такой звук – то ли треск, то ли хруст – от трения жёстких волос шли мурашки по коже.

– Прочитай, что там написано.

Он прочитал:

– «Стирка, мусор, позвонить Д.»

– Повтори последнее.

Он повторил: «Позвонить Д.»

– Каждый раз прошу, перестань ему говорить: «Ну и рожа у тебя, Шарапов».

Он промолчал.

От всех этих слов отец недоумевал – может, в списке скрывалось что-то ненаписанное или во фразах витало невыговоренное. Мать открывала, закрывала и вновь открывала сумки. Сын играл в тетрис. Счёт шёл на часы.

В суматохе споров и сборов они постоянно отвлекались – следили по телевизору за крушением подлодки. Баренцево море было большим и холодным. Поди разберись, что там с «Курском». Отец пробовал улавливать намёки в предметах, шёл курить на балкон – на полу от мокрого белья образовалось озерцо с затонувшим островком: засохшей каплей чёрной краски, в цветочном горшке свернулся ёж с обугленными иголками: бычками, августовский воздух сжался: духота.

Или нет, лучше так: всюду всплывали не намёки, а скорее свидетельства – последнее, что можно взять с собой, даже когда у тебя перевес.

Они присели втроем на дорожку и осмотрели свою единственную комнату – здесь не было необходимости запоминать что-то главное, оставались только второстепенные вещи. Но к чему они? Куда они денутся? Уже завтра всё исчезнет – глядишь, и не было ничего.

Сверху вниз, слева направо они в последний раз пробежались по предметам – люстра из Гусь-Хрустального: с недостающей цепочкой подвесных элементов; мебель из Шауляя: тёмно-коричневый шпон (матовый дуб) без сучка и задоринки; ворсовый ковёр чёрт-те откуда: с геометрическим узором по середине; репродукции картин на стене, отец говорил: «Это наш маленький

Даниил Бендицкий родился в 1985 году в Нижнем Новгороде. С 2000 года живет в Германии. Окончил архитектурный факультет в Берлинском Университете Искусств (Universität der Künste). Журнальные публикации: «День и ночь», «Кре-щатик», «Берлин. Берега», «Рижский альманах», «Сетевая словесность», «Топос». Предыдущая публикация в «Волге» – повесть «Энциклопедия криков» (2014, № 1-2).

Лувр»; уровень воды, то есть пометки карандашом на дверной раме: рост сына; тюлевые шторы: волны из складок от пола до потолка.

Как говорится, всё очевидно: нужно прекратить держать в голове лишнее. Но взволнованному Д., что примчался после звонка и никак не натоптался в прихожей, втемяшилось напомнить примету: «Когда уезжаешь – нельзя выносить за собой мусор».

Все как по команде побежали на кухню разглядывать ведро – оно было пустым.

Отец не переставал удивляться лицу друга – лицо будто стёртое ластиком: узкие глаза, приплюснутый нос, впалые щёки. (Шарапов, само собой, выглядел о-го-го.) Однако эта затёртая графика всегда вызывала доверие – в Шереметьево отправились вчетвером.

Ехали на машине ночью. Останавливались и долго дышали чёрным воздухом. Ёрничили про то ли дым, то ли дух, что так сладок и приятен, про общее подобие того-сего.

На паспортном контроле отца раздражали посторонние звуки. Сын высматривал лица. Мать неожиданно отошла в сторону и как в дешёвых фильмах отказалась ехать, сославшись на «ситуацию» с Д.

Дёрнулся – и не смог сдвинуться с места. Ущипнул себя – ничего не почувствовал. Обсуждать пошлый план: «выпроводить, чтобы самой улизнуть» не имело смысла. Даже пошло выяснять, что такое пошлость. Отец вроде знал ответ, но не понимал, как к нему подступиться. Незнакомое слово «ситуация» мать так спокойно произнесла, что оно моментально превратилось в невероятную дикость, будто ребёнку за завтраком сказали: «Не хочешь кашу? Хорошо, потом доешь».

Компания из четырёх человек в срочном порядке делилась надвое. Как, впрочем, все произнесённые и произнесённые слова.

Потом вдруг вспыхнуло, и отца с сыном ослепило. В Берлине было настолько солнечно, что с трапа самолёта они спускались с закрытыми глазами. Время тут же ускорилося, но как-то рывками. Последовательность пропала. Жизнь пошла как бы на авось.

На белом форде их везли к бывшей границе двух бывших Германий. Отец смотрел из окна на ландшафт, лишённый примет и названия. Сын выпросил на заправке банку колы и открытку с видом на море. Микроавтобус остановился на заасфальтированной площади перед трёхэтажным зданием, и группа скусающих туземцев жадно посмотрела на них.

2.

Сразу – ни слова. Отец с сыном стали молчать. Вернее – что-то пытались сказать, но только не издавая звуков.

То, что их с ходу вынуждали отвечать на простейший вопрос, нагоняло тоску. Копилось раздражение, слабость. Хотя нет, конечно, можно не отвечать, а будто за кем-то другим повторять. Типа: дуб – это дерево, роза – цветок, олень – животное, воробей – это птица. Чёрт возьми, всё это уже было, чужие слова, своего – ничего. Они сами себе заклеили рот и не могли произнести самые обыкновенные фразы.

Немка подошла к ним плотную, говорила отрывисто, в лоб – *verdammt nochmal*, чего непонятного:

– Эта письмо. Написан. Сдьесь.

Она протянула листок, обрисовав им в воздухе круг: напечатанный текст мгновенно рассыпался, превратился в шифр. Следовало наспех его разгадать (да ещё на весу). Подсказок не нужно – они догадались, не отвечали.

– Почьему. Ви. Не. Три?

Господи, что же сказать (нужное подчеркнуть, зачеркнуть): может: «Она сама “отказалась” или её в аэропорту “развернули”»?

Немка не отставала, продолжала допрос:

– Ви. Толко. Два?

Вообще ни бельмеса. Ни туда ни сюда. Сплошное мучение. Отец с сыном молчали.

Они стояли перед вытянутой трёхэтажной коробкой, декоративно оштукатуренной, с ква-

дратными окнами и широкой лестницей у входной двери. Как-то интуитивно угадывалась типология здания. Изменение его назначения соответствовало духу времени: бывшая пограничная казарма превратилась в перевалочный пункт.

Русская публика не сводила с них глаз: мужики оторвались от игры в карты, женщины выстроились на плацу, дети бросили ковыряться в песочнице (что там искали: гэдээровские гильзы, гранаты?). Немка махнула рукой: если новые идиоты молчат – о чём тогда разговор?

Все эти шлимазлы уедут из временного лагеря уже через неделю. Их распределят по городам. Потом сюда приедут другие семьи, и они тоже сделают свой первый шаг. Но пока что немка на пальцах показывала койко-место: в комнате десять двухэтажных кроватей, плюхайтесь у окна. Здесь всё просматривалось до горизонта: бесконечное поле, деревушка, озерцо.

Отец открыл сумку – сверху лежали женские вещи. Невольно ухмыльнулся, даже не удивился, напротив: смотрел на её шмотки как на само собой разумеющееся. Мать специально их подсунула, чтобы он снова убедился в собственной нелепости. Столько лет он ничего не замечал, безглаголиво отстранялся от разговора и теперь по полной получал.

Всего за полдня (как же это назвать) «история гибели одного семейства» уплыла настолько далеко, что материальные свидетельства имели в разы более сильное воздействие. Память перед ними бессильна. Её кофточки, лифчики, трусы хоть и выглядели издевательством, но, положив руку на сердце, – кто над кем измывался, кто жертва? Нечего себя обманывать. Размышлять о чувстве потери (скорее – потерянности) было глупо – отцу не хватало языка.

Сейчас восстанавливать нужно было не только речь, но и правильно настраивать оптику – не так подкрутишь колёсики, и сразу веет пошлостью: начинаешь восхищаться окружающим миром.

Оставалось хлопать глазами и обалдевать от дальнейших перспектив.

Отец с сыном спустились в столовую. У входа их внезапно оглушил пчелиный гул здешних жителей. Немка в фартуке выдавала пищевые контейнеры. Открываешь, а там – шкатулка с драгоценностями: браслет из сверкающего горошка, ожерелье из прозрачного риса, медальон из лоснящейся индейки и, чтобы угодить русским аборигенам, брошь из чёрного хлеба – всему голова.

Присматриваться к материалам, однако, мешала местная стройка. В углу столовой выросла перевернутый вверх дном Парфенон. На антаблемент (вытянутую тумбочку) опиралась колоннада из сложенных друг в друга пищевых контейнеров с объедками. Сын аккуратно сгибал края своей алюминиевой формочки, превращая её в ионическую капитель. К еде отец прикасался осторожно, тронешь не так – конструкция развалится.

Край, прикрытый прослойкой туманов!

Храм, чья постройка едва начата!

Опять не своё, чужие мысли-черти. И все настолько вымученные, аж самим тошно. Сколько можно трепать эту ложь?

Отец с сыном вышли на улицу. Прозрачное небо падало на голову. Удушающий воздух проходил в лёгкие, на выдохе – не то хрип, не то свист. (Или – как говорят?) Приступ немоты не прекращался.

3.

Что ещё оставалось – только ходить и наблюдать. Смотреть на всё с точки зрения неизбежности настоящего и предопределённости будущего. Пусть в голове каша.

Они обогнули плац, повернули к тропинке вдоль вспаханного поля – земля лоснилась, отражала окрестный пейзаж. На часах было восемь (по московскому).

За полем находилась деревня: с фахверковыми домами, соломенными крышами, выстриженными садами, раскалённой на солнце кирпичой (отец с сыном никак не могли избавиться от ощущения, что всё это декорация). Вокруг ни души.

Перед кирпичой стояла каменная пирамида, на верхушке крест, на постаменте табличка: «Den Opfern der Kriege 1914–1918, 1939–1945 zum Gedenken». Отец пытался было перевести: первое слово незнакомо, второе «война», дальше годы, «denken» – это «думать», а с приставкой «ge»

– скорее что-то про «память», но фраза совершенно не складывалась, мысль в такие области не заходила (может, предложение на русский не переводится?), и он промолчал.

Деревенская дорога вела к бывшей внутригерманской границе: куску забора из металлической сетки (паре секций да паре столбов). Этот одинокий фрагмент уже издали возбуждал страсть к разрушению или, по правде говоря, заставлял разразиться упреками к местным жителям: неужели стену длиной метров в десять до конца не могли доломать?

Они свернули к колонному пути. По заросшей тропинке тянулись два ряда бетонных плит с отверстиями, слева фонарные столбы, справа ров, потом высокие ели, за переездом, мимо разрытого граффити кирпичного домика, выглядывало озеро.

Как же это называется – кажется, непроизвольное воспоминание. Да, именно с озера всё и началось. Два года назад они поехали на Светлояр вчетвером: отец, мать, сын и Д. сидели на берегу, говорить не могли – только друг на друга орали, бешенство лишало рассудка, жар приливал в мозг.

И да бог с ним, о чём отец тогда разглагольствовал: то ли о ненависти к власти, то ли единственном источнике жизни: страдании; и да пёс с ним, что разговор перешёл в крик (его уже не восстановить) – он впервые увидел, как Д. обнял её плечи, и мать к этому чёртову Д. прислонилась; нечего удивляться, что отец ничего не почувствовал: обсуждать в тысячный раз банальные вещи было важнее, а говорил он всегда только сам с собой.

Теперь они остались вдвоём. Об этом было странно думать. Но невероятное ощущение, будто они находятся в месте, где происходит самое главное, их не покидало. И для этого главного не существовало слов.

Отец с сыном шли вдоль просёлочной дороги. Через пару километров находился городок. Они снова не переставали поражаться, что и здесь вокруг декорация: шелушащиеся стены, мощёные улицы, нарисованная реклама, старые машины – всё уснуло, лишь где-то вдалеке поезд отстукивал: die-der-die-den, die-der-die-den.

Возвращались в темноте, спешили. Изумлённо смотрели по сторонам: странно, даже то, что было едва различимо, вдруг изменилось: на асфальте появились заплатки (когда шли в город, дорога была гладкой), насаждения росли вкривь и вкось, озеро скрылось за деревьями, заброшенный домик превратился в полицейский участок. Небо вывернулось, стало глубоким.

Двое полицейских стояли у шлагбаума. Метрах в двадцати – закрытые ворота, сплошная стена. Те спрашивали по очереди, повторялись. Отец с сыном в ответ махали руками, смогли только вспомнить: «Dahin! Dahin!» (Что там дальше: «Давай уйдем, отец мой, навсегда!»)

Первый полицейский удивлённо мотал головой – хорошо, будем говорить жестами. Он сложил ладони, потом их раскрыл, снова сложил: паспорт где? Отец стал быстро рыться в карманах, вытащил всё содержимое: две двадцатки, монеты, бумажку «стирка, мусор, позвонить Д.», чек с заправки, сломанную сигарету, зажигалку – и тут наконец-то прозрел: бляха-муха, документы забыл. Сын молча тыкал пальцем вперёд: вон там в общежитии их и оставил.

Это ж надо так подставиться, чтобы в первый день замели. Ещё не хватало приступа бешенства – отметеля.

Второй полицейский прошёл вдоль шлагбаума, включил фонарик. Яркое пятнышко пронеслось по траве, забралось на невысокий столб и остановилось на железной табличке.

Отец с сыном увидели выпуклый герб и надпись: Deutsche Demokratische Republik.

Они подошли ближе, до сих пор не веря тому, что происходит вокруг: перед ними стена, потом какие-то вышки, огни, дальше ещё одна полоса из металлической сетки, за ней двускатные крыши, шпиль кирхи, казармы не видно.

Первый полицейский протянул жёлтый бланк. В правом верхнем углу стоял штамп: 13.08.1984. Второй протянул шариковую ручку: заполняйте.

Напечатанные слова отцеплялись, существовали как бы сами по себе: «Antrag», «Einreise», «DDR», «Familiennamen», «Wohnort», но отец с сыном таких слов не знали.

Стояли, дышали, молчали.

Алексей КОЛЕСНИЧЕНКО

занятие для бессонницы
изучать топонимику нарьян-мара
кто знает где мы окажемся через год
надолго ли
в каком составе

качгорт по-ненецки значит
сорочий дом
так говорит
лучший в стране птицеспас

сороки строят несколько гнёзд
но живут в единственном
сухие веточки прутики
безопасность постоянство
и блестящие фантики
над ослепительным снегом

он здесь никогда не растает
он защитит нашу молодость
от обязательств
обстоятельств
и статистических погрешностей

стихи о божестве родины и финансовых системах

бог богатства плодородия
ходит по сырой воде
мир работает на родине
не работает нигде

на чужбине вдруг приκληнется
где ни чу повсюду русь
всё своё ношу наличностью
час минутой оглянусь

Алексей Колесниченко родился в 1995 году в Воронежской области, живёт в Москве. Окончил бакалавриат факультета социальных наук и магистерскую программу «Литературное мастерство» Высшей школы экономики. Публикации (поэзия и критика): «Подъем», «Полутона», «Формаслов», «Флаги», Textura, «Горький», «Учительская газета» и др. Автор книги стихов «Последний случай» (М.: Формаслов, 2022).

голова бедой обмотана
и тревоги полон рот
во всём мире бог работает
а на родине живёт

у него зарплата белая
два кредита дом детей
через раз уборку делает
экономит на еде

ЭТЮД

у человека который всю жизнь проводит в трамваях
появляется особая трамвайная походка
предусматривающая резкое торможение
рассыпанные продукты
падающих детей
случайные звонки

я завтракаю на синем клетчатом сиденье
потому что выбрал ночь вместо сна
сон вместо утра
сорок шестую дорогу
вместо кофе из дрипа
с запахом одной из латиноамериканских революций

сложнее всего было выбрать
вишня или черника
выбрал обеих
не от жадности
для легкости
внутри того что в ре миноре
называют маленькой жизнью

во времени ягод
есть чем поживиться
но мои вкусы постоянны
как трамвайный маршрут
когда наконец-то завершается
донельзя затянувшийся
ремонт путей

в рост как лопух под воротами дома крёстного
в дождь богатеем в прополку и сушь нищаем
жизнь избегаем всего чересчур серьёзного
(всё избегаем) не сдерживаем обещаний

птицы колючих ветвей мы едим себя
даже смешно – поём токуем ещё о чём-то
но просыпаемся пение вдруг сменяя
тиком отсчёта

как это топать по звуку из года в год
в эпизодической роли искать проявки
тик или так приближается то что тебя убьёт
в детском дыму неспасённых яблонь

делать что можешь редеть и не делать то
что остаётся в момент когда всё прощаешь
ягоды осознания горше своих цветов
мы это знаем нам это и обещали

сдержат

гомонят придворные глашатаи
всяк своё а солнышко встает
в омуте столицы мгла вожатая
самое себя не узнает

я за языком-то не особенно
целая история провалов
но вот эту мглу не согласовывал
без меня её публиковали

смотрит сверху затемно просительно
говорит мне не тревожься сына
видишь время очень относительно
то оно сосна а то осина

наледью по кромке дня бесцветного
ходят постоянные приметы
руки губы треснуты обветрены
соль в глазах на языке смола

без меня мне разрешили это
я просил но выдали сполна

птица радость где ты делась
ветра в поле днём с огнём
на работу строим в девять
мрачно шутим шеи гнем

тихо курим спим неплохо
чист на рту чужой платок
у соседей шум и грохот
в батареях холодок

сколько пуле первый петел
накукует на труды
жизнь всю жизнь стремится в пепел
хоть и вышла из воды

день ломтями на газете
тёплый с дымкой нарезной
то о чем пиздят соседи
пахнет 58-й

опознаю его едва
кто раскрашивает слова
и висит как на пуповине
от бессонницы дармовой

отголосок тревоги длинной
вниз всклокоченной головой

кулаки говорит сожми
и себя самого навывлет
раз такие труды пошли
что бледнеют даже зрачки

как пожарный в огне и мыле
а попробуй потом прочти

все немые

а куда говорю ещё
если только часы в расчёт
даже воздух и тот по плану
до отмашки пуста среда

а когда обещают славу
начинают подозревать

велика говорит потеря
закури в перерыве винном
стебли дыма и пепла хвощ
видишь прямо растут из тела

вот за них ты и будешь делать
что не хочешь и не поймёшь
но полюбишь до беспредела

вот и вся твоя пуповина
повисишь повисишь
уйдёшь

заброшенный недострой
у полицейского участка номер NN
ГУ МВД по ЦАО
забористо заполнен граффити
как идеально грамотная
колонка окружной газеты
читаемой только кошками
и стельками зимних сапог

нарушения удобнее
прятать на месте
которое предполагается
как самое видное
но всегда остаётся
в тени внимания
тех кто обязан
блестеть пуговицами
в его присутствии

они ищут тех кто прячется
тех кто хочет спрятаться
тех кто предполагает возможность
однажды захотеть укрыться

никто не сбежит
от строгого блеска
глаз корректора

ничто их после
не прочтет

лучик солнце-каланча
в тучи шлёт и прячет в ящик
очень часто я молчал
но сейчас я говорящий

кто читает между строк
видит форму цвета тучи
приходи на мой порог
выродок судьбы дремучей

я налью тебе борща
сдам последнюю сорочку
и отправлюсь по плащам
снежным каплей в море сточном

по этапу на закат
чтоб будили до рассвета
чтобы кровь во рту сладка
как последняя конфета

который город сны не снятся
и воздух каменный на шее но
юшуньский дождь из восемнадцатого
запахнет вечным возвращением

который сроду не боялся
чужой любви затравлен собственной
смешная нимфа кобаяси
глядит сквозь пальцы близкой осени

она поёт и всё сжимается
иглой сигнального вопроса
живая память зашивается
нить натяни разрыв закроется

любовь чужая кругом около
подшить садится как влитая
из восемнадцатого облака
кап-капает (////) не долетает

(летит-летит)

ночью мир принадлежит не нам
дети остро чувствуют невхожесть
и ложатся спать как можно раньше
не смущая тонкость и сокрытость
что бояться
светового дня

мы всё стремимся к экспансии
ненасытные
шагами поглощаем почву ночи
вторгаемся на территорию невесомости
нарушаем права беззвучия
роняем снаряды пьяных голосов
ведём себя по-людски

и не замечаем
как стремительно стареем
ночь не прощает
страсти и безысходности
ночь удваивает время
под нашим весом

stay untuned
save the night
твердит всемирная организация
спасения баланса

расклеивает дрожащие листовки
на мерцающие стены снов
которые мы
опять и опять
пропускаем

светла черёмуха цвела
луна в параболе летали
огни о том что ты цела
но я выискивал детали

до слёз переполнял зрачок
всем чем была цела цвела ты
секунды сердцу не в зачёт
оно быстрее циферблата

и сколько их цветных огней
перебежали и забыто
а слов не помню как и не
было но были и в избытке

когда в трамвайных позвонках
сквозь улицы где слой на слое
твой свет спасибо вдруг строка
но ты цветёшь сильнее слова

от души разорённой под тулой
зашиваю в груди про запас
несвободу погоду сутулую
это город стреноживший нас

переломит как ветку засохшую
обожжёт зарядит в самострел
как ты смотришь так больно тревожаще
так никто до тебя не смотрел

за деревьями леса не спрятано
что ни снится одни ковыли
как теперь эти дни перекатные
друг от друга суметь отделить

почему будто волоком войлоком
одинаковых букв колея
это яблоко нет это облако
это холодно нет это я

говоришь всё вернётся означится
рассосётся заноза в руке
деконструкция дереализация
на каком это блять языке

по каким ещё надо по лестницам
задохнусь но не брошу курить
как ты смотришь тревожно болезненно
не смотри так смотри так смотри

ТАТАРИН

Рассказ потерявшего человека

Я заночевал возле метро Новокузнецкая, где была раньше церковь Параскевы Пятницы.
На лавке.

Был август, но по ночам бывало уже холодно.

Особенно к утру. Часам приблизительно к трем.

Я пытался *закутаться сам в себя*, это отчасти помогало, но уснуть не удавалось ни на минуту.

Иногда я подымался, ходил. Пытался согреть себя хоть медленным, но телодвижением и перемещением в пространстве, а заодно, если удастся, стрельнуть у кого-нибудь сигарету или найти большой окурок.

Начинало светать.

На одной незанятой лавке лежала сумка, из которой выглядывало что-то хлебное. Вокруг никого не было. Я подошел, лениво заглянул, особенно сильно меня это пока не интересовало.

– Не трогай!

Я повернулся. Кричал безногий человек на коляске, укрывшийся за новейшей конструкции (больше метра вышиной!) клумбой.

– Подойди.

Я подошел.

– Хлеб бери. Хоть весь бери. Куртку не трогай.

Я и не видел, что там была какая-то куртка.

– Слушай, сигарету дашь?

– Как, целую сигарету? – безногий широко и удивленно раскрыл глаза.

– Ну, хоть бычок оставь.

– Как, целый бычок?

Безногий еще шире раскрыл глаза и стал искать в своих доспехах. Найдя, вывалил мне больше половины пачки каких-то шикарных темных сигарет.

– И хлеб бери.

– Спасибо.

Я поплелся в сквер, к фонтану ополоснуть руки, посидеть на гранитной лавке, тихо посидеть, покурить, подумать о будущем. Ближайшем, разумеется.

Я умыл руки, сел на гранитную лавку. Закурить не успел.

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Поэзия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Нева» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

Сквер там не очень большой, но и не маленький. На другом конце его сидели люди. Неожиданно один из них в белой рубашке встал и быстро пошел ко мне.

Подойдя, широко распахнул бумажник, и стал быстро совать мне в дрожащие от холода руки сторублевки, рыжие, прекрасные...

И откуда он мог на таком расстоянии знать о моей беде, о моей нужде?.. Сквер-то не маленький, и еще не вполне рассвело...

– Спасибо, спасибо, дорогой... Куда мне столько, мне половины довольно...

– Бери, бери... Пригодится... Вас как зовут?

– Леша...

– А меня Фарид. Я татарин.

Он остался немного посидеть со мной, мы покурили, поговорили.

Я рассказал о моей сегодняшней злобе дня, о бомбах, падающих в одну воронку, и прочем. О том, что все украли, и документы, и деньги, и телефон, что я вернулся в Москву восстанавливать документы, а в Москве по причине летнего времени никого: ни родственников, ни друзей...

Фарид – оказался музыкант. Гитара, хотя консерву он кончал по классу баяна.

Еще он сказал, что пишет стихи, но прочесть отказался.

– Нет. Не могу. Плохие...

Ну, какая, скажите, может быть теория вероятности, если на таком расстоянии увидеть нуждающегося человека и поспешить на помощь!

Чудо? Не знаю. Спаси тебя, Боже, Фарид!

Я пошел отблагодарить безного в коляске, предложил принести ему кофе (там, на Пятницкой, есть круглосуточное).

– Лучше чаю. Зеленого.

Я пошел, принес ему зеленого чаю, себя взял кофе, горячий, захватывающий.

Гладкий и вежливый узбек продавал...

Безногий ждал, пока остынет чай, смотрел, как голуби клюют из сумки его хлеб.

– Пусть, пусть клюют... Они тоже бедолаги.

Теперь я знаю, как жить.

Только бы не предать.

Только бы не забыть это прекрасное прохладное утро.

Теперь о том сквере, и о том, что рядом.

Когда-то там не было никакого фонтана с дурацкой скульптурой Андрея Вознесенского, было тепло (даже зимой) и уютно.

Гуляя по вечерам с бабушкой (мне было лет 6), мы часто проходили там.

Во время войны бабушка работала на какой-то фабрике бухгалтером (образование: 3 класса ЦППШ и 3 года ликбеза – и хватало!), там, на фабрике, у нее была подруга, еврейка, Ревекка Израилевна. Она жила там, в огромном прекрасном доме (модерн, начало двадцатого века), тоже в коммуналке, разумеется, но – с большим балконом, выходящим на тогда многолюдную Пятницкую.

Гуляя с бабушкой, мы иногда встречали ее. И Ревекка Израилевна непременно бежала купить мне мороженое.

Пломбир с вафлями был очень вкусный, но я страшно стеснялся тогда брать что-то у чужих, и поглощал его с трудом.

Про Ревекку Израилевну бабушка рассказывала: у нее был муж, и летом по воскресеньям он выбирался на свой прекрасный балкон и – на виду у всей улицы – вышивал там большой портрет товарища Сталина.

*Ой, калина, кáлина,
Большой нос у Сталина!
Больше, чем у Рыкова
И у Петра Великого...*

И за это сажали. Николай Константинович Старшинов возмущался: за что? Спели бы, что маленький, тогда хоть понятно...

Ну, что теперь?

Дорогой товарищ Сталин поцарил и прошел, муж Ревекки Израилевны тоже уже не на Пятницкой пребывает...

Что осталось, кто остался?

Настя на Авиамоторной, Ира в Коммунарке... И на родной моей Пятницкой безногий в коляске и хороший человек татарин Фарид, дай ему Бог здоровья и статью, и быть таким же хорошим музыкантом и поэтом, каков он хороший человек, что, конечно, гораздо важнее.

РАССКАЗ О ДРУЖБЕ, ЛЮБВИ И ЛИТЕРАТУРЕ

– Значит, говоришь, ушла она?

– Угу, – кивнул я, наблюдая, как в кружке пенится пиво. – К банкиру. Сказала, он хотя бы может вкрутить лампочку. Банкир. Лампочку.

– А ты чего же? Не можешь? – Толик с явным наслаждением затянулся сигаретой, выпустил в мою сторону неправильной формы колючко.

– Могу. Но поди пойми этих баб!

Ночь уже полностью утвердилась в своих владениях, и все, что нам с Толиком оставалось, так лишь спастись от навязчивой вырвиглазной темени в маслянисто-желтом свете фонаря, висящего под самой крышей беседки.

– Сдается мне, вовсе и не из-за лампочки она ушла, – задумчиво протянул Толик. Глотнув пива, размашисто вытер пену с усов. – Какая, говоришь, у него тачка?

– Так лексус. Или что-то подобное...

Толик слегка наклонил голову и уставился куда-то за меня. На что именно он уставился, можно было не спрашивать, так как ход его мыслей был предельно ясен. А уставился он, кстати, на старенькую, с ржавчиной по бокам, «девятку», кокетливо жмущуюся в компании его «крайслера».

– Нет, дело тут определенно не в лампочке, – заключил Толик.

– Да ладно!

К этому времени шашлык из баранины был съеден, пойманная рыба охлаждала свой буйный норов в морозилке, натопленная баня дышала парами березы и наших с Толиком тел, а сами мы, охмелевшие и по-свински расплывшиеся, как раз пытались перейти к заключительной стадии рыбалки – философским беседам под открытым небом с кружкой холодного в руке и папироской в зубах.

Но, как бы мы ни старались, беседа не клеилась, то и дело спотыкаясь о неприятную действительность. Мою неприятную действительность. И действительность эта заключалась в том, что с неделю назад женщина, которую я любил всем сердцем, бесцеремонно меня бросила. Даже не «бесцеремонно» – не-а, такое слово здесь не годится. Подло. Гадко. Вот это гораздо ближе к тому отвратительному поступку, который она совершила, прежде чем уйти, по-театральному громко хлопнув дверью. Весьма незатейливый способ, чтоб сменить мою старенькую «девятку» на новенький лексус, а хрущевку на окраине, где мы прожили пять замечательных лет, на просторную трешку в новостройке – разумеется, в самом центре города.

– В общем, забей, – отмахнулся Толик. Или же просто отмахнул назойливого комара. – Сука она, и этим все сказано.

Нутро опалило огнем, и я уже собрался было прыгнуть на Толика и от всей души врезать по его толстой, усатой и вечно довольной морде... как внезапно все прошло. Осталось лишь неприятное понимание, что, в принципе, он прав. Все верно: моя жена... моя бывшая жена – та еще сука. Су-чи-на! А все эти напыщенные разговоры о любви и преданности, эти набившие оскомину

Евгений Долматович родился (1986) и живет в Ярославле. В 2008 году окончил Ярославскую военную финансово-экономическую академию. Публиковался в журналах «Ното Legends», «Крещатик», «Нева», «Новый берег», «Новая Юность» и др., в сборниках «Очертания», «Аэлита/010», «Своими именами назовутся», «Город счастья».

сентенции о рае в шалаше, это лицемерно-героическое желание пройти бок о бок сквозь огонь, воду, медные трубы и очереди в ЖКХ, как и показушное стремление всегда быть рядом – все это одна сплошная ложь. Ложь, ложь, ложь! Вранье, каким она... Нет, каким мы щедро откармливали друг друга, жирея на этом вранье и отчаянно желая верить, что все-таки говорим правду. Что ж, в конечном счете она оказалась куда сообразительней и раньше меня смекнула всю глупость и наивность подобных самообманов.

Так что свалила – и правильно сделала. С какой стати гнить с таким ленивым и безвольным мусорным мешком, как я?..

Вспыхнувшая с новой силой обида в мгновение ока подавила остальные мысли, а потому, сделав два больших глотка прямо из бутылки, я выдохнул лишь лирически-горькое:

– Сука.

– А я тебя предупреждал, – пробормотал Толик.

Я посмотрел на него, он – на меня. И в звенящей пустоте между нами затрепыхалось, забило крыльями воспоминание о том далеком дне, когда мы очень крупно поцапались. Тогда бывшая жена еще не была бывшей, даже женой не была. Невеста, которую я решил познакомить с лучшим другом детства и которую он как-то сразу невзлюбил. Хватив лишнего, отвел меня в сторону и без обиняков выдал, что не стоит ей доверять. «Какая-то она с гнильцой», – подытожил Толик. А я набросился на него с кулаками...

Прогнав воспоминание, я снова отхлебнул из бутылки.

Толик никак не прокомментировал тот факт, что я дважды нарушил негласное правило не пить из горла, бережно соблюдаемое на протяжении всех тех лет, что мы «рыбачили». Рыбачили, кстати, честно, почти без кавычек. Всегда вдвоем. Всегда без женщин.

Да и на кой, спрашивается, они здесь нужны?

– Водки бы сейчас, – вслух размечтался я, поглядывая на мотыльков, оккупировавших мерцавшую лампочку.

– Не-не, – запротестовал Толик, – этого добра как раз и не надо. У нас есть пиво, есть сигаретки и хороший такой летний вечер. А еще звезды есть! – Он ткнул пальцем вверх. – Так давай наслаждаться всем этим великолепием, не примешивая тяжелый градус.

Я нехотя кивнул, вспомнив, что до ближайшего села, где можно обзавестись заветным «тяжелым градусом», примерно с полчаса езды через лес и непроглядную тьму. Но я также помнил и о недопитой бутылке коньяка, с незапамятных времен запрятанной в спальне на втором этаже. Той самой бутылке, что была распита в день, когда я впервые привез свою молодую жену в этот, доставшийся мне от отца – заядлого рыболова и охотника, – домишко. Тем знаменательным вечером мы с ней были настолько возбуждены, что даже не уговорили бутылку до конца. И как только алкоголь вдарил по мозгам, мы перестали сдерживаться и занялись самым диким, какой только случался в моей унылой на любовные приключения жизни, сексом. А наутро я убрал недопитый коньяк в шкаф (или куда-то там еще) и больше о нем не вспоминал.

Вплоть до нынешнего момента...

Господи, а ведь с тех пор минуло ни много ни мало целых пять лет! И за это время мы с женой умудрились полностью охладеть друг к другу, сменив нежные комплименты на язвительные упреки, а сладость любовных иллюзий на горький привкус лжи...

Я поморщился. Издыхающий писатель во мне старался пододвинуть тоскующего мужа-рогоносца. В итоге искренность тонула в пафосе, получалась литературщина – вымученные, претенциозные рассуждения, напрочь лишенные жизни.

А жизнь ведь беззастенчиво и беспощадно банальна! И среди прочего она сводится к тому, что порой единственное, связывающее тебя с кем-либо, – это общее имущество, накопленные годами обиды или дурацкая печать в паспорте...

Ну и, возможно, глупая ностальгия по дням давно минувшим.

– Ты где? – донесся до меня голос Толика.

– Че?

– Спрашиваю, где ты? – улыбнулся он. – Куда пропал-то? Сидел, болтал, и вдруг на тебе – отключился. Зову, зову – ноль эмоций!

– А-а... – Я в три глотка допил пиво, громко рыгнул. – Не обращаю внимания. Я называю это состояние... э-э... *машинной времени*... Как у Брэдбери. Ну, когда в память, как в омут, проваливаешься – прям всамделишное путешествие в прошлое...

– М-де, ясенько...

По его физиономии было видно, что ничего-то ему, балбесу, не ясенько, и мое поведение он наверняка расценивает на поведение человека, не так давно застукавшего жену с любовником. После чего эта самая жена заявила, что ее муж-де полное ничтожество, безвольная тряпка, лишенное какой-либо гордости дерьмо и... еще много замечательных эпитетов, на которые способны исключительно женщины. А затем она навсегда покинула его жизнь, оставив лишь выжигающее чувство опустошенности да – что было невероятной подлостью с ее стороны! – грязное постельное белье, хранившее запахи ее тела, тела ее нового мужчины и их предательского соития.

– Я этот прием в некоторых своих романах использовал, – сказал я, нарушив порядком затянувшееся молчание.

– Какой прием?

– Ну, *машину времени*.

– Ага...

– Сидишь такой себе, а потом бац – и занырнул. В прошлое. Вспоминаешь, как оно все было, и эти воспоминания наслаиваешь на то, что есть теперь. Как фотография с двойной экспозицией. Этакие фантомы.

– Кто? – не понял Толик.

– Призраки, – попытался объяснить я. – Не те, что в кино, а другие. Когда смотришь, и видишь памятью...

Я глянул на Толика, тот с упоением ковырялся в носу.

– Не любитель читать, ты ж знаешь, – наконец пожал он плечами. – Поэтому ничего дельного я тебе про этот твой прием не скажу.

По крайней мере, он был честен. Толик не прочел ни одной моей книги, хотя все они, снабженные автографом и пожеланиями всего наилучшего, стояли у него дома на полке, а его супруга нередко нахваливала то, что я сочинил. Для Толика чтение было непонятным и скучным занятием; он вообще не желал делать что-либо против своей воли, а потому говорил все напрямую.

Моя жена... бывшая... в этом плане разительно от него отличалась. В течение пяти лет нашей совместной жизни она снизошла лишь до одного моего рассказа – того, что я посвятил непосредственно ей и который едва ли не насильно заставил прочесть. Ага, то, чего я не позволял себе в постели – грубость, настойчивость, анекдотичное «право самца», – я попытался компенсировать литературой. Но образ «плохого парня», этакого прожженного писателя-мачо, не опускающегося до выключивания (секса?) отзывов, но натурально насилующего своим творчеством, распался, не успев сложиться. Даже здесь я облажался, ведь мнение о рассказе было высказано в предельно лаконичной форме: жена просто сказала, что ей очень понравилось. Сидя на диване сказала. Глядя в телевизор. А в остальном мое творчество занимало ее лишь в плане финансов, и с этим, увы, были явные проблемы, так как книги мои покупались крайне вяло. При всем при этом она так ни разу и не призналась в своем наплевательском отношении, всячески отрицая подобные обвинения с моей стороны, а в случае если деваться было некуда, ссылаясь на нехватку времени и откупалась обещаниями ознакомиться с текстами чуть позже. Гораздо позже. Лучше всего – никогда.

Она так и не поняла, что ее мнение было куда важнее для меня, чем восторженные (ну или не очень) отзывы читателей, ворчание критиков и подобострастие фанатов. Если таковые, конечно, имелись...

Она этого не поняла, а я не сумел ей это втолковать. Ну, либо же – во что мне не хотелось верить – она все прекрасно знала и понимала, и ей попросту было плевать. Вот тебе и рифма...

– А сейчас что-нибудь поешь? – Толик вновь подхватил меня за шкуру – естественно, метафорически – и вытянул из трясины мрачных раздумий.

– Уже год ничего не пишу, – признался я, поглядывая на исчерканные в тетради листы. – С того самого момента, как почувствовал, что мой брак накрывается медным тазом.

– Ты слишком много об этом думаешь, – прищелкнул Толик. – Так и сбрендить недолго.

– Где наша не пропадала, – отозвался я.

Помолчали.

– А что редакторы говорят? – спросил Толик. – Или издатели?.. Короче, те, кто с тобой возятся – они что?

– Да ничего. Не такой уж я известный, чтоб со мной возиться. А те, кто возятся, из-за развода пока не трогают. Но скоро, думаю, начнут крыть отборным матом. – Я отмахнулся: то ли от этих мыслей, то ли от очередного доставучего комара. – В принципе, бог-то с ними. Как сочинитель всяких историй я давно уже выдохся.

– Херню несешь, – нахмурился Толик. – Моя вона запоем прочла все твои книжки. И с нетерпением ждет новые. По правде, я уже заебался слушать, какой ты «глубокий» и «проникновенный» писатель. Впору задуматься...

Он косо посмотрел на меня, я – на него. А затем мы оба разразились безудержным лающим хохотом. Смеялись до слез, разбрызгивая пиво и пугая сверчков, которые, оглушенные бурей наших эмоций, даже на время прекратили свою унылую трель.

– Ну ты выдал! – хохотал я. – Глубокий, бля! Проникновенный, сука!..

Толик от всей души меня поддерживал. Я же смеялся так, как не смеялся, наверное, уже очень давно. Но даже сквозь этот гогот маячила понимание, что подобные эмоции не столько реакция на шутку, сколько запоздалая истерика надломленного неудачника.

– Ладно, – с трудом отдышавшись, я поднялся из-за стола. – Пойду захвачу еще пивка.

– Опять ящик?

Я обернулся, встретился с Толиком взглядом, и мы снова рассмеялись.

– Все, хватит уже, хорош!

Бодро вбежав на крыльцо, я распахнул входную дверь, пересек сени и очутился в прихожей. И здесь меня сцапало осознание, что я и вправду давно так не смеялся. Хлябнула трясина нагноившей депрессии, я вдруг поймал себя на мысли, что вот-вот разрыдаюсь.

Нестерпимо захотелось крикнуть что-нибудь злое.

– Сука! – не сдержался я. – Сука! Сука! Сука! – И зачем-то добавил: – Жил нормально, смогу так и дальше.

Стало чуть-чуть полегче, хотя в глубине души настырно зудел ехидный голосок, подначивающий, де ничегошеньки-то у меня не выйдет. Решил не обращать на него внимания. Выпитое пиво придало сил в этой нелегкой затее: я успокоился, попробовал улыбнуться...

...и тут заработала *машина времени*.

Окутанная тенями прихожая налилась дневным светом, наполнилась музыкой, голосами. Следом явились видения. Я шагнул в комнату и посмотрел на жену – молодую, с искрящимися от алкоголя и похоти глазами. Она танцевала, плавно покачивая бедрами. Бросала на меня призывные взгляды, улыбалась. Я протянул руку и коснулся ее щеки. Потрогал, разумеется, лишь воздух. И все же пальцы помнили, какова на ощупь ее кожа... Захотелось схватить жену и крепко-крепко обнять. Зарыться лицом ей в волосы, вдыхать ее запах – такой родной, такой успокаивающий, – и точно знать, что нет и не было той пропасти, которая навсегда разделила нас с ней...

В этот раз вместо литературщины пожаловали клише: сексуальность потерянной для тебя женщины, ее манящая телесность. В этих образах не было ничего от нее самой, одни сплошные представления – мои представления, визуализированная тоска моего стареющего тела.

Воображаемая жена с этим явно была не согласна. Она отстранилась, поманила пальцем. Уже на лестнице обернулась, подмигнула, и я с легкостью отшвырнул все свои размышления – размышления бесталанного писателя, силившегося отобразить жизнь среди букв и строчек, приди-

рающегося к себе и отчаянно не желающего понять, что жизнь и есть клише. Пережитое мгновение ярко и чудесно – до тех пор, пока не запрешь его в тексте. Тогда оно вянет, обращается в труху. Ведь бабочка, порхающая в поле, и бабочка, припиленная иголкой к бумаге, – не одно и то же.

Очередная кривая метафора?..

Ощувив болезненный укол в груди, я попытался прогнать видения, вырваться из их плена. Сделал только хуже. Одни образы сменились другими, и теперь, натурально оглушенный, я наблюдал за чужой страстью. Моя жена, ее любовник – там не было места для меня, и я не должен был ничего видеть. Наше с ней расставание предполагало слова – холодные и расчетливые, этаким плевок в душу, – возможно, взаимные упрёки, скандал-другой. Но без таких вот откровений. Точно уж без тех раздражающих на куски образов, которые словно раскаленным железом выжигаются в памяти.

Навсегда выжигаются.

Я видел обнаженные тела, видел взгляды – в глазах жены не было удивления или испуга. Наверное, она ждала моего возвращения, сделала все намеренно. В конце концов, что ей мешало трахаться у любовника? Почему нужно было порочить мою квартиру? Порочить... Быть может, размышляя я, в этом есть некий сакральный смысл, своего рода ритуал? Так она хотела навсегда покончить и со мной, и с моей убогой хрущевкой – разметать далеко не лучшие годы жизни, отказаться от них и обратить в злую шутку, в забавный казус, который она будет вспоминать с улыбкой, без горечи и стыда. Что ж, для этого она выбрала самый подходящий способ – лучше не придумашь!

Ну а я – что я? Я, видимо, для нее стал прошлым – неприятным, раздражающим. Если любовь делает из возлюбленного Бога, то нелюбовь обращает его в пустое место, верно?

Я закрыл глаза, надеясь, что образы оставят меня в покое. Внутри – там, где сердце, там, где душа – было неуютно темно и по-кладбищенски тихо. Ничего не осталось. А потом я мимоходом вспомнил, как жена посасывала мой большой палец во время наших постельных игр, и подумал, что теперь, видимо, она точно так же посасывает палец своего нового мужчины. Расставание почему-то всегда плодит исключительно такие воспоминания – болезненные, будоражающие ревность. И как бы я ни старался, я не мог вспомнить наши с женой разговоры, все те мелочи, что определяли нашу совместную жизнь. Нет, в голову упрямо лезла всякая гадость...

Я вздохнул, открыл глаза. Спальня была окутана бархатистой тьмой, из распахнутого окна тянуло прохладой. Ни жены... бывшей жены, так ведь?.. ни ее любовника не было.

– Все у меня будет хорошо, – подбодрил сам себя.

После включил свет и начал рыться в тумбочках, в шкафу, даже на книжные полки заглянул. Там-то, между «Простодушным» и «Камерой обскура», я и отыскал недопитый коньяк. Толик может ворчать сколько влезет, но этой ночью мне как никогда необходим тяжелый градус.

Спустившись на кухню, я открыл холодильник и прихватил оставшиеся бутылки с пивом. Влажный холод стекла обжигал ладони, это было приятно.

Довольный собой, я пересек прихожую и сени, толкнул плечом входную дверь и очутился в ночной темноте.

Один.

Толика в беседке не было.

Не обратив на это внимания, я направился к столу, на который и взгромоздил прихваченные из холодильника бутылки...

И замер.

Недокуренная сигарета одиноко тлела в пепельнице, ветер перебирал испещренные кривыми строчками тетрадные листы. Стало как-то не по себе.

– Эй, Толян! – зачем-то крикнул я в ночь.

Ночь ответила погребальным безмолвием, а оскорбленные сверчки – яростной трелью. И больше ни единого звука.

– Да хватит уже, – без какой-либо надежды прошептал я. – Давай: отлил, встряхни хорошенько и выходи...

И грустно улыбнулся собственной дурацкой шутке.

Естественно, на провокацию Толик не повелся. Он и не смог бы этого сделать, ведь его здесь не было.

Тогда я извлек из пачки сигарету, закурил. Усевшись на лавку, с раздражением посмотрел на тетрадь, на все эти слова и предложения – проза? литература? жалкая графомания! – схватил бутылку коньяка и сделал несколько жадных глотков. Прямо из горла. Затем перевел взгляд на окурки в пепельнице. Самый обычный, он уже не дымился, потух, и точно уж не вызывал того мистического чувства – того первобытного ужаса, – что я испытал, вернувшись из дома. Хороший образ, отметил я для себя. Из этого образа можно было бы состряпать рассказ. Или, лучше, роман. Какой-нибудь детектив, может, страшилку про чудище в лесу, про древних ведьм или инопланетян...

Я отвернулся и посмотрел на свою ржавенькую «девятку», одиноко жмущуюся возле дома. Да, там мог бы стоять «крайслер» Толика, а сам Толик мог бы сидеть напротив меня, прихлебывать пиво, шутить и балагурить. Быть моим другом, в конце концов.

Но его не было, потому что несколько лет назад он переехал в другую страну. Мы так и не помирились после той безобразной стычки, хотя ее причины... Конечно, Толик ничего не говорил про мою жену. Я это выдумал, потому что это было бы – не знаю – логично, что ли. По-литературному логично: каждая мысль в тексте, каждое событие служит конкретной идее. Строгая причинность, ничего лишнего. В реальности, увы, все иначе. В реальности мы с Толиком, упившись до пороссячьего визга, зацепились языками и разругались в пух и прах. На этом наша дружба закончилась. Никто не спешил мириться, каждый был горд и хранил эту гордость до последнего. И я почему-то верил, что под «последним» всегда подразумевается миг смерти – неотвратимое, о чем пишут в книгах, пробивая наивного читателя на скую слезу либо на философское размышление о вечном. Но нет, смерти тут не требуется. Порой достаточно упущенного времени, той обыденности, которая непременно расставит все по местам и про которую с умным видом говорят, мол, «случилась жизнь». Не смерть случилась, а жизнь. Бывое теряет остроту, раны затягиваются, но и человек уже изменился. Больше он не вернется. И дело не в том, что он все еще зол и обижен, просто это уже совсем другой человек. Время дружбы ушло. Поэтому когда я через знакомых разузнал номер Толика, набрал его, мне ответил кто-то чужой, кто-то, с кем наши дороги давно разошлись. Да, мы поговорили о всяком, вспомнили, как оно было раньше, грустно посмеялись и... распрощались. Судя по всему, навсегда распрощались.

Так я потерял друга.

Захваченный этой мыслью, я еще отхлебнул коньяка, не сразу нащупал карандаш и сделал несколько пометок. А вдруг из этого и вправду выйдет рассказ? Реалистический ли, мистический? Не важно! Главное, написать хоть что-то!

Я вновь склонился на окурки в пепельнице – мой позабытый окурки, – и вновь признал, что при всей своей незаmysловатости это довольно пугающий и весьма удачный образ. В нем есть интрига, сокрыт какой-никакой потенциал.

И я запросто бы мог написать о том, как ближе к утру прибыл милицейский наряд. Как они обнаружили меня в беседке, где я трясся от холода, наблюдая за постепенно розовеющим небом, будто смущенным оттого, что наступает новое утро... Мог бы в деталях расписать, как они искали Толика – с неделю искали, даже больше. Прошерстили всю округу, перерыли все канавы, облазили реки и болота. И не нашли...

Загадочная история о том, как исчез Толик. Интригующая, держащая в напряжении, прочая околесица, которую лепят на обложки бестселлеров...

Я протер воспаленные глаза, быстро допил коньяк и потянулся к пачке сигарет. Пошатнулся и чуть не свалился с лавки. Лишь теперь я понял, насколько пьян.

А мысль моя все блуждала, цепляясь за события моей жизни. От Толика она вернулась к бывшей жене, к нашему с ней расставанию. *Машина времени* – прекрасная вещь для писателя, в том числе потому, что перестраивает реальность, дорабатывает ее, превращая в сюжет. Ушлий банкир и гнусная измена. Опрошенная квартира, где герой, захваченный в плен воспоминаниями и самоедством, вынужден жить дальше. Этакая бытовая трагедия, тема, о которой можно и нужно писать. Еще один рассказ. Не такой остросюжетный, как про таинственное исчезновение лучшего друга, но зато по-иному цепляющий. Грубая проза, в которой ключом бьет грубая жизнь – и чем неприглядней эта жизнь, тем лучше. Такое любят. Такое читают. Такое получает литературные премии. Обычная судьба обычного человека.

Хорошие и действенные выдумки, если писать совсем уж не о чем.

А на самом деле обычная судьба обычного человека – это когда возвращенная с детства дружба обрывается из-за глупости, либо рассеивается, как утренний туман, – банально потому, что пришло ее время. Никакой тебе мистики, никаких интриг и расследований.

Судьба обычного человека – это когда жена начала собираться и уходит. Не к богатенькому банкиру, демонстрируя свою якобы гнилую сущность, а потому что разлюбила и не может так дальше. Ведь и для любви частенько отпущен свой срок. И вот она уходит – любовь? жена? – не к кому-то, а попросту в никуда, лишь бы подальше от тебя, от той невыносимой безысходности, какою ты стал. Никаких слезливых трагедий, никаких грязных подробностей. Скука и уныние, которым не светит ни одной премии.

Скука и уныние...

Я отложил карандаш. Пшикнув пробкой, сделал несколько глотков и тут же закурил. Перед глазами все плыло, на душе было тоскливо.

– Да и сам ты – скука и уныние, – сказал я, продолжая оборванную мысль. – Четвертый десяток разменял – и че? Сидишь один в пустом доме, бухаешь и стараешься что-нибудь сочинить. За чем-то колушаешь свою жизнь, выдумываешь всякое, чтоб в итоге... что? Ну что?! Возникла история, литература, что-нибудь еще, да? Что-то этакое, что и выделит тебя среди прочих. Писатель – он ведь не обычный человек. Вовсе не жалкий неудачник, который пытается слепить из своих неудач искусство – не-е-е! Он видел и знает больше, верно?.. Да нихрена ты не видел! Ни-хре-на!

Я уже был сильно пьян, меня постепенно клонило в сон. Но я не хотел спать. Я хотел, чтобы рядом был Толик, и чтоб он шутил, нес всякую чепуху и громко невпопад смеялся. Я хотел, чтоб он был здесь, и нас по-прежнему связывала крепкая дружба.

А еще я хотел, чтоб моя жена все так же была со мной. И пусть бы мы спорили, может, ругались, но точно бы знали, что мы вместе, любим друг друга. Знали бы, что мы – навсегда.

И, конечно же, я бы очень хотел снова писать – выдумывать различные истории, хоть временами и глупые, даже никудышные, но все же истории. Сочинять их так же легко и просто, как сочинял когда-то. Радоваться им, по-детски веря, что именно в этом мое призвание, и громко и пафосно заявлять всему миру о том, что жизнь моя отныне и вовек связана с литературой.

Как же я всего этого хотел!

Только вот не было в моей жизни больше ни дружбы, ни любви, ни литературы.

И все, что я мог сделать – таки свалившись с лавки на землю, облив себя пивом, – это то ли выплунуть, то ли выскулить язвительно-жалобное:

– Сука!

И еще раз:

– Сука!

И еще:

– Сука!

Вот только к кому я обращался?

Саша АНДЕР

СТРОГАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ И...

Будущему певцу погибели

*Мир надгробьем станем им,
ну, а ты умрёшь седьмым
(Из стихотворения «Седьмой» Йожефа Аттилы)*

Слово – трескучий фальш.
Мир – подборка восприятий.
Жизнь – вскрытая изнутренность.
Двуглавые орлы – обезглавлены властью.
Человек – падал и корм для акул.
Дело – успешный бизнес, как обычно.
Счастье – утроба погребца в комфорте плюс.
Ты буди – падшей богоподобной тварью,
чью рюмку не рискнули даже помыть,
из которой пил на краю погибели.
Меж строк, взвитых ошарашенной копной,
в день седьмой седьмым соседу по столу,
ты проснешься удалым от сказки наконец
в некрологе как не свой, не своим, не чьим.
И слова твои – след черной крови на губах.

Синева

*где бы я ни был,
что бы я ни делал,
всюду предо мною эта синева
(из народного)*

заглушился азан, не слышно, не слышно петуха
как только, как только, только приснилась

Саша Андер родился в 1997 году в Вольске. В 2017-м переехал в Санкт-Петербург. Публикации: «Феромоны» (самиздат, 2018), повесть «Петергофский этюд» в альманахе «Черные дыры букв» (Самара, 2021), стихи и рассказы в 25 номере журнала «Вещь» (Пермь, 2022), книга стихов «Фаталь оргазм» в издательстве «Русский Гулливер» (Москва, 2022). Подборки стихотворений: «Кастоправда», «Прочтение», «Формаслов».

в поезде твоя могилка, на твоей могилке
голубые маки, голубые маки как твои глаза
под землёй, сиречь, под землёй твои глаза
приглушился азан твой радикальным ридикулем
под голубыми этими маками на твоей могилке
и не слышно, не слышно ни одного петуха
сварили петуха с голубыми маками и вином
на твоих, на твоих похоронах в лодочке-поезде
на двоих не выпить на твоих похоронах
внутренние гастарбайтеры все цветы смели
смели все цветы, все голубые маки твоих глаз
не бьют твои глаза, не бьют твои глаза набат

Не предел радости, когда выходит то,
на что можно рассчитывать от случая
к случаю: как-то в вечер добрый путь
метнешься ебким сленгом и пятками
как не своими на пленэры без схваток,
где не слышно, читает ли свойка Сапфо,
разве что угрюмые варнаки на шиханах
спивают весну по мере добычи и градуса,
там кусты сирени с жасмином благоухают,
а рядом же там тутовая вонь разложений,
ничего, что милым не будешь и близким,
только не сильно вой на луну в непогоду,
не станет от этого яснее, светлее и чище,
а если всё херня в планетарной матрице,
можно сказать: зачем так уж рыпаться,
есть ли разница между одним и третьим,
а третьего от других следующих шагов,
мир устроен просто: из букв и молекул,
так что замри, или протри дни от пыли,
усердней там, где ее скопилось больше,
но только это не обещает еще улучшений,
бьющими в нос клинической дезинфекцией,
спокойно тогда, когда ничего и никого нет,
но хорошо и тем, кто как-то есть и нашелся,
особенно-то на сопках среди разбойников,
которые не меньше стремятся к радости,
поэтому ли соловьи запевали о грустном,
когда радость разве что залетала в форточку,
а откроешь ворота, слышится: запахло весной!

El Me Mintio

Раздутому как труп коту не хватает редуксина,
а в мире конфликтов необходимы ошибки
сталкивать с другими до верных отклонений,
хоть и горько звучит голос Аманды Мигель,
когда внутренний плач о любви рвется наружу.
Но в искажающей пульсации гало лампы,
под теплым вибрато распевов угнии и раи
тайным возлюбленным, был я шеб Сархан,
когда вокруг должны были быть разбросаны
не тел желания, а пышные пионы с лилиями.

Русалка на рифе однажды сидела,
плескала воду о воду и ракушки в нее бросала,
сонаты и сюиты, пляды вариаций фантазий
подмигиваний и воздаяний игр на лире она посвящала
артистам на белоснежном пляже в тихоокеанской лагуне,
где танцуют буги-вуги под светодиодными огнями,
все-украшенные они плетением маргариток.

Расскажи раскрытая на письме и чтении книга,
как продолжать еще сильнее стараться
и для чего оно было и будет нужно,
пока я не принял транквилизатор
против тревоги и для спокойного сна
в выпавшем случае ли или уже основательном
головном дурдоме с печным отоплением.

Меньше бы думать и давать доводы и отводы
фактам, постоянно норовящим сокрыться
в причитаниях и приговорах.

Огонь уходит к огню, и тем самым
не гаснет, языками лаская цвета –
все ярче становятся переливы
пурпурного света после схлопа
беспокойства и радости,
шагавшие ранее вместе рука об руку.

Когда огонь уходит к огню, он не гаснет,
в этом его обречение – зародившись не гаснуть,
не больше и не меньше того

в разбегающихся поверх-словах,
не касаясь ещё даже струн души,
извлекающих запредельные звуки.

В нарастающем оркестром и темпом шуме
ходоки мерили поверхности по трещинам,
по рельефу рельс тянулись вагоны-пикколо,
там же за окном сходились щебетом птицы;
пытался я вспомнить, как вчера засыпал ми-
минорно долго заземляясь на пух с миром,
умытый с дегтярным мылом под покоем душа
перед полуденной встречей на поле вереска;
(была бы рядом мама, то просил бы не будить,
пока мой принц не придет и не будет его рядом);
но того было не миновать – громкого гула,
который со скрипом прошел через голову,
а чья-то рука схватив сжимала мое сердце,
отчего я вскочил с пробуждением, значительно
оправившись позже, лишь когда посмотрел запись,
где пританцовывает Басаев под нашив «Къодимун»,
то есть когда она напонила не самим шахидом,
а игривой воинственностью того самого принца;
во сне же он учит стремиться к нему и становиться:
сильнее, смелее, бушующе разудальным, – как он;
только не гонец он до спящих и расчерченного круга
тем мелом с кальцием у школьной доски без решения,
а возвращенец он, которому прошептать бы на ушко
так тепло, как поется в песне: «ах, солнце, где ты?»

Ах, мой милый, слышно ли по кардиограмме нити,
по тому, как сердце обостряет бьющие звуки вокруг
той нервной системы, что вышла не за очертания
своего тела, до твоих далее долетает ли мой строй,
равняющийся по тебе, за кем я отчаянно следую?
Где бы ты ни был, порадуй меня своей улыбкой,
дай мне порадовать тебя стараниями, молю я Боже.

Тише, тише говорите, –
тот, кто тихо говорит,
иногда выходит отсюда сам.
Этим незатейливым судьбам

жгли ветхозаветные костры.
У первобытного зверя все больше пустот,
он лакает даганские воды, с клыков стекает
первоклассный токсин; артериального
давления мерят заточенные ракушки,
и капает на побережье, мешаясь с глиной.
Радости ближних не увидится больше,
ушедших на борту в иные миры.
Обрывают те тянущиеся руки,
лежащие в землю, которых больше,
больше не полюбят,
больше не вспомнят,
вскоре всех позабудут.
И когда мы все тоже сдохнем,
то сами забудем,
кого любили,
кого помнили,
кого ждали,
кого хотели,
кого не дождались.
Мы про всех забудем,
то есть мы сами забудем,
потому и смертные мы.
Чистые фантазии далеки от жизни,
в которой предельно чуждо быть.
Лети над аулом, лети над местами,
точно лишь медэкспертиза и их показания
в капкане Хроноса над падением в синь,
за всеми новопреставленными –
молитесь, чтобы это война не была последней,
если ждёте продолжения, которое непременно будет,
как все того хотели,
как и будут хотеть далее
во все новых поколениях Че.

ЗАВЕДОМО ЛОЖНАЯ И ДРУГИЕ

(сентябрь 2022 – апрель 2023)

не продается вдохновенье
кто написал стихотворенье
увы державное теченье
на смерть на смерть держи равненье

в газетах пишут
перенапряжение

очевидцы говорят
пожар

кому верить

а если
дискредитация

хороший русский
хороший индеец

всего-то
и нужно

Александр Макаров-Кротков родился в 1959 году. В 1982 году окончил Московский государственный институт культуры. Первые поэтические публикации – в середине 80-х в самиздате, в 1989 году – в эмигрантских изданиях «Континент» и «Мулета» в Париже. С 1989 года начал публиковаться на родине. Печатался в различных журналах, коллективных сборниках и антологиях как в России, так и за рубежом на русском и в переводах на основные европейские (и не только) языки. Автор восьми книг стихов. Лауреат и участник ряда отечественных и международных фестивалей. Живёт в Москве. Предыдущая публикация в «Волге» – 2022, № 1-2.

знаете

не надейтесь

узнаете!!!

вот

простояли день

как бы еще

ночь

продержаться

конечно

мне говорят

я мог бы

подумать

пока

я был жив

когда

у него обнаружили

заведомо ложную беременность

он надкусил

заведомо ложный мухомор

и сообщил окружающим

заведомо ложные сведения

отчего они до сих пор

пребывают

в заведомо ложном заключении

из которого есть

только один

заведомо ложный выход

сми сообщили
что гражданам
рекомендуют
смотреть в окно
не чаще трех раз в неделю

в противном случае
будут применены
превентивные меры

ну что
у нас

долго искали
обидчика

кто-то согласился
его заменить

теперь ищут
исполнителя

ты ведь
знаешь

что он
не

и вот он
не

и он тоже
не

ведь ты
понимаешь

почему мы
немы

запомни
говорит он
говорить
нельзя

ничего
никогда
никому
говорит он

кто не скажет
говорит не он
тот всё равно
виноват

Софья СУРКОВА

ВЫМЫШЛЕННАЯ БИОГРАФИЯ МАРГЕРИТ ДЮРАС

Действующие лица:

Персона в феминном дискурсе.

Персона в маскулинном дискурсе.

Люди.

Жест (не персонаж, но некоторая антропоморфная фигура, стоящая в углу сцены на протяжении всей пьесы, периодически декларирующая реплики абсолютно отстранённо).

Действие 1.

На сцене два действующих лица. Люди и Персона в феминном дискурсе

Люди. Какая сейчас весна?

Персона в феминном дискурсе. Весна–3.

Люди. Опять хуёво?

Персона в феминном дискурсе. Да, так.

Люди. Поэтому всё случилось?

Персона в феминном дискурсе. Поэтому.

Люди и Персона уходят.

Жест. У меня есть роскошная история про то, как я потерял пальцы.

Действие 2.

Обычная комната, обставленная деревянной мебелью, в окно видны трубы.

Светлое утро. Персона сидит на кровати, спустив вниз ноги, упершись руками в колени, смотрит в стену, пижамные штаны стянуты чуть ниже колен

Персона в феминном дискурсе. Люди, вы здесь? Люди, где же вы? Ау!

Софья Суркова родилась в 1999 году в Московской области. Закончила Литературный институт имени А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Флаги», «Ф-письмо», «Воздух», «Волга», «TextOnly», «Цирк "Олимп"+TV», «Литература», «Парадигма», «всеализм», на порталах «Грёза», «Солонеба», «полутона». Редакторка журналов «FEMINIST ORGY MAFIA» (VPN only) и «Сверхновый Карфаген». Переводила стихотворения Чарльза Симика для сборника «Открыто до-поздна» («Полифем», 2021) и ряд стихотворений европейских и индийских авторов ко Всемирному дню поэзии 2021 г. Шорт-лист молодёжной поэтической премии «Цикада» (2021). Дебютный сборник стихотворений «Лазурь и злые духи» со вступительным словом Оксаны Васякиной издан в поэтической серии «Флагов» (М.: ОГИ, 2023). Живёт в Москве.

Персона в феминном дискурсе встаёт с кровати, наступает по очереди на штаны, снимая их до конца.

Персона в феминном дискурсе. Всё, что было у меня, умерло. Всё мертво. Как же так? Я склонна уйти.

Жест. Она обречена, она комично обречена, потому что она никогда не меняется.

Забегают Люди.

Люди. Это одномоментно, жизнь не разрушена. Любовники, измены, переходы туда-сюда – это одномоментно. Тебе достаточно самой себя.

Персона в феминном дискурсе. Мне?! Мне – нет! Я так его любила, я волосы душила диором! Зря расстаралась...

Люди. Займись лучше делом. Труд. Почему тебе не хватит его?

Персона в феминном дискурсе. Хватит. Я поняла, что захочу заниматься искусством, когда пошла во второй класс, в семь лет. Тогда меня отдали заниматься балетом. Преподавательницу звали Марианна, у неё медные вьющиеся волосы, как у медузы горгоны. Ей точно достаточно самой себя. Я была новенькой, девочки мне рассказали, что она даже спит на шпагате. Так вот, балет. Во-первых, нас тянули, выламывали ноги. Во-вторых, пуанты. В-третьих, у меня большая жопа.

Жест. У меня роскошная история про то, как придумали пуанты.

Жест замолкает.

Люди и Персона. Ну?!

Жест. Вообще, есть две версии. Следуя первой, их сделала танцовщица, умевшая танцевать на кончиках пальцев; второй – их сделал отец для своей дочери.

Персона в феминном дискурсе. Отличная история, я выбираю вариант два, все отцы ненавидят своих детей. Пуанты – это что-то совершенно противоестественное для человека...

Люди (перебивают). Как и искусство.

Персона в феминном дискурсе. Как и искусство. К пуантам невозможно было привыкнуть, на четвертый месяц было так же больно, как и на первой неделе. Постоянно вывернутая стопа – вы видели это? Видели?! То есть танцуешь – и невыносимо. Это искусство.

Жест (перебивает). Искусство – это взрывы!

Персона в феминном дискурсе. Боже! Ты смешон, но это весело. *(Ненадолго замолкает.)* Короче, пока я смотрю слова, мне так же невыносимо больно, но восхитительно. Но когда больно, зрение улучшается, лучше видишь. Поэтому из всех танцев только балет – искусство.

Люди. Я склонна уйти.

Люди уходят. Персона в феминном дискурсе садится на кровать, резко откидывается назад, воеет.

Персона в феминном дискурсе. Я опять хочу домой, хочу к нему обратно. Струп памяти жжётся, глаза плачут. Воспоминания. Раз он исчез, значит, его никогда и не было. Окупается лишь то, что всегда. Какая сейчас весна?

Входит Персона в маскулинном дискурсе.

Персона в феминном дискурсе поднимается, подгибает одну ногу под себя.

Персона в маскулинном дискурсе. Как давно ты не пишешь?

Персона в феминном дискурсе. Эй! Я пишу! Работаю над несколькими вещами одновременно.

Персона в маскулинном дискурсе. Над чем сейчас?

Персона в феминном дискурсе. Над эссе об онтологических выбоинах.

Персона в маскулинном дискурсе. Типа постоянства нехватки?

Персона в феминном дискурсе. Нет, совсем про другое, я скорее думаю, каков изъём мироздания изнутри. Но я использую только слова на букву «а».

Персона в маскулинном дискурсе. Вроде хорошо, работай.

Персона в феминном дискурсе. Ещё фрагменты этики, ещё стихотворения в катушках, ещё роман в пространственных координатах, ну, знаешь, ось икс, ось игрек. Всё начала, ни над чем толком не сидела.

Персона в маскулинном дискурсе. Летом напишешь. Главное – есть что писать, я так думаю.

Персона в феминном дискурсе. Может. Я летом уезжаю.

Персона в маскулинном дискурсе. Прямо на всё лето?

Персона в феминном дискурсе. Хотела бы навсегда. Нет, не на всё, где-то в июле, сбор роз заканчивается в конце июня, и я сразу... (*съедает последние слова*).

Персона в маскулинном дискурсе. Откуда такое желание уехать?

Персона в феминном дискурсе. Он меня не любит.

Персона в маскулинном дискурсе. Ему нужно признание.

Персона в феминном дискурсе. Он мне врал и делал вид, что ничего нет, а того, что было, стыдился.

Персона в маскулинном дискурсе. Так было всегда, такое пару раз номинировали на Оскар.

Персона в феминном дискурсе. Ты его всегда оправдываешь, и в моей голове эдакая лощадка-качалка, туда-сюда, туда-сюда...

Персона в феминном дискурсе очень грустнеет, утыкает взгляд в пол.

Персона в маскулинном дискурсе. Ну, это дом. А ты выказываешь к нему пренебрежение, глубочайшее.

Персона в феминном дискурсе. Глубочайшее пренебрежение... Поставь чайник, я хочу выпить этой бурды, заварю своей бурды.

Персона в маскулинном дискурсе. Ты ела?

Персона в феминном дискурсе. Завтракала, да.

Персона в маскулинном дискурсе. Что?

Персона в феминном дискурсе. Я поела кокосовые конфеты и буженину.

Персона в маскулинном дискурсе ставит чайник, возится с посудой,

Персона садится за стол.

Жест. Я бы заменил всех мужчин в мире на Петра Ильича Чайковского.

Персона в феминном дискурсе. Я бы заменила всех мужчин в мире на квартиру в Москве.

Персона в маскулинном дискурсе. Я бы заменил свою жопу на квартиру в Москве.

Персона в феминном дискурсе. На кино.

Персона в маскулинном дискурсе. На цирк.

Персона в феминном дискурсе. На мюзик-холл.

Персона в маскулинном дискурсе (*протягивает чашку*). На цирк.

Персона в феминном дискурсе. М, бурда! Как ты умудряешься это делать, полутеплая прозрачная вода, полчашки чайнок, еле подслащенная жижа... С лимончиком.

Персона в маскулинном дискурсе (*садится рядом за стол*). Это и есть моя любовь.

Молчание секунд десять. Пьют чай.

Персона в феминном дискурсе. У меня странно пахнут ноги.

Персона в маскулинном дискурсе. Ты опять?

Персона в феминном дискурсе. Нет, то есть колени – понюхай.

Персона в маскулинном дискурсе. Нет, спасибо.

Персона в феминном дискурсе. Ты невротик, твой невроз меня раздражает, твой невроз – это догма.

Персона в маскулинном дискурсе. Мой невроз – это моя газета, кстати, скоро новый выпуск, про двух усатеньких мужичков.

Персона в феминном дискурсе. В цилиндрах?

Персона в маскулинном дискурсе. Без.

Персона в феминном дискурсе. Ты как обычно недожал.

Персона в маскулинном дискурсе. Там просто ещё куча всего, выпуск получился гигантский... Такой же гигантский, как твоя башка (*хихикает*).

Персона в феминном дискурсе. У меня не гигантская башка!

Персона в маскулинном дискурсе. Там ещё часы с римскими цифрами, в начале и в конце херувимчики, плетёное кресло, колбочки и что-то вроде архангела.

Персона в феминном дискурсе. Думаю, он поможет понять этот опыт аллегорически.

Персона в маскулинном дискурсе. Да, внедрение архангела в газету было хорошим решением.

Персона в феминном дискурсе. Но опять не хватает фарса, буффонады.

Персона в маскулинном дискурсе. Это уже твоя история.

Жест. Твоя история – рассинхронизоваться. Повернись задом!

Действие 3.

*Нет декораций. Полумрак. Люди сидят, скрестив ноги бабочкой.
Персона в маскулинном дискурсе лежит на спине, закинув ноги на стену.*

Люди. У неё новое нарушение мышления?

Персона в маскулинном дискурсе. Душевная меланхолия. Она пытается стать горбуном, стать наблюдателем.

Люди. Типа как он? (*указывает на Жест*).

Персона в маскулинном дискурсе. Да, включаться в композицию, но не участвовать в ней.

Люди. Так он же прохвост!

Персона в маскулинном дискурсе. Ну, её этим не смутить. Она не понимает собственной природы, а когда так – становится возможной лишь фикция.

Люди. Какие синонимы к слову фикция?

Персона в маскулинном дискурсе. Суррогат.

Люди. Суррогат (*кивает*). Человек есть не то, что он сам.

Персона в маскулинном дискурсе. Две фигуры слились воедино.

Люди откидываются на спину.

Персона в маскулинном дискурсе. Солнце закатывалось. Начинаясь вечер, мы лежали спинами друг к другу, я отрезал кусочки от яблока и через спины передавал ей. Она ела. Она была похожа на горную козочку. Мы хотели на море.

Люди. Съездили?

Персона в маскулинном дискурсе. Да, в путешествие, за лето мы искупались в трёх водах. Но потом почувствовали грусть и затихли.

Люди. Первая вода была л-л-литургическим сном, вторая вода была и-и-иллюстрацией птичьего пера, третья вода была е-е-елеем, и е-е-ежовыми рукавицами, и е-ездрой.

Персона в маскулинном дискурсе. И ездой?

Люди. Да, иу-удеем.

Жест. У меня есть роскошный антисемитский анекдот.

*Персона в маскулинном дискурсе и Люди оборачиваются на
Жест, смотрят, скинув брови.*

Жест. Анекдот про еврея и лопатку. Приходит еврей устраиваться на работу на сельхоз, ему говорят...

Персона в маскулинном дискурсе и люди (*хором*). Так, нет, стоп!

Жест. Игра жизни и смерти! Игра добра и зла!

Раздаётся громкий хохот.

Люди. Есть статья про Дублин, хочешь, отправлю тебе, может, пойдёт в газету?

Персона в маскулинном дискурсе. Нет, следующий выпуск про усатеньких мужиков... Как думаешь, там правда не хватает цилиндров?

Люди. Она так сказала?

Персона в маскулинном дискурсе. Ага.

Люди. Вообще, она очень часто оказывается права.

Персона в маскулинном дискурсе. Ага.

Люди. Хотя, вообще-то, она очень часто неуместна.

Персона в маскулинном дискурсе (*вздыхает*). Ага.

Люди. Может, добавить один?

Персона в маскулинном дискурсе. Нет, это вообще глупо будет выглядеть. Да ладно, проехали... Что мы будем с ней делать? После сбора роз она собирается уехать, мы всё оставим как есть? У нас же были планы, залежи шиповника, колотые подсвечники, груды посуды. Московский театр развалится, римские статуи рухнут.

Люди. Так давай её задобрим, напечём рогаликов, она тоже любит лето в Москве, ей просто нужно напомнить.

Персона в маскулинном дискурсе. Не получится, она влюбилась в интеллектуала, теперь у неё огромные проблемы, она изо всех сил пытается изжить из себя невозможность и стать строгой, чтобы подходить ему лучше. И вот она уезжает на море после сбора роз, становится наблюдателем, пишет свои фрагменты, катушки и что там ещё! Она же все утратит и станет простым синтаксисом пространства. Невообразимо...

Люди. Не психуй, на, высморкайся в мокрую футболку.

*Люди достают из кармана мокрую футболку,
Персона в маскулинном дискурсе выжимает её, высмаркивается.*

Люди. Давай её обхитрим, объявим в Москве андеграунд, на него она точно останется, а там – круговорот дел – подкаст, цикл лекций, душистое мыло, белые колготки. Ты лучше её знаешь, чем её можно увлечь.

Персона в маскулинном дискурсе. Ну, Люди, ало, какие колготки? Джинсы и пепси-кола ещё скажи. Нет, это всё несерьезно. Нужно сделать что-то с интеллектуалом, мне кажется, он гордец, ненавижу гордецов.

Люди. Ты сам тот ещё сноб.

Персона в маскулинном дискурсе (резко). Это другое. Может, ментам его сдадим?

Люди. За что?

Персона в маскулинном дискурсе. Скажем, что он мучает животных, да хоть кроликов. Ты вроде держал кроликов?

Люди. Кролика, одного. Я его раскормил, и он помер. А что мне было сделать? Он любил одуванчики и постоянно просил, ему не откажешь, он был пушистый и розовый... Жаль, что помер.

Персона в маскулинном дискурсе. Помер и помер, ментам звонить будем?

Люди. Не будем. Она узнает – закидает нас кварцем.

Персона в маскулинном дискурсе. Так мы анонимно.

Жест. Как мы видим, они без понятия, кто она и что с ней делать, я знаю – никого она не любит, она вообще очень эгоцентрична, для неё существует только её страх не выжить.

Действие 4.

Та же комната. На сцене Персона.

Она лежит на кровати, ноги поджаты к груди, в руках тетрадь.

Персона в феминном дискурсе. Истина рвётся наружу. Каждое утро я сравниваю себя с Сократом, я проигрываю.

Голос из-за сцены. Ты тут?

Персона в феминном дискурсе. Да!

Входят люди и Персона в маскулинном дискурсе. Несут в руках деревянный корабль.

Люди. Ты опять недовольна? Смотри, что мы тебе принесли.

Персона в феминном дискурсе. Кораблик? Я сейчас умру со смеху...

Люди. Кораблик с головой чудища на корме, с парусами из горностая, с лапами вместо вёсел!

Персона в феминном дискурсе. Монструозно.

Персона в маскулинном дискурсе. Нравится?

Персона в феминном дискурсе (повеселев). Да! Монструозность!

Персона в маскулинном дискурсе (Людем). Видишь.

Персона в феминном дискурсе. Вообще, я работаю, вы меня отвлекли.

Персона в маскулинном дискурсе. Трудяга. Над чем работаешь?

Персона в феминном дискурсе. Пишу про жестокость страха по отношению к его носителю. Я отказываюсь концентрироваться на человеке, эта обращенность к человеку трагична, я бы хотела её низвергнуть, чтобы исследовать что-то промежуточное. Мы уже заикливались на человеке, ничего из этого не вышло.

Персона в маскулинном дискурсе. Мне кажется, ничё грандиозного. Подумай ещё.

Персона в феминном дискурсе. Ты как всегда, впрочем, меня не интересует, что ты думаешь, сам-то никакой истины не ищешь...

Люди (*взмахнув руками*). Не начинайте, умоляю. Я не буду раскармливать вашу многоногую перепалку. И вам не надо.

Персона в феминном дискурсе (*Персоне в маскулинном дискурсе*). Ты меня доведёшь, я начну заниматься эротикой, там для меня всё прозрачно, только эротика – безделица.

Люди. Ground control to major tom, ground control to Major Tom, take your protein...

Персона в феминном дискурсе. Ладно-ладно!

Персона в феминном дискурсе встаёт с кровати, идёт к столу.

Персона в феминном дискурсе. У меня есть булочки с марципаном, можем устроить чаепитие, можем почитать отрывки из Гертруды Стайн, о, Гертруда Стайн, Гертруда Стайн (*вынимает книгу с полки, кладёт на стол*).

Персона в феминном дискурсе резко садится на корточки, хватается за голову.

Персона в феминном дискурсе. Нет, я всё же слишком устала. Я всё же склонна уйти. Я буду непримирима – я уйду. Я его так люблю, а он так обошёлся, ну что это такое? Я всё помню до сих пор, но так больше не хочу, мне хватит. Мне достаточно. Какая сейчас весна?

Люди. Весна–3.

Персона в феминном дискурсе. Ну вот.

Люди и персона в маскулинном дискурсе берут Персону в феминном дискурсе под руки, тащат к кровати.

Жест. Наденьте на неё носки, ей страшно босиком.

ЭСХИЛ

ПЕРСЫ (стихи 176–531)

Вступление, перевод, комментарий Григория Стариковского

Трагедия Эсхила *Персы*, представленная в Афинах в 472 г. до н.э., обращается не к мифическим сюжетам, как остальные дошедшие до нас греческие драмы, а к событиям греко-персидских войн (490, 480–479 гг. до н.э.), которые на момент постановки *Персов* были еще свежи в памяти афинских зрителей. Родившийся в аттическом Элевсине Эсхил (525–456 гг. до н.э.) сражался с персами при Марафоне (490 г. до н.э.), при Саламине (480 г., описание морской битвы занимает центральное место в драме) и, возможно, при Платеях (479 г.); таким образом, *Персы* – это не только литературное произведение, но и важный исторический документ, свидетельство непосредственного участника событий.

Действие *Персов* развивается прямолинейно: хор персидских старцев и царица Атосса, мать Ксеркса и вдова Дария, ждут вестей от персидского войска, которое под предводительством Ксеркса отправилось покорять континентальную Грецию. Персы тревожатся о судьбе своих воинов. Вскоре прибывает гонец и сообщает, что персидский флот разбит при Саламине, а остатки войска с огромными потерями достигли Азии. Во второй половине трагедии из погребального кургана на свет выходит умерший царь Дарий; для Дария главная причина проигранной войны – безумное сумасбродство Ксеркса. В конце драмы появляется и сам Ксеркс: хор вместе со своим царем оплакивает поражение персидского войска.

Кажущаяся ясность построения *Персов* обманчива; правильной было бы говорить не о линейности, а о многослойности текста. Драматург постоянно возвращается к темам, намеченным в начале трагедии. Один из наиболее отчетливых мотивов – мотив войны и сопряженных с ней страданий. Уже в начале драмы, где описывается могущество персов, в словах хора слышится беспокойство и жалобы на лишения, которые приносит война, а дальше, после полученных вестей о разгроме флота, тема бедствий приобретает вселенские масштабы; кажется, что Эсхил говорит не только о персах, но и о любом другом народе, угодившем в жернова войны. Отмечу еще две важные темы, разрабатываемые Эсхилом: 1. конфликт афинской демократии и персидской деспотии, противопоставление свободного народа восточному, угодливо выполняющему волю своего царя; 2. тема безумной самонадеянности правителя, который затеял бессмысленную войну и поэтому становится объектом ненависти богов, наказывающих Ксеркса и его армию за «сверхчеловеческую надменность» (Ярхо, 97).

В двадцатом веке *Персов* переводили Вячеслав Иванов, Адриан Пиотровский и Соломон Апт. Все три переводчика – личности легендарные, прекрасно владеющие своим ремеслом; каждый перевод заслуживает внимательного и благодарного прочтения. И всё-таки сделанного недостаточно: при чтении этих текстов возникает ощущение тотальной отстраненности переводов от текущей реальности; *Персы* перестают быть текстом, имеющим дело с общечеловеческим опытом, скорее это – некая литературная условность, не отвечающая на вопрос, который я задаю себе последние два года: как этот античный текст, который, увы, созвучен нашему времени, должен звучать здесь и сейчас? В существующих переводах война становится виртуозной литературной игрой, отзвуком далеких событий, но ведь бывают эпохи, напоминает Эсхил, когда война – это факт жизни, и от этого никуда не деться. Потому-то я и взялся за перевод *Персов*, а что из этого получилось – судить читателю.

Действующие лица:

Атосса, вдова Дария, мать Ксеркса
Хор персидских старцев
Вестник

Атосса

Ночью меня всегда посещают сны,
с тех пор, как мой сын собрал своё войско и отбыл,
желая стереть ионийскую землю в персть,
но сон, который я видела нынешней ночью,
был самым, пожалуй, зримым – скажу о нём: 180
две женщины пригрезились и взгляд наполнили,
нарядные, одна в персидском одеянии,
другая, облаченная в дорийское, и каждая
намного выше ростом нынешних людей,
красивы безупречно, сёстры полнородные, 185
одна жила в родительской Элладе
(так выпал жребий), а другая – среди варваров,
и снилось мне: возник между сестрицами
раздор какой-то, и мой сын, узнав об этом,
попробовал уговорить сестер и в колесницу 190
запряг, и обхватил две шеи хомутом ремненным.
Одна сестра вздымала голову, ступая в сбруе,
попослушный рот был стянут удилами.
Другая же сопротивлялась, раздирая
руками – сбрую, и тащила колесницу прочь, 195
стряхнув поводья и ломая надвое – ярмо.
Мой сын упал, а Дарий... он стоял поблизости,
родитель Ксеркса, и жалел его, и Ксеркс
увидел Дария, и разорвал одежды на себе.
Всё это, говорю вам, увидела ночью. 200
Я встала и ладонями воды коснулась,
текущей ясно, и взяла для приношений смесь,
и подступила к алтарю, как требует обычай, –
возлить богам, которые отводят зло.
Смотрю: орел, спасаясь, к жертвеннику Феба 205
летит, а я, безгласая, дрожу, друзья.
Смотрю: несется ястреб следом за орлом
на быстрых крыльях, орлю голову когтит,
а тот – испуган, не способен дать отпор,
подставил спину... страшно было мне смотреть, 210
как слышать – вам, ведь вы же знаете: мой сын,
будь он удачлив, вызвал бы восторг всеобщий,
а если прогадал, – не подотчетен городу.
Как бы там ни было, живой, он – царь земли.

Хор

Мать, мы говорим не затем, чтобы внушить страх 215
или избыток отваги, но если ты видела дурной знак,
ступай, помолись богам, проси их – отвадить зло,
подарить удачу – тебе и детям, друзьям и городу,
потом ты должна совершить – для Геи и мертвых –
возлияние и ласково их упрашивать, чтобы 220
Дарий-супруг, которого видела ночью, доставил
удачу из-под земли – тебе и сыну, и спрятал
противное в гуще земли – пусть тлеет во тьме.
Прими этот кроткий совет от зоркого сердца.
Мы верим: всё это – предвестье удачной развязки. 225

Атосса

Ты и впрямь благосклонен, объяснивший первым –
сновидение; ты меня вразумил – ради сына и моего дома.
Пусть хорошее сбудется. Сделаем всё по-твоему –
для богов и близких, которые под землей, как только
вернемся в дом, но вот что желаю знать, друзья: 230
где на земле, по слову людей, находится город Афины?

Хор

Далеко на западе, где исчезает владыка-Гелиос.

Атосса

Не этот ли город мой сын желает себе в добычу?

Хор

Тогда вся Эллада оказалась бы в царской власти.

Атосса

Довольно ли воинской силы в афинском войске? 235

Хор

Довольно... они причинили мидийцам огромный вред

Атосса

Что у них есть еще? Насколько дома́ их зажиточны?

Хор

Есть вроде бы источник серебра, сокровище земли.

Атосса

Что они держат в руках – натянутый лук и стрелы?

Хор

Нет, но – доспешный щит и копье для ближнего боя. 240

Атосса

Кто у них – господин, единый начальник над войском?

Хор

Говорят, что – ничьи рабы, никому не подвластны.

Атосса

Как они смогут выстоять, если вторгнется враг?

Хор

Так, как и прежде, когда уничтожили войско Дария.

Атосса

Страшно... Что думать родителям об ушедших детях? 245

Хор

Кажется мне, ты скоро узнаешь правду.
Кто-то сюда бежит, похоже, персидский гонец,
он верные вести несет, дурные на слух или добрые.

(появляется вестник)

Вестник

Города всей азийской земли,
персидский край, великая гавань роскоши, – 250
вот так, одним ударом, уничтожено благо-
получие – цвет Персии поник и кончился.
О горе мне – быть первым горевестником,
и все же я должен раскрыть несчастье –
погибла персидская армия. 255

Хор

Скорбью выскорбеть – страшная,
небывалая боль!

Персы, рыдайте, слушая
горькую весть.

Вестник

Там и впрямь уничтожена вся наша сила, 260
а я увидел неожиданный свет возвращения.

Хор

Старческий век
слишком долог,
чтобы слушать об этом
нежданном горе. 265

Вестник

Я – очевидец, персы, не от других узнал,
могу рассказать, *какое* выпало бедствие.

Хор

Воем выть – пестрое воинство
явилось напрасно
из Азии – в Зевсову 270
землю, в область Эллады.

Вестник

Саламинский берег и вся окрестность заполнены
мертвецами, погибшими жалким образом.

Хор

Воем выть – твои слова:
тела утонувших друзей 275
носятся по морю,
завернутые в плащи.

Вестник

Стрелы не защитили, погибло полностью
войско, разбитое судовыми таранами.

Хор

Исторгните скорбный вопль, 280
жалкий плач ради несчастных персов,
боги содеяли хуже некуда –
горе! – погибла наша армия.

Вестник

Нет горше слова на слух, чем «Саламин».
Афины припомнить – стенать и всхлипывать! 285

Хор

Врагам ненавистны Афины!
Не забудем, как этот город
персиянкам устроил тщетное
замужество и овдовил их.

Атосса

Я долго и скорбно молчала, оглушенная 290
этим не знающим меры бедствием, не в силах
говорить и спрашивать о страдании, и всё же
смертным положено выносить несчастья,
посланные богами. Успокойся и Расскажи
даже сквозь всхлипы – всё, что мы испытали. 295
Кто из них выжил? Кого нам оплакивать
из властителей, назначенных верховодить,
но погибших и оставивших войско безглавым?

Вестник

Ксеркс, он – живой, и видит сияющий свет.

Атосса

Твои слова – яркий свет в мой дом, 300
прозрачный день, извлеченный из черной ночи.

Вестник

Прибрежные скалы Силении корежат тело
Артембара, начальника десяти тысяч всадников,
Дадак, десятитысячник, пробитый копьем, 305
камнем в море нырнул и пропал. Именитый
Тенагон из древнего рода Бактрии обретается
на Аяковом острове, в который плещут волны.
Лилай, Арсам и третьим – Аргест кружатся
в прибое, головами бьются об остров,
его жесткую землю, кормилицу голубей. 310
Погиб Фарнух (он в Египте жил по соседству
с потоками Нила), и трое еще с одного корабля
вывалились: Адей, Ферессей с Арктеем.
Погиб Маталл из Хрисы, десятитысячник,
вымокла темно-рыжая окладистая борода, 315
тело стало пурпурным, сменив окраску.

Маг аравиец и бактриец Артаб, предводитель
 тридцати тысяч темнолицых конников,
 погибли – переселенцы в суровую землю.
 Амистр и Амфистрей, хозяин копыа бедо- 320
 носного, и храбрый Ариомард, чья смерть –
 отчаянье Сардам, и Сисам из Мисии, и Таруб,
 лицом красавец, лернейского рода,
 начальник пятижды пятидесяти судов,
 не повезло ему – погиб и лежит, несчастный; 325
 и Суеннес, первый в отваге, вождь
 киликийцев, он причинял противнику
 наивысший урон и принял смерть со славой.
 Вот кто мне вспомнился из военачальников,
 но я сообщил лишь малую долю бедствий. 330

Атосса

Воем выть... Всё, что слышу, – глубь горечи,
 позорище персов и отчаянный вопль.
 И всё же вернись к началу и скажи мне:
 сколько было там греческих кораблей,
 что греки решились ввязаться в битву 335
 с персидским войском и таранить – флот?

Вестник

Если счесть все наши корабли, ручаюсь –
 мы взяли бы верх, ведь у греков было
 общим счетом – десять раз по тридцать
 и десять отборных судов вдобавок к этим, 340
 а Ксеркс – знаю точно – располагал тысячей,
 среди которых двести и семь отличались
 особой скоростью... таков конечный счет.
 По-твоему, нам не достало кораблей для битвы?
 Нет, это некая высшая сила уничтожила войско, 345
 надавила на чашу весов – неравной долей...
 Боги спасают город богини Паллады.

Атосса

Значит, он еще не разграблен, афинский город?

Вестник

Пока там есть люди, он – под надежной защитой.

Атосса

Скажи мне, как завязалась морская схватка? 350
 Кто первый начал сражение, неужели греки,
 или мой сын, возгордившись мощным флотом?

Вестник

Беда подоспела, когда неизвестно откуда
 объявилась там злая сила или дух отмщения.
 Приехал некий грек из афинского войска 355
 и сообщил Ксерксу, твоему сыну:
 когда наступит темень черной ночи,
 греки не станут медлить, но спешно рассядутся
 по судовым скамьям, и весь флот врассыпную
 будет искать спасения в тайном бегстве. 360
 Как только он это услышал, не разгадав
 ни хитрости эллина, ни божьей зависти,
 приказал всем навархам исполнить вот что:
 когда, пылая лучами, солнце оставит
 землю, и тьма охватит небесную область, 365
 пусть корабли сомкнутся в три колонны
 и стерегут проливы и выходы в гудящее море,
 а другие суда возьмут в кольцо Аясов остров.
 Если же греки уберегутся от гибельной доли
 и отыщут тайный способ отхода по морю, 370
 наказание неминуемо: отсечение головы.
 Так он сказал и развеселился в сердце,
 не понимая, что ему предназначили боги.
 Не вразброд, но разом подчинились команде
 и приготовили ужин, и каждый моряк 375
 закрепил весло на колках, чтобы слаженно
 бить по воде, а когда померк свет солнца,
 и явилась ночь, каждый весельный царь
 и хозяин доспехов поднялся на борт;
 перекликались ряды гребцов от кормы до носа. 380
 Всю ночь напролет начальники кораблей,
 выполняя приказ, заставляли свои команды
 перемещаться во всеошном плаванье.
 Ночь проходила, а греки и не собирались
 скрываться куда-нибудь тайком от персов. 385
 А когда, наконец, рассвет белокопный
 хлынул на землю, на вид – лучезарен,
 сперва раздался со стороны греков
 торжествующий возглас, подобный песне,
 и сейчас же ответили обратным криком 390
 островные скалы. Страх охватил персов
 (они обманулись в своих догадках) – греки
 запели священный пеан не ради бегства,
 но устремляясь в битву с дерзкой отвагой.
 Вопль трубы воспламенил окрестность, 395
 и вмиг, по команде, они налегли на весла
 и ударили шумно по глубокой морской воде,
 и вскоре мы видели явственно весь их флот.
 Первыми шли на врага сплоченным строем

корабли, плывущие справа, а после – 400
 остальные суда, и мы могли слышать
 мощный призыв: «Вперед, дети эллинов,
 за свободу отчизны, свободу наших детей
 и женщин, за храмы отцовских богов, могилы
 предков! Теперь мы бьемся за выживание». 405
 В ответ поднялся шум – загомонили персы,
 и не было времени медлить, и тотчас же
 корабль пропорол корабль бронзовым
 носом, и первым ударил греческий,
 и разворотил корму финикийского судна. 410
 Каждый корабль ринулся на противника.
 Сначала персы – их скопище – отбивались,
 а когда корабли своей массой сгрудились
 в горловине, не способные плыть на выручку,
 пронзая друг друга бронзовыми клювами 415
 и размалывая весельную оснастку,
 греческий флот планомерно и складно
 окружал персидский и крушил – корабельные
 переворачивались кузова, море исчезло из вида,
 покрытое трупами и судовыми обломками. 420
 Мертвецы скапливались близ берега и надводных
 камней, а корабли, что остались в целости,
 пустились на веслах в беспорядочное бегство.
 Они лупцевали нас, как улов скумбрии
 или другую рыбу, дробили позвоночники 425
 обрубками весел, изломанною оснасткой,
 море наполнилось человеческим воплем,
 пока черный глаз ночи не остановил
 избиение...

(пауза)

Даже десять дней – слишком малый срок,
 чтоб тебе рассказать обо всем, ничего не забыв. 430
 Поверь, никогда еще в течение одного дня
 не погибали люди в таком количестве.

Атосса

Воем выть... Беда обрушилась штормовым
 валом – на Персию, на всё азиатское племя.

Вестник

И всё же, знай, я не раскрыл и половины 435
 бедствий – *такое* пришлось вдобавок вытерпеть,
 что новая боль вдвойне перевесит прежние.

Атосса

Что может быть ужаснее этой участи?
Скажи мне, какая другая беда стряслась,
опустившая чашу весов еще ниже. 440

Вестник

Персы, сколько их было в расцвете силы,
отважные духом, самые родовитые,
первые в неизменной верности государю,
погибли жалкой, бесславной смертью.

Атосса

Горе мне... ужасною бедой измучена, друзья... 445
Какою смертью, говоришь, они погибли?

Вестник

Есть островок поблизости от Саламина,
скверное место для корабельной стоянки;
Пан, плясод, гуляет там вдоль прибоя. 450
Туда их направил Ксеркс – вызволять соратников
из морских проливов и, не прилагая усилий,
убивать врагов, когда, растеряв корабли,
эллины станут искать спасения на островке.
Но Ксеркс оказался плохим провидцем. 455
Когда боги вручили грекам победу на море,
они в тот же день облекли тела доспехами
из крепкой бронзы, и выпрыгнули с кораблей,
и окружили остров, а персы не знали,
куда им деваться: греки взялись за камни,
и мозжили персов без счета, другие персы 460
умирали от стрел, пущенных с тетивы.
Наконец, они устремились, издав единый
клич, избивали, рубили в куски, как мясо,
пока не отняли каждую жизнь до последней.
Ксеркс взревел, увидав глубину горести. 465
Он сидел на высоком холме возле моря
и видел персидский флот, как на ладони.
Он разорвал своё платье и вскричал отчаянно,
и немедленно отдал приказ пешему войску,
и отправил в нестройное бегство... Теперь 470
будем оплакивать и это несчастье тоже.

Атосса

О злобный бог, как ты обморочил наш разум!
Мой сын узнал, какова она, горечь отмщения

славным Афинам, как будто ему не хватило
Марафона, где уничтожили войско персов. 475
Он полагал, что расквитается с греками,
но навлек на себя неисчислимые беды.
Скажи... корабли, которые сохранились,
где ты оставил их? Всё говори, как есть.

Вестник

Начальники уцелевших судов пустились 480
под ветром – прочь, в бестолковое бегство.
Остальные войска истаивали в Беотии,
одни, изнуренные жаждой, в поисках
родниковой прозрачности...

а мы на исходе дыхания,
пробрались в фокейский край и Дориду, 485

достигли залива Мелийского, где Сперхей
орошает равнину щедрым питьем,
а дальше земля Ахайи и города
фессалийские приняли нас, лишенных
прокорма, а там уже многие умерли, 490

истязаясь одновременно – жаждой и голодом.
Мы добрались до Магнесии, и македонской
земли, и переправы на Аксии, и болотных
тростников Больбы, и вершины Пангея,
и Эдонийского края.

В ближайшую ночь 495
бог поднял неурочную вьюгу и заморозил
священный поток Стримона, и каждый,
кто раньше не верил, что боги имеют значение,
простерся и начал молиться Урану и Гее.

А когда, наконец, закончили окликать богов, 500
переправлялись они по замерзшей воде.

Кто выступил прежде, чем солнечный бог
рассеял сиянье лучей, тот выжил, ведь вскоре
округлый блеск солнца жарким светом
прожиг середину реки, разогрел своим блеском. 505

Они падали друг на друга, и тот – счастливец,
кто раньше исторг из себя дыхание жизни.

Остальные, которым случилось спастись,
насилу достигли Фракии, истощенные, 510
немногие возвратились, избежав смерти,

в отчизну, к алтарям, – вот почему он стонет,
город персов, в тоске по убитым юношам...
Я сказал всё, как было, но опустил многие
беды, которые бог обрушил на персов.

Хор

Бог, причиняющий боль, ты устремился на персов 515
и всей своей тяжестью топчешь персидский род.

Атосса

Воем выть... мне больно – армии больше нет...
Виденье ночное, отчетливое во сне,
как веско и внятно ты обнажило горести!

(обращается к хору)

А вы посчитали мой сон совсем ничтожным, 520
и всё же воспользуюсь вашим советом:
сначала хочу помолиться богам, а после
в доме возьму священную смесь – дары
для Геи и мертвых, и выйду наружу... Я знаю,
ничего не исправить уже, но, быть может, 525
наши дела наконец переменятся к лучшему.
После того, что случилось, отвечайте верностью
на доверие, вразумляйте меня, как раньше.
Если же сын мой появится до моего прихода,
утешьте его и проводите в дом, иначе, 530
боюсь, к нашим бедам прибавятся новые.

Комментарий

176. *посещают сны*. Сны в греческой литературе часто воспринимаются как вещие или поясняющие действия/поведение людей. ("The material of dreams is derived from our daily preoccupations", Broadhead, 76). Ср. напр., Еврипид, *Гекуба* 74–76: «Сын мой пригрелся мне, в дальней Фракии убережённый, / и Поликсену мою, дочь любимую, я повстречала / в страшном блуждании сна!» (пер. Вланеса).

178. *стереть в персть*. В переводе я попытался передать двойственное звучание слова *persai* – глагол «разрушить» и название народа «персы».

178. *ионийскую землю*. В *Персах* греки часто называются «ионянами» (ст. 563, 1011, 1025, ср. Геродот, 7.9: «Особенно же [прекрасно] то, что ты не позволишь издеваться над нами презренным ионянам, живущим в Европе», здесь и далее Геродот цитируется в переводе Г.А. Стратановского). Согласно Геродоту, островным и европейским грекам не нравилось, когда их называли ионийцами: «...остальные ионяне... и афиняне избегали имени "ионяне", не желая называться ионянами» (1.143).

183. *...облаченная в дорийское*. Под дорийским одеянием, скорее всего, имеется в виду общегреческое.

184. *...намного выше ростом нынешних людей*. Высокий, выше человеческого, рост – характерное свойство греческих героев (Софокл, *Электра*, 758, Геродот, 1.68), богинь в человеческом обличье (ср. *Гомеровский гимн Деметре*, 275–276, *Гомеровский гимн Афродите*, 84–85) и вестников в сновидениях (Геродот, 5.56, 7.12).

185–186. *сёстры полнородные*. Уже древние комментаторы испытывали трудности при толковании этих строк. Согласно схолиям, речь идет о Европе и Азии – дочерях Океана от разных жен. По Геродоту, персы являются отпрысками греческого героя Персея; сами персы использовали этот миф как пропагандистский: мол, персы и греки – один народ (Геродот, 7.61, 7.150). Некоторые исследователи полагают, что Эсхил говорит об азиатских греках, подпавших под власть Персии, и о свободных, европейских греках, не зависимых от персидской деспотии (Broadhead, 78, Hall, 124, Rosenbloom, 54).

189. *раздор какой-то*. В оригинале употреблено слово *stasis* – термин, обозначающий политический раздор внутри полиса. По мысли Розенблума, во сне Атоссы между двумя сестрами происходит не столько межэтническая распря, сколько внутрисемейная ссора (Rosenbloom, 55).

201. *ладонями воды коснулась*. Имеется в виду греческий обычай омовения в проточной воде или в море после дурного сна (Аристофан, *Лягушки*, 1339-1340, Аполлоний Родосский, *Аргонавтика*, 4.662-664, ср. Персий, 2.16: «рекой очищаясь от ночи»). Вместе с омовением рук Атосса собирается помолиться богам и посвятить им приношения (Broadhead, 81, Garvie, 122).

202. *для приношений смесь*. Гр. *pelanos* – полужидкая смесь из муки, меда и оливкового масла. Ср. ст. 524, Эсхил, *Плакальщицы*, 92: «Струю священной смеси на курган лия» (пер. Вяч. Иванова).

205. *орел*. Ассоциируется с царской властью и Зевсом (*Илиада*, 24.310-311, Пиндар, *Пифийские оды*, 1.6). По мнению греков, орел был символом персидской монархии (ср. Ксенофонт, *Анабасис*, 1.10.12: орел на царском штандарте).

207. *ястреб следом за орлом*. Т.е. более слабая птица расправляется с более сильной. В *Одиссее* (15.526–528) ястреб – вестник Аполлона: «птица промчалась справа – ястреб, вестник стремительный Аполлона». См. также Аристофан, *Птицы*, 516 (Broadhead, 83).

213. *не подотчетен городу*. В отличие от афинских магистратов, которые должны были представлять ежегодный отчет, *euthyne*, о своем пребывании в должности. Ср. речь Отана у Геродота, 3.80: «Как же может государство быть благоустроенным, если самодержец волен творить всё, что пожелает?»

236. *они причинили мидийцам огромный вред*. Имеется в виду битва при Марафоне (490 г. до н.э.), в которой принимал участие Эсхил. Ср. ст. 474-475: «как будто ему не хватило / Марафона, где уничтожили войско персов» (Hall, 127, Garvie, 135).

238. *источник серебра*. Речь идет о Лаврийских серебряных рудниках в Аттике (Фукидид, 6.91). Фемистокл убедил афинян потратить доходы от рудников на постройку флота, который в конечном счете и обеспечил победу в Саламинском сражении (Геродот, 7.144, Garvie, 137).

240. *доспешный щит и копье для ближнего боя*. Т.е. вооружение гоплитов, греческой тяжелооруженной пехоты. Ср. избивание персов на Пситталии, *Персы*, 447–471.

252. *цвет Персии поник и кончился*. Геродот сообщает, что персы узнали о поражении в морской битве во время празднования по случаю взятия Афин: «вторая весть [о поражении] настолько потрясла персов, что все они раздирали свои одежды и с криками и бесконечными воплями обвиняли Мардония» (8.99). По верному наблюдению Майкла Гагарина, Атосса и хор уже «подготовлены» к появлению вестника (Gagarin, 39).

255. *погибла персидская армия*. Внушительная часть персидского контингента всё же оставалась невредимой вплоть до Платейского сражения. Первые зрители *Персов*, конечно же, об этом знали (Garvie, 146).

272-273. *...заполнены мертвецами*. Огромные потери у персов в битве при Саламине Геродот объясняет тем, что, в отличие от греков, варвары не умели плавать (Геродот, 8.89).

288-289. *тищное замужество*. Скорее всего, речь идет о битве при Марафоне (ср. 236, 244). Замужество персиянок оказалось столь же напрасным, сколь бесплодным – вторжение персов в Элладу (Garvie, 158).

302. *Артембар*. Ср. ст. 29. Геродот упоминает двух Артембаров: знатного мидянина в 1.114–116 и деда распятого Артаикта в 9.122. Список персидских военачальников в 21–59 в рассказе вестника становится списком военных потерь (Rosenbloom, 65, с оговоркой Гарви, который замечает, что лишь шесть имен из девятнадцати, названных в 302–330, упомянуты в начале трагедии, Garvie, 161).

303. *Силения*. Скорее всего, имеется в виду побережье Саламина.

306. *Бактрия*. Восточная сатрапия, располагалась на территории совр. Афганистана. См. 317, 732.

307. *Аяксов остров*. Т.е. Саламин. Имя Аякса, одного из лучших воинов в Троянской войне, ассоциируется с островом Саламин, на котором существовал культ этого героя (ср. Пиндар, *Не-*

мейские оды, 2.13-14). В Афинах находилась статуя Аякса (Павсаний, 1.5.2) и его святилище (E. Kearns, *The Heroes of Attica* (1989), 141).

308. *Арсам*. Сын Дария и сводный брат Ксеркса от Артистоны, дочери Кира (Геродот, 7.69-70).

314. *Маталл из Хрисы*. Возможно, имеется в виду Хриса, расположенная в Троаде (*Илиада*, 1.37).

317. *Маг аравиец*. Возможен и перевод «Араб (имя собственное) из магов». Маги, согласно Геродоту, принадлежали к мидо-персидской этнической группе (Геродот, 1.101, Hall, 134, Garvie, 167).

319. *переселенцы в суровую землю*. В оригинале употреблено слово *metoikos*, «метек», термин, относящийся к жителям Афин, переселившимся в город из других мест, имеющим специальный статус, но не обладающим правами афинских граждан (Garvie, 168). Ср. Софокл, *Эдип в Колоне*, 934.

321. *Ариомард*. Тезка этого Ариомарда (из Сард) упомянут в ст. 38 как египетский военачальник. У Геродота встречаются Ариомард, командующий каспиями (7.67), и Ариомард, начальник мосхов и тибаренов (7.78).

322. *Мисия*. Мисийцы жили в западной части Малой Азии, к югу от Троады.

322. *Таруб*. Упомянут в ст. 51 и 971.

326. *Суеннес*. Имя, часто встречающееся у киликийских царей (Hall, 134). Ср. Геродот, 1.74, 5.118, 7.98. Гарви полагает, что эсхилowski Суеннес может быть сыном Оромедонта из *Истории* Геродота (7.98, Garvie, 170).

338-339. *...у греков было общим счетом – десять раз по тридцать*. Геродот (8.82) сообщает, что у Саламина эллинский флот насчитывал 380 кораблей.

341. *Ксеркс – знаю точно – располагал тысячей*. После сильных штормов и неудачной битвы при Артемисии персидский флот, состоящий из примерно 1300 трирем, сократился вдвое. С учетом подкреплений, в Саламинском сражении на стороне персов принимало участие около 700 кораблей (Strauss, 104).

345. *это некая высшая сила уничтожила войско*. Тема божественного вмешательства (или возмездия) – одна из ключевых в трагедии. Ср. ст. 354, 454, 514-515, 725, 741 (Broadhead, 116, Garvie, 181).

346. *...надавила на чашу весов*. Взвешивание судеб – мотив, известный из гомеровских поэм. См., напр., *Илиада* 22.209–213: «Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он / Бросил два жребия Смерти, в сон погружающий долгий: / Жребий один Ахиллеса, другой – Приамова сына. / Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий, / Тяжкий к Аиду упал» (пер. Н. Гнедича, Garvie, 179).

347. *город богини Паллады*. Единственное место в трагедии, где имя богини связано с именем города, названного в ее честь. Павсаний (1.15.4) сообщает: одна из картин в Пестрой стое изображала сражение при Марафоне, на стороне греков выступили Тесей, Афина и Геракл. Плутарх (*Фемистокл*, 12) говорит о появлении совы, священной птицы богини Афины, накануне Саламинского сражения.

349. *Пока там есть люди, он – под надежной защитой*. Персы сожгли Афины и разрушили Акрополь (Геродот, 8.53, Garvie, 180-181).

355. *Некий грек из афинского войска*. В *Персах* ни один грек не назван по имени, при этом Эсхил «составляет» тщательные каталоги военачальников персидского войска. Скорее всего, здесь имеется в виду хитрость Фемистокла, о которой рассказывает Геродот (8.75): в канун битвы Фемистокл отправил к персам Сикинна, своего слугу и учителя детей Фемистокла, чтобы Сикинна сказал варварам, что «эллыны объаты страхом и думают бежать» и поэтому у персов появилась «прекрасная возможность» не допустить их бегства.

362. *хитрость эллина*. У Ксеркса явно отсутствует *synesis*, здравый смысл/понятливость». Ксеркс вообще не отличается особой проницательностью, и Майкл Гагарин справедливо отмечает его "intellectual shortcomings" (Gagarin, 46, Michelini, 149: "his ignorance is mentioned frequently", см. ст. 454, 744, 750).

371. *наказание неминуемо: отсечение головы.* Угрозы Ксеркса подчеркивают деспотический характер его правления. Геродот сообщает (8.90), что во время Саламинской битвы Ксеркс расправился с некоторыми финикийцами в наказание за клевету, которую те возводили на ионийских моряков, сражавшихся на стороне Ксеркса.

374. *...подчинились команде.* Эдит Холл считает, что подразумеваемое здесь подлежащее относится к грекам (Hall, 137). Холл подчеркивает слаженность в действиях греческих мореходов и добровольное подчинение начальникам, хотя многие исследователи (Garvie, 189, Rosenbloom, 68 и др.) придерживаются мнения, что Эсхил, не прерывая повествования, говорит о ночных маневрах персидского флота.

393. *священный пеан.* Пеан – триумфальная песнь, исполняемая перед битвой (Ксенофонт, *Воспитание Кира*, 4.1.6) или после битвы в благодарность за победу (*Илиада*, 22.391, Hall, 138, Garvie, 292).

403. *...за свободу отчизны.* Ср. Каллин, фр. 1.6-9 (Campbell): «Это почетно и славно для мужа – биться с врагом за свою землю, детей и законную жену».

409. *...первым ударил греческий.* Геродот, 8.84: «...Аминий из Паллены, афинянин, выйдя из строя, напал на вражеский корабль. Корабли сцепились и не могли разойтись. Поэтому другие корабли подошли на помощь Аминию и вступили в бой...; а эгинцы утверждают, что бой завязал первым корабль, посланный на Эгину к Эакидам».

423. *...пустились на веслах в беспорядочное бегство.* Отсутствие дисциплины среди персов противостоит организованному маневрированию греческого флота в ст. 399-400: «вышли сплоченным строем».

433. *Бедя обрушилась штормовым валом.* Образ, созвучный шекспировскому “a sea of troubles” («Достойней ли в душе служить мишенью / Пращам и стрелам яростной судьбы / Или противостоять морям тревог...», *Гамлет*, 3.1, пер. Алексея Цветкова), распространен в греческой литературе: Эсхил, *Семеро против Фив*, 758, *Просительницы*, 469-470; Еврипид, *Ипполит*, 822 и др. (Hall, 140, Garvie, 205-206).

447. *Есть островок поблизости от Саламина.* Необитаемый остров Пситталиа. Большинство исследователей локализует этот остров как Липсокутали, недавно переименованный обратно в Пситталию, между восточным выступом Саламина (Киносура) и побережьем Греции, однако Хэммонд (Hammond, 37) и Бродхед (Broadhead, 130) считают, что имеется в виду островок, называемый Агиос Георгиос и лежащий в узкой части пролива (Garvie, 205).

449. *Пан, плясавод, гуляет там вдоль прибоя.* Ср. Софокл, *Аякс* 698 (хор Саламинских моряков обращается с молитвой к Пану): «владыка, устраивающий пляски богов» (“Pan was a domestic deity of Salaminians,” Broadhead, 130). Согласно Геродоту (6.105), перед Марафонской битвой афинский глашатай Фидиппид встретил бога Пана на горе Парфений. Бог спросил Фидиппида, почему афиняне так пренебрегают им, тогда как он благосклонен к афинянам. Тогда афиняне «воздвигли святилище Пана у подошвы акрополя, и с тех пор ежегодно умиляют его жертвами и устраивают бег с факелами». Павсаний (1.36.2) упоминает деревянные статуи Пана на Пситталии.

454. *Ксеркс оказался плохим провидцем.* Еще одно свидетельство ограниченных умственных способностей персидского царя. Ср. ст. 362, 373.

463. *...рубил в куски, как мясо.* Как мясо на разделочной доске в лавке мясника (Broadhead, 132, Garvie, 212). Если в морском бою погибали в основном союзники персов, то на Пситталии погибли знатные и преданные царю персы (Garvie, 205). Геродот, для которого события на Пситталии были незначительным эпизодом Саламинского сражения, пишет: «Афинянин... Аристид, сын Лисимаха, во время Саламинской битвы сделал вот что. С большим отрядом гоплитов... он переправился на остров Пситталию и перебил всех персов, находившихся на этом острове» (Геродот, 8.95, также 8.76).

466. *Он сидел на высоком холме возле моря.* Геродот, 8.90: «Ксеркс восседал у подошвы горы под названием Эгалеос против Саламина», откуда он мог наблюдать за ходом морского сражения. Плутарх, *Фемистокл*, 13: «[Ксеркс] велел поставить себе золотой трон; около него было много

писцов, обязанность которых была записывать, что происходило во время сражения» (пер. С. Соболевского).

468. *он разорвал своё платье*. Вещий сон Атоссы подтвердился (см. *Персы*, 199).

486. *достигли залива Мелийского, где Сперхей...* Мелийский залив, на южном берегу Фессалии. Сперхей – река в Фессалии.

488. *земля Ахайи*. Имеется в виду Фтиотийская Ахайя в Фессалии.

490-491. *многие умерли, истязаясь одновременно – жаждой и голодом*. Ср. слова Дария (792, 794): «Там ведь сама земля бьется на их стороне... Она голодом губит непомерно людное войско». При описании обратного бегства нигде не говорится о преследовании персов греками (Garvie, 218).

492. *Магнесия*. Область Фессалии.

493. *Аксий*. Совр. Вардар. Река в Македонии.

494. *Больба*. Озеро в Македонии, окруженное болотами.

494. *Пангей*. Гора во Фракии.

495. *Эдонийский край*. Область во Фракии. Прежде чем достичь фракийской Эдонии, персы должны были переправиться через Стримон.

497. *Стримон*. Совр. Струма. Река, отделяющая Македонию от Фракии. Геродот сообщает, что при вторжении в Грецию Ксеркс построил мост через Стримон (7.24).

499. *...простерся и начал молиться Урану и Гее*. Аристофан, *Всадники* 156: «...затем пади ниц перед Землей и богами»; Платон, *Кратил*, 397c-d: «Мне представляется, что первые из людей, населявших Элладу, почитали только тех богов, каких и теперь еще почитают многие варвары: Солнце, Луну, Землю, Звезды, Небо» (пер. Т. Васильевой); Софокл, *Эдип в Колоне*, 1654-1655: «мы увидели, как он поклонился Земле и Олимпу, дому богов...» (Hall, 145, Garvie, 224).

Литература

Ярхо В. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М.: Художественная литература, 1978.

Broadhead H.D. The Persae of Aeschylus. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Garvie A.F. Aeschylus: Persae. Oxford/New York: Oxford University Press, 2009.

Gagarin M. Aeschylean Drama. Berkeley: University of California Press, 1976.

Hall E. Aeschylus: Persians. Classical texts. Warminster: Aris & Phillips, 1996.

Hammond N.G.L. The Battle of Salamis. *JHS* 76 (1956), PP. 32–54.

Michelini A.N. Tradition and Dramatic Form in the Persians of Aeschylus. Leiden: E.J. Brill, 1982.

Rosenbloom D. Aeschylus: Persians. London: Duckworth, 2006.

Strauss B. The Battle of Salamis. New York: Simon & Schuster, 2004.

Йозеф МНЕХУРА

РАЗВЕДЧИКИ У КАЗАНИ

(*Měchura, Josef. Rozvědčící u Kazaně. Brno: Moravský legionář, 1932. 178 s.*)

Перевод с чешского и предисловие Сергея Солоуха

Предисловие

Красные и белые очень редко бывали столь единодушны в оценке ситуации.

«Здесь, под Казанью... Многого ли в те дни не хватало для того, чтобы опрокинуть революцию? Ее территория сузилась до размеров старого московского княжества... Враги облегали ее со всех сторон. За Казанью наступала очередь Нижнего. Оттуда открывался почти беспрепятственный путь на Москву. Судьба революции решалась на этот раз под Свияжском...»¹.

«Испытанные части Народной армии имели большой успех, но нас было недостаточно, чтобы развить его. Если бы у нас в резерве было 2 тысячи испытанных бойцов, судьба операции была бы иной, и, вполне возможно, исход всей гражданской войны был бы иным. Но этих 2 тысяч у нас не было... Мы не знали в те дни, что наша попытка явилась кульминационным пунктом успехов белых армий на Восточном фронте. В дальнейшем никогда уже белые части не смогут продвинуться так далеко на запад и даже достичь правого берега Волги...»²

Судьба революции... Беспрепятственный путь на Москву...

Кульминационный пункт успехов белых армий... Исход гражданской войны был бы иным...

Иным!

Седьмого августа 1918 года части Народной армии КОМУЧа под командованием полковника Владимира Оскаровича Каппеля совместно с подразделениями 1-го чехословацкого стрелкового полка под командованием капитана Александра Петровича Степанова захватив врасплох большевистские части, основу которых составляли латыши 1-й Латышской дивизии под командованием Иоакима Иоакимовича Вацетиса, бесстрашно атаковали и быстро взяли лежавший несколько в стороне от Транссибирской магистрали – основной линии тогдашнего противостояния сил («прогерманские красные-большевики» и «панславянский союз чехословаков и белых русских») красивый город на Волге. Казань.

Впрочем, идея блестящего маневра была на сто процентов русская. Тогдашний командующий общим Поволжским фронтом полковник Станислав Чечик был категорически против. Он, как и все французское высшее командование чехословацкими вооруженными силами в России той поры, стремившееся к воссозданию исчезнувшего после заключения большевиками Брестского мира Восточного фронта Первой мировой, считал для этого единственным верным – скорейшее соединение с частями генерала Деникина, поднявшимися в это же время на юге России и под теми же знаменами – немедленное восстановление русского Восточного фронта. Как дела чести, совести, ну, и русской доли в будущей победе над германством. И особенно его восточным союзником, Турцией.

Бросок на север от Самары и Симбирска к Казани на фоне этих четких и понятных планов представлялся военным людям лишь неразумным распылением сил и потерей времени.

¹ Троцкий Лев. Моя жизнь Воспоминания. – М.: Панорама, 1991. – С. 380-381

² Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы / Сост.: С.С. Балмасов и др. – М.: Посев, 2003. – С. 65.

Совсем другое дело политики. Причем наиболее близкие тогдашним чехословакам своим социалистическим и демократическим духом – эсеры. Считавшие себя к тому же, и не без очевидных на то прав и оснований, представителями единственного на тот момент законного органа власти в России. Всеобщим свободным изъяснением народа избранного Учредительного собрания. Эти люди понимали, что войти в Берлин или же Вену победителями и полноправными членами Антанты – это очень, очень хорошо, и правильно, но сначала в Москву. Сначала власть, власть в первую очередь, единая и всеобъемлющая, а победа... победа станет неизбежным следствием¹. Естественным результатом.

Образовав в начале лета 1918-го на освобожденных чехословаками от большевиков землях Поволжья правительство КОМУЧа (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) и тут же собрав Народную армию, не больше тысячи добровольцев, которую под стать своим будущим подчиненным добровольцам сам по собственной инициативе вызвался возглавить тогда еще подполковник Генерального штаба Владимир Оскарович Каппель, учредилорцы, как их с ненавистью звали большевики, и прочертили эту самую красную стрелу, линию главного удара – Казань (огромные склады военных материалов всех видов и половина русского золотого запаса) – Нижний (колоссальный мобилизационный потенциал готового к восстанию Сормова²) – Москва.

И на все про все не больше месяца, от силы два. Не больше того, что ушло до этого у чехословаков на освобождение от большевиков Сибири, Урала и Поволжья. И это в одиночку! А теперь-то... шагать и воевать предстояло вместе. Плечом к плечу. С русской Народной армией.

И все вначале шло по плану. Казань пала так же легко, как до этого десятки других городов от Новониколаевска до Пензы. Правда, Народной армии пришлось едва ли не сразу уйти из города, оставив чехословакам из 1-го стрелкового полка задачу оборонять только что захваченный плацдарм атаки на Нижний и Москву. Тухачевский угрожал Симбирску. Успешно отбросив его части, Каппель возвращается через пару недель в конце августа, правда, не в саму уже Казань, а на расположенную точно напротив города на другом, правом берегу Волги, пристань Нижний Услон, все еще удерживаемую, как и весь услонский выступ, изрядно истощенными к этому времени и никем не сменяемыми чехами, для того чтобы, казалось всем, быстро и споро завершить дело. Совершив глубокий, почти стокилометровый бросок по тылам большевиков, ударить по станции и городу Свияжск, разгромить и захватить находившийся там штаб 5-й армии, наседающей на Казань, и взяв затем Романовский мост через Волгу, отрезать и окружить саму армию красных и тем самым заставить либо сдаться, либо разбежаться. Все в точности, как это уже было и многократно повторялось при всяком столкновении красных и белых с самого судьбоносного конца мая 1918-го, когда на станции Мариинск в Сибири прозвучал первый выстрел русской Гражданской войны.

Впрочем, операция должна была быть совместной. Величественный, красу и гордость русских железнодорожников, Романовский мост, единственный в тот момент прифронтовой мост через Волгу, еще находившийся в руках большевиков, главную артерию снабжения, поддержки и, вообще, жизни войск, катившихся волною забирать Казань назад, должны были взять чехословаки. Точно так же, как части Каппеля пройти через глубокий тыл большевиков, только уже по левому берегу Волги, ударить по Зеленому Долу, смести окопавшихся там красногвардейцев, прорваться на мост и соединиться с Каппелем, тем самым замкнув круг...

¹ В книге «Каппель и каппелевцы» (с.56) приводится, в частности, такой рассказ уполномоченного по военным делам КОМУЧа при Народной армии В.И. Лебедева о беседе с тогдашним командующим 1-м чехословацким стрелковым полком А.П. Степановым: «Степанов и я стали друзьями. Какой он замечательный человек! Горячий демократ, человек великой любви к России и огромной силы воли... Я рассказал ему о моей заветной мечте – идти на Казань, Нижний Новгород, Москву... Мы пожали друг другу руки и заключили союз – идти на Москву и сделать все, что в нашей власти, чтобы превратить эту мечту в действительность».

² «ходоки от рабочих огромного Сормовского завода (в Нижнем Новгороде), призывавшие командование наступать, обещали помощь по примеру ижевских и воткинских заводов» (Вырыпаев. Указ. соч. С. 58).

И здесь начало было плановым... Едва ли не в тот же день, когда от Нижнего Услона подразделения русской Народной армии двинулись на запад, на Тюрельму и Свияжск, от Казани через Сухую Реку широким охватным маневром через Бишню и Параты двинулась и тоже на запад, на Зеленый Дол и Романовский мост, группа чехословаков поручика Бонифация Кани...

Внеплановой оказалась на первый взгляд мелочь, пустяк... внезапное появление в Свияжске, еще в начале августа, сразу после падения Казани, сугубо гражданского человека, с бородкой и в пенсне... Позднее несколько экзальтированная, что было, впрочем, тогда стилем, непосредственная участница событий Лариса Рейснер написала:

«Очень важно, что в эти дни в Свияжске оказался именно такой человек, как Троцкий. Кто бы он ни был, и как бы ни назывался, но организатор Красной армии, будущий председатель Реввоенсовета республики должен был быть в Свияжске...»¹.

И еще:

«Только после Свияжска и Казани Красная армия выкристаллизовалась в те боевые и политические формы, которые, изменяясь и совершенствуясь, стали классическими для Р.С.Ф.С.Р...»².

И, можно сказать, на долгие годы. Гражданский человек с бородкой и в пенсне всем показал и объяснил, как должен работать главный русский ресурс – люди. Тысячи, сотни тысяч, миллионы... И это – да, Ларисе Рейснер в провидческом даре не откажешь, – станет классикой военного дела целой эпохи. Ошеломляющее численное превосходство, абсолютное пренебрежение к потерям, и шаг назад – расстрел³. Такое вот искусство побеждать.

Охватный маневр в тылах большевиков, задуманный Владимиром Оскаровичем Каппелем, удастся. Одна батарея капитана Вырыпаева, всего пара-тройка пушек, и сорок пять приданных им в виде охранения улан⁴, взорвут точным огнем поезд с боеприпасами на станции Тюрельма, остановят посланный из Свияжска бронепоезд, войдут и в сам Свияжск, с его разбегающимися в панике защитниками, но отступят из-за того, что не подошли, несколько задержались основные силы. Главная ударная группа. Несколько стрелковых рот самого Каппеля.

Отойдут в ближайшую деревню, временно, до утра и... и все. Одной ночи хватит человеку с бородкой и в пенсе...

«По приказу Реввоенсовета были расстреляны (бывшим комиссаром штаба т. Михайловым) 41 человек из полка, вместе со всеми коммунистами и командными составом»⁵.

И утром перед Каппелем и его отрядом уже возникнет стена. Стена людей, которым не оставили никакого выбора. И перед этими уже стоящими на смерть красными полками несколько рот и батарея белых оказались бессильны, при всем выдающемся и несомненном военном даре и таланте полковника Каппеля, командовавшего этой горсткой храбрецов и добровольцев, забравшихся в глубокий тыл неприятеля, чтобы победить...

«Лариса Рейснер, принимавшая участие в боях против белых у Тюрельмы, с кавалерийским отрядом мадьяр, в своих воспоминаниях о расстреле кр-цев и комиссаров 2-го номерного Петроградского полка, заканчивает словами, что Свияжск – это трагедия.

Мне кажется, что этот бой был ничем иным, как беспощадным экзаменом для нашей Красной Армии. Только благодаря железной выдержке тов. Троцкого и коммунистов, мы спасли положение не только пятой армии, но и Советской России.

¹ Рейснер, Лариса. Свияжск. (Август-сентябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 177–189.

² Там же.

³ «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». Троцкий. Указ. соч. С. 393.

⁴ Вырыпаев. Указ. соч. С. 61.

⁵ Т. Герман (Тихомиров). Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. – Казань: Изд. Комбината издательства и печати. – 1924. – С. 99.

Не нужно забывать, что путь на Москву для белых оставался совершенно открытым»¹.

Отход отрядов поручика Кани от Романовского моста, на другой стороне реки Волги, был куда менее драматичным. Но побудительная причина та же, небольшой ударный отряд, четверста человек, главным образом чехословаков, усиленный небольшой группой казанских офицеров-добровольцев, выйдя на исходную позицию для атаки на мост у чувашской деревни Параты, внезапно обнаружил себя в море красных. Буквально. Лавинообразно двигавшихся встречным курсом на Казань. Красных, которые не бросали оружие, и не разбежались, как это было раньше в Мариинске, Новониколаевске, Омске и Челябинске, после первого убитого чешской пулей товарища, а занимали правильную оборону, держались и даже... даже контратаковали. Стали реальным противником, а не сборищем людей с оружием без разума и дисциплины... При этом не просто многочисленным, а ошеломляюще бесчисленным и, главное, неистребимым...

Рассказу об этом походе, по-своему очень важному и, главное, привязанному по времени и месту к маршруту отряда Каппеля, тактически с ним напрямую связанного, но оставшегося в тени, этого знаменитого и многими авторами – от Вырыпаева до Рейснер – детально описанного броска на Свияжск, посвящены воспоминания одного из самых активных участников, разведчика 2-го чехословацкого стрелкового полка Йозефа Мнехуры, которые и хочется представить нынешнему российскому читателю.

Необходимо отметить, что «Разведчики у Казани» – далеко не единственная книга, изданная после русской Гражданской в Чехословакии, и посвященная событиям конца лета и начала осени 1918-го на Волге. И в этом нет ничего удивительного. Не только судьба войны и самой России могла быть иной, но и судьба чехословаков, как в нашей стране, так и за ее пределами, если бы Романовский мост был взят, Свияжск пал, и открылся короткий и прямой путь на Нижний и Москву. Но вместо этого пала Казань, и тут же развалился и весь белый Поволжский фронт, коренным образом изменив как место, так и роль чехословаков в нашей Гражданской, но, что важнее и досаднее, наверное, само понимание этих изначально безоглядно панславистски настроенных людей того, откуда им ждать спасения и освобождения от «ига германства» в Европе. Восточная ориентация именно тогда решительно и окончательно меняется на западную. Человек с пламенным сердцем, державший Казань до последнего, Йозеф Швец, написавший²: «Я, как и другие, полагаю, большинство чешских солдат, мечтаем о сильной России, такой, какой она была когда-то, в которой малые славянские народы могли видеть защиту от давления германцев»³, – не пройдет и месяца, застрелится на станции Аксаково, другой храбрый солдат Первой мировой и георгиевский кавалер, но человек более прагматической складки, Станислав Чечик, просто согласится сдать обязанности фронтового главнокомандующего и принять – управляющего тылом во Владивостоке. И не напишет ничего.

Зато напишут другие. Унтер-офицер в 1918-м, а в тридцатых хроникер вооруженной борьбы в России и сам герой романов Рудольфа Медка Карел Фибих в третьем томе своей легионерской пенталогии «Восставшие» с названием «Поволжский фронт»⁴ расскажет о взятии Казани. Поручик в России и майор в новой независимой Чехословакии Карел Терингл, непосредственный участник событий, издаст книгу воспоминаний об обороне Нижнего Услона и, вообще, боях на правом берегу Волги «Десятая рота под Казанью»⁵. Комиссар 1-го стрелкового полка в казанские

¹ Т. Герман (Тихомирнов). Указ. соч. С. 99.

² Здесь и далее все переводы с чешского мои (С.С.), не исключая и случаи книг, уже ранее переведенных на русский (Терингл, Лангер).

³ Švec, Josef Jiří. Od Kazaně k Aksakovu. Dopis dru. Fr. Langroví. В кн. Švec, Josef Jiří. Deník plukovníka Švece. V Praze: Za Svobodu, 1929, s. 369.

⁴ Fibich, Karel. Povstalci. sv. Díl 3. Povolžská fronta. Praha: Vydavatelství Za svobodu, 1933, s. 502. Далее Fibich.

⁵ Teringl, Karel. Desátá rota pod Kazaní. V Praze: Otakar Vaněk, 1935, 276 s. Далее Teringl. Русский перевод: Терингл, Карел. Десятая рота под Казанью // События Гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев: сборник произведений / сост. В.Ю. Сорокин. – Казань: ИСБ, 2012. – С. 207.

дни, а затем, дома уже, в Праге, драматург, писатель, публицист и военный врач в чине бригадного генерала, близкий приятель Ярослава Гашека и дальний родственник Макса Брода, Франтишек Лангер выдает по горячим следам детальный отчет обо всей сразу казанской операции белых «За чужой город»¹. Еще один неутомимый летописец чехословацкого анабазиса в России, солдат и писатель, Адольф Земан включит несколько очерков об обороне северо-востока Казани, так называемый Арский фронт или сектор (Йозеф Кинцл², Ярослав Фингл и др.) в четвертый том многотомного сборника военных мемуаров «Дорогами борьбы»³. И целую книгу посвятит политический комиссар уже всего Поволжского фронта, а в республике педагог, поэт, прозаик, переводчик Пушкина и Крылова, приговоренный в 1942-м нацистами к смерти и умерший в берлинской тюрьме Плётцензее, Вацлав Найбрт⁴, не только анализу упадка боевого духа чехословаков, ставшего прямым следствием сдачи Казани и развала Поволжского фронта, этого прообраза нового Восточного, но и всего, что последовало за этим «великим» разочарованием как в силу тогдашнего национального самосознания русского народа, так и его общеславянской ориентации, а равно возможностях и эффективности его белой власти. Постепенный отказ чехословаков от борьбы, а после воцарение Колчака, совершенно неприемлемого для них, как союзников эсеров, демократов и социалистов, самозванца и диктатора, уже полный отказ и превращение в простых заложников стран Антанты, единственной силы, обладающей и флотом, и ресурсами, необходимыми для эвакуации из России почти 80 тысяч к концу 1920 (после мобилизации всех военнопленных) вооруженных людей.

Но среди всего этого обилия имен и текстов выбор воспоминаний рядового разведчика Йозефа Мнехуры, простых и безыскусных, но и не лишенных в то же время определенных литературных достоинств⁵, вовсе не случаен. Ничем не знаменитый человек, о котором мы и знаем-то всего ничего⁶, не только сумел языком простого солдата передать всю гамму чувств и, главное, их

¹ Первое издание. Langer, František. Za cizí město. Irkutsk: Inf. osvět. odbor čsl. vojska na Rusi, 1919, 85 s. Исправленное и дополненное в кн. Langer, František. Železný vlk. Nakladatelství Gustav Voleský, Král. Vinohrady, 1920, s. 121–185. Русский перевод в кн.: Периферия. Драматургия, проза, мемуары. – СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2018. – С. 285–328.

² Короткий и яркий очерк Кинцла (Kinc, Josef. Fragmenty z velikého kazaňského dramatu. В кн.: Zeman, Adolf. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 334) завершается таким горьким словами «Казань – это вершина славы, вершина победного движения бело-красных к Москве, последнее усилие для создания широкого противонемецкого фронта на Волге, героическое и отчаянное напряжение всех сил на границе возможного (завершившееся крушением как моральным, так и физическим) – все это у нас теперь за спиной. Да, после этого мы будем лишь защищаться и отступать. Надежде, вере в новую, воспрявшую, демократическую Россию, которую мы поможем построить, нанесен страшный удар, она на глазах растворяется и последние ее капли уносят с собой все те доводы, которыми мы руководствовались (еще совсем недавно), выбирая между Францией и Волгой»/

³ Zeman, Adolf. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 321–352.

⁴ Najbrt, Václav. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno: Moravský legionář, 1936, 266 s.

⁵ Можно отметить не самый характерный для документальной прозы прием предварять описание события его итогом, что подобно всякой инверсии, будь то в предложении или же в хронотопе, как в данном случае, усиливают эффект воздействия слов, и если не остроту переживания у Мнехуры, то совершенно точно ощущение предопределенности происходящего и особого положения автора. Сравнение, понятно, не очень уместное, но именно такой техникой пользуется и Марсель Пруст в своей многотомной эпопее, начиная немедленно выкладывать ошеломленному читателю все прошлое и, главное, будущее человека, с которым его всего лишь минуту назад познакомили на балу.

⁶ Родился в моравском Кыйове в 08.09.1896, закончил гимназию, совсем юным «соколом» попал на русский фронт, под Крестинополем, что ныне Червоноград, летом 1915-го был взят в плен, ровно через год вступил в ряды воюющих в России против немцев чехословаков, прошел две войны, вернулся в родную Моравию, где в Вишкове, что недалеко от родного ему Кыйова, содержал трактир, ну, или если по-чешски, hospodu. Там, надо полагать, имея время предаваться и разговорам о былом, и мыслям, написал воспоминания, которые с радостью принял и опубликовал один из главных тогдашних хранителей памяти о том, что было пройдено и пережито братьями, дружинниками и легионерами, в России, писатель, публицист и издатель из Брно Йозеф Кудела.

смену, которую часто несколько со стороны, свою собственную жизнь не ставя буквально на кон, описали иные его товарищи и «братья», но и сделал это на фоне и в рамках военной операции, которая могла бы, да волею судьбы не сумела определить жизнь и пути не только отдельных стран и народов, но может быть и всего века. Взятие белыми Свияжска и Романовского моста в августе 1918-го.

Чехословацкую долю этой операции, левобережную, ту самую, за которую главный, если не сказать звездный, участник с русской стороны, правобережной, артиллеристский капитан, любимец Каппеля и будущий исследователь его жизни и дел, Василий Осипович Вырыпаев предъявил единственную, собственно, к чехословакам, но неизменно на все лады вслед за ним повторяемую русскую претензию:

«...чешские части вместо того, чтобы производить непрерывное давление на красных под Казанью согласно плану, после небольшого продвижения вперед вернулись к своим исходным позициям и прекратили все дальнейшие попытки...»¹

Претензию странную, поскольку совершенно ясно было и тогда, и сейчас, что помешало чехословакам то же самое, что и русским. Гражданский человек с бородкой и пенсне... Тысячи и тысячи людей, за спиной которых он поставил латышские, мадьярские и русские пулеметы...

Ну, а на не менее странную, и тоже многократно и неизменно повторяемую вслед уже за Франтишком Лангером претензию чехословаков к русским, в первую очередь демократам из КОМУЧа, якобы не сумевшим за месяц мобилизовать необходимые тысячи и тысячи на белой стороне: «Я думаю о Праге. Если бы вдруг возникли немецкие рогатые шлемы на равнине за Страговым. Все бы разом покинули дома! С открытым перочинным ножом бы вышел человек, если бы это было единственное его оружие...»² – ответ, и очень недвусмысленный, дала сама история.

И именно в Праге, в марте 1939-го, когда немецкие рогатые шлемы не где-то там мелькали далеко на севере за Петршинским холмом и Старговским монастырем, а двигались у всех на виду, на головах людей, печатавших шаг по ровной главной площади столицы тогдашней Чехословакии, а ныне Чехии. Вацлавской. По Вацлаваку.

Не делаются из обывателей, обычных мещан, рабочих или купцов, за пять минут бойцы. И за неделю не делаются. И за месяц. Не делаются бойцы за тот же срок и из косарей, не получают и из хлебопашцев... Если только не ставить и деревенских, и городских в очень особые условия, специальные...

Да.

Поэтому, наверное, среди рассказов о той войне, где пыльные шлемы были не только у комиссаров, но и у солдат на другой стороне фронта, и где саму историю и ход ее, на самом-то деле, часто определяла простая случайность, невольное движение, миг... один человек или одна пуля... невозможно без замирания сердца читать один, рассказанный Василием Вырыпаевым как будто мимоходом, так, между прочим, совсем короткий, но навеки запоминающийся эпизод вечерней атаки его группы на Свияжск.

«...Из-за угла поперечной улицы прямо на нас повернул отличный автомобиль, по-видимому, ничего не подозревавший. Дозорные, взяв винтовки на прицел, остановили автомобиль. Он повернул к первым воротам, в которые почти на ходу юркнули два пассажира автомобиля. Впоследствии шофер, которого мы захватили, сообщил, что это были Лев Троцкий, комиссар по военным делам, и его секретарь. Как жаль, что мы не знали этого в тот момент!»³

¹ Вырыпаев. Указ. соч. С. 65.

² Langer, 1919, s. 58.

³ Вырыпаев. Указ. соч. С. 63.

РАЗВЕДЧИКИ У КАЗАНИ

На Украине

Стоит метельный январь 1918 года. Конная разведка 2-го полка¹ расквартирована на окраине местечка², частично в просторном доме местного попа, частично в усадьбе помещика, что стоит на противоположной стороне проезжей дороги. В непролазной грязи этой дороги день за днем вязнут сотни и сотни русских земляков³, бегущих с фронта. Фактически, это уже и не дорога, а полоса земли, превращенная бесконечным движением, в липкую жижу, широкая река глубокой грязи, по которой тянутся одна за одной грязные фигуры, вполне сливающиеся с этой жижей.

Наше подразделение занято либо охраной закупленных для нашего полка на каком-то фольварке запасов продовольствия и фуража от готовых его разграбить русских, либо патрулированием сел, соседствующих с местами расположения подразделений полка. А также учебой.

В общем и целом, живется нам лучше, чем убегающим землякам. На смену неизменной пище русского солдата – черная каша⁴, белая каша – на какое-то время пришло более разнообразное меню: фасоль, чечевица, горох, баранина, а иной раз и кнедлики с каким-нибудь соусом, а на праздники Тонда⁵ в печи попа напек нам самых настоящих бухт, домашних вкусных белых булочек с вареньем и маком.

Кроме того, некоторые из нас после битвы у Зборов⁶ получили кресты⁷, которые влекли за собой повышение в звании до «jefrejtora»⁸. Что в свою очередь давало немного дополнительных рублей к жалованию и за крест, и за «фрайтра»⁹, так что можно было иной раз заглянуть и к

¹ 2-й стрелковый полк Йиржи из Подебрад (входил в состав Русского чехословацкого корпуса). Сформирован в составе чехословацкой стрелковой бригады 19.05.1916. Согласно данным Kronika 2. československého pěšího pluku Jiřího z Poděbrad 1916–1920. Praha: nákladem pluku, 1926, s. 46 и 65. (далее Хроника), с сентября 1917 по март 1918 полком командовал русский подполковник Конюк Федор Спиридонович, которого, после невозвращением из отпуска, весной 1918 сменил чех, Ян Сирови (Сыровой).

² По данным Хроники (с. 46) в описываемое время подразделение конной разведки 2-го чехословацкого стрелкового полка стояло в селе Новая Чертория (Nová Čartorie) – это Житомирская область современной Украины.

³ Земляк или землячок – прозвище, данное чехами русским солдатам. В связи с чем приведем полностью комментарий из книги Карела Терингла (Teringl, s.270) «Земляк – название русских солдат. По способу того, как они сами к друг другу обращались, что буквально означает свой, местный, товарищ. Презрительным прозвищем русских было “булка” (булка – типичный вид русской выпечки, что-то вроде нашей хоуски) или “баган”. Баганами называли наши солдаты и русских селян». Очень точно значение чешского слова «баган», как «лапотник», передано М. Едемской при переводе на русский книги Карела Терингла.

⁴ Гречка. Забавный комментарий по поводу этой еды можно найти в книге Teringl (с.117): «Русские не принимают наши кнедлики, точно так же как мы долго не могли привыкнуть к их гречневой каше».

⁵ Тонда, сокращение от имени Антонин. Очевидно, повар и сослуживец автора. Упоминается в книге несколько раз. Возможно, Антонин Вит, повар по профессии, см. комментарий «Вит» к главе «Бои с большевиками».

⁶ Зборов – место глубокого прорыва австро-венгерской обороны во время летнего наступления русской армии 1917-го 18-19 июня (1-2 июля по новому стилю). Первая и последняя самостоятельная операция чехословацких частей в составе русской армии.

⁷ Георгиевская медаль за храбрость.

⁸ Здесь и далее русские слова в тексте будут даваться латиницей, чтобы передать своеобразное ощущение инородности в тексте оригинала.

⁹ Здесь некоторая игра слов, поскольку frajtr – ходовое чешское искажение уже немецкого Gefreiter

еврею¹.

Стоим в этом районе со времен отступления от Тарнополя². Создаем подразделение³, которого до сей поры в полку не было. Начинаем технически оснащаться. Занимаемся чем-то таким, что противоречит общему духу происходящего вокруг. Все требуют мира, земляки убегают из своих полков – а мы как раз начали формироваться.

Куда бы мы ни выехали при патрулировании, все села переполнены дезертирами, всюду армейские повозки, кони, оружие и прочие материалы, позаимствованные у армии. Одному покидать место расположения части небезопасно. В деревнях человека в гражданской одежде едва ли встретишь, лишь только женщины, старики да дети ничего армейского не смогли себе прибрать, потому что просто не служили.

Мужчины все поголовно в форме. И день, и ночь конфликты с дезертирами, которые могут нападать на отдельных наших добровольцев⁴ и даже убивать. Особенно настроены против нас «matrosi», которых в этих краях хватает.

А мы будто приклеены тут. И просто удивительно, что лавина земляков, что не прекращаясь все течет и течет мимо прочь от фронта, нас с собой не захватила. Ушли только русские чехи⁵. Из нашего подразделения шесть человек, и теперь среди нас только добровольцы⁶. И удивительно поэтому, что какая-то русская часть еще стоит в ближайшем к нам Полонном⁷, из которого до Новоселиц⁸ доносятся звуки постоянной стрельбы. Но и в непосредственно соседствующих с нами селах слышна стрельба, особенно по ночам. Но в кого тут и там стреляют земляки, мы не знаем. В начале декабря на станции Печановке⁹, что верстах десяти от нас, взорвали огромный склад боеприпасов. Сила взрыва был такова, что, казалось, содрогнулась вся округа, как при землетрясении.

Но мы даже и думать не хотим о том, что нам судьба готовит. Что случится, если вся эта большевизированная масса на нас вдруг накинется. Их столько, что кажется одними шапками способны закидать. Ничего нам, как будто бы, не улыбается впереди. Но как только вышли мы с батальоном наших добровольцев на черторийскую площадь, рота за ротой, да взяли разом «паребо» – и тут же лес винтовок с тонкими русскими штыками, и ровные ряды ребят по большей

(ефрейтор).

¹ Здесь – в трактир.

² Русское летнее наступление 1917-го, несмотря на отдельные удачи начального периода, закончилось, в значительной степени из разложения русской армии всякого рода революционерами, позором и отступлением.

³ Конную разведку.

⁴ Доброволец – самоназвание солдат чешских подразделений русской армии, естественным образом позволявшее им отличать себя от того основного большинства соседей, что были призваны и мобилизованы.

⁵ К началу Первой мировой войны на территории Российской империи, главным образом на современной Волыни и, вообще, Украине, проживало около 100 тысяч чехов, в большинстве своем уже граждан России. Об истории их появления и жизни здесь см. например: Муратов А., Муратова Д. Судьбы чехов в России, XX век. Путь от Киева до Владивостока. Прага: Русская традиция, 2012.

⁶ Многие, хотя и далеко не все «русские» чехи пришли служить не по собственному почину, а как военнообязанные русские граждане.

⁷ Полонное – город в Хмельницкой области современной Украины. Чуть больше 15 километров на северо-запад от Новой Чертории.

⁸ Новоселица – большое село в Хмельницкой области современной Украины. Около 6 километров на юг от Полонного.

⁹ Печановка – железнодорожная станция и одноименное село в Житомирской области современной Украины. От Новой Чертории чуть больше 10 километров на северо-восток.

части молодых (многие лишь только-только к нам пришли из лагерей¹), бело-красные² ленточки на фуражках, да как затянули, шагая в ногу «Знамя вейся»³, и такая уже в нас сила и уверенность в себе, что сам черт уже не страшен.

Двадцать четвертого января в злом вихре мокрого снега оставили мы Новую Черторию и двинулись походом дальше на восток в Бердичев⁴. До Печановки шли пешим ходом и далее поездом. Ночью из нашего подразделения сбежал один доброволец. Где-то тут поблизости завел себе «babu».

В Бердичеве мы оказались в ситуации еще более угрожающей, чем была ранее. В казармах за городом на Лысой горе⁵ располагался 21-й украинской полк⁶, опора и надежда сторонников самостийности в крае. Дисциплины у них не было никакой. Кроме того, испытывая недостаток буквально всего и вся, солдаты этого полка бродили по деревням округи, занимались реквизициями, попрошайничали или крали. Жители бердичевских пригородов очень страдали от этой напасти. В оправдание безобразия можно только сказать, что делалось все это не со зла, а от голода, который и мы сами теперь узнали.

В маленьком селце Новорадивовилово⁷, расположенном в четырех верстах от Бердичева, вел большое хозяйство чех, Коваржик. И только приход чешских частей, которые смогли обеспечить охрану, спасли ему жизнь, не говоря уже об имуществе. По счастливой случайности именно наше подразделение конной разведки было командировано из Бердичева в имение Коваржика, чтобы оберегать его семью и имущество, которое позднее частично стало и нашим. Жили мы в двух больших комнатах в его имении. Пан Коваржик был необыкновенно щедр. Каждое утро мы пили белый кофе или молоко, имели к обеду мясо, и непременно бухты, славные белые бухты. Меню, которому мог бы позавидовать любой штаб. Наши кони стояли в большом гумне, где был целый

¹ Лагерь военнопленных. Набор пленных в чехословацкие вооруженные формирования в России (в дальнейшем ЧВФР) был разрешен русским командованием в 1916-м году. Большая волна влилась в состав ЧВФР весной-летом 1917-го.

² Белый и красный – цвета флага чешского национально-освободительного движения.

³ Песня популярная в среде чехов, воевавших в России, можно даже встретить упоминания, как о гимне, исполнявшаяся на мотив популярного сокольского марша, «За знаменем сокольским! – Лейся песня!» (Za sokolským praporem! - Spějme dál!) авторства Фратишека Кмоха (František Kmoch). Первый куплет звучит так:

Знамя вейся,
Сердце бейся,
Дух отчины, сердце грей,
Если чех ты, поднимайся,
В строй бойцов вставай скорей,
Родине несет свободу
Ее храбрый верный сын,
И за Била Хору кару
Всем обидчикам своим

А во втором есть такие строчки «Сбрось оковы, злы, суровы, ими связан чешский лев, с русским братом, бейся рядом, кровь у нас одна у всех»

⁴ Бердичев – город в Житомирской области современной Украины. От Новой Чертории до Бердичева 40 километров по прямой на восток.

⁵ Лысая, или Красная гора – самый южный район современного Бердичева с названием Эллинг. В годы Второй мировой – место, где располагался большой лагерь советских военнопленных, прославившийся особой жестокостью обращения.

⁶ Национальные воинские подразделения стали формироваться в русской армии после Февральской революции. В частности, украинские, по предложению генерала Корнилова с августа 1917-го. После Октябрьского переворота естественным образом стали объектом агитационной работы сторонников украинской независимости.

⁷ Точное местоположение указать затруднительно. По всей видимости, уже часть современного Бердичева.

стог сухого клевера, сена, соломы, и, конечно, ларь с большим запасом овса. Буквально рай, как для коней, так и всадников.

Все остальное никак нас не могло радовать. Отношения с местным населением не складывались, потому что само наше присутствие в имении отнимало у него возможность грабить и растаскивать имущество хозяина. Из-за чего нам постоянно угрожали, что на нас натравят свой бердический полк, который нас «vůřeže». И даже в один из дней свора дезертиров у околицы остановила двух наших верховых, возвращавшихся из Бердичева, и потребовала у них документы на право владеть оружием. Мы своих ребят освободили, но с той поры отношения меду нами и местными, совсем испортились, и мы уже ни одной минуты не могли ощущать себя в безопасности. Ночные дозоры¹ были усилены, и сами мы теперь спали одетыми, потому что ночью несколько раз стреляли в наши окна. Можно было ждать нападения в любой момент. Позднее несколько облегчил положение приход в деревеньку роты пехоты.

От нашего подразделения для осуществления службы связи постоянно направлялись в штаб в Бердичев два верховых. И они видели, в какой нужде живут другие наши роты. Вместо хлеба им выдавались сухари, куски черного хлеба, твердого, как камень, с которого перед едой еще надо было тщательно и долго убирать вьезшуюся пыль.

Во второй половине февраля (1918) Бердичев осадили большевики. Ворвались в город, после короткого боя выгнали из него украинцев, подняли красный флаг и объявили военное положение. Мы стали невольными свидетелем этого столкновения. Братский славянский народ, с которым еще недавно связывали мы все свои надежды на наше собственное освобождение, тот, на почве которого поднялся росток и нашей собственной революции, и вот его сынов увидели мы лежащим с окровавленными головами на улицах, сраженных пулями своих. Красная волна революции катит из сердца России во все самые дальние концы огромной империи и ее кровавая пена падает и на нас. Есть у нас раненные и, говорят, даже убитые ее выстрелами. Это сегодня. А что будет завтра? И всех нас не оставляет ощущение, что в таком окружении все меньше и меньше у нас будет оставаться свободы, и поздно или рано красный удав, если не случится чуда, задушит и нас в своих объятиях. Мы не берем ничью сторону в этом конфликте, но каждому встречному большевику должны объяснять кто мы такие, и что мы чехи, не выступаем ни на чьей стороне и держим нейтралитет, предъявляем наши полковые документы, и в конце концов, если так и не находим понимания, вынуждены говорить, что большевикам симпатизируем. Но тяжелее всего то, что не можем ответить на простой вопрос, куда мы идем и с какой целью. Все что остается, это предложить обращаться с этим вопросом к нашему командованию.

Только и этот статус «neutrální» не очень-то и выручал. Как-то возвращаясь из штаба, ехали мы Коуржилом² мимо отдыхающей у городской околицы большевистской батареи. Внезапно на нашем пути возникла группка большевиков, которые стали коней хватать за поводья, а нас самих стянули с седел и разоружили. Я им сразу стал объяснять, кто мы такие. Никакого толка. Нас уже окружила вся батарея. И в этой толпе ни одного офицера. Может быть, у них офицеров и вовсе не было. В любом случае, они утверждали, что не получали никаких разъяснений по части чехословаков. Да и вообще не верили, что мы чехи, и полагали, что скорее всего просто украинские шпионы. Я смог лишь с ними договориться, чтобы меня одного отпустил в город в их штаб, откуда я им привезу нужные указания. С тем и уехал.

В большевистском штабе мне дали бумагу с распоряжением вернуть нам коней и оружие, но, когда я с ней возвратился назад, она уже была не нужна. В батарее оказались артиллеристы, кото-

¹ В оригинале «služba». В русской литературе современников, например, у В.О. Воропаева также находим для обозначения подвижных или неподвижных передовых отрядов термин «заслон» или «охранение». «Дозор» – здесь и далее использовался при переводе как наиболее универсальный.

² Предположительно Коуржил, Ян, как единственный Коуржил в картотеке (Картотека legionеров <http://legie100.com/krev-legionare/>, далее КЛ), по всей вероятности служивший зимой 1916-1917 во 2-м полку (Kouřil Jan, 06.10.1893 – ?), рабочий, взят в плен 18.03.1915, подал прошение о вступлении в ЧВФР в Тощке, зачислен 29.06.1916, прошел две войны, демобилизован по состоянию здоровья в 24.10.1920.

рые с нами прошлой зимой были на фронте под Пинском¹ и ходили в расположение нашей роты скоротать время. С одним из них Коуржил близко сошелся и сейчас они друг друга узнали. Эта внезапная встреча вызвала горькие чувства, сразу вспомнилось, как дружно мы жили прошлой зимой в общих окопах, за которыми прусские пикельхаубы², пушки и пулеметы, как все были вдохновлены в дни февральской революции, которую мы вместе встретили. Тогда эти же самые артиллеристы ставили нас в пример русской пехоте, которая, подогретая большевистскими агитаторами, уже через несколько дней стала браться с немцами на передовой, а нам самим не давала выходить из окопов и вести разведку. С этим же батареецами мы вместе встречали первый красный май в 1917-м. Вместе с ними ходили от одного батальона русской пехоты к другому, и говорили, говорили, славили революцию, и призывали держать фронт до победного завершения войны. После этого пехотинцы стали нашими смертельными врагами, а артиллеристы, наоборот, говорили, что нас надо посылать офицерами в русскую пехоту.

И вот теперь они и сами стали большевиками, и в нас видят контрреволюционеров. Сели мы быстро на своих коней и с тяжелыми сердцами поскорее покинули их расположение.

Дорога в Сибирь

Весной вместе с последним льдом окончательно растаял и русский фронт. Окопы были брошены, и немцы с нескольких сторон начали движение вглубь России. Были они приглашены Украинской центральной радой³ для защиты от большевиков. Наша бригада⁴ оказалось в непосредственной близости от наступающей волны немцев. В связи с чем пришел приказ первой дивизии передислоцироваться на левый берег Днепра, где уже была сосредоточена наша вторая дивизия⁵. Пройти до Днепра предстояло около 150 верст. Приказ был выполнен в самый короткий срок.

Привез этот приказ из штаба 23 февраля в одиннадцать утра Кадлец⁶ на своей высокой, длиннотелой лошади, прозванной у нас «пивоварской». А в час дня мы уже должны были быть в штабе полка в Бердичеве. Нас приказ совсем не удивил, а для семьи нашего хозяина, пана Ковржика, прозвучал как смертельный приговор. Жена и дочь приняли горько рыдать. Самое ценное и нужное из хозяйского добра быстро уложили в рыдван⁷. Несколько голов скота отогнали

¹ Пинск – город в современной Белоруссии. Столица Полесья.

² Форменный кожаный, либо фетровый шлем с маленькой острой пикой на макушке, который носили в германской армии в начале и середине Первой мировой. До появления в 1916-м стальных касок с рожками.

³ Украинская центральная рада (март 1917 – апрель 1918), первоначально высший законодательный орган на Украине, как национальной автономной территории в составе России. После падения Временного правительства провозгласила Украинскую Народную Республику в федеративной связи с Российской республикой, а после разгона Всероссийского учредительного собрания, объявила уже государственную самостоятельность Украины, что привело к вооруженному конфликту с Советской Россией.

⁴ В описываемое время чешской бригады уже не существовало, во второй половине 1917-го она была расширена в 1-ю чешскую дивизию. Автор употребляет название по старой памяти.

⁵ В описываемое время в состав Русского чехословацкого корпуса входило две дивизии. Первую составляли четыре стрелковых полка (1-й, 2-й, 3-й, 4-й) и 1-й артиллерийский полк, Вторую – 5-й, 6-й, 7-й, 8-й стрелковые полки, 2-й артиллерийский, 1-й ударный батальон, а также кавалерийский и запасной полки.

⁶ Идентификация затруднительна, в списках КЛ обнаруживается не менее 5 человек, отвечающих нужным требованиям – служба во 2-м полку с 1917 года, это Антонин Кадлец, Владимир Кадлец, Йозеф и два Франтишека. Все прошли две войны и вернулись домой в независимую Чехословакию.

⁷ В оригинале – žebříňák, телега для перевозки соломы и сена.

полковому интенданту Петршу¹. Все остальное начали распродавать за копейки местным жителям, которые в мгновение ока собралось у главных ворот, нетерпеливо ожидая нашего ухода. Продавал один наш доброволец. Также Коваржик², однофамилец владельца имения, которому по этой причине он больше всех из нас верил. Распоряжение было простое, продать все, что только можно будет продать. До сих пор помню, как наш Коваржик кричал у сарая:

– Товарищи, кому эту славную коровку за сто рублей? Кто заплатит прямо сейчас? А кому этого жеребчика?

Продавал коней, коров, поросят, хомуты, семена клевера, зеркало, плуги, кур, котел – все, на что только падал его взгляд и что можно было продать тут же. Земляки брали все с удовольствием, потому что за пару-тройку рублей могли спокойно купить себе у хозяина как скотину, так и инвентарь, а вот после нашего ухода, и это они хорошо понимали, за все уже будет драка.

Мы сами к отходу были готовы очень быстро. Хозяйский фураж был весь наш. Путь долгий... Бескормица будет непременно... Поэтому о лошадях думали в первую очередь. А они тут привыкли уже жировать. Получали по три раза в день по две воинские меры овса и сколько хотели сена и клевера. Некоторые лошади овес даже не доедали. Сейчас оба мешка на передках седел наполнили овсом, а поскольку и в задних сумах оставалось у всех место, насыпали и туда овса сколько вошло. А сетки для сена, также прикрепленные сзади, набили сухим клевером. При этом еще и помогали грузиться самому хозяину. Дивишек³ не забыл дополнительно все для тех же наших коней загрузить целый воз клевера и положить на него же пару мешков овса. А себе самому – куль семян клевера, которые позднее удалось хорошо продать. Нашел что взять и наш кухарь Тонда. Кое-кого из пернатых. Позднее, мы страшно жалели, что не закололи на дорогу еще и свинью. Около часа дня прапорщик Захаров⁴ дал команду к выдвигению. В колонне по три оставили мы имение, и с нами разом обнищавший его хозяин с семьей и жалким имуществом на повозке.

Во второй половине дня уже весь полк, словно серый змей, выскользнул из бердичевской улицы на заснеженную равнину. Оказавшись на свободном пространстве, ряды наших широко разошлись по полю, уходя от изъезженной колеи, в которой только вязли наши повозки. Пехоте тяжело идти по грязи. Нам, верховым, много легче. К вечеру подмораживает и темп движения начинает расти. По затвердевшей земле роты, распавшиеся на группы, торопятся дойти до сел, назначенных им для ночлега. Я сам перехожу на рысь. Нужно пораньше оказаться на месте. Определить хаты для размещения роты, напоить, накормить и почистить коня. К ночи далеко по широкой украинской равнине разлетаются чешские походные песни. В первую ночь мы провели в селе Червоное⁵ в двадцати пяти верстах от Бердичева. Следующую в Яроповичах⁶. А третью – в

¹ Петрш, Йозеф (Petrš Josef, 06.09.1886 – 20.10.1968), выпускник философского факультета Карлова университета, учитель, православный, взят в плен 22.09.1915 под Ровно, подал прошение о вступлении в ЧВФР в Тоще 18.06.1916, зачислен 29.06.1916, прошел две войны, служа в интендантстве, вернулся в независимую Чехословакию и продолжил службу (до 1938) в армии уже республики. Последнее звание в легии – полковник (КЛ).

² Коваржик, Винценц (Kovářík Vincenc, 25.10.1894 – 02.03.1918), каменщик, сокол, взят в плен 25.01.1915 под Горлице, подал прошение о вступлении в ЧВФР в Тоще, зачислен 29.06.1916. Погиб в бою с немцами в Киеве (КЛ).

³ В КЛ – три возможных кандидата: Антонин Дивишек (Divíšek), бывший сапожник, 1895 года рождения, Франтишек, крестьянин, 1893 и Яны, кучер, 1896. Два последних прошли обе войны, и вернулись домой. А вот что стало с Антонином – неизвестно.

⁴ Захаров, Петр (? – 28.02.1920), командир отделения конной разведки, в будущем командир 3-го батальона 12 чехословацкого стрелкового полка. Погиб в Нижне-Удинске. Последнее звание в легии – капитан.

⁵ Червоное – ныне поселок в Житомирской области современной Украины.

⁶ Яроповичи – село в Житомирской области современной Украины. Чуть меньше 30 километров на северо-восток от Червоного.

Водотыи¹. Весь следующий день объявлен днем отдыха.

Нежимся в хатах, устраиваемся поуютнее на завтра. Возимся с лошадьми и варим чай в широкой украинской печи. Ходим без сапог, сушим портянки и шинели. «Chazajin»² и вся его семья молча расселась по лавкам и недоверчиво на нас смотрит. На улице ненастье, а в хате у большой печи очень хорошо. Вместо лампы в горнице светит лучина. Садимся своим кружком и говорим о дороге, которая нам предстоит. Штаб объявил нам, что поедем во Францию через Владивосток, чтобы продолжить воевать уже на Западном фронте. Киев – Урал – Сибирь – Владивосток – Франция. Говорим об этом с легким недоверием. Лучше все же думать о дне сегодняшнем. Вот хорошо было бы горячей картошечки с солеными огурчиками. Спрашиваем, не дадут ли, у хозяев. Предлагаем за это чай и сахар. В ответ жена хозяина начинает умолять, чтобы мы ничего у них не просили. Целые дни ходят земляки, бежавшие с фронта, и что-то кланчат.

– Как увидим солдат, так пугаемся, – говорит уже сам «chazajin», – мы бедны и нам самим нечего есть. А если отказываемся продавать, тогда просто так отнимают. А при том нам еще горше, чем им.

Нам становится жалко этих людей. Зовем их пить чай с нами и даем несколько кусочков сахара, которого они сами давно уже не видели.

Дневного отдыха на следующий день не было. Двигаясь по железной дороге в сторону Киева, немцы наступали очень быстро, и уже настигли наш 1-й полк. Ночью нас разбудил фельдфебель, и мы втроем поскакали в наш лазарет, стоявший в 12-ти верстах за нами, с приказом с утра продолжить движение. С этого момент полк уже шел в боевом порядке. Наше подразделение – конная разведка – на флангах колонны. Ночь после тридцатидвухверстового похода мы провели в Бышеве³, а следующую, после двадцативосьмиверстного, в Игнатовке⁴. От нее уже оставался лишь один дневной переход до Киева. Нашей конной разведке для ночлега назначено помещичье имение. Оно уже брошено. Кажется, что хозяева сами бежали отсюда или были выгнаны лишь каких-нибудь пару часов тому назад, потому что вся обстановка на месте. В имении несколько просторных и богато обставленных комнат. В самой большой фортепиано и красиво обтянутая мягкая мебель. Но полу ковры, а на окнах от потолка до пола тяжелые занавески. Ходим по комнатам, выбираем, где расположиться. Ребята, что пришли до нас, уже приготовили себе постели, на перинах и пуховых подушках. Находим и мы себе место. Тонда в хозяйском котле заварил чай, единственный продукт, в котором не было недостатка. Всего прочего были крохи. Нормальная работа снабжения остановилась, и весь поход мы шли с пустыми желудками.

Еще перед тем, как лечь спать, был обсужден план действий на завтра. Рано утром, уже без всякого дополнительного приказа, наше подразделение разбивается на несколько групп и начинает объезд места расположения полка. Нас пятеро по проселочной колее поехали из Игнатовки вправо⁵ на горку, чтоб выяснить, нет ли немецких бронепоездов на станции Боярка⁶, расположенной в восьми верстах от главной дороги. Над полком постоянно висит опасность того, что немцы, двигаясь по железной дороге, опередят нас и отрежут в Киеве путь на восток. Хорошенькое было бы возвращение, если бы немцам задумка удалась, и они нас, разоруженных, привезли домой для показательной казни! Однако не думаю, что много бы они нас в этом случае взяли живых.

¹ Водотыи – село в Житомирской области современной Украины. Чуть больше 20 километров на северо-восток от Яроповичей.

² Типичное для легионерской прозы написание русской безударной «о», как «а». Совершенно естественное при восприятии языка на слух.

³ Бышев – село в Киевском районе современной Украины. Направление движения от Водотыи – преимущественно восточное.

⁴ В оригинальном тексте Ignatovka, скорее всего речь о Гнатовке – небольшом селе у окраины современного Киева. Чуть больше 27 километров по прямой от Бышева.

⁵ Автор смотрит на восток. Вправо, таким образом, получается на юг.

⁶ Боярка – город и одноименная железнодорожная станция в Киевской области современной Украины.

Перед самой Бояркой останавливаемся у какой-то одинокой хаты. Прячем за нее коней, и двое из нас готовятся идти к станции пешим ходом. Снимаем с фуражек красно-белые ленточки, оставляем оружие и ремни, одежду приводим в легкий беспорядок, чтобы не отличаться от основной массы русских, потому что уверены, что в любом случае русские¹ на станции есть. В руках у нас по куску хлеба, так, будто ходили мы в эту хату попрошайничать, и в таком виде осторожно идем к станции. На первый взгляд имеет самый обычный вид. На путях поезд без паровоза, в поезде солдаты с фронта. Они же бродят по округе. Кипятят воду в котелках, станционная водогрейка, очевидно, не работает. Угощаем этого, другого махоркой, заводим разговор о немцах и украинцах. Ничего путного не можем узнать. Всех этих людей занимает только одно, как бы скорее попасть домой. С войной навсегда покончено, в этом все они не сомневаются. И вызвать у них какой-либо интерес может только локомотив, который придет и прицепит их эшелон.

Возвращаемся и отъезжаем в направлении киевского предместья Святошино². Примерно на полпути в небольшом лесочке сталкиваемся с отрядом неизвестной кавалерии. Останавливаем коней, и минуту-другую пребываем в нерешительности, что делать? Стоять, стрелять, гнать коней прочь? То, что это не немцы и не наши, мы поняли сразу. Но если это украинцы, то добром это тоже может не кончиться. Эти могут нас передать немцам, с которыми нынче союзники. Пока мы думаем, небольшая группка конных с криком:

- Стой, стой, кто идет? – возникает прямо перед нами.
- Чехи, – отвечаем, – А вы кто?
- Красная армия!

Огромное облегчение, это большевики, и едут они в том же направлении. Находим их командира, представляемся, показываем полковые документы. Он приказывает нам ехать с его эскадроном, подчиняемся. Надеемся, что ничего против нас он не задумал. Проезжаем небольшую деревню и сразу за ее околицей попадаем под пулеметный обстрел. Стреляют со стороны Киева и с довольно близкого расстояния. Пули шипят над головами как змеи. Весь отряд бросается назад укрываться за хатами. Что нам очень на руку, не останавливаясь, резко берем от деревеньки налево в направлении Святошино. Кто и почему открыл огонь, нам уже все равно. Киев и его окрестности я знал очень хорошо и видел, что Святошино уже совсем рядом.

В Святошино полк обедал. После обеда, как на смотр – роты в колоннах, винтовки «*na pleču*», ровными рядами, четким шагом – двинулся полк за развевающимся знаменем по улицам Киева. Проходим мимо святошинской «Возовки»³, фабрики, где были заняты сотни чехов и словаков – плененных. Многие из них записались в добровольцы нашего войска. А те патристически настроенные пленные, которые еще не успели это сделать, сейчас просто оставили завод и бегут от немцев в глубь России. На углу, где стоит бывшая святошенская чешская школа, пока проходим мимо, возникают все новые и новые, с котомками на спине, и кивают нам в знак приветствия.

¹ Русские – здесь автор имеет в виду не просто русских вообще, а совершенно определенно русских солдат.

² Святошино – ранее дачная местность, ныне жилой массив на западе Киева. До его центра от Боярки около 10 километров на северо-северо-восток.

³ Обозная фабрика «Чешская возовка» (*Česká vozovka*). Предприятие, построенное за рекордные четыре месяца по предложению инженера Станислава Гожувица на деньги русских чехов (Й. Индржишек, доктор В. Вондрак и автомобильная фирма Лаурин и Клемент – это предшественница Авто-Шкоды), в 1915 году в Святошино, для производства повозок и колес для русской армии, которые тысячами выходили из строя из-за скверных русских дорог. Земельный участок для строительства предоставил сам Йиндржих Индржишек на территории своей фабрики по производству граммофонных пластинок «Экстрафон». Современный адрес ул. Смоленская, № 31–33. До революции Вторая Дачная линия, 5. Строителями фабрики, а затем и рабочей силой с разрешения командующего киевским военным округом генерала Н.А. Ходоровича стали чешские военнопленные из Дарницкого лагеря. См. подробности. Houžvič, Stanislav. *Česká vozovka v Kijevě*. В кн.: Jarolínek, Jan a Dyk, Viktor. *Darnica-Kijev: [Prvých deset tisíc]*. Praha: Družina čsl. legionářů, 1926, s. 63–89.

Уж шли бы наконец к нам, чем ходить вот так самим по себе, потому что все равно наши. А вот молчаливое большинство, что провожает нас тяжелыми взглядами с обочины дороги, совсем иное. Собрались перед домами, сидят на крышах цехов, выглядывают в окна, стоят перед воротами фабрики, не пересчитать. Их сотни, и большинство из них чехи. Стоят как каменные. И только ощущаешь, как сверлят нас их глаза. Словно сам австрийский орел повернул к нам оба свои клюва¹ и так бы и накинусь, если бы не боялся получить сдачи. По сути дела, все эти люди, что решили остаться – готовый резерв австрийской армии, свежий и отдохнувший в шикарном плену, в котором благодаря другим, патриотически настроенными чехам им было много вольготнее, чем добровольцам на фронте. И не стреляют они уже сейчас в нас только потому, что нет у них винтовок. Завтра уже получат от немцев. Лишь только исчезнем с глаз долой, могут хлопчики уже «svergaterovat»², разбиться на роты и готовиться «maršbereit»³.

Вступаем в Шулявку⁴ и идем мимо завода Дедины⁵. Тут я сам, будучи пленным, работал до вступления в наше войско. Здесь тоже собралась толпа чехов-военнопленных. Замечаю среди них одного из начальников – Ходеру, чеха, который не желал меня отпускать, после того как я подал заявление о вступлении в армию. Хотел меня за это вернуть в лагерь военнопленных. Пришлось мне буквально убежать с завода в казарму. Тут же старый, сгорбленный Адам с седой бородой и трубкой в зубах, смотрит, как мы шагаем. Ходера, как будто ничего и не было, даже слегка мне кивнул, словно хотел сказать «Вот ведь как бывает». Между тем мы выходим уже на любимое место прогулок местных жителей – Бибиковский бульвар⁶ и идем вдоль лавок длинного Еврейского базара. Все покупатели разом бросаются к дороге, чтобы посмотреть на нас. Дальше вверх к Владимирской улице полк марширует сквозь густую шпалеру русских обывателей, что образовалась по обе стороны бульвара. В последний раз салютует красному зданию киевского университета⁷, в котором находилась наша казарма. Отсюда два года назад я уходил на фронт.

¹ Черный двухглавый орел – государственный символ Австро-Венгрии.

² svergaterovat – рапортовать начальнику караула, от die Wache vergattern, нем.

³ maršbereit – готовы к выступлению, от marschbereit, нем.

⁴ Шулявка – в ту пору населенный преимущественно рабочими район на западе Киева. Из описания очевидно, что полк марширует от «Чешской возовки» по-тогдашнему Брест-Литовскому шоссе (ныне проспект Победы).

⁵ «Завод сеялок В. Фильверта и Ф. Дедины» – в начале прошлого века большой и известный по всей России завод по производству сельхозмашин, основанный в Киеве чешским предпринимателями Вацлавом Фильвертом и Франтишеком Дединой. Будущий советский «Красный экскаватор». Это далеко не единственное большое предприятие, основанное чисто чешским или совместным капиталом в тогдашней России и Киеве. В связи с «Чешской возовкой» уже упоминался завод граммофонных пластинок «Экстрафон». Был он совсем не маленьким, так в последний полноценный год работы, 1916-й, предприятием произведено 500 тысяч пластинок, с записями, сделанным на собственной киевской студии. Здесь же в Шулявке, буквально «за углом» от завода Фильверта и Дедины, чуть ближе в сторону центра находился машиностроительный завод бельгийца Якуба Гретера и чеха Йозефа Криванека (после революции и национализации «Большевик»). В прошлом веке он имел милое прозвище завода «На дачах». Еще дальше по ходу к центру, но тоже в Шулявке, располагался завод по изготовлению машин и агрегатов для сахарных, пивоваренных, крахмальных и других производств – «Ауто», в советском будущем Киевский завод автоматики им. Г.И. Петровского. А в 1911 конкурентом «Ауто» стала другое чешское предприятие – Машиностроительный завод Франтишека Паула (впоследствии «Коммунист», а ныне – Киевский завод «Радар»). И, конечно, даже в этом неполном списке нельзя не упомянуть, отдавая дань сокольскому духу русской чешской колонии, основанной все в той же Шулявке (нынешняя улица Исаакяна) в 1909 году Виктором Кашпаром и Фердинандом Витачеком-младшим единственной в тогдашней России «Фабрики гимнастических принадлежностей». И если все прочие предприниматели и инженеры по праву считаются отцами промышленного производства на Украине, то Виктору Кашпару обязан своим рождением уже киевский футбол.

⁶ Бибиковский бульвар – прямое продолжение Брест-Литовскому шоссе. Ныне бульвар Тараса Шевченко.

⁷ Угол Бибиковского бульвара и улицы Владимирская.

И вот, наконец, выходим на главную артерию Киева – Крещатик. Тротуары переполнены публикой, которая мешает движению. Полк величественно движется по главной магистрали, словно победно взявший город. А мы все в душе прощаемся с нашей русской Прагой, которой для нас всех до этого самого момента был Киев. По Владимирской горке сходим к Днепру, где встречаемся с первыми подразделениями нашей 2-й дивизии. Мост через реку охраняет 8-й полк. В этом ирония судьбы. Когда нас было неполных три полка, мы сметали австрийские окопы¹. А теперь имеем в своем составе даже 8-й полк, и при этом сами от немцев бежим.

По мосту наш полк переходит Днепр и располагается в Слободке², небольшом местечке на левом берегу. Здесь, за рекой, мы словно разом оказались в другом мире. Все, что в России прославило нашу армию и дало политическую силу нашему национальному движению, происходило на той, правой стороне Днепра. Там уж несколько лет на фронте от Карпатских гор до Пинских болот наши добровольцы отдавали свои жизни в разведках. От Галиции через украинские нивы до самого Днепра гордо звучало наше имя и честь отдавалась нашим флагам. На той стороне Днепра Кременчуг, Киев, Бобруйск, Житомир – все те места, где формировались наши части. На той стороне Днепра и Зборов. Широкая гладь реки разом отделила нас от мест, освященных кровью наших братьев. Один только Киев еще с Владимирской горки шлет нам последний прощальный привет.

Был уже вечер, когда мы разошлись по хатам на ночлег. Особых удобств не приходилось ждать, потому что Слободка – совсем небольшое предместье, где уже размещался штаб нашей 1-й дивизии, да еще и большевики. Набились мы в хаты, как смогли.

Пехота поставила пост с пулеметом у моста, чтобы немцы не могли на нас внезапно напасть. Следующий день – объявлен днем отдыха. Он нужен, и солдатам, изголодавшимся и утомленным непрерывным шестидневным походом, и лошадям.

В субботу 2 марта начинаем готовиться к дальнейшему движению. Немцы буквально у нас на пятках. Они уже в Киеве. Отряд из пяти наших конных разведчиков под командой Коваржика отправлен в Дарницу³, чтобы выяснить, не захвачена ли она уже немцами и нет ли угрозы нашему правому флангу. Меня самого вместе с Коуржилом посылают вперед в группе сопровождения нашего обоза. В воздухе снова пахнет порохом. На мосту была перестрелка наших с немцами и украинцами. Откуда-то со стороны Дарницы слышны выстрелы пушек, одной или двух. Скорее всего это большевики, выданные из Киева, обстреливают город. С колонной обоза спешим уйти из зоны возможного обстрела к Броварам⁴. Много чешских пленных уходят вместе с нами, и большинство из тех, с кем я говорил, уже считают себя добровольцами.

По хорошей, широкой дороге наши возы быстро уходят от Киева и Днепра к Броварам. Вот только не скроешься от немецких аэропланов. Один прилетел со стороны Киева, низко пронесся над дорогой и сбросил пару бомб, из которых, на счастье, ни одна не причинила нам вреда. Еще один уже вечером появился над Броварами, как раз в тот самый момент, когда я там искал расположения 4-го полка. Все, у кого были винтовки, открыли по аэроплану огонь. Видел я и местных жителей, стрелявших в небо прямо из своих дворов.

¹ Здесь автор вспоминает прорыв австрийских позиций чешской бригадой под Зборовом летом 1917-го. См. комментарий к главе «На Украине».

² Слободка – в начале прошлого века Никольская слободка, ныне часть Левобережного жилого массива Киева.

³ Дарница – в начале прошлого века железнодорожная станция на ветке Киев – Полтава, а также дачное место на левом берегу Днепра. Здесь среди прочего в Первую мировую располагался огромный пересыльный лагерь для военнопленных, через который прошли сотни тысяч военнослужащих Австро-Венгрии и Германии, в том числе и Ярослав Гашек, будущий автор «Бравого солдата Швейка». Чуть меньше пяти километров по прямой от Слободки на юго-восток.

⁴ Бровары – город на Украине. Ныне большой город-спутник у северо-восточной окраины Киева. От центра Слободки до центра Бровар что-то около 15 километров.

В Броварах делаем привал и обедаем. Здесь до нас доходят какие-то невнятные, но ужасающие новости о бое нашего полка у моста. Якобы полк наш разбит и взят немцами в плен. Какая-то из ушедших вперед рот срочно возвращается из Бровар к мосту, чтобы выручить наших. Мы сами получаем приказ незамедлительно двигаться на Требухов¹, что в двадцати пяти верстах от Бровар. Ведет туда направо² из Бровар типичная русская разбитая и неровная дорога, наши повозки движутся по ней с большим трудом. С утра светило яркое солнце и казалось, что пришла весна. А после полудня небо затянули облака и разразился такой дождь со снегом, что остаток пути до Требухова стал наказанием как для лошадей, так и для людей. Повозки, чтоб меньше вязнуть в дорожной жиже, уходили направо и налево в поля, но вязли и там. И впереди, и сзади из непроглядной метели доносятся только проклятия и отчаянное «ну-же, ну..». Бесконечно слезаем с коней и помогаем вытаскивать возы из трясины. Мы так промокли, и в такой сами грязи, что нам уже все равно, что делать. Хотя бы папироску выкурить в этом аду. Но мокрая папиросная бумага просто разлезается. К вечеру ненастье прекратилось, и земля прихватилась. В сгустившейся тьме ехали уже по замерзшей дороге. Добрались до места совсем поздно. Нашли несколько хат для нашего подразделения. Но о том, чтобы лечь спать, и речи не могло быть. Ждем своих. Приехали около полуночи и привезли с собой мертвого Коваржика.

Он со своей группой возвращался из разведки у Дарницы. В это самое время немцы как раз между Дарницей и Слободкой перешли Днепр по льду и напали на наш полк, который уже построился в колонны и готов был начать движение. Все растерялись. Полк отступил, и немцы захватили Слободку. Именно в это самое время к Слободке и подъехала группа Коваржика. Едва оказавшись на главной улице, увидели немцев, и сразу поняли, что случилось. Тогда Коваржик дал команду с налету проскочить немецкую цепь, справедливо предполагая, что пока немцы, захваченные врасплох, придут в себя, группа уже будет вне досягаемости выстрелов. Но в те несколько минут, пока, спрятавшись за углом дома, наши совещались, местные евреи успели предупредить немцев. Ребята галопом полетели на немецкую цепь, но были встречены выстрелами. Коваржик падает мертвый с коня. А под Трешлем³ падает конь, убитый пулей в голову. Трешл валится вместе с конем голова в голову прямо в лужу его крови. Немцы, решив, что и он получил пулю в голову, и также убит, несколько раз пнули его тело и отошли, потому что сами должны были тут же бежать. Наш полк за городом, развернувшись в цепь, пошел в атаку и выгнал немцев из Слободки. И это спасло Трешлу жизнь. Ночью мы покормили коней и попили чаю, и тут же несколько человек поехали на разведку с прапорщиком Захаровым в сторону Дарницы. Доехали до ближайшей деревни в верстах восьми от Требухова и остались там до утра, чтобы кони хоть немного отдохнули. Да и мы сами страшно устали и буквально засыпали на ходу. Утром в воскресенье 3 марта мы похоронили Коваржика и других павших⁴ на требуховском кладбище. А сразу после полудня вновь нас с Коуржилом отправляют вперед, теперь как квартирмейстеров, в деревню Ядловку⁵,

¹ Требухов – большое село в Киевском районе современной Украины. От центра современных Бровар гораздо ближе до Требухова (около 10 километров по прямой на юго-восток), чем указывает автор. Вероятнее всего, стояли и обоз, и сам автор перед началом движения на самой западной окраине нынешних Бровар.

² Характерное для автора указание направления света, по его собственному расположению по отношению к востоку.

³ Вероятнее всего, Трешл, Йозеф (Trešl Josef, 06.02.1892 – ?), каменщик, социал-демократ, взят в плен сентябре 1915 под Тарнополем, зачислен в ЧВФР в 16.12.1917, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию, солдат. Но также нельзя исключать и Трешлу, Вацлава (Trešl Václav, 25.09.1894 – ?), штукатур, сокол, взят в плен сентябре 1915 под Тарнополем, зачислен в ЧВФР в 28.05.1917, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легии – унтер-офицер (КЛ).

⁴ Судя по фотографии в КЛ, памятник над братской могилой сохранился. И на нем выбито десятка полтора имен.

⁵ Ядловка – после 1945 года Перемога. Село в Киевской области современной Украины. Чуть меньше восьми километров на северо-запад от Требухова.

куда сам полк пришел уже во второй половине следующего дня. Отсюда, через Новую Басань¹, Быков², Макеевку³, Мозки⁴ и до Прилук⁵, что уже в 150-ти верстах от Киева. А всего прошагали мы до Прилук 300 верст⁶. И был это самый голодный из всех маршей, который полк когда-либо в своей истории проделывал.

В Прилуках мы должны погрузиться в поезд и поехать дальше на восток. И снова воскресенье, но уже 10 марта. Стоим у вокзала, обедаем, все ждем вагоны. В городе слышна стрельба. Здесь снова воюет с украинцами Красная армия. Внезапно выстрелы раздаются совсем уже близко, и в наш круг врывается группка русских солдат с мольбой защитить их. Боже мой, что это за солдаты. Просто дети. Из-под папах торчат одни носы, а из-под рукавов длинных русских шинелей не видны даже пальцы. Трясуются от страха. Непрекращающаяся стрельба заставляет и нас взять «vuptovku» и выйти навстречу какой-то группе верховых, от которых бежали испуганные хлопцы. Увидев нас, кавалеристы развернулись и исчезли с глаз долой. А ребятишкам в шинелях не по росту мы посоветовали скорее вернуться домой, потому что там у мамы много лучше, чем на войне.

Тем временем немцы делают все возможное, чтобы не дать нам уйти. Быстрым броском на север через Гомель⁷, и вторым от Киева через Нежин⁸ они подошли к узловой станции Бахмач⁹, через которую еще только должен проехать наш полк. Наши части, стоявшие в Бахмаче, отбросили немцев, и всеми силами удерживали сейчас на почтительном расстоянии, покуда последний эшелон чехословацкой армии не проследует через Бахмач.

Прилуки мы покинули вечером 11 марта и, особо не задерживаясь, проехали Бахмач. Следующей станцией стал Конотоп¹⁰, здесь остались две роты нашего полка, седьмая и восьмая, и с ними пятеро наших конных разведчиков как связанных: Краус¹¹, Юнг¹², Пржепехал¹³, Войта Чер-

¹ Новая Басань – село на реке Недра в Черниговской области современной Украины. От Перемоги до Н.Басани около 47 километров по прямой на восток.

² Быков – нынешнее название Старый Быков. Небольшое село на реке Супой в Черниговской области современной Украины. Около 13 километров от Новой Басани, преимущественно на восток.

³ Макеевка – село в Черниговской области современной Украины. От Старого Быкова – 10 километров на северо-восток.

⁴ Мазки – совсем небольшое селцо в Черниговской области современной Украины. Сейчас, согласно Википедии, 256 жителей, а в 1911 было 547, и называлось место хутором. От Макеевки чуть больше 20 километров на юго-запад.

⁵ Прилуки – город в Черниговской области современной Украины. В 1918 – большая станция на железной дороге Москва – Бахмач – Одесса.

⁶ 300 верст – очевидно от Бердичева, расстояние от которого до Прилук по прямой 320 километров.

⁷ Гомель – город в современной Белорусии поблизости от границы с Украиной. От Гомеля до Бахмача по прямой чуть меньше 190 километров на юго-юго-восток.

⁸ Нежин – город в Черниговской области современной Украины. От Нежина до Бахмача чуть меньше 80 километров преимущественно на восток.

⁹ Бахмач – город и крупный железнодорожный узел в Черниговской области современной Украины. Чуть больше 70 километров на северо-северо-восток от Прилук.

¹⁰ Конотоп – город в Сумской области современной Украины. От Бахмача 33 километра по прямой преимущественно на восток.

¹¹ Краус (Kraus) – идентификация затруднительна, согласно данным КЛ в составе 2-го чехословацкого полка в 1916-1917 служило как минимум пять человек с такой распространенной фамилией – Антонин, Йозеф, Вацлав, Ярослав и два Франтишка. Общее у них лишь одно – все прошли две войны и вернулись в независимую Чехословакию.

¹² Юнг (Jung) – идентификация затруднительна, согласно данным КЛ ни один из 22-х носителей такой фамилии в составе ЧВФР не служил во 2-м полку. В Хронике (s. 233) в списках павших бойцов упоминается человек с похожей фамилией Юнгр, Вацлав (Jungř Václav), погибший в Челябинске 21.02.1919. Но это не конный разведчик, а стрелок.

¹³ Пржепехал, Цирил (Přepěchal Cyril (Melichar), 28.6.1894 – ?), крестьянин, взят в плен 13.03.1915 в Карпатах, заявление о вступлении в ЧВФР подал в Ташкенте, зачислен в 24.06.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и демобилизовался. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер.

ни¹ и я. Восьмая рота осталась на станции, а седьмая вошла в деревню Веровка², расположенную в восьми верстах от Контопа в направлении Бахмача, чтобы охранять мост через реку Сейм³. Кроме нас в Конотопе располагались и части большевиков, у которых стояла задача остановить наступление немцев и украинцев. Это была великая смесь самых разных народов, и в большинстве своем из числа бывших пленных. Как-то в один из дней, когда прибыл очередной эшелон большевиков, мы стояли между путями на станции. Было среди прибывших и кавалеристское подразделение. Люди и кони быстро выгрузились, и пока мы гадали, куда они двинутся, направились прямо в нашу сторону. И тут как гром с ясного неба звучит команда на чистом немецком:

– Rechts halten!⁴ – увидели мимоходом наши бело-красные ленточки и догадались, что мы чехи. Остановились, и один из верховых как ни в чем не бывало интересуется:

– Wohin fahren die Herren?⁵

Мы переглядываемся. Мы тут стоим обороняем станцию от немцев, а они, оказывается, уже здесь среди большевиков. Первым пришел в себя Юнг и ядрено им по-солдатски ответил:

– Идите к черту, подонки! Хорошенькая компашка!⁶

Ночью 12 марта обе наши роты, и мы вместе с ними погрузились в эшелон и поехали догонять свой полк. Это стало возможным, потому что через Бахмач прошел последний поезд с чехословаками⁷. Уже 23 марта мы прибыли в станцию Кирсаново⁸, что было местом сбора всех подразделений 2-го полка Йиржи из Подебрад.

В Кирсанове эшелоны нашего полка простояли целый месяц. Согласно, соглашению⁹ с Советами, мы должны были сдать оружие (предполагалось, что во Франции мы получим уже французское), и большую его часть, а также наших лошадей полк передал кирсановскому Совету. Оставшееся оружие должно было быть сдано в Пензе. Мы, разведчики, отдали свои карабины, но оставили себе шашки и гранаты, потому что чем дольше затягивался отъезд, тем все меньше и меньше было веры обещаниям Советов. Лошадей мы тоже отвели большевикам, всех, кроме последних шести. В Кирсанове покинул наш полк его командир Конюк¹⁰, русский, и его место занял поручик¹¹ Сирови. Одновременно из нашего собственного подразделения перебежал к

¹ Черни, Войтех (Černý Vojtěch, 20.04.1893 – 17.04.1938), мясник, взят в плен 07.07.1916 у села Оконск на Волыни, заявление о вступлении в ЧВФР подал в 12.07.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и продолжил службу в армии независимой республики. Последнее звание в легионе – ротмистр. Покончил жизнь самоубийством – повесился. В КЛ любопытная запись «профессиональный военный, журналист и активист движения сексуальных меньшинств / voják z povolání; novinář a pracovník hnutí sexuálních menšin».

² Веровка (Verovka) – правильно Вировка. Село в Сумской области современной Украины на северо-западной окраине Конотопа.

³ Сейм – левый и самый длинный приток Десны. Протекает по территории современных России (Белгородская область, Курская область) и Украины (Сумская область, Черниговская область).

⁴ Rechts halten – Взять вправо, нем.

⁵ Wohin fahren die Herren – Куда направляетесь, господа?

⁶ В оригинальном тексте ответ на немецкий вопрос звучит по-чешски «Do p... e, pacholci! Jste to pěkná sebránka!» и кажется слишком грубым и вызывающим (слово prdel не зря в книге начала прошлого века отбито многоточиями) в беседе двух групп вооруженных людей. Возможно, licencia poetica.

⁷ Чехословаки – так чередуется у автора. То он называет своих «чехословаками», то просто «чехами». Официально с 1917 политически верно – «чехословаки», при том, что словаков в составе ЧВФР едва ли мог набраться один полный полк.

⁸ Кирсанов – небольшой город и одноименная железнодорожная станции на западной оконечности современной Тамбовской области, у границы с Пензенской.

⁹ Речь идет о соглашении между политическим руководством чешского национального движения в России и большевиками.

¹⁰ Подполковник Конюк Федор Спиридонович. См. комментарий выше к главе «На Украине».

¹¹ Не пройдет и пары месяцев, как Ян Сирови, без всяких академий Генштаба и долгих лет службы, станет уже генералом и главнокомандующим. Но не одному только ему из числа поручиков, подпоручиков и прапорщиков чехословацкой армии суждено такое фантастическое повышение и взлет, связанный с

большевикам доброволец Кралик¹. Соображения им двигали сугубо шкурные. В ту пору простой солдат получал у большевиков 300 рублей в месяц, в то время как наше жалование составляло лишь 12.

Вечером 18 апреля наш эшелон наконец отправился из Кирсанова на Дальний восток. Но уже на следующий день на небольшой станции Байка² от наших вагонов отцепили локомотив, и он уехал без нас, и как мы отчаянно не требовали после этого у начальника станции ускорить отъезд, простояли мы здесь 7 дней. Здесь же пришлось нам продать и последних шесть лошадей, потому что их просто нечем было кормить. Первого мая мы, наконец, прибыли в Пензу, где сдали Совету оставшееся оружие, а 4 мая уже были в Сызрани, городе на правом берегу Волги. Во второй половине дня мы уже ехали по Александровскому мосту через самый большой водный поток Европы. Пятого мая мы сделали остановку в Уфе, а девятого уже на Урале переехали у Златоуста границу Европы и Азии. После чего мы надолго застряли на станции Полетаево³, расположенной в четырех километрах от одноименной деревни. Там мы простояли с 10-го до 25-го мая.

События этих дней, скоростью смены одного другим, опережали черепашую скорость движения наших эшелонов. Всем было ясно, что наш отход на восток задерживается намеренно. В каждом из наших эшелонов росло беспокойство, и вместе с ним усиливалось и давление на наше руководство, заставлявшее перестать идти на поводу у Советов и двигаться на восток самим против их воли. Во второй половине мая имел место всем известный инцидент на станции Челябинск⁴. Последовавший за этим съезд⁵ наших армейских делегатов принял решение, что

естественной сменой русского командования на чешское. Что не могло, конечно, очевидным образом, не сказаться на его уровне и кругозоре. К сожалению, талантливый самоучка, храбрый и находчивый командир отделения разведчиков с георгиевской ленточкой на груди, как правило, не может мгновенно превратиться в умудренного опытом расчетливого и хладнокровного командира тысяч и тысяч вооруженных людей, держащих сотню-другую километров фронта.

¹ Кралик, Доминик (Králík Dominik, 23.07.1895 - ?), сельский портной, в австро-венгерской армии драгун, взят в плен 20.07.1916 под Луцком, заявление о вступлении в ЧВФР подал в Подольской губернии, зачислен 27.05.1916, дезертировал, но согласно КЛ, через год, зимой 1919 (01.01) попросился назад и снова был принят во 2-й стрелковый полк.

² В 1918 станция на железнодорожной линии Ртищево – Пенза Рязано-Уральской железной дороги. Название станции дало село Байка, расположенное в 12 км на восток, ныне это в Пензенской области. Сама станция в наши дни в Саратовской области. От Кирсанова чуть меньше 100 километров на юго-восток.

³ Полетаево – ныне станция Полетаево I в непосредственной близости Челябинска (по прямой еще около 23 километров на северо-восток). Возникла в 1892, на ветке Самаро-Златоустовской железной дороги при продлении ее до Челябинска. Историческая часть Транссиба. От Кирсанова разведчик Мнехура и его товарищи уехали уже более чем за 1400 километров.

⁴ 14 мая 1918 на железнодорожной станции Челябинск венгерский военнопленный Иохан Малик из вагона уезжавшего на запад поезда бросил обломок чугунной печки в группу чехов, стоявших возле своих задержанных эшелонов, точно так же, как и поезд автора этой книги. В результате чего был ранен, но по счастью не убит, как этого хотел виновник происшествия, чехословацкий солдат Франтишек Духачек. Уезжавший состав был силой остановлен чехами, виновник найден и заколот штыком. Самосуд привел к конфликту чехословаков с местным Советом, захватом его и разоружению местной Красной гвардии, хотя позднее и разрешен, как оказалось, на очень короткое время, мирным путем.

⁵ Съезд делегатов Русского чехословацкого корпуса, на глазах превращавшегося в Чехословацкую легию, начался 20-го мая в Челябинске. В нем участвовали как та часть политического руководства чехословацкого национального движения в России, что не была уже взята в Москве в заложники большевиками, так и командиры тех частей, которые стояли, остановленные Советами, на всем протяжении западного участка Транссиба (от Волги до Енисея). Съезд создал Временный исполнительный комитет, как новый политический и военный орган управления, и принял решение начать самостоятельное движение на восток, не считаясь с волей и позицией большевиков. И уже 25-го мая еще до формального завершения съезда командир 7-го полка капитан Радола Гайда (отвечавший за район от Новониколаевска до Канска) дал приказ капитану Эдуарду Кадлецу начать захват станции Мариинск.

мы сами начнем движение на восток, несмотря ни на какие преграды. Одновременно с этим Троцкий из Москвы отдал приказание всем Советам на пути нашего следования разоружать нас и принуждать вступать в Красную армию, а несогласных отправлять в лагеря. После чего не осталось уже никаких сомнений, что нас ждет схватка с большевиками не на жизнь, а на смерть. И приходилось только жалеть, что мы в этот момент оказались и без винтовок, и без коней.

Из Полетаева мы смогли еще доехать до города Кургана¹ сразу за Уралом. Дальше уже можно было пробиваться только с боем. Всем нашим эшелонам, раскиданным на бесконечном пространстве длиной в 8000 верст от Пензы и Волги до Урала, и по всей Сибири до самого Владивостока.

Бои с большевиками

Штаб нашего полка после бесплодных переговоров с курганским Советом принял решение захватить город. Было тогда нас всех здесь 900 душ, фактически безо всякого оружия. Русские железнодорожники, которые был вооружены и решительно настроены против большевиков, помогли нам вооружиться. Нашлось около 500 винтовок. Досталось несколько и нашему подразделению. Те из нас, кто их получил, участвовали в ночном наступлении на Курган, все остальные должны были охранять станцию чем придется. Это была ночь на 1 июня. Наступление на Курган велось сразу несколькими группами. Мы были приданы группе, имевшей задачу обойти город с запада², перейти реку Тобол и на южном берегу атаковать мельницы, где располагались основные силы красных.

В начале одиннадцатого ночи мы выступили со станции. Ночь стояла темная. Мы дошли до небольшой деревеньки на самом берегу Тобола. Здесь пришлось долго искать брод. Скоро поиски перешли в ворчание, потому что стало очевидно, что у такой реки не может быть брода. Около полуночи в городе прозвучали первые выстрелы. Мы стали нервничать. В конце концов в деревеньке подняли с постели перевозчика. Собрались мы все на берегу, и он нас стал перевозить в лодке группами по десять на противоположный берег. Уже светало, когда мы наконец развернулись в цепь и сквозь утренний туман по лугам двинулись вперед. Если бы в эти минуты нас встретили превосходящие числом силы большевиков, то просто бы скинули в Тобол. Наша группа конных разведчиков шла на самом дальнем правом краю цепи, которая поворачивала влево к городу. Минутами нам приходилось бежать. Мы забыли, что не на лошадях, и не поспевали за пехотинцами. Скоро все уже были в поту. Хорошо еще, что никто не надел шинели. На заболоченных лугах каждую минуту кто-то вяз и падал в траву, а слева непрерывно подгоняли:

– Быстрее... быстрее...

Но быстрее мы просто не могли. Судя по раздававшейся со стороны города стрельбе, там бой шел уже в полную силу. А нам оставался еще километр до мельницы, когда впервые на нашем левом фланге раздалась со стороны города пулеметная очередь. Стреляли также из винтовок. Слух опознавал пули берданок³, которые жужжат в полете, как пропеллер. На стрельбу никто в

Что и было за несколько часов успешно исполнено, ожидаемо приведя в движение все дремавшие до этого разнообразные политические силы нашей огромной страны, после чего и началась кровавая и долгая Гражданская война в Сибири.

¹ Курган – административный центр Курганской области. От станции Полетаево – 270 километров, преимущественно на восток.

² Курган в описываемые времена был совсем небольшим населенным пунктом, железнодорожная станция располагалась на северной окраине, сама дорога шла через города параллельно Тоболу и сразу за восточной окраиной уходила на юг. С южного берега в центр Кургана (прямо на Базарную площадь) вел мост.

³ Берданка – американская однозарядная винтовка системы Хайрема Бердана калибра 10,75 мм, несколько раз модифицированная русскими рационализаторами. Стояла на вооружении царской армии с 1870 года и производилась на российских оружейных заводах. К началу Первой мировой считалась

нашей цепи не реагировал, лишь все ускорили движение к поросшему молодой зеленью берегу рукава Тобола. За двести шагов до него оттуда в нашу сторону грохнул залп. Мы мгновенно залегли и приготовились к стрельбе. И тут же слева по цепи побежала команда:

– В атаку!

Мы поднялись и криком «Урааа!» кинулись вперед. И сразу увидели перед собой трепещущие в воздухе куски белой одежды. Люди стояли с поднятыми руками. Никто из них не был солдатом. Были это гражданские люди – рабочие. Вместо цеха отправили их сегодня сюда. На ремешке у каждого висел узелок с едой.

– Кто стрелял? – спрашиваем.

– Братцы, не убивайте нас, – отвечают. – Те, кто стреляли, все убежали. Мы за них не отвечаем.

И это было правдой. Вся дорога от мельницы на юг была полна убегающими. Видели мы среди них и конных, сломя голову покидающих Курган. В молодой поросли у берега нашли мы множество брошенных винтовок, все собрали, построили пленных, отвели на мельницу, а потом и через город к станции. Первые лучи утреннего солнца уже играли на наших бело-красных флагах, развевавшихся над геройски взятым городом. Курган обороняли 2000 вооруженных большевиков, из них попало в плен 800. Нашей добычей стали 1700 винтовок и прочий воинский материал. Среди трофеев также 11 лошадей для нашей конной разведки, недостающих предстояло добыть в будущих боях.

Везде, где бы мы ни появились в городе, нас встречали горячими овациями. Нас приглашали на чай в русские семьи, а курганские дамы позднее в знак благодарности за освобождение от большевиков обшили наш полковой стяг ленточкой. Сейчас же в городе организовался русский добровольческий отряд, который совместно с нашими частями занялся преследованием разбегающихся большевиков.

На станции из длинных американских вагонов¹ для перевозки угля составлялся бронепоезд. К металлическим стенкам вагона до самого верха докладывался песок², и с двух сторон устанавливались пулеметы, таким же образом защищалась и паровозная будка с поездной бригадой. Полк, разбившись на несколько групп, занимался очисткой края и непосредственно железной дороги от большевиков на востоке, западе, севере и юге. Несколько человек из нашего подразделения были приданы группе, которая освобождала дорогу на восток в сторону станции Петухово³. В числе этих разведчиков были и Коуржил, который после этого уже не был способен к несению строевой службы⁴.

устаревшей (заменялась с 1891 года), но по-прежнему использовалась и производилась из-за недостатка стандартных трехлинеек Мосина.

¹ Американские вагоны – полувагоны со стальными бортами для перевозки сыпучих грузов, то есть гондолы без крыш с нижней или боковой разгрузкой. Длинными их называли, потому что у такого вагона было четыре колесных пары и, соответственно, он был в два раза длиннее стандартной двухосной теплушки.

² На самых ранних из дошедших до нас чешских фотографий подобных полувагонов они остаются открытыми, с дополнительной стенкой из мешков песка, которые также формируют амбразуры для стрелков с двух сторон вагона. На более поздних можно увидеть уже полувагоны, покрытые крышей с проделанными в боковых стенках пулеметными амбраурами и легкими пушками, смотрящими вперед или назад по ходу, в зависимости от места расположения такого вагона в составе бронепоезда. Самое типичное место такого переделанного вагона в составе – перед локомотивом.

³ Петухово – железнодорожная станция в современной Курганской области. Открыта после строительства участка Западно-Сибирской железной дороги от станции Челябинск до Новониколаевска в 1896 году. От Кургана на Петухово – чуть меньше 170 километров на восток с небольшим смещением на юг.

⁴ См. комментарий «Коуржил» к главе «На Украине».

Центром сосредоточения сибирских большевиков был Омск, от которого мы сами находились на расстоянии 500 верст. Решающий бой за Омск произошел на станции Мариановка¹, располагавшейся на расстоянии около 45 верст перед² Омском. На этой станции в конце мая большевики неожиданно напали на эшелон нашего 6-го полка, которому это нападение обошлось в 27 убитых³. В том бою бросил против нас омский Совет свои лучшие силы. В числе которых было и подразделение венгров, бывших военнопленных. Все эти силы были окончательно уничтожены к началу июня, и сам Омск взят.

На станцию Мариановка наш собственный эшелон прибыл около трех часов утра на следующий день после боя⁴. Шесть нас, разведчиков, было в поезде, который следовал за эшелонами Сирови⁵. На станции было затишье после бури. Расстрелянные станционные здания, пулями пробитые вагоны, воронки от снарядов, все говорило о том, что тут было жарко. Правая сторона полотна выглядела так, как будто бы там еще проходила передовая. Один возле другого длинной полосой лежали убитые большевики, ровно там, где во время атаки нашел их наш пулемет. В направлении Омска перед станцией валялись сошедшие с путей и продырявленные пулями пассажирские вагоны, в которых сюда прибыла последняя надежда омского Совета – венгры. Еще один большевистский поезд – с артиллерией – успел въехать на станцию, но в бой ему вступить не дали. Теперь с его платформ скатывали пушки и снимали ящики со снарядами и на поляне у станции Крейчиржик⁶ уже формировал нашу новую батарею, раз уж теперь у нас и свои пушки есть. С целой округи собираются на станцию казаки с оружием и даже пулеметами, которые были спрятаны у них дома, организуются в противобольшевистские отряды.

Самая отталкивающая сцена открывается немного поодаль от станционного здания на небольшой поляне. Здесь пленные большевики, переданные казакам. Их довольно много. Они окружены вооруженными всадниками и копают глубокую яму. Далеко не все из них русские. Некоторые стоят на коленях и умоляют о пощаде. В ответ получают удар нагайкой. Большинство угрюмо молчит и копает себе могилу.

¹ Мариановка – это небольшая станция на Транссибе, открытая в 1894 году, рядом с которой возник позднее рабочий поселок с чуть-чуть измененным, но похожим названием Марьяновка.

² То есть западнее. Автор, как обычно, видит себя в центре события и все стороны света привязывает к положению своего тела.

³ Неожидаемость боя на станции Мариановка у Омска связана с тем, что произошел он 25-го мая еще до того, как началось, собственно, само восстание чехов и захват ими Транссиба. Раздосадованный отказом одного из чешских эшелонов разоружиться при въезде в Омск на станции Куломзино (ныне Карбышево 1) и самовольным, мгновенным отходом на запад этого эшелона, большой отряд омских большевиков под командой самого начальника красной милиции Петра Успенского немедленно отправился вдогонку за беглецами. Догнал на станции Мариановке, к которой к этому моменту с запада подошел еще один, хорошо вооруженный после челябинского инцидента, эшелон чехословаков. Состоявшийся почти трехчасовой бой закончился разгромом красногвардейцев, захватом их вооружения и бронепоезда. Командир красных Устинов при этом погиб. Общие цифры потерь, которые приводит автор брошюры «Мариановка» Отакар Ханушка (Hanuš, Otakar. Marianovka: (z bojů ruských legií o západní Sibiř). Brno: Moravský legionář, 1924, s. 15) – со стороны большевиков 200 убитых и 139 взятых в плен. У чехословаков «убито 18 братьев и 19 ранено».

⁴ Бои на станции Мариановке и вокруг нее не закончились 25 мая. А продолжались с перерывами еще почти две недели.

⁵ Согласно брошюре Ханушки (с. 26) подкрепление под командованием Сирови прибыло в Мариановку 4 июня.

⁶ Возможно, Крейчиржик, Венцеслав (Krejčířik, Věnceslav, 28.6.1887 – ?), агроном, сокол, в России принял православие, службу в ЧВФР начал еще в Чешской Дружине (05.03.1915). Прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легионе – майор (КЛ). Такой жизненный путь похож на путь воина по фамилии Крейчиржик, упоминаемого в Хронике, сначала как отважный командир разведчиков в 1916-м в звании прапорщика (с.15, 18), а затем штабс-капитана и капитана, командира батареи в 1918-м (с. 174, 177).

Нас с Витом¹ сразу отправили с депешами к подразделению 6-го полка, которое за несколько верст перед Мариановкой окопалось в лесочке у домика обходчика. На другой день мы приняли участие в разведке, которую казаки проводили с правой² стороны дороги. Осмотрели мы все отдельно стоящие в лесу строения, а также имение в верстах десяти от станции. В имении на работах были заняты и австрийские военнопленные. Мы там обошли все в поисках оружия или спрятавшихся большевиков. Хотя вначале пленные, узнав, что мы чехи, не хотели нас к себе пускать, и, вообще, в отношении нас вели себя весьма вызывающе. Даже грозили нам судом и повешением в Австрии. Тут уж мы не сдержались и как следует им напододали. Казаки, которые от нас узнали, что военнопленные нам угрожали, хотели их тут же поставить к стенке и расстрелять. Но мы им этого сделать не позволили.

Восьмого июня прибыли в Омск, который к этому времени уже был в руках наших. В тот же день уже ночью несколько человек из нас под командой Захарова и нескольких русских офицеров были отправлены в ближайший к дороге пригород произвести арест. Сам город от станции находится на расстоянии четырех верст³ и соединен со станцией местной веткой⁴. Предмestье у городского вокзала называется, как мне кажется, Казачий хутор⁵. Вошли мы там во двор какого-то дома, который предварительно окружили, чтобы никто не мог сбежать. Двери и ставни на окнах закрыты. Начинаем вламываться. Открывается окошко рядом с сенями, и в нем возникает мужское лицо:

– Кто там?

Отвечаем:

– Солдаты, чехи!

Мужское лицо за окном исчезает, потом в доме зажигается свет и до нас начинает доноситься плач. Опять принимаемся стучать в ставни, но уже больше никто не откликается. Разбиваем прикладом одно окно и через него проникаем в дом. Мы были уверены, что тут какое-то гнездо большевиков, но ничего подобного внутри не обнаруживается. Большая семья повыскакивала из белых постелей и в чистых ночных сорочках сгрудилась вокруг своего отца, и в страхе и горьких рыданиях его обнимает. Одна мать стоит бледная и неподвижная у постели, словно лишившись дара речи. Наконец отец тихо, упавшим голосом, спрашивает:

– Господа, простите, что вам надо?

– Все ясно. И что теперь делать? – задаем вопрос поручику.

– Обыскать дом, а этого человека забираем!

Никто из нас не испытывал ничего сочувствия к этой несчастной семье, которая по какой-то причине оказалась целью нашего рейда. И никто из нас не считал за честь участвовать в подобных операциях. Сто раз милее любому из нас с винтовкой и гранатами идти в атаку на передовой, чем выполнять такие полицейские обязанности. Недовольство было общее. Только подчиняясь приказу, мы ходим по горнице и смотрим, нет ли оружия. Дочка сама показывает, где висит винтовка. Они сейчас имеются в каждом доме. Отец семейства одевается и прощается

¹ С большой вероятностью Вит, Антонин (Vít Antonín, 13.06.1892 - ?), повар, социал-демократ, взят в плен 15.12.1914 у Горлиц, зачислен в ЧВФР 24.06.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и демобилизовался. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер (КЛ). См. также комментарий «Тонда» к главе «На Украине».

² Надо полагать, на юге, если автор смотрит, как обычно, на вожделенный восток. Это последний комментарий, относящийся к специфическому способу определения автором сторон света. Думается, далее читатель самостоятельно уже сможет сориентироваться, где и что в книге происходит.

³ Казачья столица Сибири тех времен Омск располагалась севернее одноименной станции, у стрелки Иртыша и его притока Оми.

⁴ Местная железнодорожная ветка от станции в город доходила до района современных улиц Потанина и Иртышской набережной, где располагался внутренний уже Городской вокзал.

⁵ Возможно, Казачья слобода – район современных улиц Жукова, Пушкина в месте примыкания к улице Масленникова.

с семьей, которая валится на колени, моля не убивать отца. Ушли мы оттуда с огромным облегчением.

Нас всех интересовала судьба этого арестованного. Он был железнодорожным служащим. Несколько дней спустя после случившегося русские железнодорожники устраивали концерт в честь чехословаков в саду у станции. Там мы вновь встретили нашего знакомого. Он рассказал, что на него донесли люди, желавшие от него избавиться. Чехословацкий штаб в его деле честно разобрался и освободил. Он был в восторге от чехов.

Участвовали мы в арестах еще трех русских, но в дома больше не входили. Оставляли это казакам. Зато однажды сами со всей тщательностью обыскали дом одного военнопленного чеха, большевистского организатора. Нашли много обличающей его деятельность переписки, однако его самого кто-то успел предупредить заранее, и он сбежал.

В Омске вновь свалилась на нас неожиданная и не слишком желанная слава. Все наши части, которые оказались на станции, прошли по городу торжественным маршем, бурно приветствуемые населением, которое называло нас своими освободителями. В честь чехословаков давались концерты, банкеты, собрания, был устроен сбор средств на лечение наших раненых, газеты не переставали публиковать статьи, кипящие восторгами по поводу чехословаков. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без присутствия наших представителей или речей в честь чехословаков, которые между тем продолжали с боями, освобождая за станцией станцию, продвигаться по бесконечной сибирской магистрали все дальше и дальше, открывая себе таким образом путь на восток¹.

Но во Владивосток наши эшелоны тем не менее не пошли, а были направлены назад на Урал. Необыкновенное воодушевление русского населения создавало впечатление того, что можно свергнуть советскую власть во всей бывшей империи и восстановить власть демократическую, возвращения которой все мы русским от всего сердца желали. Но для этого требовалась наша помощь. Союзники принятое нами решение поддержали и пообещали прислать уже нам в помощь и свои войска. По этой причине никто из нас не роптал, опять возвращаясь на запад. Вело нас убеждение в том, что делаем мы это для братского славянского народа, с его ведома и при его участии, и за это мы были готовы пролить свою кровь.

Из Омска мы отбыли 5 июля в направлении Тюмени. В этих районах² шли активные операции по их «очистке». Из вагонов мы выгрузились уже за станцией Вагай³ на разъезде № 27. Большевики, выбитые из Вагая, стянули свои силы к станции Заводоуковская⁴ и, согласно полученным сведениям, закрепились на станции Ялоторовск⁵.

Два наших эшелона, прикрываемые бронепоездом, двинулись в сторону станции Заводоуковская. Наше конное подразделение составляло боевое охранение бронепоезда по обе стороны дороги. Движение было не из легких, потому что дорога на Тюмень идет лесным краем. Но если среди берез мы могли поспевать за бронепоездом, то когда начинались густые кусты или болота, которые надо было объезжать, приходилось выстрелами давать знать бронепоезду, чтобы ждал. От разъезда⁶ до Заводоуковской 30 верст. Около полудня мы выехали к небольшой речке с железнодорожным мостом. Мы, разведчики, собрались у моста, чтобы проверить, не заминирован

¹ Транссиб или «магистраль», как его называли чехи, полностью перешел под контроль белых сил 30 августа 1918, после соединения у реки Онон на забайкальской станции Оловянная объединенного фронта русско-чешских войск под командованием Радолы Гайды с частями атамана Г.М. Семенова.

² Севернее Транссиба.

³ Станция Вагай – возникла при строительстве железной дороги Тюмень – Омск. Открыта в 1913-м. От Омска 200 километров на северо-восток.

⁴ Заводоуковская – станция на линии Тюмень – Омск. Открыта в 1913-м. От Вагая до Заводоуковской – чуть меньше 220 километров на юго-восток.

⁵ Ялоторовск – город на левом берегу реки Тобол. От Ялоторовска до Заводоуковской на больше 22 километров по прямой на северо-запад.

⁶ Разъезд № 27. См. ранее в тексте.

ли он. Нас несколько человек с Вагенкнехтом¹ во главе перешли вброд на другую сторону реки, но едва от реки поднялись на железнодорожную насыпь, из леса раздались выстрелы. Мы кинулись назад в воду и вернулись на другой берег. Коней спрятали у моста, залегли на насыпи и открыли огонь по лесу, из которого нас самих только что обстреляли. Никто уж не отвечал. Судя по всему, это был небольшой большевистский патруль, который тут же и отошел.

Но, как бы там ни было, бронепоезду нельзя двигаться дальше, пока мост не будет осмотрен. Поэтому он стоит перед ним и ждет. Зато два эшелона, что двигались за ним, заслышав впереди стрельбу, поддали ходу. И вот уже на всех парах появляются из-за поворота, ведущего прямо на мост. Бронепоезд отчаянно гудит им, чтобы тормозили, но расстояние слишком маленькое, столкновения уже не избежать. Первый эшелон еще смог притормозить на некотором отдалении от бронепоезда, а второй все же ударился в последний вагон первого. По счастью, уже совсем на малой скорости. Солдаты отделались синяками, разбитыми носами и прочими подобного рода мелочами.

Наконец мост нами внимательно осмотрен. Ничего подозрительного не найдено. Даем знак бронепоезду, и он самым медленным ходом въезжает на мост. За мостом уже в лесу дает несколько пулеметных очередей по кустам, вслед убегающим большевикам.

Большевики не стали нас ждать и на станции Заводоуковской. Бежали, перекрыв въезд сброшенным с путей паровозом, который русские железнодорожники сразу же по отходу большевиков начали поднимать и ставить на рельсы. Если бы не эти люди, всюду немедленно бравшие нашу сторону и оказывавшие неоценимую поддержку, не было бы у нас с первого же дня таких успехов.

В Заводоуковске пришлось задержаться. Согласно имевшимся сведениям, большевики создали укрепленные позиции на станции Ялотуровск, находившейся в 22 верстах отсюда. Наш конный отряд получил приказ до вечера произвести разведку дороги не менее чем в десять верст глубиной в сторону Ялотуровска. Покормили мы коней, сами съели скудный обед и отправились вперед. Большевиков не нашли. Вернулись уже поздним вечером. И кони, и мы для одного дня накатались более чем достаточно.

Согласно дальнейшему плану, предстояло обойти левое крыло большевиков и ударить по Ялотуровску с тыла. Для выполнения этой задачи наши части выступили рано утром 9-го июля в двухдневный охватный поход. Пехота двигалась на повозках, специально для этой цели реквизированных. На нас лежала обязанность вести передовую разведку. Дорогой мы на пароме переправились через реку Пышму². К вечеру пришли в местечко Петровский завод³, где староста и местное население встретили нас хлебом-солью. Здесь мы остановились на ночевку. Ранним утром следующего дня наш разведывательный отдел выехал, чтобы определить местоположение позиций красных до того, как выступит наша пехота. Но уже дорогой от местного населения мы узнали, что этой ночью большевики сами ушли из Ялотуровска.

В Ялотуровске мы нашли как брошенные окопы с натянутой перед ними колючей проволокой, так и наши собственные эшелоны. Сразу после бегства красных русские железнодорожники сообщили об этом нашим на станцию Заводоуковская.

Большевики стягивали свои силы к Тюмени, где у них был организационный центр и сильный местный гарнизон. В Тюмени также располагались большие лагеря военнопленных⁴. Оттуда к

¹ Вероятнее всего, Вагенкнехт, Алоис (Vagenknecht Alois, 01.08.1893 – 08.12.1919), зачислен в ЧВФР 08.12.1916. Погиб в дни декабрьского восстания в Иркутске (при подавлении бунта в Александровском центре) от случайно упавшей из рук бывшего рядом русского офицера гранаты. Последнее звание в легии точно неизвестно, поручик или подпоручик (КЛ).

² Пышма – извилистая сибирская речка с истоком в уральском озере, вопреки обычной природе больших сибирских рек течет не с юга на север, а с востока на запад. Приток Туры.

³ Петровский завод – точное определение местоположения затруднительно. Очевидно лишь, что это район северо-восточнее Ялотуровска до реки Пышмы и станции Винзили.

⁴ Согласно данным В. Вегмана (Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская

нам пришло много наших добровольцев. Расстояние от Ялтруовска до Тюмени составляло 70 верст. Не встречая особого сопротивления, мы смогли продвинуться до станции Богандинская¹, что уже в 35 верстах от Тюмени. Здесь нас встретили очень хорошо укрепленные позиции красных, которые наглядно свидетельствовали о том, что Тюмень просто так они сдавать не собираются.

Целых семь дней на берегах Пышмы у Богандинской шли бои, на время которых наше подразделение было разделено на две части. Те, кто до сих пор не имели коней, пошли в окопы, а мы, конные, ежедневно вели разведку то на левом, то на правом фланге. Самые жаркие бои шли на правом фланге, где большевики поставили против нас интернациональное подразделение, составленное из самых опытных военнопленных. Были среди них и чехи. Но и это подразделение захлебнулось в крови, а потом и в Пышме, куда была сброшена последняя сотня составлявших его людей. Из наших разведчиков здесь, у Богандинской, был легко ранен осколком ручной гранаты Дивишек.

Но на Тюмень, ключевой пункт, расположенный между Омском и Екатеринбургом, шло наступление не только с нашей стороны. С юга, со стороны Кургана, Тюмени также угрожали вместе с подразделениями русских добровольцев другие наши части. Таким образом, у богандинских большевиков возникла опасность лишиться путей отступления. Укрепленные позиции в Богандинской были оставлены, а вслед за ними и сама Тюмень. Двадцатого июля наши эшелоны прибыли в уже освобожденную Тюмень, уездный город², расположенный в 540 верстах от Омска. Здесь все началось снова: слава, музыка, концерты, букеты, речи – и все в честь чехословаков. На каком-то из этих торжественных мероприятий к нам обратилась сама бабушка русской революции Брешковская³. Но самую большую радость от прихода в Тюмень имел наш Юппа⁴, который еще будучи здесь, в лагерях, завел знакомство, что перетекло затем в долгий и запутанный роман.

советская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 Новосибирск, 1929. Стб. 517–521) общее число военнопленных в Тюмени не превышало 5 тысяч, что немало, но много меньше, чем в таких действительно крупных лагерях, как Березовка (27 500 чел) или Чита (32 500). Всего в период Первой мировой в русском плену оказалось 2 322 378 военнопленных, из них 2 104 146 австрийцев, 167 082 германцев, 50 950 турок и 200 болгар. В Сибири содержалась десятая часть от общего количества, около 240 тысяч.

¹ Богандинский – станция (Богандинская) и рабочий поселок в Тюменской области.

² С 1796 года – уездный город Тобольской губернии. С воцарением большевиков весной 1918-го и возникновением Тюменской губернии – уже губернский город.

³ Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна 13(25).01.1844, Россия – 12.09.1934, Чехословакия) – прославленная социал-революционерка, согласно данным белой печати, приведенным в статье Елизаровой (Елизарова Н.В. Визит в Омск Е.К.Брешко-Брешковской в отражении периодических изданий белой столицы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны. – Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 72–79), прибыла в Тюмень нелегально еще 12 июня при большевиках и покинула ее сразу после освобождения 21-го, направляясь через Тобольск в Омск и меняя при этом не только города, но и пароходы. О том, какое мощное агитационное воздействие на тогдашних чехословаков производили выступления в ту пору семидесятичетырехлетней Брешко-Брешковской, можно судить по следующей цитате из романа Карела Терингла «Десятая рота под Казанью» (Terिंगl, s. 184): «В Челябинске пришла к нам на съезд бабушка Брешковская, спасители, голубчики тут, славянство там, запели все “Гей, славяне”, как на вечернике выпускников в пивной, и, привет, сидим мы тут, как приговоренные, у Казани». Согласно легенде, прозвище «бабушка русской революции» Брешко-Брешковской дал соратник по партии А.Ф. Керенский.

⁴ Юппа, Франтишек (Juppa František, 24.05.1892 – 22.05.1945), переплетчик, пражанин, взят в плен 10.12.1914, подал заявление о вступление в ЧВФР 19.10.1915, зачислен в ЧВФР 19.07.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и стал офицером в армии независимой республики. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер. Участник антинацистского сопротивления. Умер сразу после освобождения из концентрационного лагеря Дахау (КЛ).

Отовсюду приходили известия о победах чехословаков. Во все стороны от Урала и Омска – на восток, в Красноярске, Иркутске, у Байкала и во Владивостоке, и на запад к Волге, в Екатеринбург, Самаре, Симбирске и в Поволжье – в небе гордо реяли победные чехословацкие флаги. Не было ни малейшего сомнения, что дело наше ждет полный успех. Освобожденная Россия стала приходить в себя. Формирует демократическую власть и собирает огромное войско, которое вместе с нами возьмет Москву. Никогда уже больше судьба нам не даст в руки такого огромного пространства земли, каким мы сейчас владеем. Какая маленькая наша собственная родина, по сравнению с ним.

Из Тюмени наш путь лежал дальше на Екатеринбург¹. Большевики, которых взятие Камышлова² на этой ветке лишило возможности отступления по железной дороге, уходили пешим ходом на север, и их преследовал полк сибирских казаков.

На станции Ощепково³, в 133-х верстах от Тюмени, наш эшелон остановился. Здесь уже стояли другие наши части и артиллерийская батарея. Нашему подразделению была поставлена задача наладить связь с полком казаков, который за сорок верст севернее гнал большевиков.

Ближе к полудню нас, восемь человек, выехало в указанном направлении. Здесь стояли наши полевые посты, которые пропустили нас только после того, как мы сказали пароль. Начинался жаркий сибирский день. Мы торопились, потому что к вечеру должны были вернуться домой. Наши кони шли рысью по мелкому, вязкому песку дороги, которая то и дело ныряла в рощицы. Так, проехав верст двенадцать, мы оказались на краю какой-то деревни. Березки здесь доходили до самого «сёла». Одна из изб с просторным гумном была поставлена прямо возле лесочка отдельно от всех остальных, сгрудившихся у дороги, и таким образом за этой избой получалось что-то вроде площади, к которой вели дорожки справа и слева от гумна. Мы остановились на перекрестке у гумна. До нас доносились какие-то крики. Что-то происходило, либо в самой избе, либо перед ее крыльцом, находившимся на противоположной от нас стороне. У нас были сведения, что в этой деревне еще утром сегодня красных не было. Крики усиливались, и по тому, сколько одновременно слышалось голосов, не было сомнений, что на той стороне много народа. Посоветовавшись, решили мы сделать так: галопом врываемся туда с правой стороны гумна, и если видим большевиков, делаем каждый по выстрелу из винтовок в их сторону, и пока большевики будут приходить в себя, стремительно уходим влево в лес. Обошли мы галопом избу и остановились перед ней, пораженные открывшимся нам отвратительным зрелищем. К избе была пристроена большая веранда, поставленная на столбах, крытая крышей, но ничем не огороженная. И на этой веранде толпа местных жителей избивала двух каких-то людей. Одного добивали уже лежащего на земле, а второй был привязан к столбу веранды, и к этому человеку, кто с чем в руках, только приступили. Немного поодаль лежала женщина, связанная веревкой, которую этой веревкой таскали по земле. При нашем появлении все разом остановилось. Но увидев наши бело-красные ленточки, тут же пришли в себя и стали нас радостно приветствовать. Захаров начинает выяснять, за что избивают этих людей.

– Еще до того, как вы приехали на станцию, они отвели всех молодых в красную армию, реквизируют лошадей, зерно, продукты и даже деньги мы им должны были отдать, – жалуются нам люди.

– А что с этой женщиной? – спрашиваем.

– Тоже ходила реквизировала вместе со своим мужем-комиссаром.

Окружили нас и горячо просят, чтобы мы им позволили наказать этих большевиков. Было понятно, что если мы уедем, то они непременно забьют их камнями и палками. Времени рассуждать не было. И Захаров нам троим дает команду «остаться и застрелить большевиков». Мы не стали скрывать, что нам такой приказ не по душе и нам стыдно его выполнять. Но

¹ От Тюмени до Екатеринбурга чуть более 350 километров по прямой на запад.

² Камышлов – город и станция в современной Свердловской области.

³ Ощепково – железнодорожная станция на северо-восточной окраине города Пышма.

прапорщик настаивал, указывая, что так мы хотя бы избавим этих людей от страшных мук. Пришлось подчиниться и остаться. Наши тут же ускакали вперед.

Мы потребовали немедленно прекратить избиение связанных. Женщину развязали и отпустили, строго всем наказав, чтобы ее больше не трогали. Но и получив свободу, она осталась на месте. Лишь только приподнялась на локтях и тупо глядела в землю перед собой. Один из двух избитых большевиков выглядел ужасно. Он уже мало походил на человека. Вся его голова была в крови и невероятно распухла. Кровь уже запеклась, и там, где некогда-то было лицо, лишь висели куски синего, рваного мяса. Глаз не было видно вообще, а когда бедняга зашевел языком, пытаясь что-то промычать, изо рта прыснула кровь. Одно ухо было отрезано, и левая рука болталась, как тряпка. Второй большевик тоже был сильно избит, но не до такой степени. Мы им приказали идти на кладбище, до которого было рукой подать. Но едва лишь самого избитого поставили на ноги, и он сделал несколько шагов, как какой-то инвалид так его ударил по голове костью, что несчастный снова упал. Нас переполнили жалость и злоба. Пригрозили мы всем, что их тоже не пожалеем, если кто-то еще раз ударит кого-либо из большевиков. Упавшего отнесли на кладбище на перекладинах какой-то лестницы. Мы сами очень спешили, чтобы скорее покончить с отвратительным поручением. Тем временем едва ли не вся деревня собралась на кладбище, и женщины принесли нам столько еды, кувшинов молока, кваса, блинов, мяса, что всем этим можно было легко накормить и напоить целую роту.

Когда мы уже собрались отъезжать вслед нашим, заметили всадника, который приближался к кладбищу от края леса. Укрылись за новым, высоким плетнем, стали ждать, когда он подъедет поближе. Взяли его на мушку, заставили слезть с коня и подойти к нам. От страха он непрерывно крестился. А когда понял, что мы чехи, от радости едва не расплакался. Это оказался казак из того самого полка, который мы искали. Он нам рассказал, что во время разведки на их отряд напали большевики и вынудили разбежаться. Он даже не знает, что стало с его отцом, с которым был на разведке в одном отряде. Отправили мы казака на станцию, а сами поспешили за нашими.

И сразу за деревней встретили троих, которые вели двенадцать не просто коней, а оседланных. Оказалось, что в следующей ближайшей деревне сделала привал большевистская конная разведка, скорее всего та самая, что разогнала казаков. Наши бросились на нее, сделали несколько выстрелов и такой ужас этим навели на большевиков, что те словно зайцы кинулись через гумно в лес. Всех своих коней при этом оставив привязанными у изб.

В деревне едва только увидели чехословаков, снова понесли все лучшее, что только имели из еды и питья. Вновь явились блины, огурцы, молоко, мясо, квас – всем этим мы были просто завалены. Особенно был к месту ледяной квас в посуде из березовой коры, которым мы славно освежились. Стояла в этот день сильная жара. Наши рубахи были полностью расстегнуты¹, и все равно пот с нас просто лил, а кони под нами – одна пена. Поели, переседлали коней и вновь двинулись искать казаков. Мы с Новотным² ехали впереди и с нами молодой паренек из деревни на домашнем деревянном седле, который сам нам предложил показать место, где еще вчера совершенно точно был казачий полк. Проехали мы еще десять верст, прежде чем наконец нашли казаков. Они отдыхали в деревне, в которой по всем признакам еще недавно шел бой. На деревенской площади около лужи, у которой бродили поросята, лежало несколько трупов. Никого не беспокоило то, что свиньи, возившиеся у луж, возились и возле мертвых.

Когда мы пришли, казаки обедали, поили и кормили коней. Нас привели к командиру.

¹ Чехословаки той поры носили, как недавнее регулярное подразделение русской армии, русскую военную форму. Летней рубашкой, соответственно, была гимнастерка, которую даже расстегнув все пуговицы можно было распахнуть едва лишь на треть.

² Новотны – одна из самых распространенных чешских фамилий. Только в списке бойцов одного 2-го чехословацкого стрелкового полка таких числилось, согласно КЛ, 58 человек. В списке погибших в Хронике (с. 234) два имени, Антонин Новотны (1891) и Мартин (1885). Оба сложили свои головы в 1918-м, Мартин ранее описываемых событий, в июне, а вот Антонин позже – в августе у Далматова, что в современной курганской области. Первым был простым стрелком, второй – унтер-офицером.

Встретил он нас с неописуемой радостью. И тут же приказал дежурному офицеру объявить полку, что тот выступает и движется дальше, потому что пришли чехословаки.

– «Gospodin» полковник, нас всего лишь восемь, – обращаем его внимание на ситуацию.

– Не имеет никакого значения, – отвечает. – Главное, чтобы вы просто здесь находились.

В конце концов, это было дело нашего прапорщика принимать решение. Как скажет, так и будет. Прапорщик согласился.

Казачи сами напоили и даже накормили наших коней, а нам предложили пообедать. Мы им в свою очередь рассказали, что казак, который у них пропал во время утренней разведки, жив, и нами направлен на станцию к нашим. Его отец, который уже успел оплакать сына как взятого в плен и убитого, выражал нам такую благодарность за новости о нем, как будто это мы сами кажим-то образом в самом деле спасли жизнь его сына.

Было уже где-то четыре часа дня, когда мы с казаками выехали из деревни искать большевиков. Наш отряд двигался вперед и вел разведку. Примерно после трехчасового похода на запад мы слышали стрельбу. Перед нами в этот момент была какая-то деревня. Близко к ней подходивший лес позволил вплотную приблизиться к деревянной ограде, которой бывают окружены со всех сторон сибирские деревни (в нее на ночь загоняют, а утром из нее выпускают пастись скот). Сзади к нам подошли казаки. Только сейчас мы увидели, сколько их на самом деле. Не больше ста верховых. А говорили, полк!¹

Совместно пытаемся определить, откуда и куда стреляют. Очень мешает заходящее солнце как раз в той стороне, где надо что-то разглядеть. То тут, то там, то прямо над нами, нет-нет да просвистит шальная пуля. То, что это большевики, сомнений не было никаких, потому что где-то здесь они и должны были уже остановиться на ночлег. Но вот в кого они палят, мы не могли понять.

Наконец вспомнили, что еще перед нашим выездом в том же направлении уходили куда-то разведчики нашей собственной батареи. Тут уж мы потеряли всякое терпение. Вместе с казаками через дыру проникаем за ограду и входим в деревню. Пытаемся выяснить у местных, в кого стреляют. Подтверждается только то, что наши здесь действительно были. Со всей возможной осмотрительностью едем через деревню, узкую и длинную, как кишка, которая своим западным концом упирается в лес. Где-то там и стреляют.

Тут из какого-то сарая выбегает и оказывается между нами солдат, он без оружия. И это наш.

– Братья, выручайте!

Задыхаясь, рассказывает.

– Мы ехали через деревню к лесу, в который перед этим ушли большевики. И вдруг отсюда сбоку выскакивает и накидывается с тыла их кавалеристский эскадрон. А нас всего девять. Развернулись и шашками пробили себе дорогу назад. Некоторые потом соскочили с коней и спрятались среди дворов. Я смог укрыться в сарае с перегноем. Большевики меня не нашли, а местные не выдали.

Успокоился, только увидев, что нас вместе с казаками много. Потом уже выяснилось, что наши все смогли уцелеть, лишь одного большевики схватили и убили, а еще одного ранили. Также местные жители показали нам большевистского кавалериста, лежавшего в стороне на земле и умиравшего. У него было несколько сабельных ран на голове и шее. Он отходил. Из найденных у него писем стало понятно, что это был венгр.

Приближалась ночь, и нам надо было возвращаться. Станция лежала отсюда в 35 верстах. Казаки оставались, а нас местные жители пообещали отвести назад самой короткой дорогой. Один из них, с лошадкой, запряженной в легкую тележку, взялся нам показать дорогу. Лишившийся коня разведчик из батарейцев сел рядом с ним. Ночь была ясной, и кони легко находили путь, да еще и тележка все время виднелась впереди.

¹ В русской армии численность полка могла быть от 1000 до 1500, но не более 2000. Сто человек – это рота, и не самая большая.

Около полуночи мы въехали в какую-то деревню. Перешли на шаг, чтобы не пропустить колодец и утолить жажду. Внезапно в ночной тиши засвистел рожок. И сразу из всех домов стали выбегать вооруженные люди, мгновенно окружили нас и заставили остановиться. Мы, не задумываясь, выхватили из ножен шашки.

– Кто вы?

Отвечаем:

– Чехи!

Тут же облепляют каждого из нас и начинают просить, чтобы остались у них переночевать. В соседней деревне расположился отряд большевиков, и местные боятся, что большевики могут прийти и к ним. Но мы уже не могли задерживаться. Успокоили всех, заверив, что завтра утром сюда придет целый полк чехословаков. Поверили и отступились от нас. А когда выяснилось, что ищем колодец, принесли столько кваса, что весь мы просто не смогли выпить.

Начало уже светать, когда мы вернулись на станцию. Вороня кобыла Вагенкнехта, когда ее расседлали, упала на землю, а все остальные лошади даже не притронулись к еде. В ближайшие несколько дней пришлось списать троих. Мы их загнали.

Вскоре наш эшелон двинулся дальше до станции Камышлово, неожиданный обход и захват которой сделал невозможным для большевиков отступление по железной дороге. Отсюда они ушли на север к городу Ирбит¹, а мы снова начали их преследование. Обнаружили у села Стриганки², где они оказали сильное сопротивление. Была там пехота, кавалерия и даже пушки.

Уже в лесочке перед самой Стриганкой наша разведка наткнулась на разведчиков большевиков. После пары наших выстрелов большевики бежали, оставив часть своих коней, на которые мы и пересели, сменив наших утомленных. Ближе к деревне по нам самим был открыт огонь уже артиллерии. Пришлось отойти. У казаков оказалось ранено несколько лошадей.

Больше в наступлении на Стриганку наши уже не участвовали. Чехословаков сменили подошедшие к этому времени части сибиряков, а мы сами отправились в Омск, а оттуда уже в Поволжье.

*

Отъезд из Камышлова внешне больше походил на бегство, чем на что-то иное. Так быстро наш эшелон двигался только однажды, когда мы первый раз спускались с Урала³ и локомотив в одиночку не справлялся с товарными вагонами, многие из которых не были оборудованы тормозами. Но ныне-то мы ехали по равнине. Особенно ощущали необыкновенную скорость нашего движения мы, находившиеся в последних вагонах.

– Как будто где-то фронт прорван! – говорили мы между собой. Но какой фронт? И где он? На востоке, на западе, на юге, в какой стороне света? Невозможно сказать, со всех сторон тогда у наших был фронт.

Во время остановки в Ялоторовске солдаты сибирской части привели к нам австрийского военнопленного – чеха. Якобы занимался организацией большевистских отрядов. Приговор короткий: «Будет расстрелян на какой-нибудь станции, как только стемнеет». Посадили его к нам в одну из теплушек. Едем. Уже близился вечер, когда от быстрой езды заварилась ось у одного из вагонов, как раз того, в каком был пленный. Под непрерывный визг заплывшейся оси, охваченной дымом и огнем, мы въехали на ближайшую станцию и остановились. Солдаты из теплушки выгрузились и стали переносить все в другую, поданную на замену. Со всеми вышел и пленный, к которому приставили охрану. Сидел с безнадежным видом на штабеле досок, также

¹ Город в современной Свердловской области. От Камышлов чуть меньше ста километров на север.

² По всей видимости, село Стриганское в современной Свердловской области. От Камышлова – 45 километров прямо на север.

³ Очевидно, уральских гор.

выгруженных из вагона¹. Подошел командир поезда, прапорщик Паукнер², чтобы поторопить работающих, а заодно и посмотреть на приговоренного, которого он до сего момента еще не видел.

Некоторое время эти двое молча смотрели один на другого, а потом подали друг другу руки. Приговоренный оказался старым товарищем Паукера по юнкерскому училищу. Со слезами на глазах он стал уверять, что ни в чем не виновен, и просил провести следствие.

В Казань

Судя по той дали, в которую нас завезли от ирбитского фронта, через Тюмень, Омск, к Волге и Симбирску, и по той скорости, с которой мы двигались, всем было понятно, что едем мы не на отдых и что в нас испытывают где-то здесь большую нужду. Вечером 17-го августа погрузились мы на пароход и утром 19-го отплыли из чистого, белого Симбирска – города с первого взгляда всем полюбившегося. По могучей волжской глади легко плыл против течения наш «Мефодий» в сторону Казани, лежавшей в 150 верстах севернее Симбирска. Был это один из самых больших волжских пароходов. Он взял на свой борт несколько сот человек с лошадьми, обозом, фуражом и амуницией. Люди заняли все доступное пространство на корабле, некоторым счастливым даже достались комфортабельные каюты первого и второго класса. Наше подразделение конной разведки разместилось под палубой, рядом с нашими лошадьми.

Легко, как будто лениво, погружались лопатки пароходных колес в волжскую гладь, и со скоростью в тринадцать верст толкали нашего «Мефодия» все дальше и дальше от Симбирска. Казань была нам малознакома, потому что в ней не было сколько-нибудь известных лагерей военнопленных, из которых бы к нам приходили добровольцы, таких, какие были в Ташкенте, Дарнице, Тюмени и т.д.

В те долгие, отвратительно бесконечные дни, что мы тащились из Прилук в сторону Урала, мы смогли в деталях изучить карту дороги, ведущей на Дальний восток. Мы наизусть знали названия городов на сибирской магистрали от Самары до Владивостока. Сейчас там от Волги на восток, мы это точно знаем, везде наши. Их мало, очень мало, но мы знаем, что в их руках станции и целые города – Уфа, Челябинск, Петропавловск, Омск, Чита, Манчжурия³, Владивосток, а также много городов и станций, лежащих по соседству. Все они связаны железнодорожными путями, телеграфными и телефонными линиями, и наши бронепоезда в случае нужды всегда могут прийти на помощь в любое место. Всей магистралью от Волги и до Байкала мы овладели за два месяца. Быстро были взяты и ответвления от Омска на Тюмень и Пермь и от Уфы до Симбирска. Но теперь мы уходим в сторону от этих основных путей сообщений и намереемся войти внутрь самой Великой Руси через Казань и Нижний Новгород. Связь с основной частью нашей армии, рассеянной от Поволжья до Сибири, можно будет поддерживать только речными

¹ По всей видимости, новая сменная теплушка была обычным пустым товарным вагоном. И при замене старой на новую нужно было перенести и всю походную «мебель», которую составляли в теплушках чехословаков самодельные полки и двухэтажные нары.

² Паукнер, Отакар (Paukner Otakar, 01.12.1893 – ?), учитель, австрийский офицер запаса, взят в плен 06.06.1915 в Галиции, принят в ЧВФР 21.06.1916, прошел две войны и вернулся в Чехословакию, где продолжил службу в армии независимой республики. Последнее звание в армии – майор (КЛ). Фотографию Паукнера в русской форме и воспоминания о службе под его командой в Дуржине можно найти в книге Карела Прашила (Karel Prášil. Upomínky na můj vojenský život: Vzpomínky legionáře Karla Prášila. Nakladatelství Epocha, Praha 2020, s. 181, 198, 218-219 и 236).

³ Речь о южной ветке Транссиба, построенной Россией в 1897–1903 годах и соединявшей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Первоначально носила название КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога. Окончательно и безвозмездно подарена Сталиным Китаю в декабре 1952 года.

путями¹. С Самарой и Симбирском по Волге, а с Уралом и Уфой по реке Белой² и Каме³. Иными словами, лежала Казань «за тридевять земель». От Симбирска – 150 верст, а от Урала сколько, одному Богу известно⁴.

Но дело надо было доделывать. Сейчас в Казани только горстка наших из первого полка. Оттуда, соединившись, пойдем вместе на Нижний и Москву. Северные области России вместе с Петроградом, конечно, тоже будут взяты. Это сделают союзники, которым до тех краев из Архангельска много ближе, чем нам отсюда. А южная Россия? Там, говорят, также сильные противобольшевистские армии Деникина и других, эти точно справятся и без нас.

Да и на все нас и не хватит. Наш эшелон из Сибири первоначально направлялся в Самару, но в Абдулино⁵ повернул в сторону Симбирска и Казани. Там мы нужны более всего. Вот только нечеловечески утомляет бесконечно долгое движение. Какая же огромная эта Россия.

*

Там, где Волга резко меняет направление своего течения с восточного на южное и принимает в свои воды текущую с северо-востока реку Казанку, составляющую с ней в месте впадения прямой угол, располагается Казань⁶. Своим непривлекательным западным предместьем город связан с пристанью, расположившейся как раз там, где Волга делает поворот на юг, а на северной стороне на высоком берегу реки Казанки словно гордо поднятая голова стоит белая крепость, и смотрит в сторону Нижнего Новгорода, своего вечного соперника по части ярмарок⁷.

Был уже вечер, когда на горизонте возникла Казань. На протяжении нескольких верст тянется вдоль левого берега Волги казанская пристань. Некоторые из больших пассажирских пароходов, стоявших на якоре у самой южной оконечности пристани, были освещены и казались издали огромными морскими судами. Когда же мы подошли так близко, что стали уже видны развевающиеся в небе наши бело-красные флаги, со всех сторон раздался оглушительный рев паровозных сирен и гудков, которым нас приветствовали, и он не прекращался до самого момента, покуда наш «Мефодий» не нашел себе места в огромном скоплении пароходов, грузовых и пассажирских, барок, барж, пароводиков, которые еще недавно и предполагать не могли, как

¹ Казань в описываемое время была фактически «железнодорожным тупиком». Конечной станцией на линии Москва – Казань, которая с ее станциями и важнейшим мостом через Волгу – Романовским вскоре станет центром настоящего повествования. Что же касается продолжения ветки Москва – Казань до Екатеринбурга, рельсы которой можно увидеть на некоторых чешских картах, опоясывающие Казань по периметру на юге и востоке, и далее уходящие в направлении на северо-восток, то ее строительство, начатое в 1914-м, еще не было завершено к моменту начала Гражданской войны. За Сарapulом пути обрывались на станции Куеда в нынешней Пермской области. До Екатеринбурга оставалось еще больше 300 километров из общих семисот с небольшим. О существовании этой стройки чехословаки хорошо знали, потому что на ней работало много австрийских военнопленных, в том числе чехов и словаков. (Уржумов В. Железная дорога «Казань – Екатеринбург» 80 лет / В. Ганькин // Вперед. – Красноуфимск, 1999. – 24 мая. – С. 3-4).

² Белая – левый приток Камы, на котором выше по течению места впадения в Каму стоит Уфа.

³ Кама – могучий левый приток Волги, впадающий в нее в полусотне километров на юг от Казани.

⁴ На современных картах от Казани до Уфы, если следовать по Волге, Каме и Белой – более 660 километров. Чуть меньше 620 верст. То есть казавшемуся автору быстрым и сильным пароходу «Мефодий» потребуется на преодоление такого расстояния ровно двое суток – 48 часов непрерывного плавания со скоростью 13 верст в час.

⁵ Абдулино – город и ж.д. станция в современной Оренбургской области. По прямой до Симбирска (нынешний Ульяновск) – 350 километров на северо-запад и чуть меньше 250 на юго-запад до Самары.

⁶ Все описания левого берега реки Волги у города Казани отражают его вид и состояние до создания огромного, третьего в мире по площади, Куйбышевского водохранилища (1955–1957), изменившего низкий восточный берег до полной неузнаваемости.

⁷ Очевидное преувеличение. Все вместе взятые ярмарки не то чтобы Казани, а всей Казанской губернии, не могли конкурировать со всемирно известной, едва ли ни главной европейской чаеразвесочной, Нижегородской.

быстро сменит их предназначение пара мешков, наполненных песком, сложенных затем на палубе перед пулеметом или легкой пушкой, и взвившийся над ними бело-красный флажок. Как смешно все это, должно быть, выглядело бы в мирное время. Но сейчас перед нами наводящая на всех страх волжская флотилия. Первый и последний раз в своей истории имели мы собственный военный флот на Волге в России.

Встали мы на якорь рядом с «Карамзиным», на котором располагалось командование тех частей 1-го полка, что вместе с небольшой группой сербов около двух недель тому назад взяли Казань¹. Первое впечатление от всего увиденного было самое благоприятное. Прибыли мы в большой, очень богатый город, все население которого единодушно стоит на стороне новой русской демократической противобольшевистской власти. И уж, конечно, город такой величины уже имеет свою армию или вот-вот ее сформирует. А нас сюда пригласили больше для моральной поддержки этого нового войска. И наверняка те бои, в которых совместно с этой армией мы примем участие, будут нашими последними славными победами, которые приведут к окончательному падению большевизма в России.

Однако близкие пушечные выстрелы демонстрировали и то, что путь на Нижний Новгород не будет простым, а ранний налет красных аэропланов² на пристань, взорванный ими склад на берегу и поврежденный нос одной из барж говорили также и о том, что и о самой Казани большевики совсем не забывают.

Рано утром 19-го августа получаем приказ подготовиться к выдвиганию на позиции. Выступаем вечером. О парадном проходе через город, подобному тем, что проводились в других городах для поднятия духа местного населения, и речи не было. Непрерывным потоком к пристани текли повозки с несчетными воинскими материалами. В Казани, как говорили, были самые большие армейские склады в России³. На одно из судов сквозь два плотных ряда вооруженной охраны непрерывно несли что-то в крепких ящиках. Позднее мы узнали, что это был русский золотой запас⁴, который не смогли с собой при отступлении забрать большевики.

¹ Корректнее говорить, что Казань была взята 6 августа 1918-го частями Народной армии КОМУЧа (всего около трех тысяч штыков и сабель), в составе русских и чешских частей (два батальона), которыми, как русскими, так и чешскими, командовали русские офицеры, соответственно В.О. Каппель и А.П. Степанов. Батальон сербов (300 человек) – это остаток Сербского добровольческого корпуса, воевавшего, как и чешские соединения (Дружина, Дивизия, Корпус) во время Первой мировой на стороне России против Германии и Австрии. Этот батальон, находившийся в момент атаки Народной армии в Казанском кремле, перешел на сторону белых, чем немало облегчил последним задачу захвата города. Командовал сербами майор Матия Благодич, погибший спустя всего пару недель в боях с красными у Романовского моста.

² В августовских боях 1918-го у Казани большевики имели то, что в наши дни называется «полным господством в воздухе». Удары с неба по позициям белых, как на правом берегу у Верхнего и Нижнего Услона, так и на левом по самой Казани, наносились ежедневно. Буквально по расписанию, как об этом вспоминает в своей книге Карел Терингл, и, если на узком, как нож, правобережном оборонительном рубеже «*česmodáni*» ложились не слишком удачно (Terinagl, s. 122, 124: «Бомбы, которые сбрасывали летчики, падали по большей части в Волгу. Огромные водные гейзеры, которые поднимали взрывы, сами по себе выглядели красиво. А вслед за ними на поверхности воды появлялись брюхом вверх мертвые или оглушенные рыбы. Из-за этих рыб большевистских летчиков и прозвали рыбаками»), то на левобережном, казанском, как следует из текста Мнехуры, страдала не одна только рыба. Фотографию «гейзеров» на Волге, упоминаемых Теринглом, можно увидеть в одном из томов книги военных воспоминаний, собранной Адольфом Земаном (*Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 349*).

³ Во время Первой мировой в глубоком тылу, в Казани, действительно, были созданы огромные резервные запасы всевозможных армейских материалов и вооружения.

⁴ Золото (монеты и слитки) из самых разных близких к фронту хранилищ вывозили в казавшуюся застрахованной от любых неприятностей военного времени Казань с начала 1914-го. Сначала это планомерно делало царское правительство, а затем, весной и в начале лета 1918-го, в большой спешке, еще и большевики. По разным данным в момент захвата белыми Казани в августе 1918-го там находилось до половины всего тогдашнего государственного золотого запаса России. По указанию

Еще ни в одном освобожденном нами от большевиков городе, мы не видели эвакуации, да еще проходившей с такой необыкновенной быстротой, как здесь. Уже самое первое утро в Казани дало нам понять, что ситуация, в которой находится город, далеко не безоблачная.

С «Карамзина» и «Мефодия» мы ходили друг к другу в гости. Ребята из 1-го полка жаловались, что на фронте много боевой работы и совсем мало отдыха. Помощь со стороны русских очень слаба. Почти никакой. После этого, как будто в утешение нам за испорченное первое впечатление, протянулась к нам щедрая рука казанских складов, все мы получили новенькое чистое белье и униформу. А еще никогда мы не получали столько сахара и чая, как тогда. До этого все, что у нас было – это невкусный чуть сладкий песок, который к тому же надо было очень экономить. Сейчас в сахарный мешочек не влезал весь выданный запас ядерного, твердого кускового сахара, от одного вида которого текли слюнки. Сколько раз потом, спустя совсем недолгое время, кусок хлеба с несколькими кубиками сахара будет заменять нам горячий обед.

Снова против красных

Ночью в самую египетскую тьму мы построились где-то на пристани и двинулись через Казань в северном направлении. Первоначально мы входили в боевую группу поручика Кани¹, состоявшую из двухсот человек и собранную из всех нестроевых «komand» 2-го полка. Еще утром мы увидели, что к нам подошла 12-я рота 1-го полка, русские артиллеристы с двумя пушками, а к нашему конному подразделению добавились пятнадцать верховых, казанских добровольцев, в основном офицеров. Таким образом под командой Кани оказалось человек четыреста, включая нашу роту конных разведчиков.

Не могу объяснить, почему мы шли с такой оглядкой. Останавливались каждую минуту и к полуночи все еще были где-то в Казани. В очередной раз встали где-то уже в предместье на улице с совсем уже деревенского вида домиками. Наше внимание привлек один из них, из открытого окна которого раздавались звуки «harmošky», без устали повторявшей мелодию известной народной песенки:

«Vot tak těbě nadá –
něchodi, kuda nēnada...»

В избе, набитой до отказа людьми, около печи скакали, танцевали, пели и просто кричали молодые, старые, женщины и мужчины. Из окна валил табачный дым, и пахло водкой. Парни топали ногами по земле, а бабы и гармошка повизгивали им в такт. Как люди могут вообще не думать о той ситуации, к которой все оказались привязаны? Уже на рассвете большевистский снаряд может поднять на воздух эту самую халупу вместе с целой свадьбой. Но может быть мы к этим людям несправедливы? Может быть жених сам должен идти на фронт биться с большевиками, и потому скорее женится. Примеры такого не так уж и редки.

Между тем разгоряченный жених в военной форме (в которой в ту пору ходило все мужское население), заметив нас из окна, протягивает нам какую-то выпивку:

– Выпейте, братцы! А воевать мы уж точно больше не пойдем!

С выпивкой протягивает и тусок чего-то съестного. Не знаю, прикоснулся ли кто-то из нас к чему-либо из этого.

КОМУЧА эвакуация из Казани в Самару этого золота началась 12.09.1918 и продолжалась не менее 20 дней, задействовав несколько волжских пароходов и барж.

¹ Кания, Бонифац (Káňa, Bonifác, 14.05.1893 – 14.07.1941), инженер, сокол, взят в плен 04.07.1916 в Галиции в звании юнкера, принят в ЧВФР 04.03.1917 простым солдатом, прошел две войны и вернулся в Чехословакию, где продолжил службу в армии независимой республики. Преподавал инженерное дело в офицерской школе. Последнее звание в легии – капитан. Участник антинацистского сопротивления. Умер в тюремной больнице Брно после жестоких допросов (КЛ).

Еще не начало светать, когда мы остановились в небольшой деревеньке Караваево¹ в шести верстах от Казани, а утром дошли уже до Сухой Реки², располагавшейся на версту или две дальше.

На какое-то время Старая Река станет для нашей группы поручика Кани неким подобием штаб-квартиры. В большом доме буквой «г» с обширным двором и садом смогло разместиться все наше конное подразделение. В этом доме также проживал и небогатый помещик, у которого тем не менее до сих пор работали какие-то польские беженцы военной поры.

Как только мы немного устроились, сразу стали знакомиться с нашим свежим пополнением. Были это одни офицеры от прапорщика до штабс-капитана. И не одни лишь русские из Казани. Среди новеньких оказалось пять югославов, три серба и два хорвата, а может быть, словенца. В числе прочих был и высокий, сухой капитан с бородой, которому чуть позже приклеилась в виде прозвища фраза «Prinimajte megu», которую раз сто в день мы от него слышали, когда вместе были в разведке. Еще был невысокий, улыбчивый прапорщик, необыкновенно худой, который сейчас же с нами всеми так близко и приятельски сошелся, что ели мы из одного «kotělka», а бывало и стреляли из одной винтовки. Один из сербских офицеров, черноокий и черноволосый красавец, всегда нам давал свой бинокль. Да и другие офицеры вели себя по-дружески без обычной им свойственной заносчивости.

Особенно мы привязались к симпатичному фронтовому поручику Билету³, который без особого приглядывания и присматривания совершенно по-товарищески нас к себе позвал:

– Ребята чехи! Идите сюда, посмотрите, куда вы попали! – и тут же разложив в саду под деревьями карту казанских пригородов, познакомил нас с ситуацией:

– Мы сами здесь, – показывая пальцем на карте, – Восемь верст от Казани. Стрельба, которую слышим вправо за собой⁴, это стреляют ваши, на северо-восточной окраине города, на так называемом Арском поле⁵ сдерживают красных, которые уже несколько дней пытаются проникнуть в Казань с той стороны. А вот канонада слева за нами – это дерутся у пристани Верхний Услон на правом берегу Волги, здесь красные отчаянно стремятся прорваться на позиции, с которых могли бы обстреливать казанскую пристань. Там и ваши, и наши. Рвутся также красные к Нижнему Услону, что южнее Верхнего, и мимо которого вы прошли, подплывая к Казани. Хотели бы нас таким образом окружить. Большевиков здесь намного больше, чем нас, но теперь, когда на помощь пришли вы, будет их легче отовсюду выбить.

– Теперь дальше, чтобы вы окончательно сориентировались, – продолжает показывать, – вправо от нас никого, ни ваших, ни наших, а вот там, на Арском поле и далее влево, где стрельба ближе всего к нам, там один ваш батальон, который чистит берег Волги в сторону Романовского моста⁶. От нас до них шесть верст. Прямо перед нами, как вы можете сами видеть, множество

¹ Караваево – ныне часть Авиастроительного района Казани. Во времена похода Мнехуры – небольшое село, ровно в семи километрах на север от правого берега реки Казанки, если точка отсчета где-то у казанского Кремля.

² Сухая Река – ныне также часть Авиастроительного района Казани. Во времена похода Мнехуры – небольшое поселение, получившее название по имени протекавшей через него речки. Известно тем, что здесь останавливалось разбитое под Казанью генералом Михельсоном в июле 1774-го войско Пугачева.

³ Билет – идентификация затруднительна, офицер в звании поручика в 1918-м с такой фамилией или фамилией Билетов отсутствует в базе данных сайта <https://www.ria1914.info/>

⁴ Очевидно, что у говорящего и слушающих Казань за спиной.

⁵ Арское поле – район современной улицы Николая Егорова в Казани. Исторически – равнина, между реками Казанка и Булак сразу на восток от Казанского кремля.

⁶ Романовский мост – железнодорожный мост через Волгу между станцией Свияжск (на правом берегу) и Зеленый Дол (на левом) – последний на пути из Москвы в Казань. Город Свияжск, лежавший немного восточнее одноименной станции – был главным военным центром большевиков в период битвы за Казань. Местонахождение Льва Троцкого. Название «Романовский» присвоено в 1910 году еще на стадии проекта Николаем II. Выведен из эксплуатации после создания Куйбышевского водохранилища и строительства нового одноименного моста ниже по течению, окончательно разрушен в 2011 году. Любопытно, что среди большевиков в военную пору было в ходу другое название сооружения – Красный

деревень, которые мы должны все осмотреть. Думаю, там должно быть полно большевиков, которые лезут к Казани со стороны Романовского моста.

Романовский мост – один из огромных волжских железнодорожных мостов¹, по которому ежедневно кидали большевики из центра России к Казани все новые и новые силы, два других, симбирский и сызранский, были в наших руках и не могли быть ими использованы. От нас до Романовского моста – три дневных перехода².

То, что нам сказал Билет, мы несколько раз сами повторили, обсуждая положение уже в своем кругу. Получается так, что непосредственно справа и слева от нас самих «ничего нет». Это означает то, что наши фланги небезопасны. А справа уже за нами, там, где лежит то, что называют Арским полем, большевики уже стучатся в ворота Казани. За нами же, но слева, и в этом мы сами вчера могли убедиться, большевики без усталости атакуют казанскую пристань, а чуть дальше к югу и пристань у Нижнего Услона, мимо которой прошел наш пароход, подходя к городу. А что у нас здесь самих слева в шести верстах от нас то, что Билет назвал батальоном – это три роты 1-го батальона 2-го полка под командой поручика Хасала³. Сколько в каждой его роте штыков? Не более восьмидесяти⁴. Вправо за нами также какая-то рота 1-го полка. Возможно, там даже больше, чем одна рота⁵. Нас здесь, в Сухой Реке, человек 400. В конечном счете этого было бы вполне достаточно, если бы мы были все вместе. Но нас так разбросало, что мы даже толком не знаем, где и кто.

И ощутимо тут не хватало русских частей. Пустое пространство вокруг со всей очевидностью требовало армию. Для такого большого города, как Казань, уж конечно, пустяк заполнить его своими добровольцами. Тем более что, как нам рассказали приданные нам офицеры, есть уж и штаб фронта и несколько штабов разных полков, которые формируются, чтобы как можно быстрее нас сменить на фронте. Только пока, к сожалению, рядом с собой мы не видим сколько-либо многочисленной русской части. Оборону Сухой Реки, достаточно важного стратегического пункта, пока держат всего несколько постов немногих казанских добровольцев, если не принимать во внимание того, что в обороне этого участка принимают участие три роты чехословаков, воюющих слева, или другая горстка чехов в восьми верстах справа, отбивающих большевиков непосредственно у врат Казани⁶.

мост (см. напр.: Тихомиров (Герман), Т.П. Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции № 1. – Казань: Издание Комбината Издательства и печати, 1924. – С.91, и далее там же).

¹ Протяженность исторического Романовского моста – чуть более километра.

² От деревни Сухая Река до Романовского моста по прямой немногим меньше 40 километров на запад.

³ Хасал, Антони (Hasal Antonín, 07.01.1893 – 22.04.1960), бухгалтер, сокол, до войны жил и работал в Житомире, вступил в Чешскую дружину 26.08.1914, прошел две войны и вернулся в Чехословакию, где продолжил службу в армии новой независимой республики. Последнее звание в легии – подполковник. В межвоенное время – генерал. Участник антинацистского сопротивления, что привело к эмиграции в Лондон в 1940. По окончании Второй мировой член демократического правительства, военный советник президента республики. После коммунистического путча 1948 года вновь эмигрировал. Умер в США (КЛ).

⁴ Штатный состав полностью укомплектованной роты может доходить до двухсот человек.

⁵ Ярослав Фингл в своей небольшой заметке «Последние дни Казани», опубликованной в сборнике «Путиями борьбы» (Fingl, Jaroslav. Poslední dny Kázaně. В кн.: Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 342) пишет о составе этой группы в следующем фрагменте: «В Казань мы прибыли вечером 21-го августа, а утром 22-го по приказу русского полковника Степанова, который командовал казанским фронтом, мы прошли через город до старой крепости и от нее дальше в Караваево. Там переночевали на голой земле и 23-го осадили Выселки. Первая рота нашего полка, которой командовал поручик Франек, перед этим уже была вместе с 9-й и 10-й ротами 1-го полка отправлена на Арское поле в район екатеринбургской железной дороги, где готовилось наступление».

⁶ Из очерка одного из непосредственных участников тогдашних боев на Арском поле Йозефа Кинсла «Фрагменты большого казанского действия» (Kyncl, Josef. Fragmenty z velikého kažanského dramatu. В кн.: Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 325–327) можно сделать вывод, что восточ-

Все это вместе взятое наводило на мысль о том, что группа Кани – это самое сильное из боевых подразделений на левом берегу, и задача, возложенная на плечи его участников, еще больше убеждала в правильности этого предположения.

И на первый взгляд не было ничего проще и яснее, чем задача, поставленная Кане: со всеми необходимыми предосторожностями пройти через дюжину татарских, чувашских, черемисских и русских деревень, лежащих на пути, зайти в тыл к той группе, что противостоит Хасалу, при этом как можно ближе к Романовскому мосту, решительной атакой сломать ее оборону, и затем и вообще сопротивление, таким образом батальоны красных на левом берегу окажутся отрезанными от своих, и их судьба решена – часть будет уничтожена, часть сдастся в плен, а остальные разбегутся. С последующим захватом нами Романовского моста у красных уже на правом берегу возникнет угроза в непосредственном тылу, им придется спасаться бегством, и через пару дней мы уже окажемся перед воротами Нижнего Новгорода. Задача – ясная как день. И есть у Кани для ее выполнения 400 человек. Какой-то помощи откуда-то еще ждать не приходится.

При этом важнейшее место в операции отводилось нашему конному подразделению – осуществлять со всех сторон прикрытие идущей маршем колонны Кани. На пути и в районах ее продвижения осматривать деревни, выяснять местонахождение противника, либо осуществляемые им маневры, определять силу и вооружение, не давать в свою очередь его разведчикам наблюдать за нашими маневрами, чтобы исключить любую возможность непредвиденной атаки с какой-либо стороны. И, конечно, мы обязательно будем участвовать во всех боях, которые нашей группе предстоят.

Для того чтобы все перечисленное осуществить, мы разделились на несколько партий, каждой из которых, как правило, командовал кто-то из самых старших в партии по званию казанских офицеров, командиром всего эскадрона остался наш прапорщик Захаров.

Не было и минуты времени на то, чтобы обсудить, а не лучше ли вместо этой партизанской акробатики усилить не слишком многочисленные ряды подразделений Хасала, чтобы общим постепенным нажимом отгеснить противника к мосту, или уйти вправо на Арское поле и там помочь отбросить красных, что лезли туда как мухи на съестное, потому что Кани должен был начать свою робинзонаду, в той череде пестрых событий, из которых складывалась богатая, подобная этому, и вся истории обороны Казани, уже на следующее же утро – 21 августа¹.

На первом этапе нашего похода мы должны были ночью через Черемисские Ковали² до татарской Бишни³, а затем оттуда уже выйти к полурусским-полутатарским Ивановке⁴ и Ключам⁵,

ный фронт тех дней тянулся от современного жилмассива Чебакса на севере до села Богородское на юге, с главными боями, происходившим по обе стороны нынешнего Мамадышского тракта (жилой массив Самосырово, Константиновский и Белянкинский лес, деревня Званка, село Кошаково). Это все в радиусе 15-16 километров на юго-восток от Сухой Реки.

¹ Дата выступления и сам обход левобережной группы красных, с захватом Романовского моста, очевидно, увязывался с одновременным проходом русских частей под командованием В.О. Каппеля на другой стороне Волги по правобережным тылам красных и последующей атакой на Свияжск. Это те самые красиво задуманные клещи, о которых пишет в своей летописи В.О. Вырыпаев, что сжавшись могли были решить исход Гражданской. Но военное счастье не улыбнулось ни чехословакам Кани, ни частям самого Каппеля. На Романовском мосту им встретиться не довелось.

² Черемисские Ковали – на самом деле Русско-Черемисские Ковали, так называлась деревня до переименования в 1928-м в Русско-Марийские Ковали. От Сухой Реки около 17 километров по прямой на северо-восток.

³ Бишня – село в верховьях реки Сумки в Зеленодольском районе современного Татарстана. От Русско-Марийских Ковалей меньше четырех километров на юго-восток.

⁴ Ивановка – поселок Ивановское на реке Сумка в Зеленодольском районе современного Татарстана. Немного южнее Больших Ключей.

⁵ Ключи – ныне Большие Ключи – село в Зеленодольском районе современного Татарстана. От Бишни восемь километром преимущественно на запад.

на северо-западе от Сухой Реки. Эти две деревни находились уже в таком глубоком тылу частей, противостоящих Хасалу, что мы предполагали, если и столкнуться, то с резервом красных.

В тылу большевиков

В назначенное утро началась работа нескольких наших партий, одна ушла вперед на Ковали, вторая – вправо на Щербаково¹, а третья, нас восемь человек, в сторону Бишни, чтобы таким образом с разных сторон прощупать противника. Нашим командиром был назначен уже упомянутый высокий и сухой казанский капитан с бородой, который всю войну, как мы выяснили, провел в тыловом гарнизоне. По всей видимости, он не отличался особым здоровьем. По привычке скрутили мы сигаретки с махоркой и с удовольствием закурили, пока еще было далеко до определенного нам места разведки. Сухому капитану эта вольность очень не понравилась.

– Господа, как же можно так игнорировать предписания? Разве это допустимо – курить в непосредственной близости от неприятеля? Нужно определенно «měu pŕinimať»! – выговаривал он нам в большом раздражении.

Никому из нас не хотелось с самого начала портить складывавшиеся товарищеские отношения с казанскими офицерами, и поэтому, хотя до предполагаемого места расположения неприятеля было верст восемь лесом, сигареты мы затушили.

Проехали мимо хутора Выселки² и вступили в лес, который, согласно карте, тянулся уже до самой Бишни. Мы с Хрибом³, как два дозорных, ехали впереди, и едва лишь лес скрыл нас от остальных, сразу же спокойно закурили.

На дороге нам встретилось несколько человек. Всех мы расспросили. Все подтверждали, что большевики в Бишне есть, вот только один говорил, что видел четырех кавалеристов, другой, что больше, третий уверял – там целый конный взвод⁴, а еще кто-то, что лишь дозор из шести-восьми конных.

Вправо по ходу в лесу немного в стороне обнаружился домик. Мы свернули к нему, чтобы и там задать свои вопросы. В доме жил лесник, простой, хороший человек, семья которого отнеслась к нам с явным недоверием. Кто мы такие, они не знали. Расспросили мы их, нет ли в лесу каких-то военных.

– В лесу, нет, – сказал лесник, – но из Бишни ежедневно наведываются верховые с обысками.

– Видите, тут все истоптано копытами, – показал он на мягкую землю вокруг.

Он тоже уверял, что в Бишне взвод большевиков, а в Ивановке, лежащей четыре версты левее, уже целый эскадрон. Когда же мы попросили немного воды, чтобы таким образом заглянуть в горницу и проверить, нет ли там кого-то, «chazajka» нам дала хлеба с молоком. После этой короткой остановки мы продолжили путь к Бишне.

Когда мы уже были в небольшом борку перед самой деревней, то увидели четырех верховых, выехавших в нашу сторону. Дали условленный знак нашим сзади, и спешили. Коней привязали к деревьям, а сами с винтовками наготове стали ждать, когда верховые проедут мимо нас в

¹ Щербаково – некогда деревня, ныне часть Авиастроительного района Казани. Самая его северо-восточная часть, что у Голубого озера. От Сухой Реки больше 10 километров на северо-восток.

² Выселки – на чехословацких картах времен Гражданской помещены точно между Сухой Речкой и Осиново. Где-то пять километров на запад от первого, и столько же на восток от второго. Дорога на Бишно проходила севернее Выселок. Или «выше», если в терминологии самого Йозефа Мнехуры.

³ Вероятнее всего, Хриб, Карел (Hřib Karel (Taras), 25.10.1894 – ?), родился неподалеку от Угерского Брода (см. далее главу «Угроза нарастает»), важная подробность, подтверждающая правильность идентификации, специалист по охолощиванию скота (zvěrokleštič), сокол, взят в плен 25.08.1914, подал заявление на вступление в ЧВФР в Смоленске 21.02.1916, принят 26.06.1916, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер (КЛ).

⁴ Кавалеристский взвод – до 30–40 сабель. В одном эскадроне – четыре взвода.

сторону наших. Тогда уж мы им перекроем путь и придется им сдаться. Но не зря говорят: «где черт не сможет, там баба поможет». Весь план пошел насмарку из-за нескольких женщин, вместе с каким-то мужиком внезапно возникших прямо у нас за спиной. Должно быть, шли на какую-то работу в лесу или в поле. Увидев нас, готовых к стрельбе, все они с криками кинулись наутек. Большевистские верховые заметили неладное и начали отступать назад в деревню. Послали мы им вслед пару выстрелов, но что они были в сравнении с возможностью взять большевиков живыми.

Но раз мы большевиков в Бишне все-таки вспугнули, то решили уже спешившимися прямо за ними зайти в деревню и выгнать их оттуда, пока они захвачены врасплох. Наши товарищи тоже слезли с коней и приготовились к атаке. Но неожиданно вмешался сухой капитан:

– У нас была задача выяснить только, есть ли в Бишне большевики, или нет. И это мы выяснили, больше мы ничего предпринимать не должны, – объявил он. А когда увидел, что никто из нас не испытывает желания просто так возвращаться домой, то скомандовал, как на плацу:

– Krugóm, mařš! – после чего повернул коня и поскакал назад.

Дали мы еще залп по деревне, сели на коней и поехали за ним. Случившееся нас совершенно рассорило с сухим капитаном. С нашими собственными офицерами во время наших разведок никогда ничего подобного не бывало. Всегда мы пытались использовать выгоды сложившейся ситуации. Можно было ожидать, что красные, напуганные неожиданной стрельбой, и не зная, сколько нас действительно в лесу, просто убегут из Бишни. И вот она уже освобождена. А теперь все придется делать заново. Решили мы между собой, что будем просить прапорщика Захарова больше не назначать командиром нашей партии сухого капитана.

С поручиком Билетом наступаем на Бишню

После нашего возвращения в Сухую Реку сухой капитан вопреки нашим ожиданиям с докладом о выполненной разведке к капитану Кане не направился. Вся группа Кани уже была готова выступать в тыл большевикам, через Черемисские Ковали на Бишню. Уже ночью мы все там должны оказаться.

– Зря вы только катались в эту Бишню и обратно, – сказал нам наш Захаров, – Нужно прямо сейчас в нее возвращаться. Прежде чем туда придет вся группа, нужно оттуда выгнать большевиков. Не будем же мы посылать целую роту пехоты против нескольких большевистских кавалеристов.

Придали нашей партии еще шесть конных, так что нас всего стало четырнадцать, а нашим командиром мы попросили назначить поручика Билета, на что сам он с радостью согласился. И в то время, как пехота двинулась на Ковали, мы снова отправились в Бишню. Второй раз навестили знакомого нам лесника, но чего-то нового от него не узнали. Перед самой деревней мы остановились, чтобы договориться, как будем атаковать. То, что красные не ушли, мы увидели, когда под прикрытием молодого бора подошли совсем близко. У самой первой избы стояли четыре оседланных коня и возле них часовой.

Атаковать будем спешившись, но как именно, мы не могли сразу решить. Либо «всеми силами, что есть» набросившись на тех двадцать человек, что предположительно сидят в Бишне, с надеждой забрать себе их лошадей, либо оставив сильную стражу у наших собственных коней в лесу. Целых четырнадцать. И ни одного нам никто не подарил за просто так. Всех до единого мы должны были захватить в боях у большевиков. Два месяца вот так собираем коней, и до сих пор они не у всех в нашем подразделении. Безлошадные вынуждены нести караульную службу на пароходе и ждать, когда мы возьмем в бою новых. Уходя, каждый обещал товарищам, что сделаем мы это как можно быстрее и отправим ребятам, чтобы они могли поскорее к нам присоединиться. Но если внезапно сейчас здесь появятся красные из Ивановки, то тогда мы можем лишиться и тех коней, что сейчас имеем.

Практичный Билет разрешил задачу так: четверо останутся стеречь коней, еще четверо пойдут лесочком влево в сторону Ивановки и, если не обнаружат ничего подозрительного, залягут у небольшого кладбища, что с левой стороны дороги, и там будут ждать остальных. С конями остались Кухарж¹ с Шимеком² и два русских офицера, к кладбищу отправились Хриб, Пржепейхал, Юнг и один из казанских офицеров, а основную атакующую цепь, которая пойдет прямо на деревню, составили нас шестеро оставшихся вместе с поручиком Билетом.

Бишня – татарское село, расположенное на взгорке, стоит высоко над нами, а вот прямо под ним на расстоянии полета камня от нас станция Бишня³, это кучка, три десятка домов, расставленных по обе стороны большака. В тридцати-сорока шагах от ближайшего к нам дома течет ручей, и сразу перед ним мостик, по правую сторону от которого, если смотреть от станции, кладбище. Молодые посадки подходят к самому ручью. К этому кладбищу мы подбираемся с нашей стороны и прячемся у плетня, ограждающего кладбище, ожидая, когда Хриб даст нам знать, что он со своей группой готов атаковать с другой стороны кладбища и дома. Вести себя при этом мы должны были исключительно осмотрительно, чтобы нас не заметил стоящий совсем близко большевистский часовой.

Между тем начался проливной дождь, и мы стали промокать. (Этот же дождь оказался виноват и в том, что Каня пришел в Бишню не ночью, а только к утру, в грязи размокшей дороги беспрерывно везли его пушки.)

Как только наши объявятся с той стороны кладбища, мы первым делом застрелим большевистского часового, стерегущего коней, и сразу кинемся через мостик к дому, сколько бы большевиков там уже ни было.

Наконец с той стороны раздался тихий свист, и наши помахали фуражкой. Мы ответили тем же. Часовой большевиков насторожился. Он стоял, не шевелясь, возле коней, вперив глаза в край леса.

– Внимание, ребята, – дал Билет нам команду готовиться. – Не спускать с него глаз, как только он сделает шаг от коней в сторону, стреляйте. Цельтесь хорошо, чтобы вместо часового не попасть в коней. Будет до слез жаль!

Все мы, лежащие в траве, приникли к прицелам, и только ждали момента, когда часовой станет самостоятельной целью. Но большевик словно приклеился к коням, и все смотрел в сторону леса. Ждать больше нельзя, в конце концов он и нас увидит, поднимет тревогу и тогда прости-прощай наши кони. Решили мы его взять хитростью. Два раза громко и отчетливо свистнули. Большевик дернулся, рванулся было вперед, но тут же и отскочил назад. Было видно, что он никак не может определиться, что ему делать, бить тревогу или сначала все же понять, кто это и где свистит. Наконец он сделал пару шагов в сторону, остановился у обочины дороги и снова вперился глазами в лес. И это стоило ему жизни.

¹ Идентификация затруднительна. Согласно КЛ, во 2-м полку, было как минимум два воина, принятых в ЧВФР не позднее 1917-го, с достаточно распространенной фамилией Кухарж (Kuchař). Ян (16.05.1896) и Вилем. Наиболее вероятным из двух кандидатов кажется первый, воевавший с русским против немцев с лета 1916-го, в то время как Вилем (11.05.1896) присоединился к чехам-патриотам лишь в декабре 1917-го. Оба, и бывший портной, и бывший каменщик, прошли две войны и вернулись в независимую Чехословакию.

² Идентификация затруднительна. Списки КЛ насчитывают два десятка Шимеков-однофамильцев в одном только втором полку. А с учетом того, что в КЛ принадлежность к подразделению очень часто приведена лишь к одному, первому или последнему в жизни солдата, даже попытка угадать не кажется особо продуктивной.

³ У села Бишня некогда проходил исторический Кокшайский тракт, и в непосредственной близости от села находилась почтовая станция, возможно, она была обозначена на карте, которой пользовался автор. (О селе Бишня см.: Субботкин, Артем. Бишня, что в верховьях Сумки // Республика Татарстан. № 96 (28865). 07.07.2020). По траектории тракта – Сухая Река, Бишня, Ключи – движется основная группа Кани.

Поручик дал команду стрелять, грохнул залп, и часовой упал в придорожную канаву у дома. Насковзь промоченные дождем, мы кинулись через мостик хватать четырех коней. Кто подбежал первым, клал на коня руку и говорил:

– Мой!

И этого было достаточно, чтобы трофей остался за ним. С винтовками наперевес мы тут же начали врываться в избы, искать в них красных. Часовой тем временем отходил в канаве. Местные в поле перед селом показали нам трех убегающих большевиков.

– На коней! Догнать!

Вскочили мы на трофейных лошадей и вчетвером помчались в поле. Но близок локоть, да не укусишь. Из стоящих на взгорке изб открыли огонь по нам самим, и пришлось откатиться от погони. Отвечали мы стрельбой как по избам на холме, так и по убегающим. Одного из них мы скорее всего даже ранили, так как он отставал от двух других и все время падал. Когда же все трое наконец скрылись, сосредоточились мы на Бишне, оттуда из-за домов на взгорке по нам велся очень опасный огонь. Спрятались и мы за избами, а то и в самих избах татар, и палили вверх, туда, где только замечали в селе вспышки выстрелов. Начинало уже темнеть, и дождь не прекращался. А нам надо до ночи во что бы то ни стало взять Бишню. Иное значило бы отступление, а этого никто не хотел допустить, потому к Бишне с другой стороны вот-вот подойдет уже Каня, и он уверен, что она в наших руках. Но спешившимися идти в атаку вверх по склону тоже нельзя, тем более что нас осталось всего восемь. Юнга и Новотного на трофейных конях Билет сразу отправил навстречу Кане доложить, что станция за нами, а за само село идет бой, и нам нужно послать на помощь несколько кавалеристов.

Отправили мы в лес гонца за нашими конями, чтобы были рядом с нами в полной готовности¹. Как только стемнеет, попробуем наскоком подняться к избам на взгорке и выбить оттуда большевиков. Большевики действительно растерялись. Среди дождя и в наступающей темноте им показалось, что к нам подошла подмога, и они кинулись вон из Бишни. Насчитали мы их двадцать два, галопом уносящихся один за другим прочь. То есть было их всего здесь двадцать шесть против нас десятирех атакующих².

Тем не менее, пока не подойдут наши, мы должны были оставаться на станции, потому что нас было слишком мало для обороны всей Бишни. Нас и для обороны станции не было достаточно. Мы должны были выставить пять постов по два человека в каждом, и еще один из нас вместе с Билетом остался охранять лошадей.

Местные татары приняли нас очень сердечно. Зажарили целого барана, заварили чая и принесли много белого хлеба. Когда же они выяснили, что мы будем в боевой готовности до той поры, пока не подойдут наши, стали ходить от поста к посту и предлагать постоять за нас, лишь бы только мы могли сходить поесть, попить чаю и обсушиться. Эти хорошие люди ни за что не хотели от нас отступить. И в самом деле, когда один из наших уходил в дом немного насытиться и просохнуть, рядом с оставшимся нашим присаживался на корточки татарин и сидел ждал, как верный пес.

Всю ночь мы стояли на своих постах, так как положение было очень опасным. Эскадрон красных из Ивановки мог быть здесь уже в полночь. С целым эскадроном мы бы уже не справились и Бишню не удержали. С рассветом прискакал Захаров с нашими остальными ребятами. После этого мы уже заняли саму Бишню и спокойно стали ждать Каню.

¹ Из дальнейшего описания и подсчета наличных сил можно предположить, что с конями приехали и четыре человека охраны, и таким образом под командой поручика Билета оказалось, после отъезда двух верховых к Кане, двенадцать человек.

² Очевидно, речь о первоначальном числе тех, кто, оставив коней в лесу под охраной четырех товарищей, выступил к станции и селу Бишня.

Незадавшийся охват

Уже был ясный день, когда в Бишню со стороны ветряной мельницы стали въезжать первые залепленные грязью повозки с пехотой Кани. Даже его пушки, с их взмыленными и за ночь обессиленными упряжками, не говоря уже об измученных, мокрых, полусонных солдатах, не выглядели грозной силой. Все люди промокли насквозь. В мгновение ока вся Бишня превратилась в огромную сушильную, во всех татарских избах у печей висели шинели, обмотки и портянки чехословаков.

Но Каня даже краткого отдыха не мог позволить своим людям. Дойдя до Бишни, и таким образом проникнув глубоко в тыл большевикам, он вклинился между их резервами, и при этом непосредственно перед собой теперь имел свежие большевистские части, наступающие от Романовского моста на Казань. Даже краткая задержка на одном месте могла привести к тому, что красные, движущиеся от моста, окружают силы Кани и принудят принять кровавый бой раньше, чем он сам выйдет со своими к мосту.

Всем было понятно, что большевики теперь с нас глаз не спустят. Еще вчера и Бишню, и все деревни в полосе от нее до самой Сухой Реки они считали своей вотчиной, что было видно хотя бы по тому, как вольно здесь чувствовали себя всякого рода шпионы и многочисленные курьеры, ходившие как в Казань, так и обратно. Никем не охраняемые прифронтовые пространства вокруг Сухой Реки сами просили об этом. Та партия наших, что шла передовым дозором у главной колонны Кани, поймала трех из их числа. Отойдя от Казани на такое, по их мнению, далекое расстояние, шли эти гонцы уже ни о чем не тревожась, и если предполагали встретить каких-то вооруженных людей, то уже только большевиков. Какова же была степень их изумления, когда они попались в руки людям с бело-красными ленточками на фуражках. У всех были найдены большевистские депешы, и всем немедленно вынесен приговор, который каждому шпиону заранее известен.

После привала, который занял времени не больше того, что было необходимо для заварки чая и кормления коней, мы уже все разом двинулись на Ивановку и Ключи. Главная ударная группа разделилась на две части. Первая и главная продолжила движение на Ключи, а двенадцатая рота повернула к Ивановке, чтобы выбить из нее находившийся там эскадрон большевиков, который мог ночью стать угрозой в тылу Кани. Этот эскадрон стоял в Ивановке как резерв частей, ведущих южнее бои с тремя ротами Хасала. Наше подразделение разведчиков также разделилось, чтобы могло сопровождать обе группы.

Ивановка – по своему расположению анклав¹, окруженный с трех сторон лесами. Далеко на юг в сторону Осинава² протянулось, как будто высунутый язык, поле с какими-то озимыми. В свою очередь участок леса, как острый шип, выступает за околицу, а край его, опоясав поле, выныривает вновь с другой стороны села. Вдоль леса тянется дорога в Осиново, Туру³ и далее к Волге, тем местам, где сейчас идут упорные бои. Все это откроется пред нашим взором с небольшого взгорка, покрытого дубовым лесочком, когда от Бишни мы подойдем к Ивановке. Отсюда также прекрасно видна и низинка справа до самых Ключей и лежащей чуть дальше от нее Белой⁴. С этого взгорка сегодня должна атаковать Ивановку 12-я рота, а мы, двенадцать верховых

¹ Так у автора – *Ivanovka leží jako v enklávě, obklopena se tří stran lesy*. Но из дальнейшего описания очевидно, что речь все же о полуострове, вдающемся в лес, а не островке земли, окруженном лесом. На современных картах картинка, следует заметить, та же – полуостров, ну, или мысок, в море леса.

² Осиново – село в Зеленодольском районе современной Республики Татарстан. Ныне ближайший пригород Казани. От Ивановки (Ивановского) чуть меньше 10 километров на юг.

³ Тура – Новая Тура, село в Зеленодольском районе современной Республики Татарстан. От Осинава до Туры меньше 3 километров на юго-запад. Волга уже в непосредственной близости.

⁴ Белая – по всей видимости, речь о современном селе Бело-Безводное в Зеленодольском районе современной Республики Татарстан. От Ивановки (Ивановского) до него около 6 километров по прямой на юго-запад. С хорошего взгорка увидеть, надо полагать, действительно, можно.

разведчиков, обязаны занять лесной выступ и зайти за село. Если большевистский эскадрон начнет отступать в сторону Осиновки, мы, конные, выйдем из леса, перекроем дорогу и постараемся им нанести наибольший возможный урон.

Вторая группа наших разведчиков одновременно с нами должна успеть взять Ключи, и если красный эскадрон пойдет в их сторону, постарается сделать то же самое, что и мы.

Таким образом, мы, шестнадцать человек под командой поручика Билета, ушли от станции Бишня раньше колонны 12-й роты, чтобы, пройдя лесом, выйти на дальней стороне Ивановки. В предыдущий день Хасал со своим батальном очень успешно потеснил красных, загнал их к самому Осиново, и сейчас атаковал уже это село. Одной из целей действий Хасала была поддержка Кани. Своими атаками на левом берегу Волги в направлении моста он должен был отвлекать на себя внимание и силы красных, и тем самым облегчить Кане задачу выхода к мосту.

Сразу за Бишней мы вошли в березовый лесок и двинулись к Ивановке по дороге, скрытой лесом. У самого села она из леса выныривает, и здесь мы остановились. Ивановка лежала прямо перед нами. И тот выступ леса, в который предстояло зайти, был также хорошо виден. Если поехать прямо по открытому полю, то окажешься там махом.

В поле, примерно шагах в трехстах от нас, у стога сена или клевера располагался большевистский дозор. Три верховых. Один из них сидел на стоге лицом к лесу, а два других отдыхали внизу возле коней. И такой соблазнительной целью представлялся большевик на стогу, что у всех буквально чесались руки его свалить хорошим выстрелом. Но это бы нас выдало. Мы должны были отойти поглубже в лес, чтобы дозорные нас не увидели, и, двигаясь по лесу, обойти поле, уходящее дальним своим краем в сторону Осинова.

Все было бы просто, если бы в Осиново прямо сейчас не шел бой. Стрельба слышалась именно в тех самых местах, куда мы должны были выйти, обойдя поле. Бой там явно разгорался, и выстрелы звучали так близко, что нам казалось просто невозможным зайти на ту сторону леса, не столкнувшись с воюющими. Но кто это будет? Люди Хасала или красные? Начинаем рассуждать. Если бы одно крыло наших, наступая на Осиново, оказалось здесь, то ни у кого нет сомнений, что был бы выставлен хотя бы малочисленный дозор у Ивановки, чтобы заранее обнаружить возможный выход для охвата стоящего здесь красного эскадрона. Если же здесь крыло обороняющихся красных, то никакие дозоры им не нужны, когда известно, что за спиной своя собственная кавалерия. Хорошо. Тогда вперед. Если наткнемся на дозор, то это могут быть только наши, в ином случае пройдем за спиной обороняющихся красных, чтобы во что бы то ни стало выйти на ту сторону леса.

Но едва лишь мы решились тронуться, как у нас за спиной на дорожке возник какой-то парень с бабой. Идут они в Ивановку. Этого нам только не хватало. Нам нельзя их пропустить в деревню, потому что они могут нас выдать. Но и весь день таскать их с собой по лесу тоже невозможно.

– Да чтобы их гром поразил! – ругаем про себя парня и его бабу. Но выход из положения нашелся.

– Куда направляетесь? – строго начал допрос наш Билет.

– В Ивановку, ваше благородие, – самым заискивающим тоном отвечает мужик, мгновенно поняв, что очутился там, где быть бы ему совсем не надо.

– А что там собираешься делать? Кто тебя туда послал? Что туда несешь? – продолжает с прежней строгостью поручик.

– Да иду домой с женой с работ, – говорит мужик, заикаясь, и мнет в руках шапку.

– Рассказывай, с работ он! Ты большевистский шпион и несешь им сообщение. А, ну, ребята, давайте-ка веревку, повесить его – с самым серьезным видом отдает команду Билет.

Мужик с женой валятся на колени и «Gospodinem» клянутся, что ни о чем таком не знают и что никакие они не шпионы, а бедняки, и большевиков ненавидят, и, вообще, все это не их ума дело, и в этом ничего они не понимают, и еще Бог знает какую бы напраслину на себя со слезами не наговорили эти люди, если бы их не прервали:

– Ладно, а ну подойдите сюда. Общем вас и увидим, правду говорите или нет.

И хотя и так было понятно, что это никакие не шпионы, мы их по всей форме обыскали. Ничего, конечно, не нашли. Хотели всего лишь так их напугать, чтобы сегодня в Ивановку они не пошли.

– Послушай, – говорим мужику, – только чтобы ты увидел, что мы совсем не такие, как большевики, мы тебя простим.

При том, что бедняге и понять-то невозможно, что же такое ему должны прощать.

– Но смотри, если ты сейчас же не исчезнешь там, откуда пришел, и мы снова тебя сегодня здесь встретим, будешь висеть!

После этого кинулись оба назад – только пыль за ними вилась. А мы сами, кажется, радовались тому, что от них избавились, еще больше, чем радовались они, избавившись от нас.

Теперь хочешь не хочешь, но нужно выполнять задачу. Шальные пули шуршали листвой над нашими головами, и время от времени тут и там смачно вонзались в стволы деревьев. А когда прилетел с отвратительным свистом стакан от шрапнели, перерубил стоявшую поблизости от нас березку и зарылся в землю, никаких сомнений не осталось, что мы находимся в двух шагах от передовой. В небольшом овражке мы слезли с коней и решили оглядеться. Передовая совершенно очевидно была перпендикулярна линии нашего движения, во всех других случаях нас должен был бы поливать дождик из пулеметов, стрекот, которых мы слышали совсем рядом. Все это вместе взятое свидетельствовало о том, что мы находимся на фланге большевиков, у которого нет никакого охранения, поскольку с этой стороны у них своя собственная кавалерия. Сомнений уже больше не было. Если теперь мы пройдем между ними на другую сторону леса за Ивановку, то окажемся у обороняющихся большевиков за спиной, и если в бою их ждет неуспех и они побегут в сторону Ивановки, то просто нас зажмут между собой и своей кавалерией, и закончится это для нас плачевно.

Некоторое время мы колебались. Двигаться дальше или возвратиться? Хорошо, что с нами были казанцы. Нам не хотелось перед ними ударить в грязь лицом, а им, как офицерам, еще больше перед нами. И так совместно мы решили, что приказ – это приказ, и его надо выполнить. Занять лесной выступ за Ивановкой мы должны, чем бы это нам ни грозило.

Мы, несколько человек под командой Билета, пошли вперед для разведки. С предельной осторожностью, укрываясь за пнями и кустами, предприняли попытку обойти чертово поле, которое в тот момент казалось нам бескрайним. И у нас это получилось. Дали мы знак оставшимся, и они быстро краем леса по нашим следам пришли и привели коней. Стрельба осталась в стороне.

На этой стороне леса не было берез, дубы и много кустарника, через который лучше было идти спешившись. Дорогой попало несколько примитивных пасаек, на некоторых работали татары. Все нам в один голос подтверждали, что в Ивановке около сотни большевистских кавалеристов с пулеметами и кухней. Сидят, бездельничают.

Уже было за полдень, когда мы дошли до цели – лесного выступа над Ивановкой. Все это время мы боялись, что наша пехота с противоположной стороны села начнет атаку раньше, чем мы дойдем до места. В самом селе, которое лежало перед нами как на ладони, покуда царил полный покой. Большевики беззаботно расхаживали тут и там, как на плацу в казарме. Дозорные, которые теперь были у нас справа, сменились, а за ними дальше на взгорке мы не могли увидеть ничего такого, что бы выдавало присутствие войск. По очереди мы смотрели в бинокль, в надежде, что хоть кто-то из нас высмотрит нечто подозрительное. Для самостоятельной атаки на эскадрон нас было слишком мало с учетом того, что минимум трое должны оставаться с лошадьми. Можно только ждать. Лежать, как мы лежали, на самом краю леса.

После вчерашнего ливня стоял теплый солнечный день, и в лесу в траве был большой соблазн отоспаться после бессонной ночи. Но бдительность терять нельзя было. Совсем рядом с нами по дороге из Ивановки в Осиново и обратно непрерывно сновали посыльные красных. В сорока шагах от края леса проезжали по двое или по трое. Достаточно нам было выйти из укрытия, наставить на них винтовки, и они наши. Но что потом с ними делать? Застрелить нельзя, мы бы выстрелами себя тотчас же выдали, а закалывать словно свиной шашками или ножами, к этому ни

у кого из нас не было охоты. Просто взять в плен? Ну, так может быть до вчера мы их нахватаем столько, что будет уже больше, чем нас самих? И окажутся тогда у нас большевики не только перед нами, за нами, но и среди нас. Поэтому мы вместо этого всего еще глубже втянулись в лес, зарылись в траву и большевистских вестовых не трогали.

И без них нам хватало дел. Как мы и предполагали, никаких неприятностей здесь со стороны Осиново красные не ждали. И поэтому никак не мешали местным жителям, если только они сами этого не боялись, ходить на работы, что доставило много забот и неприятностей, потому что под вечер, возвращаясь краем леса домой, местные натыкались на нас. И просто напугать их, как утреннего мужика, всех сразу не получилось бы. Вместо того пришлось их задерживать и не пускать в село. В конце концов задержанных оказалось уже столько, что мы и сами их начали бояться. Со взрослыми хоть как-то можно было договориться:

– Нельзя вам идти домой, – объясняли мы. – В селе с минуты на минуту начнется бой.

И этого хватало, чтобы они сидели и не шумели. Хуже было с детьми, которых оказалось у нас несколько. Этим, чтобы громко не ныли, должен был Кадлец подслащивать «плен» сахарком. Но был и один среди всех, на которого не действовал ни сахар, ни угрозы. Тому приходилось просто зажимать рот, когда мимо проносились посыльные красных. Зато другой мальчишка оказался весьма полезен. Он, получив кусочек сахара, тотчас же с нами совершенно подружился. И когда он стал вертеться возле нас, у него поинтересовались:

– А ну-ка, скажи нам, Ванька, ты знаешь, сколько у вас там солдат?

– Семьдесят три, – ответил мальчик не задумываясь. – А еще три маленьких пушки и одна кухня.

– Откуда тебе это так точно известно?

– А я подсчитал, когда они к нам в село заходили.

Мы не хотели верить, что такой маленький мальчик так хорошо умеет считать, но взрослые «пленные» подтвердили, что мальчик «шпнуј». Только пушки он спутал с пулеметами. Все остальное оказалось верным, в чем уже вечером мы смогли убедиться.

Между тем наша пехота все не шла и не шла. Мы уже потеряли надежду на то, что сегодня будет атака, и даже начали обсуждать, как нам самим отсюда выйти. Порешили, что дождемся темноты, потом поскачем прямо через поле к дозору красных у леса, схватим всех и с этой добычей вернемся в Бишню.

Неожиданно мы увидели, что дозор отделился от стога сена и галопом понесся в село. Мы сразу приободрились, хотя именно с той стороны никакой атаки не ждали. Это бы означало, что 12-я рота шла тем же путем, что и мы, в то время как план, как его нам разъяснили, был совсем иной. В любом случае мы приготовились перерезать путь отступления эскадрону, и в последний раз позволили проехать мимо себя посыльным красных.

Между тем в селе все пришло в движение. Эскадрон вскочил на коней и стремительно исчез из вида. Нельзя было даже понять, кинулись они отбивать атаку наших или просто бежать в противоположном направлении. Мы перестали прятаться в лесу. Растянулись в цепь, и решили наступать на село, что бы там ни происходило. Навстречу нам вышло несколько мужиков с известием о том, что красные бежали в сторону Белой. Тогда мы вернулись в лес за лошадьми, чтобы начать преследование. Но не успели вскочить в седла, как прямо на нас вышла наша же сильно опоздавшая пехота. Выяснилось, что они шли тем же путем, что и мы, обходя лесом длинный выступ поля, и это их, точно так как и нас, надолго задержало. И никто не мог объяснить, почему изменился первоначальный план атаки. В конце концов мы заняли уже оставленное красными село.

Ивановка – село небольшое, и населяют его татары и русские. Так что много времени не потребовалось, чтобы все обыскать и проверить, не остался ли здесь кто-то из растерявшихся большевиков. Но главное, конечно, не оставили ли красные коней. Ничего не нашли. Деревню словно вымели. В избе, где стояла кухня, квартировал и командир. С той быстротой, с которой все бежали, он даже забыл бумаги, несомненно, доставленные ему последними связными из Осинова.

В одной, которая касалась движения группы Кани, особенно подчеркивалось: «Opasajtēs utra!» – то есть ждали они нас завтра.

*

Зато наша вторая группа разведки под командой Ханака¹ в этот день участвовала в небольшой схватке с красными. Произошло это в Ключах, расположенных в трех верстах от Ивановки. Это большое русское село с церковью, существенно больше Ивановки. Там стоял большевистский дозор, составленный из двенадцати конных. Эти люди не были частью эскадрона из Ивановки, а относились к другой красной части, которая в тот момент находилась в Белой. У части была задача выдвинуться к Казани, но внезапное появление группы Кани этому помешало. И с тем, чтобы заранее знать о возможной атаке с нашей стороны, и был выставлен дозор между Белой и Бишей в Ключах. Но едва лишь Ханак со своим конниками подошел к селу, красные просто дали деру. Наши осмотрели деревню и расположились на первой улице со стороны Бишни, поджидая пехоту. В это же время красный дозор из Белой послали назад в Ключи, чтобы он следил за дальнейшим развитием событий. Дозор приехал и расположился на ближайшей улице со стороны Белой. Так полдня они и просидели, даже не подозревая о присутствии друг друга, наши с одной стороны Ключей, а красные с другой. Когда же местные пришли к Ханaku и рассказали о большевиках, наши немедленно их атаковали. Ранили одного, и еще убили у красных коня. Оставшиеся опять бежали в Белую.

Еще дальше в тыл красных

Бой за Осиново к вечеру утих. Поручик Хасал сумел выбить оттуда большевиков и отогнал их на запад к Туре². И тем самым облегчил нам наше собственное движение к мосту.

Давно мы ночью так сладко не спали. Наша партия ночевала на дворе зажиточного татарина, который велел нам на ужин сварить картошки, а утром дал два кувшина молока. Когда совсем уже рано мы стали собираться в это утро уже в сторону Белой, стал и хозяин³ также собираться на работы и сел с нами к столу, и пока мы вместе ели, рассказал о большевиках, которых мы вчера прогнали:

– У меня на дворе их с лошадьми стояло девять. Днем вчера они вообще не находили себе никакого «zaňatia», кто-то бездельничал на улице, а другие валялись на дворе. А я сам стоял здесь, – показывает «chazajin» место на крыльце, где висел на веревке чайник с водой для умывания, – как вдруг вбегают все разом с улицы во двор. Глаза вытаращенные и ничего не могут из себя выдать кроме одного слова: «Чехи, чехи!». Скорее седлают коней и прочь. Даже пики свои оставили на дворе. И остался еще у меня стоять один их конь. Подошел я к нему и думаю: «Ну, и хорошо. Небось уже за ним не вернутся».

¹ Скорее всего, Ханак, Ян (Hanák Jan, 27.12.1893 – ?), поскольку, что само по себе большая редкость в КЛ, его место службы указано с отменной определенностью, не просто 2-й полк, а конная разведка этого полка (jízdní rozvědka 2.stř.pl.), в гражданской жизни приказчик, а австрийской армии драгун, взят в плен 12.05.1915, подал заявление на вступление в ЧВФР в Бобруйске, принят 27.05.1917, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Смущать может только одно, согласно КЛ, с первого и до последнего дня – простой солдат, но не исключена и ошибка, которых в КЛ, к сожалению, немало. Единственный возможный кандидат из офицеров с фамилией Ханак во втором полку, а именно они командовали партиями в описаниях Мнехуры, – Антонин (11.11.1891). Но согласно КЛ – и в австрийской, и в русской армии он служил в пехоте.

² На карте в книге самого Мнехуры (с. 177, далее Карта), не всегда точной и приведенной без указания какого-либо масштаба, от Осинова до Туры (Большой Туры) меньше трех верст на юго-запад.

³ На этот раз в тексте все на своем месте, то есть чешское слово – hospodář.

– Да только там у того «záboгу», – показывает «chazajin» на довольно высокую ограду в дальнем конце своего двора, – слышу, кто-то из всех сил пытается открыть калитку, что ведет в поле. Ну, знаете, я ее сразу предусмотрительно закрыл на замок. Солдаты бы ее оставляли всегда открытой, и где бы я тогда искал свой скот? И я этому большевику, что рвется наружу, кричу:

– Эй ты, солдатик, лошадку-то с собой не заберешь? – а тут и эти, что раньше уехали, возвращаются за своими пиками, начальник их погнал назад, ну, и забрали с собой своего застрывшего дружка.

– Так что, не сомневайтесь, бояться они вас страшно, – продолжал татарин. – Думаю, будут убегать от вас до самой Москвы. И это хорошо. Мы будем тогда работать в поле, ничего и никого не опасаясь.

Расстались мы с ним и поехали дальше воевать с большевиками, чтобы он мог спокойно работать в поле...

В тот день (23 августа) группа Кани продолжила движение к мосту двумя колоннами. Сегодня целью у главной было чувашское село Большие Параты¹, от которого до моста только один дневной переход². Двинутся они в Параты прямо из Ключей. Наше подразделение конной разведки снова было разделено на две партии. Наша, тринадцать человек, сопровождает 12-ю роту, идущую на Белую, а оставшиеся пойдут с главной колонной.

Если смотреть со стороны Ивановки, то Белая начинается прямо у края леса, через нее бежит речушка³, протекающая и через Ивановку, а потом впадающая в Казанку или Волгу. Мы выступили намного раньше нашей пехоты, поэтому, когда подошли к Белой и начали изучать обстановку, пехота была еще далеко за нашими спинами. Задачей было понять – есть ли у красных позиции на поле и где стоят их передовые дозоры. От села мы были недалеко и его хорошо видели. Но кроме людей, работавших в поле, больше не обнаруживалось ничего. Решаем выехать из леса и широкой цепью растянуться по полю. Если дозоры большевиков спрятаны за избами, мы их так побудим к стрельбе. С ружьями наперевес, не спеша выезжаем вперед и останавливаемся. Снова двигаемся вперед и снова останавливаемся, еще раз повторяем то же самое, но стрелять никто не начинает.

Люди, работавшие в полях, как только увидели нас, все побросали и бросились бежать к селу. Самые же умные залегли среди борозд, в углубления, в ямки, из чего мы сделали вывод, что в Белой есть красные, и люди опасаются боя. Остановились мы у канавы, в которую вжался мужик, а с ним и его жена.

– Есть в деревне солдаты?

– Есть, есть, еще вчера там они точно были, – подтверждает мужик.

– И много их там?

– О, много. Вчера к ним еще и конные приехали.

– Откуда эти конные приехали?

– Да, с той же стороны, что и вы. А вот пехота, что пришла раньше, она от монастыря⁴, – охотно сообщает мужик.

Понятно, эти конные, мы про них уже знаем, это кавалерия из Ивановки. Зато пехота –

¹ Историческое название объединенных одной церковью деревни Старые Параты и села Новые Параты. От последнего дома деревни до первого дома села ныне чуть больше полукилометра лесочком. От Больших Ключей до Новых Парат немного меньше 10 километров по прямой точно на восток. И деревня, и село находятся на территории современной Республики Марий Эл.

² Согласно Карте, от Старых Парат до начала Романовского моста на левом берегу примерно 15 верст на юго-юго-восток.

³ Река Сумка – левый приток Волги.

⁴ Раифский Богородицкий монастырь – большой мужской монастырь на берегу Раифского (Сумского) озера на территории современного Татарстана. От Белой – километра 4 на юго-юго-запад. Мужик в рассказе Мнехуры подчеркивает, что пехота и кавалерия подходили не только в разное время, но и с разных сторон. Первые с юга, вторые с севера.

какая-то новая, нам еще неизвестная часть, с которой только еще предстоит встретиться. А вот монастырь, о котором упоминал мужик, расположен в лесу, что отсюда на запад в сторону моста. Думаем, там был штаб красных, управлявший всеми их операциями на левом берегу Волги. От Паратов мы потом видели в разрывах лесов отблески белых стен его строений.

Между тем стрельба по нам все не начиналась. Внезапный заход Кани в тыл красных привел их на какое-то время в замешательство, но прекрасно осознавая огромное численное преимущество на своей стороне, они быстро решили поменять тактику. Без всякого дальнейшего сопротивления красные стали нас пропускать все глубже и глубже в свой тыл, чтобы потом резко у нас за спиной захлопнуть врата Казани¹.

Из Белой таким образом красные быстро ушли перед самым нашим приходом, лишь оставив в лесу у деревни небольшой дозор, задача которого была определить направление нашего дальнейшего движения – пойдём ли мы к монастырю или к Паратам.

Белая – совсем маленькая «dërevñä». Когда местные жители нам показали, куда отошли красные, мы, четверо, отправились в ту сторону проверить окрестности. Проехали мы немного вдоль леса, и ничего особенно не увидев, повернули обратно. И снова очень внимательно вглядываясь в край леса, который теперь у нас оказался слева. Большевистский дозор, прятаясь там в кустах и ничем себя не выдавший, когда мы ехали от деревни, на сей раз каким-то движением себя обнаружил среди зарослей. Мы тут же соскочили с коней и бросились туда. Но дозорные не только не сделали ни одного выстрела, не просто бросили свои винтовки, но даже, убегая в лес, оставили стоять немного в стороне двух оседланных коней. Мы же послали им вдогонку пару-другую пуль.

В деревне мы нашли еще одного коня. Но этот был совсем больной, и для верховой езды непригодный. Особых трофеев в седлах не обнаружилось: грязное белье, немного сахара и чая, сверток махорки, да патроны.

В Паратах у чувашей

В восьми верстах на северо-запад от Белой лежат Параты. Дорога туда ведет по краю леса полем, и у самых Парат поднимается на небольшой взгорок. От Парат поэтому можно видеть и Белую, и далее леса до самого монастыря. Можно за и этими лесами разглядеть даже Осиново с Турой. Сделав короткий привал в Белой, мы двинулись в Параты и вошли туда почти в то же самое время, когда и главная колонна группы Кани.

Вторая партия наших конных тут же отправилась на разведку к мосту и выяснила, что большевики сидят там в основательных окопах, и взять их будет непросто.

В Паратах местные жители приняли нас очень тепло. Почти все оно чувашское. Советский режим, когда он к ним пришел, приняли с нескрываемой неприязнью. Поэтому комиссаром в селе назначили человека не из среды чувашей. Это был один из русского меньшинства, который перед нашим приходом бежал вместе с большевиками. Изба его стояла на краю деревни у дороги в Монаки², и ее быстро обыскали.

Чуваши, живущие в Паратах, земледельцы, своим образом жизни и домашним укладом мало чем отличаются от окружающих их русских. К ужину у нас на столе в избе дымилась полная картошки миска из цельного камня, и к ней были поданы пришедшиеся нам очень по вкусу ледяное молоко и огурцы. Для гостеприимной семьи мы сами между собой собрали немного сахара и чая. Сахара тогда в России не было совсем.

¹ Здесь, по всей видимости, речь не только и не столько о возможности отступления, сколько в первую очередь о необходимых линиях снабжения, связи и какой-либо помощи резервами.

² Monakû – по всей видимости, местное прозвище места (см. далее по тексту). На Карте правильно – mapajkino. Иманайкино – деревня в Волжском районе современной Республики Марий Эл. Два километра от Новых Парат на северо-восток.

Мы очень внимательно слушали речь хозяев, пытаюсь уловить какой-то смысл. Так что, когда пришло время расходиться ко сну, мы уже всю по-чувашски поддакивали: «Ule, ule! Uke, uke!» (Да, да! Нет, нет!)

Взяв Параты, мы завершили подготовительный этап наступления на мост. Дальше, мы все предполагаем, начнется движение не в походном, а в боевом порядке, так как отсюда уже начинаются оборонительные позиции красных. Не знаем только, завтра выступаем или послезавтра, но без сомнения очень скоро, поскольку мы уже в таком глубоком тылу у неприятеля, что связь с нашими в Казани почти невозможна. Из Ивановки или Ключей еще могли наши конные через Бишню пробираться в город, могли приходить и к нам с той стороны. Но ситуация меняется каждый час. И никто особенно не удивится, если уже завтра утром наши связные на пути в Казань в Ключах или Ивановке попадут в руки красных. Та же опасность грозит и связным, отправленным к нам из Казани. Еще вчера путь к нам был открыт, а теперь не проберешься.

С этого момента в тылу красных Каня со своей группой уже сам по себе. Связи с Хасалом больше нет, и о положении его частей Каня может теперь судить лишь по тому, где сейчас стреляют пушки и горят пожары. В ближайшие дни единственным источником сведений о ситуации для нашего командира будут только наши собственные разведчики, рассылаемые во все стороны. К мосту, в противоположном направлении, к Казани, а также к Хасалу, постоянно будут уходить небольшие партии наших конников, которые едва ли не все вернутся с одним и тем же докладом:

– Брат подпоручик, они везде!

Угроза нарастает

Двадцать четвертого августа наше подразделение, разделенное на четыре партии, провело разведку на всех четырех возможных направлениях и везде столкнулось с красными. Нас десять человек под командой поручика Билета поехало назад к Белой. Поскольку маневры красных непосредственно у нас за спиной представляли наибольшую опасность, мы должны были провести в Белой весь день до вечера, чтобы в случае их выдвижения от монастыря к Казани определить силы большевиков, имеющиеся у них вооружение и точное направление движения.

Когда перед самым полуднем мы прибыли в Белую, там никого не было. Мы выставили три дозора. Два – по два конных, а там, где вчера у нас была перестрелка с красными дозорными, расположились мы трое – я, Кухарж и Юнг. На смену рассчитывать не приходилось, еще двое наших остались с поручиком, и они всегда должны были быть при нем для объезда дозоров и иных поручений.

Стоять в дозоре без смены, в такой необыкновенно жаркий день, каким было двадцать четвертое августа, очень тяжело и утомительно. Там, где был наш собственный пост, располагались «bánpě» (купальни) всей деревни. С виду обычные деревянные избы, с большим котлом под воду, рядом с ним печь с горкой камней, иногда камни прямо над котлом, как бы ни было, они всегда нагреваются одновременно с водой. Рядом расположены нары, которые стараются поднять как можно выше, иногда они бывают в два или даже три яруса. И здесь каждую субботу должна вымыться каждая семья. Заготовят березовых веничков с листиками, обмоются водой, а потом плеснут воды на раскаленные камни, и получается паровая купальня, в которой ложатся на высокие нары или, если есть ярусы, выше или ниже в зависимости от того, какой жар могут выдержать, и оведают себя березовыми побегими. Бывает, что возле бани отведет иной «chazajñ» еще четверть земли для молотьбы, чтобы там цепями выколачивать зерно. В этот самый день, когда мы стали возле бань, около одной или двух, как раз били цепями по снопам. И те молотильщики, что были ближе всего к нам, довольно скоро попытались завязать с нами беседу:

– Эй, товарищи, как думаете, нападут сегодня на вас? – как будто бы слегка нас задирая, крикнул от ближайшей бани какой-то молодой «chazajñ».

– Иди ты, чего болтаешь, дурачина, разве не видишь, что это никакие не товарищи, а чехи? – сейчас же одернул его отец.

– Да что ж я, слышу разве, как они говорят¹? – отвечает молодой старому.

Между тем после обеда пошел непрекращающийся поток людей из деревни в поле, и запретить это хождение мы не могли. Только каждого спрашивали, из Белой ли он сам и куда путь держит. Не пускать их не имело смысла, потому что не было возможности за каждым углядеть. Они бы все равно уходили, скрытно, где-нибудь за гумнами, а мы бы сами их только таким образом против себя настроили. А мы, разведчики, лучше всех знали, как может помочь или наоборот осложнить дело приязнь или неприязнь местного населения. Поэтому никак не мешали этому хождению в деревню и обратно. От тех, что возвращались, говорили ли они правду или врали, ничего о красных узнать не удавалось. А красные уже стояли в лесу прямо перед нами.

К середине дня у нас уже слипались веки от скуки и жары. Немного взбадривал либо приезд связного от поручика, интересовавшегося, что нового, или не перестававший дерзить молодой молотильщик, время от времени кричавший нам что-нибудь дурацкое:

– А хорошо вот так бездельничать, правда, да?

Или:

– Может, хватит-то уже воевать, нет? У нас тут уже мало дураков, которых заманишь на войну. Уже по горло сыты!

Было уже всем очевидно, что это местный «товарищ». Его отец время от времени пытался вполголоса одергивать сына, а жена, которая пришла какое-то время тому назад помогать, после каждого замечания мужа подолгу не спускала с нас глаз. То ли удивлялась нашему терпению, то ли считала такими же придурками, как и своего мужа, или же все ждала, что наше терпение лопнет, и мы прикладом разобьем ему голову, что в те времена было делом вполне обыкновенным.

Наконец, около шести часов вечера наше полусонное состояние сняло как рукой. У края леса прямо перед нами выехал на дорогу конный, с интересом огляделся и тут же развернул коня и снова скрылся. Было очевидно, что он нас заметил. Мы сделали ему вслед пару выстрелов. И уже через минуту возле нас появились два связных от поручика.

– Что случилось?

– Только что здесь была разведка красных, – объясняем. – Хорошо бы осмотреть край леса.

Поехали мы туда все вместе. Увидели свежие следы конских копыт и две брошенные казацкие пики. Недалеко виднелась одинокая изба, должно быть, лесника, там нам сказали, что только что здесь было четыре конных. Глубже идти в лес мы не решились, красный дозор мог преспокойно укрыться где-нибудь поблизости в кустах и нас легко перестрелять. Вернулись мы и сообщили о ситуации Билету, который тут же послал Юппа к Кане в Параты доложить, что возле Белой появились красные.

Мы вернулись на свое старое место у бань, но теперь были все внимание. Между тем молодой молотильщик у ближайшей из бань начал дерзить уже открыто:

– Экие придурки! Одного конного испугались. С кем тогда воевать думаете? – гоготал он на всю округу.

Тут уж у нас наконец терпение лопнуло. Ринулись мы с Юнгом на него. «Товарищ» отбросил цеп и побежал между бань наутек. Мы вскинули винтовки, но к нам бросились жена молодого и с ней старик, оба с умоляюще сложенными руками. Не знаю, помогли бы эти мольбы, но, на счастье этих людей, именно в это мгновение сзади закричал Кухарж:

– Ребята, все назад! По седлам!

От леса в диком беспорядке мчались люди, что днем отправились на работы в поле. Мужики на повозках норовили обогнать один другого, неслись буквально сломя голову. Мы остановили первую повозку:

¹ Возможно, еще раз стоит напомнить, что и белые, и красные в тот период носили одну и ту же форму – бывшей царской армии.

- Чего так несетесь? – спрашиваем насмерть перепуганного мужика.
- «Gospodi», бой будет. На нас идет целая армия.

Быстро вскакиваем в седла и пытаемся понять, откуда нам грозит опасность. Удары цепов за нашей спиной прекратились, да и вся деревня разом переменяла свой вид. Как скот перед ужасной грозой, так теперь люди, не разбирая дороги, как будто их ветер гнал, бежали с полей в свои дома. Хрипя, неслись мимо нас, и некоторые, лишь добежав до первой бани, падали за ней задыхаясь, лишь бы поскорее укрыться от пальбы, которая может начаться в любую секунду.

– «Oh Gospodi! Oh Gospodi!» – только и слышалось за нашей спиной. Но были и те, кто не терял хладнокровия, они кричали нам:

- Уходите, уходите, их там много!

Наконец, из леса в поле вышла цепь красных. Мы пришпорили коней и поскакали к Билету.

- «Gospodin poručik», – стучимся в окно избы, где он расположился, – красные наступают!

- «Nu, čort' vozmi!» Я только что открыл банку консервов, – ругается Билет. – А сколько их?

- Надо ехать вон туда, оттуда они видны. А здесь можно только гадать.

Дал нам Билет свой бинокль и мы, немного отъехав назад, стали рассматривать цепь красных в поле перед лесом. К этому времени прискакали и все наши, и мы все вместе стали прикидывать силы красных. В тех цепях, что мы видели перед собой в поле, их было не больше трехсот. Но левое крыло цепи уходило за лес, и его нельзя было видеть, там могла быть еще сотня. Скорее всего, в лесу еще резервы, так что, наверное, тут батальон.

К нам подбежали несколько женщин, от страха не находящих себе место.

- Ради Бога, солдаты, скажите, в нас тоже будут стрелять?

- Нет, нет! В вас никто не имеет права стрелять, – пытаемся успокоить перепуганных матерей.

– А если выстрелы услышите, так все ложитесь в избе на пол!

Спокойно разворачиваемся и собираемся уезжать. И тут Вит, который все это время стоял поодаль и внимательно следил за той частью леса, по краю которого нам возвращаться в Параты, срывается с места, как будто по нему начали стрелять, и влетает на коне прямо в нашу гущу:

- Ребята, мы окружены!

- Где?

- Со стороны Парат!

- Спокойно, господа, только спокойно! – разумно советует нам Билет.

Край леса, вдоль которого нам возвращаться в Параты, впереди где-нибудь в сотне шагов. Он в самом деле густо обсажен цепью красной пехоты, которая пошла бы дальше к деревне, если бы не речка. И мы, и они видим друг друга прекрасно. И хотя стояла жара, было похоже, что особого желания промокнуть у красных нет, и поэтому они перекрикиваются на том берегу и пытаются найти место помельче. Этим промедлением мы и воспользовались, чтобы укрыться за каким-то срубом и быстро решить, что нам делать. Винтовки сняли с груди и приготовили, а коней горячили, слегка пришпоривая, чтобы в любую секунду были готовы пойти галопом. Кинуться в сторону Ивановки нельзя. Цепь красных с той стороны уже подходит к деревне. Решаем, что надо все-таки идти к Паратам прямо под носом красной пехоты за речкой и будь что будет. Иного выбора уже просто не было. Пока не раздадутся первые выстрелы, поедem шагом, а за деревней, как только повернем вправо в поле, перейдем на галоп, чтобы поскорее уйти на расстояние недостижимости выстрелов. В той стороне в поле стоят три ветряные мельницы, за ними, если потребуется, мы можем отлично укрыться. Кроме того, один другому обещаем, что если будет кто-то из нас ранен, или под кем-то падет конь, то за ним обязательно вернемся, пусть и ценой жизни. Никто никого не оставит. Здесь, в чужом краю, где мы сами по себе, мы и полагаться можем только сами на себя, не можем никому верить, кроме самих себя, и можем надеяться только на себя и на помощь своих. В такие минуты мы всегда чувствовали, что значит вера в нас самих. Если бы с нами в Белой был целый батальон казанцев, мы так на него не полагались бы, как нас восемь полагались сейчас один на другого. Да, совсем иное дело, если бы в таком положении оказался

всего лишь один из нас. Тогда он бы об одном думал, как вернее всего подорвать себя ручной гранатой. Но нас восемь и Билет, который с нами сжился, а мы с ним, и он девятый.

Шагом выезжаем из укрытия и не спускаем глаз с пехоты, которая кричит у леса.

– Сюда, сюда! Эй, здесь! – зовут один другого, показывая, где мелко. По телу пробегает легкая дрожь от напряженного ожидания первого выстрела и готовности тотчас же перейти на галоп.

Изб пять нам оставалось проехать до конца улицы, когда справа из-за самой дальней вынырнула перед нами группа конных. Они и мы разом остановились. Полминуты, а может быть и целую минуту стояли мы молча друг перед другом и вглядывались один в другого. Было их на одного больше, чем нас, и по удивительному совпадению, и у нас, и у них был конь белой масти. У нас это кобыла Вита. Но то, что это были большевики, не было ни малейшего сомнения.

– Черт бы их побрал! Вылезли на нас. Окружили! – негодовал маленький Юнг, который всегда волновался за своего такого же маленького, красивого жеребчика больше, чем за себя самого.

Конники, стоявшие пред нами, ни на что не решались. Две казацкие пики, которые мы сегодня нашли брошенными в лесу и подобрали, принадлежали кому-то из них или каким-то их товарищам. Сейчас в наших руках эти две пики нам придавали вид казачьей большевистской разведки. Да и формой мы никак не отличались друг от друга, а наши бело-красные ленточки на фуражках с такого расстояния не разглядеть. Может быть, мы другая партия верховых, приданная охвату крылу, что слева от нас, и эти пытаются понять, так это или нет.

Больше ждать невозможно. Пехота слева уже переходила речушку и подходила к нам. Слышно было, как с той стороны командуют:

– «Vpirood! Vpirood!»

Билет повернулся к нам, словно хотел черпнуть в нас веры и храбрости:

– Прорвемся, господа?

– Господин, поручик, галопом прямо на них, а то будет поздно! – в ответ воодушевляем и его, и себя.

Билет делает пару шагов вперед, останавливается и бодро кричит колеблющимся кавалеристам:

– Кто вы?

– А вы кто?¹ – отзываются в свою очередь на той стороне.

Для разведчиков в этой партизанской войне одна из больших сложностей – невозможность с уверенностью определить неприятеля до той минуты, покуда он не начнет в тебя целиться или же не сунет штык тебе под самый живот.

– Так подъезжайте ближе, что ли! Вы бабы там, или солдаты?

Эти слова Билета, произнесенные на чистом русском языке, да так громко, что и наступающая пехота их слышала, придали кавалеристам уверенности. Все же не может чех так чисто говорить по-русски. И конник на высоком белом коне поехал нам навстречу. Но, не доезжая двадцати шагов, остановился и вскинул винтовку, разглядев, наконец, наши бело-красные ленточки.

– Огонь! – не раздумывая командует Билет. Восемь щек мгновенно прильнули к прикладам, грохочет залп, у высокого белого коня подгибаются задние ноги, и к ним падает сам сраженный нами большевик. Один из его кожаных патронташей при этом подкидывает в воздух. Он взорвался от одной из наших пуль. Оставшиеся кавалеристы исчезают там же, откуда и появились.

– Галопом, марш, марш! – командует поручик.

В тот момент мы уже поняли, что уходить вправо в поле, как мы первоначально уговорились, означало бы снова выйти прямо на красных, которые с той стороны уже окружали деревню. А еще мы знали, что шагов за 500 отсюда дорога на Параты пересекает глубокое ложе пересохшей речки, тянущееся от самых Ключей. Если доскочим до него, мы спасены. Ничего иного уже не остается.

¹ Типичный диалог противников, одетых и вооруженных совершенно одинаково в этот период Гражданской. Именно такой или подобный встречается перед началом боя или бегства в каждом втором тексте того времени.

С винтовками в руках, и секунды не было перекидывать ремень через голову, чтобы повесить ее на грудь, с головами, зарывшимися в конские гривы, понеслись мы самым быстрым галопом к высохшей речке. Каждая секунда на вес золота.

Первоначальный щебет винтовочных выстрелов от края леса слился в один общий оглушающий грохот. На таком близком расстоянии свист пуль уже не слышен, зато звук самого выстрела бьет прямо в ушную раковину. Чувство такое, будто тебе рукою кто-то крепко врезал по уху. Песок, летящий из-под конских копыт, залепляет глаза, забивается в уши и хлещет прямо в распахнутую рубаху. И если бы не адский грохот выстрелов, над всем бы этим стоял стон коней, подгоняемых шпорами. А случись, чтобы кто-то из наших сзади был ранен и стал звать на помощь, никто из передних его бы не услышал.

Минуты, наверное, не прошло, как мы очутились в ложе высохшей речки. Проскакали еще чуток направо, подальше от линии красных и, не сговариваясь, без всякого приказа соскочили с коней.

– Все здесь?

Смотрим один на другого. Пара человек взбирается по склону, чтобы с берега высохшей реки посмотреть на дорогу, не остался ли там кто-нибудь раненый. Смотрим молча во все глаза минуту, две, три. Никого на дороге нет. Пересчитываем всех. Девять. Считаем еще раз, второй, третий. Невероятно! Мы все. Ни с кем ничего не случилось.

Теперь внимание на коней. Поправляем седла и осматриваем, нет ли ран. Кроме кроващих садин под ребрами от наших шпор, ничего ни у одного нет¹.

– А что с Юппом? Его не схватили красные?

Поручик смотрит в бинокль на дорогу к Паратам.

– О, нет, – говорит, – едет себе не спеша ваш Юппа к Паратам, да так, как будто бы и стрельбы не слышал. Даже не оборачивается.

Никто из нас и не надеялся, что мы так дешево отделаемся, и угеро-бродский² словак Хриб, известный весельчак, и тут расхохотался на всю округу:

– Ну, уж большевички³ теперь со злобы лопнут от того, как мы от них смылись.

Только невозможно понять, почему у красных не прекращается стрельба. Еще раз поднимаемся на край ложа и пытаемся понять, в чем причина. Пули, свистящие над нашим головами, не оставляют сомнений, что начали стрелять еще и цепи красных, наступающие на Белую с другой стороны деревни.

– Они теперь стреляют друг в друга, – становится нам ясно. – Все говорит о том, что мы их запутали, и они теперь атакуют друг друга.

Так оно и оказалась. Завтрашний день принес тому полное подтверждение.

Но сейчас нас это уже не касалось. Мы спустились с откоса сухого ложа к нашим коням. На дне мы позволили им идти шагом. Бешеным галопом мы их здорово загнали, пусть теперь хорошенько отдышатся. Славные животные. Сегодня нам всем спасли жизнь.

Так по дну речного ложа мы хотели дойти до леса, здесь уже подняться вверх и повернуть к Паратам. Между тем ложе становилось все мельче и мельче, и с каждым шагом было опаснее

¹ Далеко не все были так удачливы и неуязвимы, как разведчики отряда Мнехуры. Участник обороны Верхнего Услона Йожка Холуб в небольшой заметке «Чертova мельница» (Holub, Jožka Čertův mlýn. В кн.: Zeman, Adolf. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 338) замечает: «Бои за Казань и за ее удержание были упорными и изнурительными. Не было ни минуты отдыха, и потери (убитыми, ранеными и больными) были значительными. В моих записях написано: 3-го августа выезжаем (2-я рота 1-го полка) на пароходе “Карамзин” из Симбирска в Казань. 138 штыков. В Казани к нам присоединятся двенадцать чехов, добровольцев из сербской роты, задержанной в городе. 8-го сентября в момент отступления от Казани численность нашей роты – 80 штыков».

² См. комментарий к главе «В тылу большевиков».

³ В тексте Мнехуры солдат употребляет весьма ходовое в среде чехословаков прозвище – bolšani.

идти, красные могут опять нас увидеть и открыть по нам пулеметный огонь. Но времени было вдоволь, поэтому мы остановились и решили дожидаться темноты. Залегли на откосе и стали рассматривать Белую.

Много времени не потребовалось, чтобы стрельба у деревни прекратилась, цепи красных втянулись в улицы и наступила в природе Божья тишь и благодать. Никто из нас уже и не вспоминал, что совсем недавно речь шла о нашей собственной шкуре. Когда ни одной живой души не стало видно ни в полях, ни в самой Белой, мы подумали было о том, чтобы до того, как красные выставят передовой дозор, быстро подняться и доехать до леса. Но не успели мы сесть в седла, как увидели, что из деревни выезжает пушка. За ней вторая. Совсем рядом с тем местом, где мы накануне столкнулись с конниками, обе пушки останавливаются, кони отъезжают от передков, и начинается подготовка к стрельбе. По кому? По нам? Мы просто рядом. И если так, то нас просто размотят в кашу. На мгновение душа уходит в пятки. Смотрим, куда будут повернуты стволы. Огромное облегчение. Оба пушечных ствола направлены в сторону Ключей¹. В кого они там собираются стрелять? Там ведь никого вообще нет. Но проходит минута, и вечернюю тишину уже разрывают выстрелы из большевистских пушек, эхом отзываются взрывы в Ключах. С такой настойчивостью ведется стрельба по Ключам, что у нас зарождаются сомнения, а может быть там, в самом деле, наши? Может быть, подошло нам на помощь какое-нибудь подразделение из Казани? Иначе разве стали бы с таким упорством расстреливать русскую деревню, если бы не были уверены, что там противник?

Но, может быть, конечно, у командира красных в Белой сведения двадцатичетырехчасовой давности о Кане, группа которого еще вчера действительно была в Ключах. Сухое речное ложе тянется до самых Ключей, может быть из-за этого они решили, что мы уходили по нему туда к своим? А если сам Каня почему-либо из Парат вновь отошел в Ключи? Всех охватывает беспокойство.

До самой темноты обстреливали большевики Ключи, и мы все это время должны были прятаться в сухом речном ложе. В ночной темноте и прохладе наконец уже вышли из него и через поле без промедления поспешили в Параты искать своих.

*

– Кто идет? – остановил нас дозор Кани перед селом.

– Свои, свои! Разведка из Белой. Не стреляйте, ребята! – кричим в ответ во весь голос от радости, что Каня здесь. Дозор нас пропускает, и когда мы к нему подъезжаем, и ребята начинают расспрашивать, что нового.

– Что нового? – говорим. – Белую прямо сейчас у нас на глазах взяли большевики.

– А где Монаки? – спрашивают ребята. – Туда вроде бы тоже сегодня пришли большевики.

– Монаки? Монаки – это совсем с другой стороны, – сообщает Билет и показывает рукой, где лежат Монаки.

– Да, что за черт, куда нам теперь самим идти, когда они и перед нами, и за нами? – вслух начинает рассуждать какой-то вконец раздосадованный братишка. – Вы приезжаете с этой стороны и говорите: «Они за нами», вечером вчера другая ваша партия приехала, получается, с той стороны и тоже говорит: «Они пришли туда за нами». Да что это за дьявольщина?

– Да не горячись ты попусту, – приводит его в чувство другой брат, – Ну, так и должно быть, когда мы у большевиков в тылу. Всюду они и будут, и перед тобой, и за тобой.

– Ты сам посмотри, – теперь уже мы втолковываем разгорячившемуся братишке, – Вон там перед тобой Казань и все большевики, что на позициях перед ней. А повернись в другую сторону, так здесь уже большевички, что им спешат на помощь. И так оно и было все время, тут – перед тобой, а тут – за тобой, везде, куда ни глянь.

¹ Ключи – на северо-восток от Белой, а Параты на северо-запад.

– И перед тобой, и за тобой – везде эта красная сволочь! – рассуждая, повторяет за нами брат, голова у него висит, и в своей подвернутой шинели он как пулеметчик, что словно груды земли, насыпанная у пулемета в мелком «окорёки».

– Это по вам стреляла большевистская батарея? – спрашивает нас уже в селе наша собственная батарейная охрана, дежурящая у своих орудий.

– Нет, это они по Ключам!

– Прямо по Ключам! А там, что, кто-то есть?

– Сами бы хотели узнать, – отвечаем.

Известия, доставленные сегодня Кане его разведчиками, взволновали всю его группу. Со всех сторон обнаружилось движение красных сил. Ночь все провели в полной боевой готовности.

Планы рушатся

На следующий день (25 августа) пришлось Кане поумерить горячее желание скорее пойти на Романовский мост. Сведения о перемещении красных сил, доставленные вчера, были такого рода, что требовали самым внимательным образом оценить положение в тылу его группы, потому что сейчас создавалось впечатление того, что, начав атаку моста, он попадет в уже подготовленную ловушку.

Еще ночью наш отдел получил приказ с рассветом выступить для проведения разведки ближайшей местности вокруг группы. Партии Билета была поставлена задача сделать круговую разведку в направлении Казани через села Монаки, Ключи и до Ивановки, а затем попытаться пройти к Белой и вернуться в Параты¹.

– С такой сегодня к мосту не двинемся! – делились мы друг с другом сомнениями.

Параты еще спали, когда нас десять во главе с Билетом до первой утренней росы направились к Монакам. Монаки – это либо совсем маленькая деревня в двух верстах от Паратов в сторону Казани², либо расположенное несколько дальше уже большое татарское село, до которого почти 6 верст³. В маленькой деревеньке мы не предполагали кого-нибудь обнаружить, на таком близком расстоянии от нас красные едва ли могли расположиться этой ночью без того, чтобы это не заметили наши сторожевые дозоры.

Монаки – уже то, второе дальше село, только пробуждалось, когда наша цепь остановилась над ним на взгорке в поле. Село лежало под нами в романтической долине, противоположная сторона которой упиралась в заросший лесом склон холма. Мы какое-то время постояли, глядя вниз на село, пытаюсь разглядеть хоть что-то выдающее присутствие в нем войск. Нет, в Монаках красных не было.

– Кто-то из наших вчера обознался. Где они тут большевиков видели? – пробормотал кто-то из нашей партии, и мы неспешно спустились в село, чтобы согреть себе еду. Вскипятили воды, всыпали в нее щепотку чая, достали по куску хлеба. Съели, выпили и отправились дальше в Ключи.

Дорогой через лесок мы выехали на поляну, покрытую кустами лесного ореха. Соблазн был велик на минутку остановиться и посмотреть, нет ли уже орехов, но два наших дозорных, двигавшихся впереди, подали нам знак остановиться. Без дополнительной команды мы растянулись в цепь и приготовили винтовки к стрельбе.

Прямо перед дозорными кто-то был.

¹ Около 20 километров при оговорке о неопределенности положения села «большие» Монаки, см. далее здесь же.

² Современная деревня Иманайкино находится в двух с половиной километрах на северо-восток от Парат. То есть это как раз две версты, из приведенного описания.

³ На Карте за Imanajkino – только обрез карты. На современных картах, приведенному описанию соответствуют как марийская деревня Утянгуш, так и Соловьевка в Республике Татарстан.

На лесной дороге на противоположной стороне поляны нерешительно вертелись на месте два верховых. Было видно, что они не знают, что им предпринять. Сейчас же уехать или все же выяснить, с кем имели честь встретиться. Кажется, они склонялись к первому.

Наши дозорные крикнули им по-русски:

– Кто вы?

Но ответа не услышали. На той стороне лишь продолжали нерешительно вертеться. Наши, разглядев, что за этим двумя конными никого больше нет, подъехали ближе и крикнули уже по-чешски:

– Мы чехи. А вы кто?

Оба верховых радостно пускают коней вперед и протягивают нашим руки. Подъезжают и все остальные. Это были связные из Казани, которых именно здесь мы меньше всего ожидали встретить. Оба русские. Еще не оправившись совсем от волнения, рассказывают:

– Вчера, «bratci», мы целый день вас искали. Одна пара связных, которая должна была вас найти, не вернулась. Наверняка попали в лапы большевикам. Мы сами выехали ночью и избегали деревень. Думали, что вы где-то уже у Романовского моста, раз мы вчера здесь поблизости вас не нашли.

– А что нового в Казани? – хочется нам скорее узнать.

– «Еh», да, кажется, все плохо, как в городе, так и вокруг него, – говорит старший, старый казак с густыми, как будто солнцем выбеленными усами и бровями, на маленькой, живой лошадке под казачьи рогатым¹ седлом, что все вместе свидетельствовало о том, что этот старый доброволец пошел служить в белую армию по убеждению.

– А мобилизация идет? – спрашивает Билет.

– Какая «k čertu» мобилизация, господин поручик, – жалуется в ответ казак, – когда никому не охота из дома от бабы?

Больше мы с ними задерживаться уже не могли, выкурили вместе по папиросе, и все. Показали, где они смогут, не подвергая себя опасности, отыскать Каню, и разъехались каждый в свою сторону.

Ветерок со стороны Ключиц приносил запах горелого.

– Наверняка большевички устроили там вчера пожары своими мухобойками! – говорим между собой.

Долго и внимательно рассмотрев село издаലെка в бинокль, въезжаем в него, здесь действительно несколько изб сожжено большевистской артиллерией из Белой. Но пострадали не только избы. Тяжко ранены и простые жители.

– Это зверство – посылать снаряды и шрапнель на женщин и детей! – злятся на большевиков казанцы, которых с нами, не считая Билета, два. – Им, большевикам, все равно, как и чем хоть немного напугать чехословаков². Пусть даже при этом они наделают калек и среди своих приверженцев.

Мы направляемся к церкви, у которой заметили большое сборище народу. Стоят пред входом со своим батюшкой-попом. Большая святая икона в руках повернута в сторону Белой, откуда вчера по деревне стреляли пушки, и молятся об отвращении повторения напасти.

¹ Очевидно, автор имеет в виду две выступающие рукоятки, прикрепленные к передней и задней лукам – характерная особенность именно казачьего седла.

² Практика применения большевиками артиллерии в городах и селах, без всякой оглядки на гражданское население, началась вовсе не с чехов или Казани. См., например, описание подавления Ярославского восстания, 6–21 июля 1918 в кн.: Васильченко А.В. Ярославский мятеж. – М.: Издательство «Пятый Рим», 2018. С. 174: «Вся артиллерия работает, как легкая, так и тяжелая... И такая поднялась канонада, что за все время пребывания на фронте в русско-германскую войну я такой канонады на слыхал»; с. 3: «По большому счету к 1919 году город прекратил свое существование. Из живших в нем ста пятидесяти тысяч горожан осталось не более тридцати».

– Вот ведь дьявол! Уж не нас ли отгоняют? – шутим между собой. Но стало совсем не смешно, когда вскоре выяснилось, что дело обстоит именно так. День был воскресный, и у храма собрались мужчины, женщины, дети, чуть ли не все село. И едва лишь мы подъехали ближе, вся толпа повернулась к нам, иные женщины с молитвенно сложенными руками, и начали просить:

– «Och», батюшки-чехи, не стреляете больше в нас, когда тут нет ни одного солдата!

Какие-то мерзавцы уже успели нас здесь очернить. Желая выяснить, от кого исходит это вранье, слезаем с коней и идем расспрашивать.

– Кто вам сказал, что это по вам вчера стреляли чехи? – начинает Билет выяснять у батюшки.

– Не знаем, можно ли этому верить, господин офицер, но конники, которые здесь были перед вами, утверждали, что это по нам стреляла вчера ваша артиллерия! – отвечает поп.

– А что это были за конники?

– Не могу знать, откуда они точно приехали, но были это большевики. Дали нам немного бинтов для раненых односельчан и утверждали, что это по нам вчера стреляли чехословаки.

– А сколько их было и куда уехали?

Тут уже разом заговорили все. И мы, наконец, со всей определенностью выяснили, что это была большевистская разведка силой в двенадцать верховых, которая приехала со стороны Белой. Появилась в семь утра, пробыла здесь очень недолго, отправила двух конников в Белую сообщить, что здесь, в Ключах, как вчера, так и сегодня никого нет, и уехала в сторону Ивановки. Раздали немного бинтов тем из местных, которых сами же вчера искалечили, и наврали, что вчерашнее безобразие устроили мы.

Мы не пожалели слов, чтобы переубедить селян и доказать, что большевистские конники лгали. Получилось это у нас очень хорошо. Под конец уже Билет добавил:

– Одно только это должно вас убедить. Большевистские пушки стреляли из Белой. И именно оттуда рано утром приехала большевистская разведка. Если бы вчера в Белой были чехи, то разведка бы приехала чешская. А вы сами видите, что мы приехали совсем с другой стороны!

– Да и вообще, чехи таких зверств никогда не совершают. На такое способны только большевики. Они же в Бога не верят, – продолжил Билет, видя, что перед ними православные со своим попом. – Вот и ведут себя, как скот, и убивают женщин, детей и священников, да, и все, что не может само от них отбиться.

– «Oh», они мошенники! Та еще сволочь! Те еще звери! – ругались вокруг.

– Если только будет такая возможность, приедем к вам с нашим врачом, – пообещали мы уже напоследок и распрощались с местными.

– Хорошо, что мы к ним заглянули, – говорили мы друг другу удовлетворенно, неспешной рысью уходя из Ключей к Ивановке. – А то эти большевики способны настроить против нас все села вокруг.

Какая задача была у красной разведки в Ключах? Нет сомнений, что большевики в Белой посланы для перехвата Кани. Как мы сами могли вчера убедиться, они полностью подготовлены для самостоятельных операций и имеют для этого все необходимые виды вооружения: винтовки, пулеметы, пушки и кавалерию. И способны атаковать Каню. Готовясь к этому, они отправили разведку в Ключи, чтобы выяснить наши силы и расположение, поскольку, судя по вчерашнему обстрелу, полагали, что мы там. Разведка большевиков нас не нашла в Ключах, поэтому, предположив, что мы отошли, поехала нас искать в Ивановке. Там также нас не найдет, и с этим вернется в Белую, и тогда нас уже начнут искать где-то еще, вполне возможно в той стороне, где сейчас и находится Каня. А это значит, может быть уже завтра нам предстоит неминуемый бой. В любом случае сегодня через Белую нам домой не пройти, потому что там красные. Не исключена и встреча с их разведкой, если она станет возвращаться домой той же дорогой, через Ключи. Но возможно и другое, красные передвигаются из Белой через Ивановку в сторону Казани, и тогда разведка, которая недавно здесь была – это фланговое охранение.

И тот и другой ход событий мы всерьез рассматривали, когда удалялись от Ключей. В полях между Ключами и Ивановкой пахал мужик. Счастливая возможность еще что-то для себя прояснить. Подъезжаем к нему и останавливаемся.

– Откуда ты, – на чистом русском обращаются к нему наши казанцы. Хотя по нашим ленточкам на фуражках мужик сразу понял, кто мы такие.

– Я из Ивановки.

– А когда уехал из дома?

– Я? Да сегодня, – отвечает, и понукает волов в упряжке пахать.

– Подожди, подожди! Ты должен стоять, когда с тобой разговаривает офицер! А то так тебе распишу спину, что будет жарко! – уже грозит ему нагайкой кто-то из наших казанцев, поняв, что мы наткнулись на человека из враждебного стана.

– Не видишь, работы у меня непочатый край! Мне хлеб поважнее всей вашей войны! – отбивается мужик.

– Да, как не видеть, проклятый безбожник. Сегодня Божье воскресенье, никто не работает, один ты в поле. А ну, говори, были утром у вас какие-нибудь солдаты?

– Не знаю. Я не видел!

– Что, и кавалеристов, которые мимо тебя проехали, тоже не видел?

– Да некогда мне смотреть по сторонам!

– Может быть, ты и нас сейчас перед собой не видишь, осел? – на рубашку мужика уже сыпались удары нагаек, от которых он скулил и дергался, как пес.

– Были бы большевиками, ты бы иначе, наверное, разговаривал, ублюдок!

Нам это избиение не нравилось, но если бы мужик так себя вел с большевиками, нет никаких сомнений, что они бы его просто уже пристрелили. Совершенно ясно, что разведка большевиков прошла мимо него, потому что следы копыт ее коней были отчетливо видны на дороге, и шли они поверх следов от копыт волов. Это говорило о том, что большевистская разведка прошла здесь, когда мужик уже был на поле, и не видеть ее он никак не мог.

– Он за большевиков? – спрашиваем, уже отъехав. – Похоже, таких тут предостаточно среди местных в деревнях.

– К сожалению, господа, к сожалению, – подтверждают казанцы. – Эти наши дураки простых вещей не понимают. Потом первыми вспомнят про нас и заплачут, да будет поздно!

Ивановку мы уже хорошо изучили и знали, что уже издали из полей она очень хорошо вся просматривается. Но открыто это делать нельзя, куда неизвестно, где сейчас та разведка большевиков, что шла в село перед нами. Трое из нас спешили и незаметно подобрались к самой околице, остальные в ожидании знака медленно ехали сзади. В селе никого не было. Когда мы въехали на сельскую площадь, от которой начинается дорога на Бишню, то по обилию следов поняли, что пару часов назад тут прошло и проехало целое войско. Приступили к опросу местных. Здешние татары дали самые точные сведения. Рано утром через Ивановку прошло большое армейское подразделение с пулеметами, двумя пушками и эскадронном кавалерии. Пришло оно со стороны Белой и ушло в направлении Бишни. Подтвердили они и то, что следом за ними приехала из Ключей небольшая конная команда, которая, узнав дорогу на Бишню, тут же отправилась догонять основную группу. Не возникло никаких сомнений, что это были уже знакомые нам большевики из Белой, их численность, согласно сведениями местных, могла составлять человек 600. Это существенно больше, чем все силы отряда Кани. И уже сегодня они выйдут к нам в тыл.

– Совсем нас уже не боятся, – шутим с горечью висельников, – так и прут на Казань, не глядя на то, что мы у них тут в тылу.

– А, впрочем, все это пустяки, – сами же себя успокаиваем. – Вот отберем у них мост, так они все разом за нашей спиной и разбегутся.

Был уж полдень, и мы сделали остановку для еды и отдыха. С едой было тяжелее всего. Последний раз горячий, только что приготовленный обед прямо с кухни мы получали в Сухой

Реке¹. С той поры мы без остановок только и мотаемся от села к селу. Утром уходим, а вечером, когда возвращаемся к колонне, ничего нам уже не остается, кроме все тех же консервов и чая. В хлебе не было недостатка, и по вечерам нам его давали свои, и в селах, случалось, предлагали кусок лепешки к чаю, не было только ни разу горячего, только что приготовленного обеда. И сегодня, поскольку до вечера у нас было много времени, попросили мы в одной из изб сварить нам «boršč» – капустный суп с мясом, очень популярный в России. Заплатили за него «chazajke» сахаром.

В Ивановке таким образом мы пробыли достаточно долго, и затем уже хорошо знакомой дорогой направились в Белую. Тут нас ждало много интересного. Едва мы выехали на улицу, на которой вчера столкнулись с большевистскими конниками, нас сейчас же узнали местные. Стали выбегать из изб и приветствовать. Сгрудились вокруг нас и закидали вопросами, все ли мы живы и здоровы?

– Все, все! – отвечаем, – ни у кого даже волос с головы не упал!

– Ну, значит, вместо вас досталось нам! – начинают тогда рассказывать люди. – Посмотрите только на эти расстрелянные избы и выбитые окна. И хорошо бы, если бы только это.

И дальше пошел рассказ о вчерашнем наступлении красных на село.

– Как только те, что шли от леса, стали в вас стрелять, так та цепь, что наступала с другой стороны, принялась стрелять в ответ. Решили, что те, у леса, чехословаки. И так они долго стреляли один в другого. А вы как раз успели в это время счастливо ускакать. И только когда обе цепи, и с той, и с другой стороны, уже вошли в село, красные поняли, с кем воюют. Стало им, наконец, ясно, что стреляли они один в другого. Было у них четверо раненых, кроме того кавалериста, которого вы сами сбили с коня. Этот получил от вас несколько пуль в живот. Его сразу же осмотрели и перевязали, но он все равно кончился. Тогда вся их злоба вылилась на нас. Оказались мы виноваты в том, что не сказали им, что чехословаков в деревне нет, и не надо стрелять друг в друга. Да кто же при такой стрельбе мог бы выйти из дома, чтобы что-то сказать?

– Начались допросы. Хотели знать точно, сколько вас было, кто с вами разговаривал, откуда вы приехали, куда уехали, как вообще выглядите, какие у вас кони и какое имеете оружие. А что мы им могли ответить? Вы же с ни с кем тут и не говорили. Только красные не могли в это поверить, что за полдня мы и словом не обменялись, и вот смотрите, что они нам за это сделали.

«Mužik» стягивает с себя косоворотку, нижнюю рубаху и показывает бурые рубцы от ударов нагайки.

– Но это еще пустяки, – продолжает рассказывать дальше. – Это я еще легко отделался. А вон в той избе, – показывает нам, – сходите посмотрите сами, со вчерашнего дня лежит «chazajin» в горячке, так они его отделали, а его жене, что просила отпустить мужа, выбили прикладом зубы. Еще одного из наших избил в кровь, объявили контрреволюционером и увезли в их штаб в монастыре. И все за то, что не хотим сознаться, что с вами говорили. Он уж из монастыря не вернется. Уж мы знаем, что эти паршивцы его застрелят!

Женщины вокруг нас утирали слезы передниками. Но чем мы могли помочь этим хорошим людям, и что пообещать, зная отлично, как нас тут у Казани и мало, и если еще больше красных будет подходить, то и нам самим уже несдобровать.

– Такое у нас черное выдалось воскресенье!

– А еще к вечеру мы им должны были еще скосить десятину моего овса, – жалуется другой мужик. – Дескать, им нечем кормить коней. «Och», сукины дети!

Задержали нас местные в Белой до самого захода солнца. Сели мы вместе с ними в одной хате, нагрели «kurjatku» и попили чая. Мы поделились своим сахаром, и избитому еще собрали между собой и послали немного сахара и заварки.

¹ Дата выхода из Сухой Реки, согласно главе «Снова против красных», – 21 августа. События текущей главы отнесены к 25-му. Таким образом, разведчики без нормального обеда уже пятый день.

– Вы уж, «bratcí», прогоните от нас скорее большевиков! Вы «golubčíci»! Наши защитники! – говорили местные на прощанье, пожимали нам руки и гладили наших коней.

– Выгоним их, граждане, очень скоро. Недолго будете ждать. Ваши придут нам на подмогу, и тогда будем гнать большевиков до самой Германии! – обещаем на прощанье и мы, хотя сами едва ли верим своим собственным словам.

Итог сегодняшней разведки: Казань куда как более опасное для нас направление, чем сторона моста.

В опустевшие Параты мы приехали уже в сумерках. Перед селом нас не задержал полевой дозор Кани. У пустого окопчика, где еще вчера лежали с пулеметом дозорные, мы остановились, некоторое время молча переглядываясь.

Что случилось? Почему Каня ушел из Парат? Может быть, он уже двинулся на мост? Но нас бы о такой возможности предупредили еще утром перед отъездом. Ну, будь что будет. С ружьями наизготовку шагом приближаемся к селу. Вытаскиваем из крайней избы старого чуваша и начинаем расспрашивать о наших.

– О, нет, никакого боя тут не было. Ваши отошли сами. А вот куда пошли, не знаю! – объясняет испуганный чуваш. И мы не сомневаемся в его словах, знал бы что-то большее, конечно, сказал бы. Пришлось расспросить еще несколько человек, прежде чем выяснилось, что наши ушли в направлении Ключей. Не задерживаясь больше ни одной минуты, поворачиваем туда. Дорогу уже знали так хорошо, что могли ехать лесом без особых предосторожностей. Сегодня мы осмотрели всю округу, и потому не опасались какой-то неожиданной опасности со стороны большевиков.

Въехали в лес, и тьма нас обступила, словно мы въехали в туннель. Краткий сегодняшний сон и целый день в дороге так нас утомили, что в ночной тишине леса сами собой у всех головы начали клониться к седлам. Слышалось лишь фыркание коней, да иногда, когда слишком резкий шаг коня кого-нибудь выведет из полусна, тот, словно желая убедиться, что не потерялся, спрашивает:

– Ребята, спите?

И чей-то голос пробурчит ему в ответ:

– Ну, да! Отстань!

Из этой дремоты, едва мы въехали в густую чащу с высокими деревьями, нас вывел рев, раздавшийся и справа и слева от дороги.

– Стой, стой! Кто идет?

– Ну, ну, не валяйте дурака, ребята! – кричим в ответ, после первого легкого испуга.

Это оказался дозор Кани. Целая команда окопалась чуть дальше, там, в лесу.

Начинаем искать штаб. Видим, светятся огни наших походных кухонь, где греют «kypjatok», чуть дальше слышно, как что-то тяжелое падает на землю. Приглядываемся, при свете походных фонарей наши пушки готовят к стрельбе. То один, то другой взвод, затылок в затылок, пробегает мимо нас среди деревьев.

– Что происходит? Куда вы все собрались, ребята? – спрашиваем вполголоса.

– Вы, что не знаете? Будем наступать на Белую, – отвечают нам.

– На Белую? Но там же никого нет! – удивляемся мы.

Билет пошел искать Каню, чтобы ему доложить о результатах сегодняшней разведки, а именно то, что группа красных сегодня отошла из Белой ближе к Казани и во всех деревнях округи больше никого нет. Тем временем мы сами встретили других наших разведчиков. Завели разговор с Ханаком и его ребятами. И услышали удивительные вещи. В этот самый вечер отправился уже Ханак с несколькими верховыми на разведку в Белую. По времени почти сразу после того, как мы сами оттуда уехали. Направились они туда не столько высматривать большевиков, сколько нас самих. Узнать, были ли мы там или нет, и не случилось ли с нами какой-нибудь беды. Перед самым селом встретил их огонь красных, которые у околицы копали «okorščiku». С той минуты все решили, что мы попали в руки красных. Ну, а Каня уже этой же ночью хочет выбить этих красных из Белой, чтобы они не оказались у него за спиной при атаке на мост.

Тем временем Билет вернулся от Кани и все сказанное ребятами подтвердил, одновременно с этим отдал приказ снова садиться на коней и ехать назад в Параты, поскольку при атаке на Белую наша партия должна будет охранять правый фланг Кани.

– Давайте только возьмем немного горячей воды на кухне заварить чай, господин поручик, и овса для коней, – просим у Билета.

– Ладно. Ночь холодная, согреемся чаем, и сразу на свое место, – разрешает Билет.

Не прошло и получаса, как наш отряд снова дремал в седлах в лесной темноте, медленным аллюром идя назад к Паратам.

Эти бесконечные круги очень не понравились нашим казанским офицерам. Та пара, что кроме Билета была с нами на обратной дороге в Параты, не скрывала своего крайнего недовольства:

– Никому вообще нельзя верить. Наше начальство в казанском штабе нам гарантировало, что больше десяти дней мы в поле не будем. Через десять дней нас отзовут назад в Казань. Между тем мы уже четырнадцать дней вне дома, а об отзыве никто даже не вспоминает. Это по меньшей мере бесовестно.

Напрягаем слух, вслушиваемся в эти речи, и не можем как следует понять.

– А что, в вашем штабе полагали, что за десять дней все под Казанью будет уже кончено? Ну, и даже если так, разве вы не собирались идти с нами на Нижний? – сон смежает веки, но вопрос очень интересный.

– Нет резона, господа, сейчас гадать, где в нас возникнет нужда, когда большевики будут отсюда изгнаны. Особенно сейчас, когда для удержания нашей власти нужно организовать мощную армию, офицеры будут нужны везде, как соль на кухне, не говоря уже о том, сколько потребуется гражданских специалистов, которых сейчас везде не хватает, для организации дел на освобожденных территориях.

«Все тот же неизменный журавль в небе!» – рассуждаем уже каждый про себя. Сколько уже мы слушали речей об этой их мощной армии. И если вместо этой армии и дальше будут лишь речи русских о ней, то в один прекрасный момент дождутся все эти фантазеры, что им уже чехословаки скажут:

– Сыты мы этими вашими разговорами!

И что тогда?

...

В Паратах Билет решил, что в первую очередь нужно сделать обыск в избе бывшего комиссара, чтобы проверить, не вернулся ли он ночью домой. Это бы означало то, что красные поддерживают с селом связь, и утром могут сюда нагрянуть.

В избе, в которой мы подняли на ноги семью комиссара, начался настоящий бедлам. Дети, которых оказалось четверо, с мамой наперегонки такой рев и такие мольбы на нас обрушили, что только утвердили в предположении, что большевик дома и они хотят его отбить. Со всей тщательностью осмотрели мы халупу, но комиссара в ней не нашли. При этом результат успокоил нас в гораздо большей степени, чем перепуганную семью. Тогда жене комиссара мы пообещали никого в доме не трогать, а самому старшему мальчику, подростку лет пятнадцати, предложили табак на самокрутку. Паренек, который неизвестно курил ли уже или еще нет, табак взял, сигарету скрутил, и все смотрел на нас, словно пытаясь сам для себя выяснить, в самом ли деле мы такие плохие, или только вид делаем.

Расположились мы в удобной избе у чувашей. В самом селе мы оставили двух дозорных. Параты – трудное село для организации наблюдения. Прямо через него, деля на две части, проходит глубокая промоина. Поэтому дозорные должны выставляться и на той, и на другой стороне.

Чувашка заварила нам чай и согрела консервированный суп. И уже светало, когда, накормив и напоив еще и наших лошадей, мы прилегли возле них на гумне, чтобы, пока все тихо, немного вздремнуть.

*

Но из забытья у седел под яблонями у гумна нас скоро вывели наши дозорные. В утренней мгле, в полях, возникли две фигуры, которые осторожно приближались к селу. Нас несколько человек незаметно по-пластунски выдвинулись на засаженное поле навстречу эти двум, и стали ждать...

Предполагали мы, что это как раз комиссар, который возвращается домой, узнав, что чехословаки из Парат ушли. Фуражки мы развернули ленточками назад и ждали, когда идущие подойдут совсем близко. Когда они уже были в паре шагов, вскакиваем с винтовками наготове:

– Стой! Руки вверх!

Оба замирают, как пораженные громом. От страха не способные даже поднять руки.

– Бросайте оружие! – кричим по-русски, потому что, хоть и нет у них в руках винтовок, но в карманах могут быть револьверы.

– Нет никакого! – едва выдавливая из себя один.

Идем к ним и осматриваем. Оба молодые, одеты в хорошо уже поношенную военную форму. При внимательном рассмотрении видно, что форма офицерская, пошитая у портного из очень хорошего материала, на плечах следы от срезанных «рогов», и таких сапог, как у них, мы никогда не встречали у рядовых земляков. Все это дает надежду, что это не большевики. Смотрим револьверы в карманах. Находим лишь узелок с сухим хлебом.

– Кто вы? – спрашиваем.

Молчат.

– «Běloarmějci»?

Снова молчат.

– «Krásnoarmějci»?

Опять молчание. Оба бледны, и видно, как отчаянно они сами хотели бы, никак себя не выдавая, понять, кто мы.

– Не бойтесь нас, господа! Мы чехословаки, – открываемся мы и поворачиваем к ним наши бело-красные ленточки на фуражках. Невозможно выразить радость этих людей. Обнимали нас и благодарили Господа, что с нами встретились. Это были два бывших офицера царской армии. Несколько дней назад бежали из дома от верной смерти. Большевики их собирались арестовать как контрреволюционеров. Оба тут же скрылись и ночами пробирались к нам в Казань. Угостили мы их консервами и чаем и отправили в Ключи к Кане.

*

Утром к нам приехал Дивишек, привез мешок овса и немного прессованного сена. А еще новость о том, что атака Кани на Белую отражена. У нас есть убитые и раненные.

С рассветом также стали грохотать пушки у Осинава и Туры. Днем, сидя на стоге сена у гумна, мы смотрели в сторону Казани, и линии огня точно указывали расположение отдельных участков фронта. В тот день и Осинаво, и Тура просто обратились в пепел. А в лесах между ними мы видели, как бушуют огромные пожары.

Сидим на стогу вместе с Билетом, смотрим в тыл большевикам и пытаемся сами для себя уяснить ситуацию. И не можем не видеть, что теперь имеем дело совсем не с тем войском, с каким еще недавно воевали в Сибири. Пока мы еще способны отбросить какие-то отдельные подразделения, разогнать разведывательные дозоры и атаковать, как этой ночью Кани, какие-то неприятельские силы, но все это больше не приводит к тем результатам, которые были привычны в Сибири – красные больше не эвакуируются в панике, едва лишь услышат залп наших пушек, и отовсюду к нам прибегают гонцы сообщить, что путь свободен. Теперь все иначе. Есть ощущение, что нынче мы имеем дело с регулярной армией, в которой есть уже определенная дисциплина. Но что особенно важно – этой армии много, очень и очень много, много больше, чем то, что мы видим во время своих разведок. И ее гонят вперед. И Белая тому пример. Вчера вечером пришли, и утром уже двинулись дальше, на Казань, и даже не стали выяснять, что там, в Паратах, а вечером

уже новое подразделение идет через Белую и опять на Казань, и вновь никакого внимания не обращая на присутствие группы Кани.

Если же вновь обратить взгляд к Казани, то справа, со стороны леса, где белеют строения монастыря, там отовсюду, от одного края земли к другому, доносятся звуки непрерывной ружейной пальбы, и сотрясается воздух от разрывов далеких и близких пушечных снарядов. Именно там, где над лесом висят облака дыма и пламя сжигает два русских села Осиново и Туры, находится Хасал со своей горсткой бойцов из каких-то трех неполных рот. Сегодня, можно не сомневаться, красные их просто топят своим численным превосходством.

– Хм, хм! – бормочет себе под нос Билет и вздыхает, не отводя от горизонта свой отличный бинокль.

– Как думаете, господин поручик, тяжело нашим придется сегодня у Осинова? – спрашиваем его, видя, как лицо нашего командира делается все мрачнее и мрачнее. Мы все полюбили Билета. Он был офицером в полном смысле этого слова. Образованный, храбрый, но при этом очень разумный, далеко не всегда одобрявший иные наши слишком горячие порывы, очень хорошо знавший окрестности Казани и говоривший с нами без обиняков обо всей казанской операции, от которой не ждал каких-то великих сюрпризов. Все тогдашние защитники Казани, все, кроме, пожалуй, чехословаков, связывали свои надежды на успех с именем Каппеля, русского полковника, воевавшего на правом берегу Волги под Свияжском. Ежедневно слышали мы с той стороны рокот пушек, и когда уже трудно было на что-то уже надеяться, начинали и мы верить, что русские на другой стороне Волги под водительством Каппеля все-таки добьются успеха, который будет, наконец, их собственным.

– У Осинова? – говорит Билет. – Полагаю, по тому, как там все сейчас разворачивается, придется уже задуматься и Кане!

– Кане?

– Да, конечно, это и непосвященному должно быть ясно, – начинает объяснять Билет. – Первое, если сегодня красные отгонят Хасала от Осинова, это будет означать одно, их там во много раз больше, чем наших. Кроме того, таким образом они существенно сократят линию своего фронта, северный полукруг у Казани заметно сожмется. И на этой сокращенной линии еще сильнее начнет сказываться их значительное численное превосходство. Ну, а второе? Второе тоже очевидно. Круг у Казани сожмется так, что оттуда к нам уже и мысль не проберется с каким-нибудь посланием, не то чтобы какая-нибудь рота на подмогу. Если же атаку на мост наши не будут поддерживать слева, то горстка людей Кани просто ничего не добьется. Что в этом случае остается? Только одно – пробиваться назад в Казань.

Именно в этот день (26-го августа) к нам пришло понимание того, что Казань уже сжата красным кольцом и группа Кани осталась сама по себе на милость судьбе. Отрезанную от своих, ее может спасти только удача, которая до самого прихода в Казань нас не оставляла.

Сегодняшняя осечка Кани у Белой словно открыла нам глаза.

– А где все-таки русские? – спрашиваем мы друг друга. И в самом деле, кроме нескольких казанских офицеров в наших собственных рядах, мы до сих пор не видели ни одного сколько-нибудь многочисленного русского формирования. Припоминаем Билету жалобы, которые мы слышали от его русских товарищей ночной дорогой, и говорим, что подобное выглядит просто неуместным в той ситуации, в которой сегодня оказалась Казань, да и все противобольшевистское движение.

– Да, многие из этих с удовольствием бы всю войну провели, прогуливаясь по городским бульварам, в блестящих сапогах, да с красивыми барышнями, – зло отвечает Билет.

Молча уже сидим на стогу и вслушиваемся в канонаду у Осинова, и от того, закончится ли она в нашу пользу или нет, зависит теперь исход всей операции чехословаков у Казани. Не удержим Казань, нас большевики тогда выгонят и из всего Поволжья. И что потом?

– К нашим-то хоть сможем вернуться? – сам себя спрашивает кто-то на стогу.

И словно в ответ ему где-то сзади нас раздается выстрел. Один, другой. Мы бросаемся к коням, затягиваем подпруги седел и ждем в полной готовности известий от наших дозорных. Это

Пиндюр¹ стрелял в большевиков. Приехали со стороны Зеленого Дола² на повозках, без всякого даже переднего охранения. Не считали нужным его иметь, и, действительно, чего им опасаться в глубоком тылу? Пиндюр в пятидесяти шагах от себя остановил первую повозку:

– Стой! Кто идет?

– Свои, свои, не стреляй, товарищ! – отвечают красные.

– ...я тебе покажу «свои», прошельга! – и первым же выстрелом Пиндюр сваливает одного, а вторым – ранит другого. Большевики с повозок бросаются враспынную, чтобы уже за ними растянуться в цепь и пойти на нас в атаку. Их так много, что обороняться нет смысла, поэтому мы уходим из Парат, оставляя большевикам в виде трофея мешок овса. Каню мы нашли в Ключах и там переночевали.

Начало конца

На следующий день (27 августа) вновь ожил фронт у Осина. Огромные массы красных продолжили давление на Хасала и отодвинули его позиции еще ближе к Казани. Это отступление решило и судьбу группы Кани. Стало совершенно ясно, что небольшая горстка его людей никаким образом не может изменить ситуацию, и сама оказываясь во все более и более ухудшающемся положении, должна просто позаботиться о себе самой.

Из новой разведки в Параты мы приехали с сообщением о том, что большевики ее вновь оставили, две другие партии наших конников также сообщили о безостановочном перемещении красных сил. На всех направлениях вокруг нас шло непрерывное движение большевиков от Романовского моста к Казани, окруженной ими уже со всех сторон.

Положение, в котором мы на сегодняшний день оказались, настоятельно требовало закончить нашу робинзонаду раньше, чем за нее придется сурово заплатить. Именно сегодня, когда еще оставался шанс для группы Кани пройти через центр фронта между собирающимися силами красных назад к нашим в Казань и таким образом избежать кровавой бойни, что станет неизбежной, когда ряды большевиков уже плотно сомкнутся. И, слава Богу, этот шанс не был упущен.

После полудня вся группа Кани, вместе с пушками, которые так и остались для нее скорее отягощением, нежели чем-то полезным, начала отступление. От Ключей на Ивановку, а оттуда лесом к Сухой Реке. Наша группа разведчиков вновь была разделена на несколько маленьких партий, которые со всех сторон, впереди, сзади и на флангах составили походное охранение колонны.

Наша партия шла медленным шагом впереди. Дорогу мы теперь уже знали отлично и заблудиться не могли, все было памятно в лесу за Ивановкой.

На лесном проселке далеко впереди возникли фигуры двух велосипедистов, забуксовавших в глубоком песке. Направлялись они в нашу сторону, а велосипеды толкали пред собой.

– Гражданские?

– Да где же вы видели гражданских на велосипедах? – говорит один из наших казанцев и наводит на велосипедистов свой бинокль. – Это солдаты, с карабинами на груди, и, конечно, это большевики. Наши из города ехали бы к нам на конях.

В любом случае, с нами они должны встретиться. Бежать им просто некуда.

¹ Пиндюр, Антонин (Pindur, Antonín, 8.01.1896 - ?), рабочий, сокол, взят в плен 21.07.1916, заявление о вступлении в ЧВФР подал в Дарнице 1.08.1916, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в армии – сфрейтор.

² Зеленый Дол – село и узловая ж.д. станция в современной Республике Татария. Возникло при строительстве железнодорожной ветки Москва-Казань в самом конце XIX века. От Парат до Зеленого Дола чуть больше 17 километров на юго-запад.

Задыхавшимся, залитым потом велосипедистам и в голову не могла прийти мысль, что здесь они могут повстречать кого-либо, кроме своих. Поэтому они спокойно посторонились, утирая пот и давая нам дорогу.

– Куда торопитесь, молодые люди? – сами останавливаемся возле них, готовые их тут же схватить, если вдруг вздумают кинуться в лес.

– Да в монастырь нам надо еще сегодня, черт бы его побрал! – отвечают, ловя воздух ртами.

– Мы отменяем вашу поездку! – соскакиваем с коней и отбираем у пары карабины. И только тут они сквозь пот различили ленточки на наших фуражках и стали оба белыми, как мел.

– Не бойтесь, – успокаиваем и того и другого, что от страха едва держатся на ногах. – Мы вас убивать не станем, как это делаете вы с нашими, когда схватите!

Они понемногу приходят в себя, а один и вовсе даже готов задираться. Просто не верит, что здесь, в тылу, где кругом одни только большевики, может идти маршем целая колонна чехословаков, и потому решает, что все это дурная шутка.

– Да что за чертовщину вы тут выдумали? Отпустите или доложите в штабе, что задержали, – начинает нас отчитывать. Пришлось навести на него его собственный карабин и пообещать, что он будет убит, если не закроет рот. Велели им идти с нами и продолжили движение.

Уже темнело, когда мы остановились в том месте, где сходятся дороги от Ивановки и Бишни¹. Было это уже совсем близко от линии большевистского фронта, и требовалось выяснить, какие еще есть проходы в нем и в каких направлениях.

К линии фронта направлены две партии наших конников. Задача одной – лесом дойти до Сухой Реки и там в ночи выяснить, кто в ней сейчас стоит, задача второй – доехать до хутора Выселки² и определить, как там располагаются позиции красных, вокруг которых или через которые надо пройти. Разведчикам, которые поедут к Выселкам, будет очень тяжело в темноте что-то увидеть, поэтому им придется, чтобы выполнить поставленную задачу, вызвать на себя огонь красных. Вот почему для отправки туда выбраны три самых быстрых коня. В свою очередь к Сухой Реке уходят шесть человек.

Сама колонна группы Кани расположилась в глубине леса по обе стороны дороги. В сумерках под деревьями собрались взводы в кружки и ждут, что принесет разведка. Разговоров мало, большинство просто молчит. Даже папиросы, которые курили всегда и всюду, даже во время полевых дозоров, никто не курит, и ничего не светится в лесной полутьме. Серьезность момента ощущают все. Мы в двух шагах от кольца большевиков, которое смыкается между нами и Казанью.

Если большевики уже в Сухой Реке, значит кольцо уже сомкнулось, и этой же ночью нам предстоит бой не на жизнь, а на смерть. Или мы пробьемся, или сидим здесь все вместе в последний раз как единый боевой отряд чехословаков, остаток которого в случае неудачи разбежится по лесу, чтобы потом в одиночку или вдвоем искать щелочки в большевистской цепи, через которые можно еще проскользнуть к нашим. Винтовки с примкнутыми штками у всех в руках, и все готовы в одну секунду подняться против любого, кто встанет на нашем пути назад.

Те из нас, кто не поехал в разведку, стояли или сидели у своих коней вокруг двух пленных, которые с напряжением ожидали, что будет дальше. Были в плену, но так близко от своих, что если бы начали кричать, то те бы их должны были услышать.

– Вот ведь проклятушая переделка! – бормочет себе под нос длинный Кадлец по прозвищу Капелька. – Кто у кого в плену, бес поймет. Мы этих двух стережем или они нас?

Тем временем со стороны Выселок раздаются первые выстрелы. Сначала редкие, а потом все более и более частые. Весь наш лагерь пришел в движение. За каждым деревом – человек с

¹ Согласно Карте, в книге Мнехуры от Ивановки до этого перекрестка дорог должно быть приблизительно 12 верст. До Сухой Реки еще 15-16 верст на юго-восток...

² Согласно Карте в книге Мнехуры, от перекрестка дорог до Выселок что-то около 6 верст прямо на юг.

винтовкой, готовый ко всему. Пули свистят над нашими головами между деревьев. Оба пленных приободрились и посматривают по сторонам.

– Ребятаки, – еще раз решительно им объясняем, – только попробуйте куда-то двинуться, тут же останетесь без головы.

В это время на взмыленных лошадях возвращаются наши от Выселок. Все целы.

Позиции красных от нас далеко, у самых уже Выселок. Это была для нас отличная новость. Еще бы разведчики из Сухой Реки принесли такие же хорошие вести. Ребята вернулись оттуда незадолго до полуночи. Им пришлось в лесу дожидаться полной темноты, прежде чем войти в село. Подобрались к одной из изб, в окне которой мелькали силуэты солдат. Ко всеобщей радости они оказались нашими казанцами. Красных в селе не было. Ее оборонял лишь маленький отряд казанцев. Никого больше из наших там не оказалось. Немедленно вся колонна снялась и в обход Выселок двинулась к Сухой Реке. Движение с пушками не самое быстрое, но после полуночи мы уже благополучно вступили в Сухую Реку.

*

Из всей группы Кани, кроме нас, ежедневно выезжавших на разведки и так обеспечивавших спокойствие всех, никто так и не понял, какие опасные маневры мы совершали в тылу большевиков. Теперь, когда мы выскользнули из клещей красных, можно было наконец выдохнуть. Хотя особенно радоваться было нечему. Неприятеля, который еще вчера был у нас за спиной, уже завтра нам придется встретить лицом к лицу, и если при этом у нас самих за спиной будут греметь выстрелы где-то в Услоне или у казанской пристани, много легче, чем тогда, когда мы находились в Паратах, нам не будет.

Пехота уже спала, когда мы еще кормили наших лошадей и в «jizbě» у самовара поджидали новостей, которые принесет с собой Билет, который пошел к казанцам, чтобы выяснить, как обстоят дела.

Хасал отнесен уже к самой Сухой Реке на возвышенность с засеянными полями, под которыми мы как раз вчера и шли от Выселок. Наше счастье, что было облачно и темно. В ясную ночь передовые дозоры Хасала могли бы нас заприметить, и, не узнав, открыть по нам огонь. Что происходит в тылу, в той стороне, где Кадышево¹, никаких точных сведений. И завтра мы должны туда пойти на разведку, чтобы выяснить, нет ли там противника. Ничего хорошего не мог нам рассказать Билет и о ситуации в самой Казани. За целую неделю, что мы отсутствовали, оттуда не пришел сюда ни один солдат. О какой-токой освободительной войне тогда идет речь, ни казанцы не понимают, ни мы!

*

На следующее утро (28 августа) все, кто находился в Сухой Реке, были разбужены выстрелами двух пушек, которые с рассвета открыли огонь по тем полям на возвышенности, где, как нам сказали, именно сейчас должен был располагаться Хасал со своим батальоном. Как это понимать? Пушки Кани обстреливают эти позиции по недоразумению? Или этой ночью Хасал снова отступил и его место заняли красные? Никому и в голову не пришло, что эти две пушки могут быть не нашими, а большевистскими, потому что звук был такой, словно располагались они у самой нашей околицы.

Между тем нас девять человек под командой Билета выехали в сторону Кадышево, чтобы разведать, нет ли там красных. Заодно мы хотели остановиться у ведущей огонь батареи и выяснить, в кого они, собственно, стреляют. Направлялись мы прямо на звук выстрелов. Выехали за село, но ничего там не увидели, кроме цепи казанцев в поле. Те нам показывают, где батарея. Едем в ту сторону. И видим еще одну цепь, которая уже залегла и приготовилась стрелять по нам.

¹ Кадышево – некогда село, а ныне часть Авиастроительного района Казани. От Сухой Реки до Кадышево чуть больше трех километров на северо-восток.

– Господи! Да это же большевики. Назад, ребята! – кричит кто-то из нас, и вот мы уже галопом летим назад в село. Провожают нас винтовочные залпы и стрекот пулеметов. Поднимаем всех на ноги. Невыспавшиеся, измученные ребята выбегают из изб с одними винтовками и патронами, все остальное свое бросая как есть. Наши повозки начинают уходить на Караваево¹. Мы сами едем к Кане, чтобы доложить, откуда наступают красные, и получить дальнейшие указания.

Заговорили и наши собственные пушки. Ребята держат оборону села, кто, где и как может. Прицельные выстрелы по фигурам в поле за околицей тут и там раздаются между домами. Между тем пушки неприятеля переводят огонь с полей на наше село.

Командный пункт Кани у церкви. С первого взгляда видно, что он не утратил ни грамма своего хладнокровия. Свинец шрапнели ударяет по колокольне. Каня остается на месте и продолжает управлять боем. Нам он приказывает оставаться в Сухой Реке, пока из нее не уйдет последняя наша повозка и последний солдат.

Мы прячемся за избами и, не слезая с коней, стреляем по большевикам, цепь которых в поле начинает останавливаться. Командир наступающего отряда еще вчера имел совершенно точные сведения, что Сухую Реку обороняет лишь небольшой отряд казанских добровольцев, которые после пары залпов убегут или сдадутся. Поэтому он и начал атаку на правый фланг батальона Хасала, расположившегося у Выселок, прямо через Сухую Реку. И те две пушки, которые мы посчитали нашими, были пушками большевиков, обстреливавшими Хасала. В успехе красные не сомневались, так как одновременно с атакой через Сухую Реку должны были начать наступление на Хасала и большевики у Выселок. И три наших неполных роты уже ничего не могли бы противопоставить такому напору при таком численном превосходстве противника. В результате оборонительные рубежи на левом берегу были бы прорваны, остатки наших сил должны были бы стяннуться уже к самому городу, и его падение оказалось бы вопросом нескольких ближайших часов.

Однако неожиданное ночное возвращение Кани в Сухую Реку перечеркнуло все планы красных. Решительный отпор его группы привел большевиков в полную растерянность. Одиночный, но точный огонь со стороны села заставил наступающую цепь остановиться, а когда в контратаку на них пошло подразделение пеших разведчиков прапорщика Питнера², а затем еще и со стороны Караваева рота 1-го полка, то красные побежали. Неожидавшая контратака так их напугала, что они нам оставили на поле боя в виде трофеев 11 пулеметов, обе пушки, что с утра привели нас в такое недоумение, и часть обоза с разного рода припасами. С обозом были также взяты и пленные. Они сообщили, что обоз предполагал уже сегодня ночевать в Казани, а также то, что всем солдатам, участвовавшим в наступлении на город, была обещана награда сверх того, что станет их собственными трофеями в Казани. И был это 1-й Полтавский полк в составе 1200 человек с пулеметами и пушками.

Так группа Кани в этот день задержала падение Казани, к сожалению, всего лишь на несколько дней.

*

На следующий день (29 августа) мы устанавливали связь с ближайшими к нам нашими частями, а Хасал со своей партией был направлен на разведку лесами в сторону Бишни. Там он обнаружил свежую группу красных, направлявшуюся к Сухой Реке, чтобы после вчерашней неудачи усилить своих.

В последний раз перед тем, как кольцо красных вокруг нас окончательно сомкнулось, мы ходили к ним в тыл 30 августа. Задача была выяснить расположение сил у Щербаково, куда

¹ На Караваево – то есть прямо на юг к Казани. От Сухой Реки до Караваево чуть больше двух километров.

² Pitner. Идентификация затруднительна. В КЛ нет сведений о чешском офицере с такой фамилией. Нет данных и о русском офицере с фамилией Питнер в списках сайта <https://www.ria1914.info/>

большевики отошли после своего неуспеха и где собирались с силами для нового мощного удара по казанской обороне.

Казанские офицеры, едва лишь они оказались вблизи своих семей, немедленно испросили «коротенький» отпуск, чтобы навестить своих. Кто-то немедленно покинул нас, а кто-то через пару дней. Не удержался от соблазна и Билет, и тоже «ненадолго» собрался домой. Впоследствии, оказалось, что расстались мы с ним уже навсегда.

По этой причине в последнюю разведку нашу партию из восьми человек вел Ханак. У Кадышево мы прошли редкие «окорѣку» наших, и направились прямо в село, за которым повернули на Ковали вдоль правого крыла красных, располагавшихся в лесу перед Щербаково. Либо мы сами сможем, зайдя в их тыл, разведать их позиции, либо нам удастся схватить кого-то из красных солдат, и он нам расскажет о расположении своих лучше, чем кто-либо иной.

Передовой дозор у села предупредил, что лес дальше на возвышении у Кадышево опасен, потому что оттуда время от времени стреляют, когда заприметят кого-то из наших.

Мы проехали Кадышево, перескочили через низкую оградку для скота у околицы, и очутились перед тем самым лесом, о котором говорила наша пехота. Как мы не старались что-то разглядеть в нем, ничего подозрительного не обнаружили. Весь склон небольшого хребта, который тянется далеко за Кадышево, здесь покрыт лесом. У самого подножья бежит дорога в Ковали. И мы отправились дальше по ней. Если большевики прячутся где-то наверху, едва ли они смогут удержаться и не начать по нам стрелять. В этом случае мы разбежимся веером влево в поле. Около версты мы проехали вдоль леса, никто не стрелял. Мы уже совершенно уверились в том, что в лесу никого нет. Может быть, туда время от времени заходят отряды красной разведки и это они стреляют в наших. Мы приняли решение взять вправо и поехать через лес в гору, с вершины которой, как мы предполагали, можно будет увидеть Щербаково и позиции красных возле него.

Между тем лесной гребень во всю свою длину до самого Кадышево был занят красными, которые просто не выдавали себя и не трогали нас, пока мы не удалялись от их позиций. Мы же, ничего не подозревая, направили своих коней в густые заросли вверх. Красные и тут себя не выдали. Очевидно, они хотели пропустить нас через свою цепь, а потом просто закрыть нам путь назад. И тут мы видим пулемет в кустах, буквально в двух шагах впереди. Пулеметчики припали к нему и готовы к стрельбе.

– Назад!

Это конец! Просто невозможно, чтобы с такого расстояния пулемет всех нас разом не смел. Мы кидаемся врассыпную вправо и влево и летим вниз, думая только о том, чтобы наши кони не сломали себе ноги, а мы сами не свернули шеи.

Застрочил пулемет. Потом умолк. Мы уже на некотором отдалении от него. Снова коротко та-та-та... И опять тишина. Мы уже понимаем, что пулеметный расчет нас потерял из виду. Перескакиваем через дорогу, по которой приехали, и кидаемся в небольшой овражек рядом. В нем хотя бы на несколько мгновений скроемся с глаз. Пулемет опять начинает стрелять. Овражек оказывается совсем маленьким, и в нем под прицелами красных мы оставаться не можем.

– Ребята, выбираемся, и ходом через поле до леса на той стороне! – в такие минуты и не знаешь, кто из нас отдает команды. Но в пятистах шагах от нас впереди край другого леса.

Поднимаемся по склону оврага, и летим по полю веером к дальнему лесу. Теперь по нам начинают стрелять уже из винтовок. Но эти нам не страшны. Попасть из винтовки в такую цель, как быстро едущий всадник, можно, только если очень повезет. Мы уже были достаточно далеко, когда снова застучал пулемет, пули засвистели над нашим головами, и впереди запрыгали фонтанчики пыли. А вот это уже опасно. Мы прямо на линии прицела пулеметчиков. Расходимся, как можно дальше вправо и влево от нее, еще пара скачков, и вот мы уже скрываемся в лесу. Заходим поглубже, останавливаемся и оглядываем друг друга. Хотя и знаем, что мы все вместе, потому что даже на лету не теряли один другого из вида.

– Здесь задерживаться тоже нельзя. Тут наткнемся на красных, которые вчера шли в нашу сторону от Бишни, – говорит кто-то из ребят, ходивших вчера в разведку к Бишне. Это означало еще один быстрый галоп из леса, через небольшую долинуку к позициям наших, которые из своих укрытий видели как на ладони всю эту охоту большевиков на нас. Только заехав уже за первые «окорѣіку», мы находим место, где можно спешиться, наконец, и осмотреть наших взмыленных коней и нас самих.

Одному из коней, мерину в красивых красных пятнах, досталось. Словно кто-то ткнул его вилкой в бок, от которой осталась маленькая кровавая дырочка между передними ребрами. Пуля из тела не вышла, потому что дырки с другой стороны мы не нашли. Он еще побегал пару дней, а потом все равно пал. Всем нам было очень жаль красивого мохнатого мерина, которого так любил и холил его хозяин.

А еще одному из наших братьев прострелили фуражку. Он на радостях совал ее всем нам, чтобы мы посмотрели, и при этом как мог чиховстил большевистского пулеметчика.

– Этого неумеху никто больше к пулемету не подпустит. Это же надо, иметь нас перед собой в десяти шагах и упустить! – весело говорил он, вертя фуражку в руках всю дорогу, пока мы неспешным шагом возвращались в Сухую Реку.

*

После этого настало затишье уже перед бурей. В разведках больше не было никакой нужды. Красные стояли перед нами одной спаянной цепью, и не было ни одной деревеньки в округе, которой бы они не заняли. В их огромном численном превосходстве не приходилось сомневаться¹. Если бы нас была хотя бы половина того числа красных, противостоявших нам в конце августа у Казани, никакая помощь от русских бы просто не потребовалась. Сейчас же, если русские не пришлют нам на помощь хоть сколько-нибудь существенные силы, Казань будет потеряна, а это изменит положение всего пока еще нашего Поволжья². Теперь, когда путям снабжения и пополнения от Романовского моста к Казани уже ничего не угрожало, против накатывающей лавины большевиков стояла лишь горстка наших людей, редущая буквально на глазах³. И надежды на подкрепление никакой.

Наш отдел расположился в Караваево, откуда удобнее всего было выполнять задачу организации связи между группой Кани в Сухой Реке, батальоном Хасала слева от Караваево, и штабом казанского фронта в самом городе.

К сожалению, общение с казанским штабом и обитателями города не слишком воодушевляли на продолжение тяжелой обороны, которая день от дня казалась все более бессмысленной из-за равнодушия обывателей и негибкости воинского командования.

Казанскому штабу, по обыкновению, достаточно быстро удалось организовать несколько подчиненных штабов с массой офицеров, которые должны будут командовать батальонами и полками противобольшевистской армии. Но только солдат для этих полков и батальонов собрать все не удавалось. Когда же, наконец, смогли каких-то ребят из окрестных сел заставить явиться по мобилизационным повесткам, русские с головой погрузились в строевую подготовку на плацу у казармы, по-прежнему предоставляя нам, чехословакам, право гнать

¹ Согласно данным книги, далее – Энциклопедия (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / редколл., гл. ред. С. С. Хромов. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 251–252) силы Левобережной группы 5-й армии РККА составляли – 4 тыс. чел., 19 орудий, 58 пулеметов.

² «Ровно через два дня после падения Казани (10 сентября) был сдан Симбирск. 13-го Вольск и 16-го Хвалынский» (Najbrt, Václav. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno: Moravský legionář, 1936, s. 115).

³ Точный подсчет сил белых на левом берегу затруднителен, но с учетом цифр, приводимых самим Мнехурой, а также данных книги комиссара первого полка Лангера (Langer, František. Za cizí město. Irkutsk: Inf. osvět. odbor čsl. vojska na Rusi, 1919, s. 41–43), можно говорить максимально о семистах или восьмистах чехословаках и примерно ста пятидесяти казанских добровольцах. То есть превышение сил на стороне красных было действительно многократное.

большевиков ко всем чертям, в надежде, должно быть, что их собственное участие в этом деле и не потребуется. И всякий день, когда с депешами мы подъезжали к штабу в казанском кремле, мы видели одну и ту же картину на площади перед кремлем: несколько перепуганных татарских парнишек усиленно обучают ходьбе «*na městě!*». И возле этих мальчишек, содрогавшихся от страха, когда где-то на ближних позициях взрывался снаряд, стояли группки местных богачей и блестящих офицеров с барышнями, рассматривавших в бинокли передовую. И было такое ощущение, что для казанских сливок общества происходящее – нечто вроде невиданного спектакля, на котором «*oficírsci*» в безукоризненной форме подробно разъясняют своим подружкам, как располагаются линии обороны. И от этого нам начинало казаться, что весь наш кровавый казанский поход устроен лишь для развлечения вот этих самых казанских щеголей и богачей.

Как мы ходили в казанские армейские склады

Из казанских военных складов день и ночь вывозили все, что только можно было вывезти. Но выглядело это как попытка вычерпать воду из моря. Несметные запасы по-прежнему казались нетронутыми. При этом из уст в уста передавались разговоры об отчаянном воровстве, которое там царит. И стали мы думать, раз уж так, может быть, и нам что-то может достаться. Красть мы, конечно, ничего не собирались, просто решили, что если там столько всего, что и вывезти нельзя, то, может быть, и нашему подразделению будет позволено без особых препятствий получить то, что нам необходимо из вооружения. Покуда же ничего кроме винтовок и сабель у нас не было вообще, а для успешных разведок нам бы очень кстати пришлось пара легких пулеметов, также револьверы, кроме того длинные пехотные винтовки хорошо было бы заменить на кавалерийские карабины, которых, как говорят, в Казани огромные запасы, ну, и очень нужны хотя бы два-три бинокля, которых у нас в отряде не было ни одного, и выручали нас до сих пор только казанские офицеры. А на разведке бинокль – первая необходимость.

В один из дней затишья у большевиков собрались мы трое (еще Ханак и Скленаж¹) и поехали на казанские армейские склады. Написали нужное «*trebovánie*», подписали у командира подразделения, заехали на пристань, взяли с собой Дивишка с повозкой и прибыли. Нас, конечно, предупреждали, что «снабжением» всей нашей армии занимается специальная служба, но что с того? На казанских складах столько добра, думали мы, что можно нам дать в два раза больше того, что мы просим, лишь бы только не досталось большевикам.

На армейских складах мы проехали через несколько больших дворов, прежде чем нашли здание управления, и в нем потыкались еще в несколько дверей, прежде чем нашли собственно дверь управления казанскими армейскими складами. Первому же русскому офицеру, который нас в канцелярии принял, мы показали наше «*trebovánie*» и еще дополнительно объяснили, почему приехали прямо с передовой, не дожидаясь того, как все необходимое получим от нашей собственной службы снабжения. Офицер замотал головой, дескать, так делать нельзя, и в любом случае все, что чехословакам необходимо, они получают по единственному требованию через свою собственную службу. Но потом смягчился и добавил, что сейчас сходит поговорит еще с «*Jeho Vysokoblahorodiem*», то есть начальником склада. После чего «*Jeho Blahorodie*» действительно ушло к «*Jeho Vysokoblahorodiu*» в соседний кабинет, вернулось через пару минут, и подтвердило, что ничего для нас сделать нельзя. Но если мы желаем, то можем сами попытаться объяснить дело «*Jeho Vysokoblahorodiu*». Конечно, попытаемся.

¹ Возможно, Скленаж, Карел (Sklenář Karel, 29.12.1888 – ?), бухгалтер, сокол, взят в плен 06.09.1914 под Равой-Русской в Галиции. Вступил в ЧВФР 04.05.1917. Прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Это единственный из десятка Скленажей в КЛ не только служивших во 2-м полку, но и со всей очевидность кавалерист. Последнее звание в легии – ефрейтор.

«Blahorodie» отправилось с соседний кабинет вместе с нами, чтобы нас представить «Vysokoblahorodiu». Дорогой очень тихо, чтобы не могли услышать другие «Blahorodia», которыми просто кишело управление, оно нам стало объяснять, как следует обращаться к полковнику. Нам очень не понравилось то, что здесь офицеры обращались друг к другу так, как это было принято еще в царской армии. И между собой мы решили, что будем звать «Jeho Vysokoblahorodie» «господином», и наплевать, даст он нам после этого что-то со склада или нет.

Однако, «Jeho Vysokoblahorodie», когда мы вошли в его кабинет, не стал дожидаться никакого обращения, и сам нас приветствовал, не сказать чтобы самым сердечным образом:

– Вы, чехословаки, вечно от нас чего-то хотите. Сначала забираете все по единому списку, а после этого снова являетесь уже поодиночке и опять требуете что-то уже индивидуально. Что у вас за дисциплина?

– Господин полковник, – отвечаем ему, – у нас на передовой не хватает оружия, и мы не можем ждать, пока нам что-то придет общим порядком. Наш отдел конной разведки прямо сейчас нуждается хотя бы в двух легких пулеметах, карабинах, револьверах и так далее, – перечисляем все то, что мы запрашивали.

Тут полковник замечает, что мы обратились к нему, как к обыкновенному гражданину, и сейчас же начинает кричать:

– Да как вы вообще себя ведете? Ничего я вам не могу дать! В первую очередь мы должны помнить об интересах нашей собственной армии!

Это уже было слишком, если только припомнить, что мы добровольно пришли сюда положить наши «головушки»¹ за жизнь этого самого полковника, и не удивительно, что нас просто охватило бешенство, особенно после того, как «Jeho Vysokoblahorodie»хватило чем-то по столу и указало нам на дверь.

– А, вас заботят интересы вашей армии? Так покажите нам ее! Притащили из деревень силком пару хлопцев, и объявили, что это солдаты! – обрушили мы на голову «Jeho Vysokoblahorodia» уже без оглядки и русский, и чешский. Из соседних кабинетов тут же набегали всевозможные «Blahorodia» и попытались нас вытолкать. Притащили даже нашего чехословацкого офицера, прикомандированного к складу, и плотно окружив нас, звали бунтовщиками.

– Что с вами, ребята? – пытался выяснить наш офицер.

– Приехали из Сухой Реки, чтобы получить оружие, которого нам не хватает, а нам его здесь не хотят давать, говорят, получите у своих. А мы не можем уже ждать. Нам все это требуется немедленно!

После чего уже наш офицер сам стал повторно объясняться с «Jeho Vysokoblahorodiem», которое все также повторяло:

– Вы и так уже получили достаточно!

В конце концов он нам все же подписал наше «trebovámie», но только в части, касавшейся нижнего белья.

Среди дворов мы нашли нужный нам склад и показали работавшему там офицеру нашу «bimagu».

– Если вы со своей повозкой, – сказал он нам, указывая, где и что можно взять, – заезжайте и набирайте сколько и чего хотите. Здесь уже никто не будет считать, сколько осталось и чего.

Описать богатство казанских складов едва ли возможно. Тяжело было просто поверить, что после четырехлетней войны, во время которой Россия одевала и вооружала всем необходимым двенадцатимиллионную армию, могли по-прежнему существовать нетронутыми запасы всего, что только могло потребоваться такой армии, от маленькой пуговицы для гимнастерки, до тяжелых крупнокалиберных пушек. Кажется, просто не существовало на свете вещи, которой бы в казанских складах не было.

¹ В оригинале чешское резкое разговорное слово kejhák – шея. Здесь буквально жертвовать жизнью.

Мы были просто потрясены таким изобилием. Мы сами себе казались чем-то вроде русских земляков-выпивохов, которых после четырех лет строго сухого закона привели прямо на винокурню и поставили перед полной бочкой спирта. Забыли мы все скандалы в канцелярии, и целыми охапками таскали все, что попадалось, на наш воз. А когда необыкновенно приветливый прапорщик сказал, что можно брать не только одно белье, но и что-то иное из нужного нам, то мы отнесли назад часть уже взятого и стали вместо него грузить на наш воз брюки, блузы и сапоги. Потом мы спросили у прапорщика, а нельзя ли каким-то образом все же получить и нужное нам оружие. Он сам нас завел в другое отделение склада, где уже тамошний офицер под все ту же нашу «bimagi» выдал седла и прочую сбрую. Заглянули мы и в оружейный склад, где все-таки попытались получить еще и два легких пулемета, револьверы, но здесь у нас уже попросили получить разрешение на все эти вещи в главной канцелярии. Возвращаться туда мы не уже не решились из-за боязни, что у нас отберут и то, что мы только что нагрузили на нашу повозку. Выехали мы на ней доверху груженной, но без того главного, ради чего приехали. Оружия нам так никто и не дал.

А всего через пару дней все оно, как и прочие огромные армейские запасы, которые оставались на казанских складах, оказалось уже в руках большевиков.

Трусливый город

К вечеру 6 сентября красные подобралась уже к самой Казани. Было очевидно, что группа Кани в Сухой Реке их больше не пугала. Большевистские цепи пошли от Выселок в лобовую атаку на позиции Хасала, угрожая еще и левому флангу Кани. Одновременно от Бишни в направлении Сухой Реки двинулись взводы, которые вблизи села развернулись в наступающие цепи. При этом и нашим передовым дозорам под напором красных пришлось оставить Кадышево. С наступлением темноты к Сухой Реке уже с трех сторон подступались густые волны красных, которые и взяли ее без единого выстрела. Подразделения чехословаков были выдавлены к железной дороге и заняли позиции уж в непосредственной близости от самого города.

За этим последовало еще несколько горьких дней, когда у самых врат Казани самодисциплина, упорство, храбрость, выдержка и горячая любовь наших добровольцев к России были противопоставлены с одной стороны упрямо накатывавшемуся прямо на них потоку большевиков, а с другой – разлитому непосредственно за их спиной общему безразличию к интересам нации¹, безволию, лени и трусости русских, ради которых были политы кровью чехословаков поля на всем протяжении от Казани до самого Романовского моста. И в эти дни каждая из редких винтовок, что выглядывали из «окорблѣ» наших солдат, была сосредоточением личного одиночного сопротивления красным, и против каждого они могли поставить десять своих солдат, да еще и пулемет.

Группа Кани, до сей поры дошедшая без существенной убыли, немного укрепила и освежила ряды защитников нашего фронта, прореженные тяжкими, никак до сегодняшнего дня не восполняемыми потерями. Но это была лишь капля росы среди наводнения большевиков, которые уже видели пред собой на расстоянии протянутой руки свою главную добычу – Казань!

Наш конный отдел был все это время у самой линии фронта, продолжая выполнять роль службы связи. В самой же Казани командование ее обороной на всем левом берегу Волги было

¹ Здесь, помимо прочего, имеется в виду и то, что в рядах большевиков основной и главной ударной силой в ту пору были «интернационалисты». Латыши, венгры, немцы, и даже какое-то количество соблазнившихся чехов.

передано полковнику Швецу¹, который должен был сохранить те наши силы, которые еще можно было сохранить.

Несмотря на то, что сама линия фронта существенно сократилась, имеющих в наличии войск совершенно не хватало для создания непреодолимой линии обороны города, судьба которого висела на волоске. Надежды, которые в части комплектования войск связывались с этим большим городом, оказались напрасными. Город, который сам по себе мог выставить армию, способную без всякой посторонней помощи гнать большевиков до самой Москвы, дал нам в помощь всего лишь несколько десятков своих добровольцев², энтузиазм которых, даже самых решительных, в конце концов сошел на нет, когда стало понятно, что за ними никто уже больше на фронт не придет.

Покуда большевики не пришли в себя после потери Казани с ее сказочными запасами армейских материалов и русского золота, и покуда не собрали столько сил, чтобы могучим ударом отбросить все то, что обороняло потерянное ими, обыватели Казани находились в плену сладких иллюзий и воображали себе какое-то несметное множество чехословаков, которые неизвестно откуда сюда явятся и с большевиками всегда разберутся. Неизвестно отчего, вообще, чехословаки им представлялись какими-то наемниками, для которых война нечто вроде работы. Покуда бои не начались в непосредственной близости от города, жители только и занимались тем, что говорили о помощи чехословакам, требовали мобилизации, расклеивали по городу вдохновенные плакаты с призывами вступить в народную армию и кичились один перед другим своим патриотизмом, но как только заговорили винтовки, то все моментально попрятались каждый в своей берлоге.

В эти дни группки богачей начали уезжать из Казани в сторону Урала, а люди менее обеспеченные не только не стали вступать в армию, но и боялись теперь произнести хоть слово против большевиков, предупреждавших в листовках, которые с аэропланов сбрасывали на город, а также устами своих агитаторов, наводнивших Казань, что любой обнаруживший хоть какую-то симпатию к чехословакам будет повешен сразу после взятия города.

Мобилизация, объявленная казанским штабом, не могла вызвать ничего, кроме смеха. У штаба не было ни власти, ни сил, чтобы добиться исполнения своих собственных приказов. Результат оказался ничтожным. Только из ближайших к Казани сел татары, чуваша, черемисы, башкиры отправили или были вынуждены отправить сотню-другую своих односельчан. Группки этих необстрелянных юношей, едва ли ни детей, взывали, скорее, к немедленному наказанию тех, кто пригнал их воевать, чем к тому, чтобы дать этим детям в руки оружие. Тем не менее, оружие им вручили и даже с грехом пополам объяснили, как обращаться с винтовками, и когда Казань пала, все эти подростки сейчас же разбежались по домам.

Обстрел города велся уже и с левого, и с правого берега Волги. Каппель, главная надежда казанцев, был полностью разбит на правом берегу и быстро отступал. В одном только бою он потерял до 600 своих людей и уже не был способен что-либо предпринять³.

¹ Это неточно, командование обороной Казани оставалось до самого последнего момента русским. Йозефу Швецу, который тогда был в звании поручика, в самом конце августа решением на это уполномоченного комиссара Поволжского фронта Вацлава Найбрта было передано командование всеми чехословацкими частями в Казани, как на правом берегу, так и на левом, включая северо-восточный Арский фронт, что сделало их независимыми от решений и действий русского штаба во главе с капитаном Степановым. Некогда другом и товарищем Швеца, и до того момента еще и командиром 1-го чехословацкого стрелкового полка (см.: Najbrt, Václav. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno: Moravský legionář, 1936, s. 110-111).

² Согласно данным комиссара Поволжского фронта Вацлава Найбрта (там же, с.109), в Казани было зарегистрировано около 6 тысяч бывших царских офицеров, которые дали фронту около 360 добровольцев. Воевавших, можно добавить, частью на левом, и частью на правом берегу Волги.

³ Та же самая цифра потерь приводится и в хронике 1-го взвода 1-й роты, 1-го чехословацкого полка (Fibich, s. 229.). Вместе с тем, согласно воспоминаниям непосредственных участников Свияжской

Начавшиеся обстрелы большевистской артиллерией казанской пристани заставили уйти наши пароходы, которым, тем не менее, успешно удалось спуститься по Волге до Камы, где они смогли стать на якорь у Лаишево¹. Окончательный захват красными Нижнего Услона² сделал невозможным наше отступление по Волге³.

Наши окопались вдоль линии железной дороги, которая от Савиново⁴ шла перед⁵ городом через Пороховой завод⁶, Красную горку⁷, Займище⁸ и далее к Романовскому мосту. Пороховой завод, на котором в ту пору было занято несколько сот человек, находился у нас непосредственно в тылу. В последние критические дни обороны Казани на нем началось восстание рабочих, которые хотели опрокинуть нас ударом сзади и соединиться с большевиками, стоящими в Сухой Реке. Восставших было человек триста. На завод была отправлена одна пушка, семь конников из нашей группы и взвод пехоты⁹. Восстание было быстро подавлено, но из осторожности приходилось теперь держать за нашей же собственной спиной дозоры, а нам вместо разведок патрулировать окрестности завода.

операции с русской стороны, подразделения Народной армии под командованием Каппеля отошли от Свияжска с боями, но не менее организовано, чем части группы Кани из-под Романовского моста. И по той же самой причине – утрата внезапности на фоне огромного численного и огневого превосходства противника. См., напр., очерк: Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы / Сост.: С.С. Балмасов и др. – М.: Посев, 2003. – с. 65. «В результате мы внесли большой беспорядок в тыл противника, перерезали железную дорогу, захватили большую добычу, но это и все... Отступление закончилось благополучно, но оно отняло два дня, и люди вышли усталыми от непрерывных боев и передвижений».

¹ Лаишево – город в современной Республике Татарстан на берегу Камского водохранилища. От Казани до Лаишево чуть меньше 60 километров на юго-восток.

² Нижний Услон – село на правом берегу Волги в современной Татарии. В 1918 еще и пристань. Расположенное на высокому берегу вниз по течению сразу за Казанской пристанью, село позволяло тому, кто им обладает, полностью контролировать водный путь от Казани и далее вниз по течению реки.

³ После захвата красными Нижнего Услона на правом берегу Волги, единственным способом покинуть окруженный с трех сторон город стал пеший или конный марш на Лаишево. Возможность, которой и воспользовался ставший командиром чехословаков Йозеф Швеи. См. далее главу «С Богом, Казань!».

⁴ Савиново – поселок у самой северо-восточной окраины современной Казани, у железнодорожного моста через реку Казанку.

⁵ Автор смотрит на Казань с севера, поэтому дорога перед ним, а сам город в некотором отдалении (тогда, в 1918-м) уже дальше на юг.

⁶ Пороховой завод – до сих пор существующее предприятие. ФКП «Казанский государственный казенный пороховой завод». От ст. Савинов до ст. Порохового завода чуть больше 8 километров на восток с небольшим углом к югу.

⁷ Красная горка – ныне поселок в Кировском районе современной Казани. В 1918-м село и железнодорожная станция. С 1918-го Юдино, в честь погибшего в боях под Казанью командира бригады латышей Яниса Юдиныша, он же Ян Андреевич Юдин. От Порохового завода – чуть меньше 8 километров все также на восток с небольшим углом к югу.

⁸ Займище – в 1918-м самостоятельная деревня, ныне часть поселка Красная Горка, восточная его оконечность.

⁹ Краткое, но яркое описание восстания на Пороховом заводе, жертвой которого едва не оказался сам командующий казанским штабом обороны А.П. Степанов, по воле случая оказавшийся в соседствовавших с заводом Алафузовских казармах, в которые и пришли рабочие освободить мобилизованных, можно найти в записках: Зиновьев В.А. Борьба на Волге // Каппель и каппелевцы ... – С.101–105. Возможно, стоит процитировать заключительные строки его записок (с.104–105), чтобы не создавалось ложного впечатления о том, кто именно и как, собственно, подавил восстание. «К тому времени уже были посланы ликвидировать восстание на трамваях один батальон Чешского полка и подполковник Нечаев с двумя эскадронами. Опасались, что восставшие могут ударить в тыл нашим частям на фронте. Полковник Сушко отдал приказ стоящим поблизости батареям открыть огонь шрапнелью по местности, занятой повстанцами. Наконец, к позднему вечеру совместными действиями чехов и “нечаевцев” удалось ликвидировать восстание».

В те последние дни весь город пропах смрадным запахом пороха и экразита¹. И только великая вера в себя еще поддерживала наши подразделения в окопах в готовности защищать город, который сам встать на свою защиту не имел никакого желания. Большевицкая артиллерия угрожала нам как спереди, со стороны Сухой Реки, так и сзади, со стороны Волги. В любую минуту мы ждали известия, что красные высадились на пристани и входят в город, а значит нам предстоит кровавая бойня на его улицах, если мы хотим вырваться из этого ада.

В окрестностях Порохового завода находится белый монастырь². Просторная, широкая крыша под куполом колокольни давала возможность нашему артиллеристскому наблюдателю давать указания батарее, которая стояла под монастырем на болотистом берегу реки Казанки. Наш конный отдел располагался на дворе прямо в направлении стрельбы этой батареи. Батарейцами приходилось подкладывать широкие доски под свои орудия и привязывать к ним колеса, чтобы после каждого выстрела не вытаскивать пушки из трясины. Вправо от этого предместья в березовом лесочке была скрыта еще одна наша батарея, которая, начиная с полудня, непрерывно обстреливала позиции красных.

Та батарея, непосредственно перед которой располагались мы, еще до полудня послала красным несколько приветов. И тут же в ответ начали красные обстреливать шрапнелью колокольню и согнали с крыши нашего наблюдателя. После чего град выстрелов посыпался уже на саму батарею, расположенную на берегу реки. После четырех часов артиллеристской дуэли все предместье было в чаду от дыма снарядных разрывов.

У артиллеристов есть свой отважный фокус. Если непосредственно по ним открывает огонь неприятельская батарея и снаряды начинают рваться буквально под ногами, они не покидают позицию, а начинают стрелять еще чаще, чтобы у неприятеля создалось впечатление, что он стреляет мимо и его огонь наших батарейцев вообще не беспокоит. Не покинули свои позиции и наши артиллеристы, хотя все вокруг них и содрогалось от взрывов.

Напуганные жители ближайших домов не знали, что им делать. Нам самим тоже пришлось несладко. Едва только началась стрельба, мы стали укрываться, где и как только можно. Многие из жителей соседних домов прибегали и ложились возле нас. Некоторые женщины с детьми, казалось, совсем обезумели:

– «Rádi Boha! Rádi Christa», спасите нас!

– Ложитесь возле нас и ничего не бойтесь, – успокаивали мы их. – Там, где солдаты, снаряды не падают.

И тут же взрывом разносит ближайший дом и к нам в сад полетели щепки, куски и обломки бревен. Женщины стали терять сознание, а несколько наших коней, привязанных у деревьев, сорвались с привязи. Пришлось нам в этом бушующем море их ловить, чтобы они не наделали в саду среди людей еще большей паники. Между тем наши храбрые ребята-батарейцы выиграли эту артиллерийскую дуэль, потому что обманутые ими большевики перенесли свой огонь дальше вправо, полагая, что первоначально неверно определили положение наших орудий.

Наши немедленно перестали стрелять, а большевики еще с большим азартом стали бомбардировать предместье справа от нас. Дома на левом берегу Казанки разлетались, как картонные домики. Наш обоз, который стоял у самой проезжей дороги, переместился ближе к городу, а с ним и жители соседних домов.

Мы стряхнули с себя глину и побежали, чтобы хоть чем-то помочь, к дому, который подожгли большевики. Мы вытащили из него окровавленного, тяжело раненого деда, но потушить сам

¹ Экразит – тринитрофенол, или пикриновая кислота. Мощное взрывчатое вещество.

² Вероятнее всего, речь идет о Зилантовском монастыре у реки Казанки (ныне Свято-Успенский женский монастырь на Зилантовой горе). Пороховой завод и Пороховая слобода располагались в 1918-м году сразу за рекой на противоположном от монастыря правом берегу Казанки.

пожар не было ни малейшей возможности. Воду для этого пришлось бы носить ведрами из реки, которая в эти минуты подвергалась непрерывному обстрелу. Мы выгнали все свои вещи из того дома, где мы сами стояли, потому что он находился в непосредственной близости от горевшего и сам мог вспыхнуть в любой момент. С местными ни о чем не говорили. Они были буквально не в себе и только тряслись от страха все то время, покуда над нами летали большевистские снаряды. Нашелся бы в тот момент здесь какой-нибудь подонок, мог бы забрать в их домах все, что только ему захотелось. Но в наших рядах такого рода гиенам¹, конечно, не было места.

Вскоре огонь и дым выгнали нас из сада. Ужас ада в это время уже распространился и на противоположный берег Казанки. Все предместье было одним Божиим наказанием. Еще утром, когда только началась стрельба из березового лесочка, испуганные обыватели потянулись прятаться в монастырь. Когда же красные открыли огонь по его колокольне, стали группками выбегать уже из монастыря и прятаться у домов. В конце концов беспрерывные взрывы, пожары, несколько раненых местных превратили это маленькое предместье в большой ад, в котором среди свиста снарядов, грохота разрывов, в душившем дыму пожаров можно было только слышать отчаянные стечения обывателей, куда-то вдруг начинавших бежать без смысла и цели.

Среди подобного хаоса отлично себя чувствовали большевистские агитаторы, настраивавшие людей против нас:

– Вот видите, а не было бы чехословаков, стояла бы кругом лишь Божья благодать. А они пришли и принесли одно лишь горе. И что им, чужакам, тут понадобилось?

Не меньшую смуту вносили большевистские агитаторы и в ряды прямо сейчас формировавшихся подразделений из людей, которых казанский штаб второпях мобилизовывал и вооружал. Эти горстки солдат, с помощью которых казанцы надеялись изменить ситуацию и отправляли к нам на передовую и 7-го, и 8-го сентября, невозможно было отличить от большевиков. У солдат новой русской армии, точно так же, как и у нас, должны были быть ленточки на фуражках². Но едва лишь казанские новобранцы покидали казармы, они срывали эти ленточки из-за страха перед большевиками. Имея дело с ними, мы их отличали от красных только благодаря совершенно новой и чистой форме, которая еще «пахла складом», и еще по тому всеобъемлющему страху, с которым они шли на фронт. Тут и там попадавшийся среди них старый доброволец, назначенный командиром взвода или отделения, не мог никаким образом воодушевить этих детей татарских, чувашских и иных нерусских семей, еще неделю назад беззаботно уплетавших дома мамины ватрушки с творогом. Сегодня с винтовкой на плече, из которой они еще боятся стрелять, потому что из-за отдачи можно отбить щеку, они брошены под дождь шрапнели, в гущу снарядных разрывов, свиста аэропланов бомб, треска винтовок и пулеметов, чтобы отдать свои молодые жизни за идеалы и принципы, о которых они до сей поры не имели ни малейшего представления. Бедные эти дети даже понять не могли, что это вдруг упало на них и убило товарищей, стоявших рядом, прилетело ли оно спереди, сзади, или же свалилось прямо с небес. И когда нам случалось с какой-нибудь срочной депешей ехать в эти наскоро сколоченные русские подразделения, мы видели этих ребят, сжавшихся в комок в своих окопчиках, голову едва ли не зарывших в землю, отдавших себя целиком на волю Божью и готовых при любой возможности бросить оружие, поднять руки вверх и бежать, прочь, прочь, куда угодно, только отсюда. Сто раз, двести раз мы слышали из их уст один и тот же неизменный вопрос, обращенный к нам или к их командирам:

- Уходим?
- Когда будем уходить отсюда, господа чехи?
- Еще не уходим?

¹ В оригинале прекрасное, но не прижившееся в русском слово «гиенизм / hyenismus» – «Takový hyenismus jsme však mezi sebou netrpěli / В своих рядах мы не терпели подобного гиенизма».

² Очевидно, русские, трехцветные.

*

Наш фронт уже не был сплошным, дыра на дыре. Как-то ехали мы с депешей к русскому отделу, который должен был располагаться на нашем левом крыле в лесочке у Порохового завода. Мы были уверены, что русские здесь занимают окопы у железной дороги, и поэтому ехали совершенно ничего не опасаясь. Подъезжаем к насыпи железной дороги, никого тут нет. Мы решили тогда, что русские решили передвинуться немного вперед, где были более удобные позиции. Перешли через пути и поехали дальше. Когда уже стал виден край лесочка, нам стало ясно, что никаких русских мы тут уже не найдем. Разворачиваем коней и вслед нам тут же гремят выстрелы. Это большевистский дозор, укрывшись за деревьями, ждал, когда мы проедем мимо них, чтобы закрыть нам путь назад. Возвращаемся к насыпи и снова начинаем искать русских. Наконец, находим их намного дальше влево от того места, где предполагали первоначально найти. Таким образом, между нами и ними огромное пространство, где никого нет, кроме туда и сюда проезжающих связных. И подобных дыр в обороне было множество.

*

Сложившаяся ситуация исчерпала терпение чехословацких частей. Когда у себя за спиной над Казанью мы только и видели облачка шрапнели, о которой нельзя было сказать, откуда она прилетела, нет ничего удивительного, что и самые крепкие из нас стали роптать и спрашивать, почему тянем, чего ждем? Когда большевики начнут нам накидывать уже веревки на шеи? Делали свое дурное дело и тревожные новости, которые в последние дни приходили одна следом за другой, и не было возможности проверить, что в них правда, а что ложь. Говорили, что наших раненых оставляют на произвол судьбы, потому что казанские власти имущие захватывают наши госпитальные суда, что рабочие в городе поднимаются против нас, что большевики от пристани Нижнего Услона уже начали наступление на противоположную нашей сторону города, а то и вообще опрокинули наших на самой казанской пристани и входят уже в город. Одна подобного рода новость сменяла другую и не способствовала поддержанию боевого духа.

В конце концов оборона Казани стала просто невозможной. В дни, когда у Казани большевики собрали тридцать четыре тысячи отлично вооруженных бойцов¹ против наших едва ли достигавших тысячи двухсот, мы должны были расстаться с последними надеждами. Дни города были сочтены. Стало ясно, что удержать его уже нельзя. Просто некому это сделать.

В создавшейся ситуации полковник Швец объявил казанскому штабу, что в условиях, когда удержать город едва ли возможно, чехословацким подразделениям для продолжения дальнейшей борьбы нужен хотя бы кратковременный отдых. Таким образом, когда 8 сентября после полудня наши части начали уходить с передовой и их место стали занимать русские подразделения, составленные из собранных в спешке испуганных молодых людей, судьба Казани была окончательно определена.

Ну, а отдых, который нам устроили большевики, был именно такого рода, какой и заслуживали настоящие воины. Едва лишь наши части разместились в казармах, как над ними тут же появились и стали сгущаться облака неприятельской шрапнели, а следовавшие за ней уже снаряды безжалостно уничтожали все, что только находили рядом с казармами и в округе.

¹ Согласно данным Энциклопедии (с. 251-252), силы красных в начале сентября на трех основных направлениях удара – Левобережное (от Романовского моста), Правобережное (от Нижнего Услона), и северо-восточный Арский сектор составляли 11 тысяч человек. Любопытно, что Лев Троцкий в своих воспоминаниях указывает иные цифры, более близкие к цифрам Йозефа Мнехуры «С нашей стороны сражалось не больше 25-30 000 человек», возможно, имея в виду всю Казанскую группировку красных, включая резервы и иные части ближнего и дальнего тыла, а не только те ударные силы, что сосредоточились в начале сентября непосредственно для атаки города (Троцкий, Лев. Моя жизнь. Воспоминания. – М.: Панорама, 1991. С. 390).

Наш конный отдел решил расположиться в здании находившегося поблизости цирка. Мы полагали, что таким образом будем избавлены от обстрелов. Но большевистский огонь накрыл настолько широкую округу у казарм, что не миновал и цирка. От взрывов вокруг на здание деревянного цирка свалилась часть соседнего дома и выгнала нас, заставив искать укрытие у стен других домов.

Стрельба продолжалась до самой ночи. С приходом темноты канонада стихла, и красное пламя пожаров, душные клубы дыма и смрад от взрывчатки придавали совершенно похоронный вид городу, в котором для белой власти уже звонили прощальные колокола.

С Богом, Казань!

Казанский фронт простоял без чехословаков не более 24 часов. На следующий день (9 сентября) мы снова выдвинулись к реке Казанке, чтобы удерживать мосты¹ через нее, пока по ним не уйдут с фронта все русские части. Решение оставить Казань принято.

Группа Кани, уже без батареи и роты 1-го полка, последний раз, как отдельное формирование сошлась у моста под Кремлем, чтобы выполнить роль в аррьергардном охранении отступающих. Отход войск начался с наступлением темноты. Казанских офицеров в наших рядах уже не было.

Молча, взводами или небольшими группами, организованными и шедшими в полном беспорядке, одна за одной, с небольшими перерывами проходили мимо нас и исчезали во тьме казанских улиц подразделения белых. Их крошечные силуэты были смешной карикатурой на всем нам обещанную огромную, полную воодушевления и победного духа белую русскую армию, которая плечом к плечу с нами сметет большевиков и водрузит флаг славянского национального освобождения в Москве. Кроме нашего войска, не видели мы здесь с самого момента нашего противобольшевистского выступления вообще никакой иной армии, ни сибирской², ни союзной³. И единственное войско, которое имело право называться армией, были 34 тысячи стоявших сейчас перед Казанью большевиков, которые, не пройдет и пары часов, поднимут над Кремлем, что сейчас за нашей спиной, свой красный флаг.

В два часа утра уже 10 сентября мы получили сообщение о том, что 4-я рота, стоявшая на охране моста слева от нас⁴, отходит. Как раз в это же время мимо нас к кремлю прошла последняя группа белых. Тогда начала отход от реки и группа Кани, став таким образом последней из отступающих частей. Мы сами еще некоторое время пробыли у моста, готовые огнем встретить разведку красных, которая не заставила себя долго ждать. После того как последняя наша часть по всем расчетам должна была уйти уже на достаточное расстояние, оставили мост и мы, двадцать конных разведчиков, теперь уже совершенно точно самое последнее подразделение, прикрывавшее общий отход у Казани.

Дальнейшее отступление пароходами вниз по Волге было осуществить невозможно. Большевики уже высадились у южной конечности казанской пристани. Все, что лежит на при-

¹ В Казани в ту пору (до изменения всего и вся после заполнения водой Куйбышевского водохранилища) в черте города было два моста через узенькую Казанку. Один у Кремля и второй – восточнее, в конце Институтской улицы (ныне Толстого).

² Крепкие сибирские части совместно с чехословаками Радолы Гайды как раз в это время принимали активное участие в освобождении от большевиков Сибири и, в частности, ее восточной части до озера Байкал. Отчего и почему тогдашнее Временное Сибирское правительство не нашло общего языка с КОМУчем и, соответственно, возможности поддержать его Народную армию своим боееспособными частям, отдельный и грустный вопрос.

³ Речь о войсках стран Антанты, которые должны были высадиться в России и присоединиться к русским и чехам для общей борьбы с немцами на воссозданном Восточном фронте.

⁴ По всей видимости, речь о группе, охранявшей второй мост, на Институтской улице, если автор, конечно, смотрит на Кремль и город.

стани и в знаменитых огромных казанских армейских складах, вот-вот станет их добычей. Много богатых казанцев уже покинуло город, но большинство обывателей, настроенных противобольшевистски, все еще тешили себя надеждой на какое-то чудо, что вот-вот совершат чехословаки или Каппель. И даже когда падение Казани уже было вопросом ближайших часов, казанский штаб не постеснялся объявить гражданам города, что «Положение Казани еще не было никогда таким устойчивым, как сегодня. Огромные силы чехословаков подходят к Казани, чтобы...»... И т.д., и т.д.

Поэтому наше ночное отступление ударило как обухом по голове этих легковверных людей. Полуодетые, они выбегали из домов, останавливали нас, вертели между конями и умоляли сказать правду, в самом ли деле мы оставляем Казань.

Чем дальше мы уходили от кремля в глубь города, тем больше становилось вокруг смятения и беспорядка. Шли мы самыми последними, и за нами могли явиться уже только большевики. Едва вступив в город, останавливаемся на углу какой-то улицы. В мутном свете фонаря два человека, подхватив под руки, тащат третьего. Все трое в форме, но видно, что в боях никогда не были. Тот, кого тащат, человек в возрасте, лет пятидесяти, возможно и старше, в очках. Доброволец. Узнав сегодня, что мы уходим из Казани, лишился чувств. Тащат его так от самого Порохового завода. На углу какой-то из ближайших улиц темнеет большая черная куча. Подъезжаем. Это ящики с винтовками из казанских складов. Как они сюда попали, не так уже и важно. Скоро их все разберут местные большевики. Надо уже сейчас глядеть в оба, чтобы не пропустить нападение из какой-нибудь боковой улицы. Дальше хаоса еще больше. Слово мошка, кидающаяся на свет, нас непрерывно облепляют повывскакивавшие из своих кроватей обыватели, и у всех один вопрос:

– «Požalujsta, gospoda Čechi», вы в самом деле уходите?

В полутьме улиц и тут и там мелькают фигуры куда-то убегающих солдат, и неизменно тут же поблизости обнаруживается и брошенное оружие. Это «отважные» защитники города бегут домой прятаться в своих кроватях. Внезапно слева из какого-то увеселительного заведения вываливается на нас целая толпа молодых мужчин и женщин. Как раз на нас троих, что ехали сзади отдельно, замыкая группу. Насели на каждого, будто осы, и требовали подтвердить, что это лишь «taktická peregrupírovka».

– Отогните их, ребята, – кричат нам спереди, – а то потеряемся.

Пришпориваем коней и без всякой жалости прорезаем эту толпу, которая начала беспокоиться об обороне своего собственного города, когда уже поздно. На все вопросы мы всем отвечали одинаково:

– «Něznájem!»

Возы и коляски, нагруженные всякой всячиной, люди с мешками и мешочками за спиной, все это стало переполнять улицы. Когда же первые утренние розовые отсветы стали прогонять покровы ночи, открылось перед нами невиданное зрелище. Казалось, вся Казань решила уйти вместе с нами. В направлении Лаишево, пристани на берегу Камы, шли вместе с нами люди всех родов и сословий. Пешком, на возах, верхом уходили из города мужчины, женщины, дети, старики, с тем малым, что можно было в спешке собрать и взять с собой. Отдельные воинские подразделения нужно было высматривать в массе этой волнующейся толпы, что насколько хватало глаз, текла и текла по казанской равнине вместе с нами к Каме.

С первыми лучами утреннего солнца со стороны Казани появился «aegorlân» красных, который облетел этот людской поток на всем его протяжении. Когда в полдень мы сделали остановку, чтобы поесть, в маленькой деревушке Столбище¹, прилетели еще три и начали сбрасывать бомбы. Деревня была в прямом смысле слова переполнена. Стоял жаркий

¹ Столбище – ныне большое село в Лаишевском районе современной Республики Татарстан. От Казани чуть меньше 20 километров по прямой на юго-восток. До Лаишево – немногим более 30 в том же направлении.

сентябрьский день, казанцы пытались найти хоть какую-то тень, чтобы в ней могли передохнуть хотя бы женщины и дети. Изб для беженцев не хватало. Люди заполнили дворы, гумна, края деревенской площади, даже обочины дороги далеко уже за деревней, все, где только можно было найти хоть какое-то укрытие от солнца. Мы остались посреди площади, не претендуя на те места в округе, где могли бы присесть и отдохнуть люди. Когда прилетели самолеты и начали бомбардировку, их всех охватила паника. Те, что были в домах, стали выбегать на улицу, а те, что были на улицах, кинулись в дома. Ругань, крики, плач детей и женщин мешались с треском наших пулеметов, отгонявших «аего»¹. Красные сбросили девять бомб, восемь из них на деревню не упали, и взорвались в поле далеко за гумнами, но одна угодила в ток и убила двух местных, отца и сына.

Словно на посошок сходили еще девять наших конников на разведку к Казани, но ничего иного не могли увидеть, кроме красных флагов в городе, и выяснить, что опьяненные победой большевики не выступили еще за нами в погоню.

Три дня продолжался поход до Лаишева, к которому ушли из Казани наши пароходы. Ночью и днем с короткими остановками мы двигались вперед, сдерживаемые казанскими беженцами, что шли, смешавшись с нами, останавливались с нами для привала, ели, спали, шли опять, и всем этим мешали задать иной, более скорый темп, который и без того сбил сильнейший ночной ливень 12-го сентября, в потоках которого бесконечная колонна «povozeč», реквизированных для нашей пехоты, застревала в грязи, разрывалась, и вновь пыталась соединиться в темноте. До самого рассвета наше подразделение должно было ездить взад и вперед от одной к другой, искать потерявшихся и удерживать связь между всеми.

И как же мы обрадовались, когда, наконец, увидели нашего «Мефодия», стоявшего на якоре у лаишевской пристани, среди других пароходов нашей армии! И какое страшное разочарование принес вид этих же судов казанским беженцам. Имеющиеся в наличии каюты и палубы не могли принять всю эту массу, а казанский штаб ничего не сделал загодя, чтобы подготовить эвакуацию всех своих сторонников в случае отступления. Большинству из них пришлось остаться, вернуться назад и отдать себя на милость или немилость большевиков.

¹ Aero /Аэро – достаточно распространенное сокращение той поры, см., например: Fibich Karel a Miloš Kašlík. Povstalci. Praha: Vydavatelství Za svobodu, 1933. sv. Díl 3, s. 134. (Nad nádražím objevilo se bolševické aéro /Над вокзалом объявилось большевистское аэро).

Сергей БОРОВИКОВ

ЛЁВА

Лев Тобольский (1943–2005) известен как журналист и публицист. В течение 15 лет работал главным редактором газеты «Саратовский университет». Последние 20 лет жил в Энгельсе, где руководил рядом изданий: «Покровские вести», «Саратовское обозрение», был главным редактором энгельсской муниципальной газеты «Наше слово».

«Общественное мнение», 03/02/2016

1

В апреле 1961 года саратовские писатели Боровиков и Тобольский въехали в трехкомнатные квартиры в новом доме на набережной Волги, недавно названной именем Космонавтов, и мы познакомились с Лёвой Тобольским, которому было семнадцать, а мне четырнадцать. Он заканчивал десятилетку (мне же выпала введенная Хрущевым одиннадцатилетка), поступил в медицинский институт и женился. Мы никак не сближались, пока в 1965 году он вдруг, как и я, не поступил на 1 курс филфака университета. Но прежде наших студенческих дней я хочу рассказать о той нехорошей роли, которую сыграла в моей жизни Лёвкина жена, очень красивая, чего я тогда не замечал, Ольга работала зубным врачом, русская. В говорливой семье она выделялась молчаливостью и постоянно улыбалась, открывая белые натуральные зубы. У них была дочь.

В те времена в Саратове дантисты резко делились на две категории. Немногие с высшим образованием, а остальные – выпускники двухгодичной школы при медицинском училище (в СМИ стоматологического факультета не было), как и Ольга Тобольская.

В детстве я не боялся лечить или вырывать зубы. До Ольги. У меня тогда не на шутку разболелся верхний зуб, а был тот, к счастью не очень долгий, период времени, когда я был откреплен от так называемой «партактивной» поликлиники, в которой наблюдался как писательский сын с рождения, но однажды, при том же Никите Сергеевиче, писателей от неё открепили, видимо, в рамках кампании борьбы с привилегиями, и надо было пользоваться районной, чего я, как любой советский гражданин, конечно не желал; а в 1971 году уже как работник журнала «Волга» вернулся в ту самую поликлинику № 1.

И тут при лестничной встрече Ольга предложила мне свою лечебную помощь. Работала она в какой-то сомнительной энгельсской поликлинике, куда я и поехал на своем мотоцикле «Ява-250». Увидя ту, чуть ли не фанерную, избушку на территории клейзавода, и, вероятно, к нему же относящуюся, надо было поворотить назад, но увя. Расписывать пребывание в Ольгином кресле не стану, белозубая улыбка не сходила с её лица, склонившегося к моему даже и тогда, когда, не сумев вырвать зуб щипцами, она окликнула: «Тетья Паша, иди сюда!» И вручила подошедшей ко-ренастой санитарке небольшую кувалду, которой та стала бить по вставленному мне в рот долоту. За долгую последующую жизнь мне больше не встретится стоматолог, который не в состоянии удалить зуб щипцами. А времени, проведенного в обществе Ольги и тётки Паши, стало достаточ-

но, чтобы на многие годы поселить во мне животный ужас перед креслом стоматолога. Остается удивляться, как за рулём «Явы» я преодолел дорогу до Волги и мост до Саратова.

Итак, мы с Лёвой студенты 1-го курса филфака СГУ. Конечно, было смешно, что сразу два сына писателей, которых было в городе не больше двадцати, враз вознамерились сделаться филологами, без малейших на то оснований (у меня по литературе в школе, включая аттестат, была только тройка), юмору добавляло и то, что декан филфака Светлана Бах жила в нашем подъезде, а с Тобольскими так и через стену.

2

Лёва внешне многим был похож на отца, отличаясь лишь склонностью к полноте.

Начну с пороков. Если отец пил часто и помногу, норовя при этом влипнуть в историю, то Лёва мог выпить «как все», по случаю или поводу, но явно не зависел от водки, которой между прочим наследственно не просто отдавал предпочтение, но вообще не брал в рот ничего другого. Оба курили, но отец был просто курильщиком, а Лёва курильщиком отъявленным. Мне довелось ночевать и с тем и с другим, но не помню, чтобы Исай Григорьевич, как его сын, просыпался только для того, чтобы покурить и опять заснуть. Ко всему прочему у Лёвы смолodu была язвa же-лудка, что накладывало на него некие ограничения. И наконец, главное: оба были безудержными бабниками. Про отца я больше слышал, чем видел, хотя и видеть успел, а много и тесно общаясь с сыном на протяжении пяти филфаковских лет, я не раз делался его наперсником, или, говоря по-старинному, конфидентом. Лёва поража1 меня неугасаемой потребностью новых и новых романов, еще более поража1 изобретательностью, и уж вовсе озадачивая неприязнательностью выбора. Впрочем, насчёт последнего я, конечно, заблуждался, когда наблюдал отсутствие малейшей, на мой взгляд, привлекательности у предмета его интереса. Так, однажды участвуя в передаче посланий некоей учительнице, увидел немолодую, лет на десять старше, лучше сказать, старее моего друга, коставляую, без тени кокетства одетую тётку с замученными глазами.

Лёву обуревала непрестанная похоть. Однажды мы в зимние каникулы ездили в Москву – такие поездки были в обычае: проезд оплачивался и проживание. А жили по трое в высотке МГУ на Ленинских горах, где были помещения из двух комнат с прилегающими водяными удобствами. Третьим у нас был Серёжа Ветров, на котором не стоит останавливаться, человек был вялый, но сын первого заместителя председателя, по нынешнему вице-мэра Саратова. Наслаждались всеми гигантскими удобствами вестибюлей и прочего, выяснили, что свободно продается спиртное, и Ветров зачем-то разорился на бутылку югославского коньяка. Но в глазах Тобольского читался его главный жизненный интерес. В комнате был телефон, и вскоре он нам сообщил, как бы пряча в усы, которые он, подобно отцу, носил, и тоже рыжие, блудливую ухмылку, что вскоре пожалуют к нам в гости две его знакомые барышни.

Мы откупорили сухое и убедили Ветрова пожертвовать коньяк. Когда почему-то беспрепятственно явились две, так сказать, девушки, они оказались до странного непохожи. Одна, игривая тугая брюнетка, постарше, вторая, блондинка, была худа, непомерно высока и как бы не вполне нормальна. Но, конечно, не проститутки, и здесь я отвлекусь на мало мне знакомую тему и вспомню один вечер уже много лет спустя в квартире писателя Олега Михайлова, когда он вызвонил проститутку.

Тогда я, как только что получивший аванс в издательстве «Советская Россия», сделался спонсором, и поехал на такси в ЦДЛ, где купил несколько бутылок грузинского красного вина ткварчели, по ходу дела загордившись, что на входе у меня не спросили билет и не раз здоровались знакомые литераторы.

Про вечер у Михайлова не могу не вспомнить, как бывший в застолье Виктор Чалмаев, едва увидев приглашенных, сразу же ушел домой в соседний по ул. Красноармейской, 25, дом. А приехала целая бригада во главе с крупной, в кители, явной приверженницей однополрой любви, ка-

кой-то стандартной блондинки и кокетливого мальчика неопределённых лет. К счастью, что-то у хозяина с этой бандой не заладилось и вскоре я лег спать.

Но – к Лёве.

Гости выпили коньяка, причем придурковатая всё – и салфетку, и собственный палец тащи-ла в рот, старшая откровенно ждала Лёву, которому я уже сказал о своем неучастии, и младшая исчезла. Всё это я вспоминаю с единственной целью сообщить, какое лицо у Тобольского было, когда он наконец вышел из соседней комнаты, где часа два пробыл с гостями. Он враз резко осунулся, черты заострились, под глазами набухли темные мешки: я видел мужчину-самца, а не болтуна по поводу или из тщеславия: он исполнил предназначенное природой.

Та каникулярная поездка запомнилась мне ещё и тем, как у здания театра «Современник», ещё на пл. Маяковского, укарауленный нами Олег Табаков, глядя на причитания однокурсницы Галки Килиной, распорядился оставить нам в кассе контрамарки на спектакль из болгарской жизни с Вертинской и Козаковым, оказавшийся очень скучным. А ещё тем, как по дороге на обратный вокзал в метро Лёву приняли за кавказца. Тогда ещё не было пластиковых пакетов, и купленные домой мандарины и колбасный сыр он нёс в дырявой авоське, что в сочетании с Лёвиным носом и шапкой-пирожок вызвало реплику старушки: «Они так всю Москву развезут!»

3

Нередко он оставлял впечатление не слишком далёкого человека, почему? Вероятно из-за безапелляционности. Сейчас думаю, что его самоуверенность была продиктована безусловными успехами у женщин. В старости понимаешь, сколь важна в жизни сексуальная уверенность, однако та победительность вовсе не гарантирует служебную карьеру. Моим главным свойством во всю жизнь было колебание, смятение перед необходимостью выбора, а профуспехи шли безо всяких на то моих усилий.

Лёвина бесконечная в себе уверенность, конечно, раздражала. Хочу вспомнить один пример, но прежде об отношении преподавателей к писательским отпрыскам. Отчасти оно определялось естественной связью литераторов с филологами, из которых два профессора - Покусаев и Бугаенко – сами были членами СП и редколлегии журнала «Волга», да и другие там публиковались как критики. На первом курсе меня изводил доцент Олег Ильин с кафедры советской литературы, норовя по поводу и без повода на лекции назвать отца, чтобы со смехом утвердить мою неполноценность. Я обижался, пока не услышал, что Ильин когда-то ходил в перспективных молодых критиках. А спустя какое-то время разнеслась весть, что Олега Ивановича определили в психушку. Тогда стало понятно его странное, словно бы хулиганское поведение на лекциях, беспричинный хохот и кривлянье, которые мы, естественно, объясняли похмельем, хотя пьяным его не видели даже и жившие в общежитии студенты, где были и квартиры преподавателей, профессора Покусаева. Оказалось, что у него была опухоль мозга. По-своему моим происхождением доставал меня и другой доцент той же кафедры, Черников, автор охотничьих рассказов, читавший курс истории белорусской (так!) литературы. Старенький, как и мой отец, Василий Михайлович ухмылялся и добродушно передавал отцу привет. Между прочим, и он, и Ильин, да и другие преподаватели были фронтовиками, даже и американистка Мария Нестеровна Боброва.

Так вот об эпизоде на экзамене по русской литературе XIX века, который принимали доценты русской кафедры Алла Жук и молодой Валерий Прозоров. Они сидели каждый за своим столом. Надо было взять кроме билета карточку с короткой цитатой, чтобы назвать автора. Мне досталось: *«Я знал, что голова, любимая тобою, с твоей груди на плаху перейдет»*. Автора не знал, но осторожно и оказалось правильно предположил: «Похоже на Лермонтова».

Я еще готовился к ответу, когда Жук, которой отвечал Тобольский, замахала Прозорову рукой: «Иди сюда!» Слушая, оба стали заливаться смехом, Левка побагровел, но упрямо продолжал ответ. Конечно, смех вызвал не самый обычный набор банальностей, а то, с какой важностью он их преподносил.

На 4-м курсе распределяли по спецсеминарам, и Лёва, пойдя к Бугаенко, получил тему диплома «Твардовский-критик». Павел Андреевич Бугаенко заведовал кафедрой советской литературы и, обладая множеством достоинств, был до смешного тщеславен, что было ещё военным отголоском немецкого плена. Пред описанной выше каникулярной поездкой в Москву он велел Лёве изготовить на тему диплома вроде как статью с тем, чтобы её прочитал и уж конечно одобрил сам Александр Трифонович. Для этого надлежало явиться в редакцию «Нового мира», где вручить классику рекомендательное письмо профессора, а затем и свой текст. Павел Андреевич, вероятно, полагал, что Твардовский воскликнет: «Ба, да ты от Бугаенко!» и заключит смущённого Лёву в объятия. В Москве предложил мне вместе сходить в «Новый мир», я из любопытства согласился, хотя несколько не верил в успех затеи. Когда в редакции мы поднимались по крутой лестнице, нам навстречу спускался высокий старик в генеральской форме аж с тремя звездами, конечно, то был А.В. Горбатов. В приёмной очень серьёзному и очень носатому саратовцу посоветовали обратиться в «Вопросы литературы», рекомендательного письма не взяв.

4

Вообще-то его нельзя было назвать оборотистым парнем, хотя иногда он и проявлял на этот счет способности.

Поскольку мы учились в какой-то во многом условной «журналистской группе», практик было две: педагогическая и журналистская. И вот накануне предстоящих после 4-го курса каникул Лёва посвящает меня в следующий план.

В то время редактором университетской многотиражки «Ленинский путь» работала Ущева Нина Аркадьевна, о которой сейчас узнал, что скончалась она в 2017 году на 88-м году жизни. Была женщина крупно-дебелая и всегда непомерно оживлённая, Лёву печатала, а каким образом возникла у них близкая дружба, и предполагать не стану.

А ещё в те баснословные года у нашего университета база отдыха была не только на Волге у села Чардым, но и на Чёрном море у города Геленджик, где Лёвина подруга вознамерилась побыть на халяву, для чего придумала устроить там практику для пары старшекурсников, которых сама была бы руководителем. Всё это энергичная дама обговорила в ректорате, и мало того, в геленджикской районной газете, где согласились оформить студентов на временную работу.

Удивительно, но план оказался выполнен, одного студента ей показалось мало, для чего Лёва и вспомнил про меня.

Удивительно, но я согласился, хотя и примерно не представлял, каким таким газетным работником могу быть.

Удивительно, но меня отпустили из дома, где кроме родителей были жена и годовалый сын.

Удивительно, но на всю затею мне хватило двух дней, потому что в Кабардинке я в первый же вечер так напился, что на завтра похмельно затосковал по дому и с несвойственной мне энергией за день сумел добраться автобусом до Краснодара и улететь в Саратов.

А Лёва благополучно прослужил месяц в газете и привёз домой кучу публикаций с заметками и фото из курортной жизни. Собственно, там началась его журналистская карьера, о которой см. нач.

5

Пока всё тут правда, но впечатление мнимой недалёкости и реального важничанья отступят, если скажу, что Лёва по природе был юмористом. Не записным остряком, как его отец, а потому что обладал крайне редким умением сразу сделать смешным то, что происходит сейчас и здесь. Думаю и это тоже не последнюю очередь привлекало женщин.

Поскольку меня в силу престарелости всё больше тянет на выводы, отмечу как неправду отсутствие у баб чувства юмора, что замечается по их равнодушию к анекдотам или цитированию

Ильфа и Петрова. А вот заметить комичность ситуации они готовы мгновенно, что бывает столь убийственно обидно для мужчин.

С удовольствием вспоминаю его плутоватый взгляд, когда, рассказывая, он не рассчитывал на достоверность – было бы смешно. Вот взялся за знаменитого в городе профессора мединститута, о чудачествах которого и я слышал от друзей, там учившихся. Будто бы, по Лёвиной байке, перед первой лекцией по его велению в аудитории гасили свет, он возникал на кафедре в вспыхнувшем луче проектора с криком «Начинаем фар! ма! КАЛОГИЮ!!!!!!!»

Когда мне доводилось потом читать написанное Лёвой, серо по-газетному написанное, я до-садовать только мог, что нигде не проявилось его взгляд художника. Как-то он мне рассказывал, что заметил, как по выходным на строящийся во дворе дом приходит небольшой мужичок и, передвигаясь по опустевшей площадке, словно бы говорит с невидимыми собеседниками, на что-то указывает, размахивает руками, кричит... И, сказал Лёва, я вообразил, что этот мужичок всю неделю ждёт воскресенья, чтобы разыграть сцены, где он как бы главный, словно он бригадир и командует рабочими.

Я тогда его заслушался, но ничего подобного он не писал.

И здесь я вернусь к самой первой фразе этого мемуара: «саратовские писатели».

Подобно большинству членов Союза советских писателей, наши папаши писателями не были. Ещё подростком я стал стыдиться профессии отца. Помню, насколько трудно было её назвать, как, например, на заводе «Сардизель», куда нас определили на т. н. производственное обучение, из-за которого нам пришлось учиться не десять, а одиннадцать лет, как начальник цеха по фамилии Широков, записывая места работы родителей, приостановился, когда я сказал: Союз писателей.

Сейчас-то мне ясна метафизическая причина давнишнего стыла, который, как я сознавал, понятен и окружающим, а так чего стыдиться – вроде профессия уважаемая. Но я свой стыд не сейчас выдумал, это правда.

То есть я уже понимал, что отец не писатель, просто потому, что его читать всерьёз не могу.

Может быть, важнее было и не то, что книги отца читать невозможно, и не то, что он с утра бодро продолжал исписывать страницу за страницей, рассылать тексты и заявки по редакциям, а то, что я понял, что он ничего не смыслит в литературе, воспринимая её тематически.

Здесь же стоит задержаться и на приобретении книг. Долгое время, до переезда в большую квартиру, дома их было немного, а собрание сочинений так одно: Пушкина в шести томах, приложение к журналу «Молодой колхозник» (1949). Но и на набережной отец не участвовал в той собирательно-книжной гонке, что одолевала наших граждан вплоть до девяностых годов, чтобы стремительно и бесследно исчезнуть. Смешно вспоминать эту погоню за книгами, тесно сопряжённую с гаснущим желанием их прочитать. То, что отец на это не вёлся, говорит в его пользу. Здесь уж я подгадил, когда студентом сам отравился и его пытался заразить. С той поры у меня и сейчас живы книги, глядя на корешки которых, я помню о каждой, как купил, но не смогу объяснить зачем.

По мере разрастания домашней библиотеки я наблюдал и оценивал реакцию отца на приобретения, убеждаясь в равнодушии его к ним. Он говорил удручающе общие слова, клал новый том на прикроватную тумбочку, но одолевал несколько первых страниц.

Припомню, что у него была, не совсем даже книжная, страсть к приобретению географических изданий не популярного, а научного толка. Кое-что я сохранил.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Москва, 1956. Тир. 100000 экз.

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842–1844 гг. Москва, 1956. Тир. 15000 экз.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 гг. Москва, 1955. Тир. 50000 экз.

Давид Ливингстон, Чарльз Ливингстон. Путешествия по Замбези с 1858 по 1864 гг. Москва, 1956. Тир. 50000 экз.

Н.Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на берег Маклая. Сборник. Москва, 1956. Тир. 50000 экз.

Обращает на себя внимание то, что книги выпущены одним «Издательством географической литературы» почти одновременно, и что тираж загоскинского сборника в разы меньше.

Предположу, что моего родителя завораживало само слово «путешествие», и в знаменательном пятьдесят шестом он отправился в первой же группе саратовских туристов в Китай. Ездил и ещё в круиз по Средиземному морю, в Чехословакию. А что касается книг, он покупал все доступные альбомы с видами Вены, Токио и т. д., а особое предпочтение отдавал томам серии о странствиях Ганзелки и Зикмунда. Но *«спустя несколько лет имена Ганзелки и Зикмунда пропали со страниц советской печати, их книги перестали переиздаваться. Путешественники в 1968 году поддержали Пражскую весну и осудили ввод советских войск. После наступления режима так называемой “нормализации” в Чехословакии на Ганзелку и Зикмунда был наложен негласный запрет публиковаться, их по сути лишили средств к существованию, и ни о новом путешествии по СССР, ни о литературной обработке материалов поездки, конечно, не могло быть и речи»* («Неприкосновенный запас», № 129).

Возвращаясь к сопоставлению отцов, замечу, что Тобольский после войны за пределы области выезжал, если не ошибаюсь, дважды.

В Горький, где Леонид Соболев, глава едва созданного СП РСФСР, собрал выездной пленум, после которого Исай Григорьевич больше не приглашали ввиду случившегося там его, как обычно театрализованного, запоя.

И ещё много после, когда внука от дочери долго лечили в Москве, он пожил в переделкинском доме творчества.

6

Когда Лёва всё-таки разошелся, тут же снова женился. И хоть вторая жена была еврейка, она крайне не понравилась семье. Исай Григорьевич крыл новую сноху последними словами, поскольку в городе у неё была скверная репутация: рассказывали о связи студентки пединститута с пожилым ректором. К тому же обладала настолько приподнято сексуальной внешностью, что на улице все оборачивались.

Он потом еще женился, раз или более, не знаю, много лет мы не встречались, но однажды позвонил, когда я стал редактором газеты «Новые времена в Саратове» (2002). Я сперва закручинился предстоящим с ним объяснением, но очерк был неплох даже для нашего высокомерного издания. Он приехал в редакцию, и мы не стали предаваться воспоминаниям, а спокойно поговорили по тексту. А вскоре прислал новый текст на порядок хуже. И, кажется, была еще его попытка, не помню. А вскоре, узнав о его смерти... да что – узнал о его смерти в 62 года – рановато? Не знаю. В том же 2002-м я пережил клиническую смерть в обширном инфаркте. Но мне стало интересно, когда приехала вдова. Стихов покойного супруга я не взял, легко отговорившись тем, что стихов не печатаем вообще, зато увидел то, что и предполагал – любящую сдержанную женщину. Лева и должна была найтись такая спутница, чтобы вся для него.

2023

Александр МАРКОВ

МАТЕРИЯ КОНТРАПУНКТА

Алла Гутникова. рыбка по имени ривка / Предисловие Л. Горалик*. – [Иерусалим; Тель-Авив; Хайфа]: Изд-во книжного магазина «Бабель»; сае/su/ra, 2023. – 56 с.

* Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

Серия тонких поэтических книг сае/su/ra узнаваема – стихи о пережитой боли и не менее сильно пережитом расколе между привычным и непривычным. Новая книга серии – стихи Аллы Гутниковой, вместе образующие сложное высказывание. Это и дневник, и студенческие конспекты, и хроника опыта нежности и ранимости, и трактат об осознании собственного еврейства, и заметки на полях «Песни Песней». Но цельность этой книги – не в сквозных сюжетах, а в работе читателя, который в какой-то момент становится «ты» для глубинного «я» автора. Этот буберовский момент настанет для кого-то из читателей до середины книги, для кого-то – ближе к концу, но настанет.

Одного читатель не должен делать – отождествлять себя с каким-то «я», реальным или воображаемым, чужим или даже своим, но не вполне продуманным. Только с ты, с собеседником; с тем, к кому обращены самые важные слова. Гутникова, профессиональный философ, знаток и еврейской философии XX века, и неомарксистских критических теорий, может свободно говорить на любых концептуальных языках. Язык тела для нее предшествует этим языкам, но телесное только тогда по-настоящему сопротивляется репрессивным структурам, когда оно находит это *ты* в случайном читателе, с его или ее неслучайной силой духа. Такое вывернутое по отношению к привычным эмпатиям и сближениям строение книги полностью соответствует критическому постструктурализму, избегающему ловушек невольного насилия.

Гутникова начинала как актриса и модель, об этом тоже есть в книге, но как всегда, за стенами и ширмами уже пережитого в студенчестве и самостоятельной жизни:

актрисой не стала - снимаю i-movie - кулинарное шоу –
вебкам - готовлюсь к безработице - готовлю картошку фри

монологи; вагины; жил; на; свете; козел; старик; козлодоев;
(каникулы в) простоквашино; свистать всех - вниз? (с. 14)

Бытовые образы нуждаются в расшифровке даже больше, чем отсылки – не все вспомнят сразу и песню из фильма «Асса», и бренд молочной продукции, даже упомянутую бродвейскую пьесу скорее вспомнят или найдут. Поэтому это – не ассоциации, позволяющие расширить опыт читателя. Это указание на то, что опыт повествователя расширен, что он уже – *агора*, открытое пространство, и поэтому читатель пусть остановится и не дает слишком уж насильственные и самоограничивающие объяснения по каждому поводу.

Где обычный дневник отсылает к событиям каждого дня, там книга Гутниковой указывает на главные события в мысли XX века – формирование завершенных способов смотреть на свои

и чужие страдания: Вальтера Беньямина, Примо Леви, Сьюзен Сонтаг и многих других. Цитатность в этой книге особая – это ни в коем случае не ключи к описанному, не простое расширение опыта за счет эрудиции. Напротив, это способность признать в Беньямине глубокий опыт мысли, стоящий за поверхностным опытом отдельных размышлений и событий. Или подумать о революционных перипетиях зашифрованного на иврите Багрицкого.

Полуцитата или четвертьцитата из Беньямина или Целана – это особая работа с читательским и жизненным опытом: представьте себе не только Беньямина перед его страшным концом, но и Беньямина, например, впервые входящего в библиотеку или в рабочий клуб. Вот этот глубокий опыт экзаменов и есть тема книги. Например, сдача экзамена по современному искусству:

на экзамене меня спросят, что такое биоморфизм, параноидально-критический метод и импасто, а пока организатор не разрешает мне войти, я думаю о таких словах как: марево, наслаждение, мука. Могу очень подробно рассказать о каждом из них. о каждом из них (с. 35)

Экзамен должен открыть плотность тела, в том числе и борьбу тела художника против структур несправедливости и угнетения. Но оказывается, что экзамен допускает вариации, вынешь иной билет, а вот вход в аудиторию (даже цифровую) – это настоящий экзамен, где твои внутренние структуры наслаждения должны быть сопряжены с подробным рассказом о происходящем. Такой подробный рассказ, о соразмерности себя большому городу, соотносимости себя с формами активизма и противостояния бытовому насилию, может заканчиваться как бы эрудированной кодой:

(...) подтвердить
то, что и так знала: без любви секс (даже очень хороший) похож
на шоколадное мороженое moenpick, монтаж аттракционов
и мастурбатон платонова, но не на тр-тр-трансгрессивный/
ансцендентный опыт и не на триста страниц f. d. a. барта. ура,
недостаток преобразовался в избыток - дай-дайену - теперь можно
обратиться к диплому (с. 45)

Эйзенштейн, Платонов, Ролан Барт с его «Фрагментами речи влюбленного» и другие друзья дипломницы, откликающиеся ей – это не поводы для дальнейших размышлений. Это уже прошедшие собеседники, с которыми не стыдно делиться сокровенным, но стыдно одно – говорить вялыми словами, готовыми словами. Гутникова постоянно разговаривает крылатыми словами в начальном античном смысле – окрыленными, быстро достигающими собеседника. «Триста страниц Барта» и «избыток» в психоаналитическом смысле – при всей специальной работе психоанализа – это единственное крылатое слово среди социальных штампов, летящее к «ура» и читателя.

Избыток в строке позволяет читателю что-то *избыть* в себе. Пожалуй, единственное, что нужно точно знать для чтения книги Гутниковой – психоаналитическое понятие «избытки» и «нехватки», которое и позволит ощутить крылья слов Гутниковой.

Работа студенческих конспектов Гутниковой – увидеть Барта, Фуко или любого интеллектуала за пределами справок, из учебника или Сети. Увидеть не «Барт это нулевая степень письма», «Фуко это критика дисциплинарных практик», но что-то другое. Как Барт объяснил, как выстрадать любовь. Что Фуко объяснил, как выстрадать социальную жизнь. Это страдальческая поэзия, идущая дальше привычной эрудиции, даже профессиональной лекционной.

Я не уверен, что распознал все указания, например, я бы не понял стихотворения «Я придумала мем», если бы не знал мема «Мыш кродется» – а знаю я его случайно. Но я бы понял, что в этих стихах накапливается тревога, которую нельзя снять готовыми мемами, готовым юмором или

советами. И здесь начинается поэзия Гутниковой – когда все советы, даже дружеские, перестают действовать. В этом и смысл постоянных обращений автора к «Песни Песней»: «подкрепите меня пастилою, освежите меня яблоками» – влюбленным не дают советы, им даруют щедрость и кричат «ура».

Ассоциативность Гутниковой постоянно затрагивает и вещи капитализма, но постоянно уклоняется от непрошенных советов, что покупать и как себя вести. Наоборот, крылатое слово всякий раз оказывается быстрее любых реальных промокодов:

я против капитализма
я за black feminism
но сегодня black Friday
no kidding press скидка 10%
tizzì скидка 15%
по промокоду allagut (с. 50)

Этот *рэп* с отсылкой к его черному происхождению и позволяет отказаться от советов, как мыслить и как покупать – в *рэпе* уже всё прозвучало, там уже найдено «ты» слушателя, а теперь будет найдено в книге и «ты» зрителя. Уклоняющаяся от непрошенных советов ассоциативность и позволяет создать автопортрет в этих стихах. Рыбка – это и *фишинг*, и *гефилте фиш*, и форель разбивает лед, и знак препинания в мутной воде жизни, и противостояние засухе, и воспроизведенная на одной из страниц выкройка рыбки, с оруджавовской «искусство кройки и житья», и блестящая чешуя, и желание повернуться спиной, и портрет Иды Рубинштейн, который видят люди в авторе книги, когда видят ее фотографии как модели. Это автопортрет, который конструируется и всякий раз включает новые изменения, как если бы в зеркале мы отражались и не считывали бы следы прошедших лет, но заражались блеском зеркала или его точностью. Но зеркало оказывается часто расколотым, и в стихах Гутниковой происходит проверка социального конструктивизма настоящим страданием.

Я бы сказал, что главное в поэзии Гутниковой – вывернутая «полифония», вывернутая из трансгрессии в интроспекцию: документальная повествовательница добровольно отказывается от всезнания героев Достоевского о других героях и эпигонских скандалов достоевщины. Достоевский оспаривается, например, своеобразно, очень стыдливо понятой идеей «тревоги» по Фрейдю – вообще, Фрейдя в другом месте повествовательница прочитывает по слогам, и как будто вспоминает о детских страхах.

Представим, что герои Достоевского были бы чуть тревожнее и чуть стыдливее – сюжеты писателя были бы другие. Не для прозы, но для поэзии. Итак, смущенно, Гутникова показывает глубочайшее смирение там, где другие сразу начнут делать выводы о людях.

Полина Барскова. Соскреб. – [Иерусалим]: Издательство «Книга Сефер», 2023. – 74 с. – (Проект «Вольное книгопечатание»)

Новая книга Полины Барсковой очень цельна, возможно, цельнее предыдущих – при всех отсылках к настоящим людям и обстоятельствам в ней нет ничего от дневниковой или импровизационной разорванности. Напротив, эта книга скорее осуществляет единый ритуал, который можно назвать *преодолением архаического проклятия* – через след письма, прикосновение к неприятному и отвратительному, особое распознавание чужого стыда, там где казалось, что здесь распознаются сюжеты, а не ситуации. В предисловии Барскова много говорит об этом: «Сильнее всего страх и стыд, именно они правят миром, и лишь иногда им сопротивляются летучие, хрупкие отряды дерзости и свободы» (с. 6). Кажется, что эти слова отсылают не то к Гейне, не

то к Кузмину – но этим поэтам как раз не была известна нежность в слове «иногда», когда нет такого надрыва и отчаяния от того, что не «всегда», пусть даже в XX веке этот надрыв научились прикрывать иронией.

Тема книги – руины воспоминаний, а не только зданий. Книга – о позоре памяти. Это книга о руинах руин, о злоупотреблении памятью, о попытках превратить руины в эстетику или исторический факт. Барскова всякий раз показывает, что руины создают свой ритм, этот ритм подхватывается ужасом, и уже с руинами нельзя работать просто как с предметом. Так, она начинает в одном из первых стихотворений книги с зеркала Сапфо, что позволяет сопрячь тему фрагментов Сапфо и фрагментов зеркала, а завершается всё смертью Филонова в блокадном Ленинграде, когда ритм смерти не позволяет превращать осколки стекол или какие-то еще артефакты просто в цифры и вещи.

Руинам руин противостоит контрапункт, когда эпизоды из реальной и из возможной жизни Ахматовой, если бы она эмигрировала как Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, «кукла, актёрка» со смутным и зорким взглядом, оказываются не в ситуации сопоставления, а контрапункта. И то, и другое равно ужасно, нельзя что-то прочесть на фоне другого, как мы часто читаем действительность на фоне возможного, и наоборот. Чем страшнее действительность, тем страшнее и возможность:

Дворник идет покупать ей папиросы, но его разрывает снарядом
на много кусочков и множество папирос.
У ее надвигающегося безумия физиономия дворника-сексота,
У безумия – лицо ее маленькой танцовщицы,
тоже, кстати, сошедшей с ума в Париже.
И она бы могла уехать: и сойти с ума, как танцовщица,
наполнившая свою квартиру птицами с их дерьмом. (с. 17)

В стихах Барсковой контрапункт сменяется немотой всякий раз, как прекращают работать волшебные помощники, как серый волк в одном из стихотворений буквально не вывозит. Они способны пронести тебя над осквернением. Но чаще осквернение происходит от самого говорящего субъекта – от слюны проклятия, от пота ненужного труда. Этот что-то прямо противоположное брюсовскому культу труда как основы бессмертной славы.

У Барсковой поразительное чувство скверны – где происходит ужасное в другой стране, там и твое тело даже если просто лежит или прикасается к чему-то, оно не оставляет зазоров для своей и чужой жизни, оно заполняет всё своей физиологичностью. Спасти жизнь можно только переводом – причем надо переводить не текст с одного языка на другой, но с *одного носителя истины на другой*. Тогда и возникает *Veduta*, вид вида, который не сиротлив.

Например, в стихотворении о судьбе Людвига Баварского потребовалось перевести кино-текст Висконти на самые страшные языки XX века, языки протокольного описания жертв голода или языки бесконечного унижения:

Красотою страшной трачен
По над озером лиловым
Труп всплывает ярок страшен
Вспорот звуком порот словом. (...)

Из мечты его из блажи:
Над Дахау вьётся дым.
Словно рыба, бейся, княже,
Над предвиденьем своим:

Кто мечтал себе величье,
Лебедями управлял,
Все смешал он, рыбе, птичье,
Все смешал он в лал и кал. (с. 52)

Это не про то, виноват ли Вагнер в строительстве Аушвица, а про то, что кто-то смешал всем карты, что осквернение заполнило всё, все бражники, блудницы и картежники. Сквозная тема книги – сиротство природы после такого греха людей, которая тонет сама в себе, которая погружается в свое забвение, забывает свой язык истины, и кинематограф или перформанс или какое-то еще искусство должно вместо природы вспоминать язык истины. Сиротство природы напоминает Иннокентия Анненского, его смерть упомянута в одном из стихотворений – его погубило, как считается, напряжение из-за невозможности отойти к писсуару.

В стихах Барской тоже есть Фрейд, но социально преломленный – совершенно утробный страх утонуть, действующий уже не только в мире Людвиг, но во многих мирах: как в стихотворении о Садко, где тонут и восточные, и западные культуры, и как Людвиг потонул уже в мире «Гибели богов» Висконти.

Больше всего *вид вида* спасителен в стихотворении, посвященном «серге Марии Степановой», «Перла барокко», причудливая жемчужина:

Когда возвышенный и многогривый лев
Гром, гной и лаву изрыгает,
Когда ведётся смертный гон и лов,
И смертный смертного торгует –
Тогда из времени, из существа его
Слова-уроды выступают.
Гротески лютые: кто с лютей, кто с клюкой,
С культами, с бельмами – сознания обрывки
Сгущаются над огненной рекой,
И нам работают ошибки –
Платите милые за трусость, за проезд,
За нежелание смотреть на языы прямо –
Теперь из всех интимных ваших мест
Осталась змей исполненная яма.

Платите нищие за скупость тучных дней
Как в сказке ОгнИво ОгнИво
И каждый день подлее и больней
Встаёт из Финского залива.
Там Шкловский лыжи финские крепит
Бежать на скользкую свободу.
Там сердце плачет дует или спит
На исчезающую воду. (с. 56)

Образы из «Цоо» В. Б. Шкловского, где он хотел сказать о любви всё, не говоря о ней ничего, соседствуют с образами из «Памяти памяти» Степановой, где у памяти, а не у нас все живы. По сути, это опыт превращения Кроноса («Переваривает Кронос, рыгает», как сказано в другом стихотворении) в статую, поиск палеонтологических отложений времени, каких-то причудливых, как в садах Боболи, предвосхитивших барокко как способ работы с фактурой, а еще не с внешним видом вещей. И тогда вне времени вещь может выскочить из гнезда своего проклятия; и уже не время, а пространство вывихнет сустав на благо жизни.

Елена Михайлик. Не с той стороны земли / предисловие П. Барсковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 184 с. – (Серия «Новая поэзия»)

Новая книга Елены Михайлик, одесского и австралийского поэта, может быть названа большим манифестом особого извода акмеизма, как и творчество ее отца Юрия Михайлика. Это путь не от вещей к психологии, а путь *от возможных вещей к невозможным вещам*. Чем больше перечислишь возможных вещей, тем больше нужно будет усмотреть невозможных вещей, тем сильнее раскрыть взгляд. Тогда «и вода прирастает к розе и резеде», и ни одно слово не остается слишком общим, затертым, не остается банальным поэтизмом.

Такое движение действительно в каждом стихотворении, которое если начинается с метели, к концу превращается в собирание мира из чисел. Метель возможна, пифагореизм невозможен в нашем быту. Но исчисляя метели, ты можешь посмотреть, сколько чисел достаточно для бытия мира, а сколько – для его щедрости.

Главная идея многочисленных стихов книги Михайлик – нельзя ничего сдавать как якобы отработавшее. Это особый самый щедрый социальный конструктивизм. Это было бы накопительством, даже скопидомством, когда бы не начинание каждого стихотворения на очень сильных реалистических, даже гиперреалистических нотах, предвосхищающих всякий раз щедрость философских концепций во второй части. Вот пример:

за леспромхозом, сверху едва видна,
ходит луна, морозна и голодна,
брошена плавать среди пустых полей,
не во что плакать, некуда деться ей,
синяя стужа, белые провода,
пищей ей служат передовики труда,
вполюборота взглянет, измерит срок,
прямо с доски почета нырнет в зрачок,
дымом давнишним, черным снегом дразня,
если приснишься, не узнавай меня,
звон ее кожи, стон ее шестерней,
если проснешься, не вспоминай о ней. (с. 74)

В первой части – зимнее село во всей рельефности, во второй части – спор механицистов и диалектиков, практики осознанного сновидения, пережитый опыт колхозного или тюремного срока, социальная философия и работа памяти. В один пучок собраны зимние колхозные образы, и в один пучок – случайные и закономерные философские концепции, которые только и позволяют справиться с опытом XX века.

Это стихотворение – и вампирская сага, и механистический триллер, исповедь лунатика, бытовой очерк. Но жанр не так важен. Существенно то, что гиперреалистическое изображение колхоза сменяется образами памяти. Годы проходят как дым, но требование «не вспоминай о ней» означает, что надо чаще просыпаться, создать новую философию очевидности.

Тогда дым прошлого уже не метафора, а способ почти пифагорейского измерения времени: измерять дымом, как измеряют обычно календарем или сильными чувствами. Не вспоминай – значит, дай место в мире не только жизни, но щедрости жизни, которой хватает на разные жанры существования. Философия поворачивается к нам самой щедрой гранью.

Читая стихотворение за стихотворением, мы видим общий сюжет книги. Это исход из Египта, превращенный в сложное событие. Это уже не путь к Иерусалиму, а путь к странствующему Иерусалиму, который может быть в любой синагоге, в любом штетле, в благочестии или просто в

изгнанничестве и странничестве. Иерусалимом в некоторых стихах становится другой человек, а в некоторых, как в стихотворении о русских формалистах, сама свобода, свобода от предрассудков и от исторических ошибок:

Ловись, рыбка, большая и маленькая,
катись, большая волна,
соленую пену ковшом наваливай
от неба и до окна.
Ловись рыбка, входи, не спрашивая,
гуляй по веснам и снам,
все осторожное и окрашенное
называя по именам.

Ловись, рыбка – небо погожее,
зима, от твоих щедрот.
Дразни прохожего непохожего
уменьем дышать сквозь лед.
Ловись – не выбирай акваторию,
не загадывая на потом,
втискивайся между льдом и историей,
ракурсом и мостом.

Над Финским заливом зыбь оловянная,
ни дома, ни маяка.
Шальное небо, вода неожиданная,
знакомый блеск плавника. (с. 69)

Где ловится рыбка, там священное именование и позволяет учредить новый Иерусалим. Но сами формалисты, во главе со Шкловским, не сбежали на лыжах через финский залив, но должны были понять историю как смену ракурсов, как постоянную втиснутость человека между разными «параллельными рядами», параллельными литературе, между ракурсами частной и публичной жизни. Когда какая-то жизнь становится невозможной, то лёд и холод истории беспросветен, картины почернели и фотографии потускнели. Но есть «знакомый блеск плавника» – неожиданной учредительной памяти: возвращается рыба, возвращается странствие, и вернется странствие когда-нибудь в дом, в котором не зазорно знакомиться. Это и есть щедрость невозможных вещей.

Но сюжет большинства стихотворений, этого нового Иерусалима, трудно пересказать, точнее, его пересказ будет просто риторическим опытом, а не лирическим фактом. Поэтому Михайлик создает особую технику для этого сюжета, которую можно назвать воронкой зрения, когда рыба проваливается в свой глаз, память – в свою задымленность, мысль – в свою догадливость. Каждая вещь проваливается в самую пронизательную часть себя. В каком-то смысле и весь мир с его благочестием проваливается в человека, в того человека, который оказался рядом.

Поэтому вместо обычных поэтических образов, поэтизмов, вроде тени, следа, прикосновения, у Михайлик создается рискованная (хочется сказать: *невозможная*) ассоциативность. Омут близок озеру, озеро – Озерной школе, Озерная школа различает публичную и частную жизнь, а формалисты проваливаются в омут забвения. Или гибеллины созвучны с гобеленами, они обрамлены историей, а легкая вода на гобелене как вышитая, вышивка напоминает почерк, и маргиналия, почерк на полях, и оказывается твоим местом в мире.

И уже не скажешь, человек провалился в письмо, или письмо провалилось в человека – в любом случае, этому провалу в действительность настало время. А, например, рыбий глаз ки-

нокамеры позволяет сильнее показать этот провал, как в стихотворении о прапорщике Евгении Шварце (одном из любимых героев Полины Барсковой, как мы знаем, «П. Б.» и посвящено стихотворение):

Слово ползет по границам сна,
из праха в порох перетекая,
а эта гражданская война,
она не единственная такая.

На экране мир по-загробному сер,
пулемет молчит и смотрит героем.
Поперек долины сомкнутым строем –
комбинезоны ИВР.

А сказочник на это глядит
сорочьим взглядом, злым и нестарым,
не убит под Екатеринодаром
и вообще нигде не убит.

Слова текут, но тянут ко дну,
гудят, горят подземные реки,
пережить – и затосковать навеки –
женщину, страну и войну.

Он идет домой – варить волшебство –
а в небе, кривом и неаккуратном,
облака как титры плывут обратно,
туда, где не кончилось ничего. (с. 61)

Не то Багрицкий, не то Окуджава – оставим это для дальнейших исследований. Нам существенно, что здесь философия тоски, философия аффекта, работает очень щедро. Уже не только дым вспоминается, как после опыта колхоза, но события, которые не кончаются. Чем ближе к концу книги, тем щедрее философия оказывается на событийность, и *когда-нибудь* становится *когда*. Но пройти этот опыт можно только читая книгу и не пропуская ни одного стихотворения.

Кирилл ЯМЩИКОВ

ПОЕДАНИЕ ДИКОГО КАБАНА:
НАГЛЯДНО**Антон Секисов. Комната Вагинова. – М.: Букмейт, 2023.**

«Петербургский текст» Антона Секисова начинается с комнаты – и комнатой же заканчивается. Вероятно, образа полновесней наша литература ещё не придумала. Откровение водопроводного крана; литания керамической плитки. Что живого в мебели? Начиная с Достоевского и его гробовидных метафор, заканчивая Кржижановским и таинственной мазью «Квадратурин», пространства лучше так и не было придумано.

Игровой потенциал, очерчиваемый Комнатой, беспределен. В ней легче поселиться кошмару. В ней, пыльной, исчахшей мышатами и их маршрутами, больше тайн, чем во всём наружном мире. Понимая это – и ступая следом за известными фамилиями, – Секисов написал образцово петербургский текст. Точнее, аудиосериал.

Рассказывается здесь, с одной стороны, камерная гротесковская байка в духе «Неглубокой могилы» Дэнни Бойла или «Тихой семьи» Ким Чжи Уна, но рассказывается она до того последовательно, мастерски, без оглядки на устоявшиеся каноны нарратива, что кажется несколько больше своего же замысла. Хваткая экспозиция: есть человек, пленённый в доме, и есть дом – ничего об этом не подозревающий.

Основное внимание стягивает на себя, однако, не факт плена, а факт исследования – неудачливый писатель Сеня работает над книгой о забытом (едва ли теперь это так) писателе Вагинове. В процессе работы раскрываются не только карнавально-паническое прошлое самого Сени, но и нарочитая природа его соседей, всех, как один, похожих на героев «Козлиной песни» или «Гарпагоняны».

Это мир патологического накопительства – страхов, привязанностей, перверсий, всех колких деталей бытия, из которых, как прави-

ло, и составляется время. Анамнез изгойства у Секисова не отдаёт нафталином или, чего хуже, постиронией: ему в самом деле милы юроды многоквартирного дома. Сеня – до одури симпатичен: готовый персонаж. Живой, бесшабашно скромный.

«С тех пор, даже плескаясь в ванне с пеной, Сеня не чувствовал себя в безопасности. Казалось, в любой момент до кожи дотронется нечто холодное и он увидит толстое щупальце. Мгновенно обвив ногу, оно утащит его куда-то вниз, туда, где все водоемы сходятся. То же относилось и к раковине, унитазу, луже после дождя. С годами страх притупился и уже давно не напоминал о себе – до этого случая на кухне коммунальной квартиры».

«Случаев» тут взаправду много – это низка серебра, холодного и безобразного ужаса. Всё пугающее у Секисова обыденно, выхвачено из сумрака с брезгливостью привыкания; всё родное, симпатичное – ярко ровно настолько, насколько ярка лампочка Ильича, которой заменяешь её старую, мёртвую, уже ничего не освещающую двойницу.

«Всё, что совершается в Петербурге, происходит как будто не по-настоящему, как во сне», – признаётся Сергачев, один из местных элементарей. Признание это ровным счётом ничего не значит; монета в копилку контекста. Иногда возделываемая Секисовым цивилизация стиля отбрасывает прочь его же своеобычие, его же – голос, оскорблением для которого будет *сравнение-с*, отождествление или провокация: это не Крусанов, не Носов, не Вагинов.

«– Это из классификации смертей в кабале – называется “Смерть идиота”. Смерть от упавшего кирпича, сосули, куска фасада, балкона или, например, смерть на поломанном аттракционе, смерть в шахте лифта, когда оборвался трос, смерть от удара током – короче, от случайного фактора. Доказано, что ни один великий человек не погиб смертью номер семьдесят два.

– Поэт Александр Галич умер от удара током в Париже. Он включал телевизор в розетку, – сразу же вспоминает Сеня.

– Галич? Первый раз слышу эту фамилию, – пожимает плечами Артем».

Первый раз мы слышим и фамилию Вагинова – идола-менгира здешней сюжетной обязательности. Первый, потому что отбрасываем тень пристрастия, исторического соответствия – да, жил такой человек, изучал древнегреческий, писал странные, ни на что не похожие книги, – и вглядываемся в плоды его «странностей», хрестоматийное влияние.

Только сейчас – в том числе благодаря Секисову – становится ясно, насколько сильно русская литература этому человечку обязана. Целеполагание формы и содержания, утерянное в ворохе катаклизмов, в жизни после Февраля, когда любой взгляд – кроме взгляда на правду – бесполезен и вредоносен, снова возвращает нас в комнату без дверей и окон, где, кажется, и время не сдвигается с мёртвой точки, и самой мёртвой точки не существует.

Запереться, растеряться, забыться; новейшая русская литература стремительно возвращается в комнату. «Свидетельства обитания» Дениса Безносова, ставшие неотъемлемой частью модернистского вопля – по следам оставшейся там, в другой жизни, культуры; «Приехал в город (Ким Ки Дук)» Леонида Александровского – одиночная трагедия черепного театра; «Lakinsk Project» Дмитрия Гаричева, ближайшего, как мне представляется, к Секисову автора; всё это теперь живёт автономным ритуалом запирания, обращением вовнутрь, а не наружу.

«Социальные сети заполнились постановочными роликами, на которых люди в вельветовых костюмах не по размеру читают стихи, пока рядом с ними происходит нечто кошмарное. Они декламируют верлибр о стирке на фоне горящих домов и машин, на фоне людей, истекающих кровью, тонущих или залезающих в петлю. На забойных конвейерах и операционных столах, в окопах, стоя в разрытых могилах, пока их забрасывают землей».

Кажется, наиболее точной выборкой стиля, сожета здесь остаётся следующая параллель: Сеня, пишущий книгу о Вагинове, и Нина, запертая в соседней комнате. Они не знают о су-

ществовании друг друга – но питаются разлитой в воздухе каденцией, наэлектризованным отчаянием (будто и писать тщетно, и не знать чужого горя тоже).

Сеня – что-то последнее, неумолимо устаревашее; ветви литературного дерева, питающиеся скорбным бесчувствием. Нина, в свою очередь, не только преодолевает ужас – всамделишный, конкретный! – но и возвращается к правде жизни, уходит из комнаты за новым смыслом: *преподаванием*. Её финал написан с авансом – который Секисов будто бы не хочет, но вынужден дать действительности.

Остаётся «комната Вагинова», лишённая топографической честности, и ушедший в неё Сеня, склонность к гуманитарности которого «стала восприниматься семьёй как досадная, но безобидная патология». Ключ в замке провёрнут; конфидентом – глухая тишь. Не хочется, чтобы новейшая русская литература, так жалостливо себя пересобирающая, осталась в комнате навсегда – и выросла в стены, забыв о собственных очертаниях; ведь есть смыслы, есть правда, которая больно бьёт, но исцеляет и учит.

Принимаясь за эксперимент отчётливой необязательности, Антон Секисов написал диффузионное сегодня: жизнь, в которой антиквариат подменяет смелость, в которой писатель Вагинов – чудо, фантазм литературы, – становится не только актуальным (sic!), но и обязательным к прочтению. Мир, дробящийся на Тепёлкиных, Свистоновых, Жулонбиных, хочет выпить пыли и захлебнуться; правда не позволяет миру этого сделать.

Вне сути, конечно, это по-прежнему «петербургский текст» и ловкая стилизация – хорошая книга, которая была бы уместна и до февраля, и вовсе без него. Ключевые метафоры сохранены, лишены назидательной уместности; в конце концов, тут бывает смешно и даже уморительно. Антон Секисов – по-гоголевски болезненный комедиант, и в смехе его столько живого, афористично первобытного, сколько не найти в кисельных плачах разобщённой и утерявшей себя литературы. Быть может, так и надо? Быть может, стоит хотя бы раз забыть о комнате – и вспомнить о том, что ей предшествоует?

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2023 ГОД

ПОЭЗИЯ

- Богдан Агрис.** «как разговорится наемдни...» *и др.* № 3-4. С. 181
Саша Андер. Строгая длительность и... № 11-12. С. 139
Андраник Антонян. Туманные острова фавнов. № 1-2. С. 181
Михаил Бордуновский. Кольца Сатурна. № 11-12. С. 3
Дмитрий Волковой. Три стихотворения о вечной памяти. № 1-2. С. 166
Владимир Гандельсман. Харьковская трилогия. № 7-8. С. 3
Ирма Гендернис. Скоро Африка. № 5-6. С. 112
Татьяна Грауз. Песни Ырь. № 7-8. С. 178
Павел Гринберг. Всеслабый свет. № 5-6. С. 149
Юрий Гудумак. Знаки ясного сезона. № 5-6. С. 125
Олег Дозмор. «Над приемным покоем всходила звезда...» *и др.* № 11-12. С. 63
Любовь Колесник. «Бабушка просила: “Поедешь в лес...”» *и др.* № 3-4. С. 173
Алексей Колесниченко. «занятие для бессонницы...» *и др.* № 11-12. С. 121
Борис Лихтенфельд. «Перечитывая Булгакова» *и др.* № 9-10. С. 3
Герман Лукомников. Новые стихи. № 1-2. С. 148
Люба Макаревская. «Что мы знаем...» *и др.* № 5-6. С. 53
Александр Макаров-Кротков. Заведомо ложная и другие. № 11-12. С. 144
Ян Махонин. «ускользающий от нас смысл...» *и др.* № 3-4. С. 155
Дарья Мезенцева. «На дне» *и др.* № 9-10. С. 127
Елена Михайлик. «Мандельштам был рассеян и всех постоянно путал...» *и др.* № 3-4. С. 3
Андрей Пермяков. «Помянем» *и др.* № 7-8. С. 161
Сергей Попов. Дальний район. № 9-10. С. 161
Юрий Проскуряков. «ты берцы отроешь на месте сухом на холме...» *и др.* № 1-2. С. 90
Андрей Сен-Сеньков. Подбородки полей, из которых построены пчелиные улья. № 5-6. С. 3
Антон Симоненко. Очерченные глиной. № 3-4. С. 201
Екатерина Симонова. Слово такое хрупкое. № 11-12. С. 71
Сергей Слепухин. «Из Гёльдерлина» *и др.* № 3-4. С. 191
Дмитрий Смагин. Одинокая печень в морозильной камере. № 5-6. С. 100
Евгений Стрелков. «Тонкие белые линии вдоль обрыва...» *и др.* № 9-10. С. 172
Анна Тарасова. «Ящери» *и др.* № 9-10. С. 183
Андрей Торопов. «Запомни меня молодым и красивым...» *и др.* № 1-2. С. 3
Данил Файзов. Всё сбылось. № 7-8. С. 136
Максим Хатов. Посвящения. № 7-8. С. 175
Олег Шатыбелко. Бог это Розенкранц и Гильденстерн. № 9-10. С. 197
Татьяна Щербина. «Сидят под камнем и нервничают...» *и др.* № 7-8. С. 103

ПРОЗА

- Пётр Абраменко.** Скрип. *Повесть.* № 9-10. С. 137
Каринэ Арутюнова. Оскар Циферблат. На расстоянии ладони. *Рассказы.* № 1-2. С. 94
Виталий Аширов. Заусеница. *Повесть.* № 1-2. С. 124
Михаил Бару. Отряд космонавтов. *Рассказ.* № 9-10. С. 177
Даниил Бендицкий. Берег левый, берег правый. *Рассказ.* № 11-12. С. 117
Мила Борн. Слово. *Рассказ.* № 7-8. С. 182

- Анатолий Бузулукский.** Изгнание земное. *Стихотворения в прозе.* № 5-6. С. 132
- Ксения Голубович.** Русская дочь английского писателя. *Реквием в стиле У.Б. Йейтса.* № 3-4. С. 10
- Владимир Гуга.** Жизнь удалась! *Рассказы.* № 7-8. С. 187
- Евгений Долматович.** Рассказ о дружбе, любви и литературе. № 11-12. С. 132
- Сергей Зельдин.** «Меценат» и др. рассказы. № 1-2. С. 160
- Юрий Китаев.** Жалобная книга. *Проба пера.* № 5-6. С. 120
- Алексей Колесников.** Канун. *Рассказ.* № 9-10. С. 90
- Павел Кошелев.** Пубертат земноводных. *Повесть.* № 5-6. С. 8
- Дмитрий Лагутин.** Обед. *Рассказ.* № 5-6. С. 106
- Борис Лейбов.** Не сестра Майкла. *Рассказ.* № 1-2. С. 184
- Александр Ливенцов.** Лето накануне зимы. *Посюсторонняя повесть.* № 5-6. С. 62
- Иван Макаров.** Март. *Рассказ.* № 5-6. С. 158; Татарин. *Рассказ потерявшегося человека.* № 11-12. С. 129
- Игорь Масленников.** Землянка. Ротвейлер. *Рассказы.* № 3-4. С. 196
- Рафаэль Мовсесян.** Под кривой водой. *Роман.* № 7-8. С. 13
- Улья Нова.** Бабушкин сад. Горсть лепестков и листьев. *Рассказ.* № 1-2. С. 169
- Михаил Окунь.** Ключи. *Рассказ.* № 3-4. С. 187
- Юрий Серебрянский.** Бася. *Повесть.* № 7-8. С. 109
- Евгения Скобина.** Коптилка. *Повесть.* № 7-8. С. 147
- Андрей Тавров.** Гимназистка. *Афоризмы.* № 11-12. С. 73
- Михаил Токарев.** Плохие мальчики попадают в Сибирь. *Роман.* № 1-2. С. 7; Хрущёвка нашей любви. *Роман.* № 9-10. С. 10
- Владимир Тренин.** Защитник. *Рассказ.* № 7-8. С. 170
- Вадим Ярмолинец.** Зайчик. Идиот. *Рассказы.* № 3-4. С. 167; Столярный переулок, дом 13. *Повесть.* № 11-12. С. 7

ДРАМАТУРГИЯ

Софья Суркова. Вымышленная биография Маргерит Дюрас. № 11-12. С. 148

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Александр Ожиганов** (1944–2019). Из книги «Треножник». Публикация, вступление **Светланы Варкан-Ожигановой.** № 3-4. С. 206
- Саша Попов** (1949–1995). Придверие. Пьеса в 2-х действиях. Публикация, подготовка текста, вступление **Германа Лукомникова.** № 7-8. С. 194

ИСТОРИЯ СТРАНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Йозеф Мнехура. Разведчики у Казани. *Перевод с чешского и предисловие Сергея Солоуха.* № 11-12. С. 171

ПЕРЕВОД

- Элизабет Бишоп** (1911–1979). Два стихотворения. *Перевод Ирины Машинской.* № 1-2. С. 194; **Ирина Машинская.** An Elizabeth: метод, остров, архипелаг. № 1-2. С. 188
- Эсхил.** Персы (стихи 176–531). Вступление, перевод, комментарий **Григория Стариковского.** № 11-12. С. 155

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Ведение и веды. № 1-2. С. 201; Запятая-20. В русском жанре-80. № 9-10. С. 201; Лёва. № 11-12. С. 252

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Сергей Костырко. Ветхозаветный Иисус. № 9-10. С. 207

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. «Не имеющий известности». № 3-4. С. 229; *Продолжение.* № 5-6. С. 160; *Окончание.* № 7-8. С. 214

ВОСПОМИНАНИЯ

Сергей Боровиков. Борода. № 3-4. С. 226

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Татьяна Грауз. Айги – Мандельштам: «...будет иное отныне – пространство-и-тело Поэзии...» (разрозненные заметки на пороге зимы). № 1-2. С. 205

Олег Лекманов. «Нам» и «нас» в стихотворении Бродского «На независимость Украины». № 5-6. С. 197

Александр Марков. Война и мир двух новых книг. О кн.: *Денис Безносов. Свидетельства обитания: Роман; Алла Горбунова. Ваша жестянка сломалась: [повесть].* № 7-8. С. 245; *Переворот мотивов. О кн.: Елена Костылева. Cosmopolitan; Варвара Недеогло. Русские девочки кончают свободной землёй; Ростислав Ярцев. Свалка: стихотворения и поэмы.* № 9-10. С. 276; *Материя контрапункта. О кн.: Алла Гутникова. рыба по имени ривка; Полина Барскова. Соскреб; Елена Михайлик. Не с той стороны земли.* № 11-12. С. 258

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Петр Казарновский. Наблюдения над «пожизненным» циклом С. В. Петрова «Mir Zug Feier». № 9-10. С. 266

ИНТЕРВЬЮ

Встречное движение. **Владимир Аристов** о первых публикациях, метареализме, Алексее Парщикове, Елизавете Мнацакановой и молодой поэзии. Беседовал **Владимир Коркунов.** № 1-2. С. 212

«Дранные» стихи самоорганизуются в речь. **Канат Омар** о языковой самоидентификации, петербургских литературных встречах, поэтах Казахстана и поэме «Зрачок замёрзшей». Беседовал **Владимир Коркунов.** № 5-6. С. 203

Драма и двигатель искусства. **Виталий Лехциер** о вестнике современного искусства «Цирк “Олимп”+TV», феноменологии, личных поэтических траекториях и опыте хронических болезней. Беседовал **Владимир Коркунов.** № 5-6. С. 214

Цифровой кочевник. **Юрий Серебрянский** о языковой идентичности, маршрутах жизни и прозы, литературной учёбе и месте казахстанской литературы. Беседовал **Владимир Коркунов** № 7-8. С. 251

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Ольга Балла. В начале памяти. К выходу книги: О поэзии Василия Бородина: эссе и исследования. № 1-2. С. 219

Михаил Бару – Ольга Балла-Гертман. Электроны маленьких городков. К выходу книги: Михаил Бару. Скатерть английской королевы. № 5-6. С. 189

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей Боровиков. Светлый луч. О кн.: Сергей Чупринин. Оттепель: Действующие лица. № 7-8. С. 258

Борис Кутенков. Человеческое, в меру человеческое. О кн.: Сергей Костырко. Критика – 2. № 1-2. С. 222; Усердным сердцем посреди. О кн.: Ростислав Ярцев. Свалка: стихотворения и поэмы. № 9-10. С. 288

Александр Марков. К действительному единению. О кн.: София Камилл. Мы были богинями. № 1-2. С. 226; Очищение первых и вторых чувств. О кн.: Алексей Порвин. Радость наша Сесиль. № 3-4. С. 262; Субъекты русской литературы у себя в городе. О кн.: Ольга Седакова. О русской словесности. От Александра Пушкина до Юза Алешковского. № 5-6. С. 227

Исмаил Мустапаев. Под прицелом тысяч ваших фраз. О кн.: Уйти. Остаться. Жить. Антология литературных чтений «Они ушли. Они остались». Том III. № 1-2. С. 230

Андрей Пермяков. «Этически рискованное мероприятие». О кн.: Аня Герасимова (Умка). Кирпич на кирпич. Дневники 1980-х. № 3-4. С. 255

Юлия Подлубнова. Рай для всех. О творчестве Евгении Некрасовой от «Калечины-Малечины» до «Золотинки». № 9-10. С. 284

Николай Подосокорский. Фантазии о будущем: от Тихого дома к Чистой комнате. О кн.: Новое Будущее / Составитель Сергей Шикарев. № 3-4. С. 253

Елена Соловьёва. «Антропология противостояния катастрофе». О кн.: Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. № 7-8. С. 260

Ольга Туркина. Органная музыка тростника. О кн.: Владимир Коркунов. Тростник на изнанке земли. № 3-4. С. 265

Кирилл Ямщиков. Поедание дикого кабана: наглядно. О кн.: Антон Секисов. Комната Вагинова. № 11-12. С. 266

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Алексей Голицын. Художник Николай Мамонтов. Советская действительность сквозь черные очки. № 5-6. С. 232

АРХИВ

Алексей Голицын. Герхард Завацкий, несостоявшийся классик из немцев Поволжья. № 9-10. С. 223

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 18 декабря 2023 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.